

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА КОРНИЕНКО
Кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории Воронежского государственного педагогического университета. Автор публикаций, посвященных главным образом культовому строительству и социальной организации поселений Месопотамии в предгосударственную эпоху (VIII – начало IV тыс. до н.э.).

Исследуется вопрос происхождения древнейшей храмовой архитектуры Месопотамии. Основной предмет изучения – формирование традиции культового строительства на территории Двуречья в дописьменную эпоху. Определены условия и предпосылки появления первых общественных строений культового назначения в Месопотамии; выявлены отличия в технике строительства, оформлении и функционировании сакральных сооружений различных раннеземледельческих культур региона; рассмотрена динамика развития культовой архитектуры VIII – первой половины IV тыс. до н. э.; сопоставлены характеристики религиозного строительства дописьменного периода и ранних этапов «исторической» эпохи. Монография создавалась на основе значительного арсенала археологических данных, в том числе полученных в ходе недавних раскопок, с учетом особенностей социального и исторического развития региона в отмеченный период.

Алетейя

Т. В. КОРНИЕНКО ПЕРВЫЕ ХРАМЫ МЕСОПОТАМИИ

Т. В. КОРНИЕНКО

ПЕРВЫЕ ХРАМЫ МЕСОПОТАМИИ

Алетейя

РУКОВОДСТВА ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ

ИСТОРИЧЕСКАЯ КНИГА

TATYANA KORNIENKO

THE FIRST TEMPLES OF MESOPOTAMIA

Forming the tradition of
cult construction in
prehistoric Mesopotamia

St. Petersburg
ALETHEIA
2006

Т. В. КОРНИЕНКО

ПЕРВЫЕ ХРАМЫ МЕСОПОТАМИИ

Формирование традиции
культового строительства
на территории Месопотамии
в дописьменную эпоху

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2006

УДК 726.12(358)
ББК 85.113(0)
К67

Ответственный редактор
доктор исторических наук, г.н.с. Института археологии РАН
Н. Я. Мерперт

Рецензенты:
кандидат исторических наук, с. н. с. Института археологии РАН
Ш. Н. Амиров,
кандидат исторических наук, с. н. с. Института всеобщей истории РАН
А. А. Немировский

Корниенко Т. В.
К67 Первые храмы Месопотамии. Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху / Т. В. Корниенко ; отв. ред. Н. Я. Мерперт. — СПб. : Алетейя, 2006. — 312 с., ил. — (Серия «Руководства по востоковедению»).
ISBN 5-89329-863-2

Исследуется вопрос происхождения древнейшей храмовой архитектуры Месопотамии. Основной предмет изучения — формирование традиции культового строительства на территории Двуречья в дописьменную эпоху. Определены условия и предпосылки появления первых общественных строений культового назначения в Месопотамии; выявлены отличия в технике строительства, оформлении и функционировании сакральных сооружений различных раннеземледельческих культур региона; рассмотрена динамика развития культовой архитектуры VIII — первой половины IV тыс. до н. э.; сопоставлены характеристики религиозного строительства дописьменного периода и ранних этапов «исторической» эпохи. Монография создавалась на основе значительного арсенала археологических данных, в том числе полученных в ходе недавних раскопок, с учетом особенностей социального и исторического развития региона в отмеченный период.

УДК 726.12(358)
ББК 85.113(0)

ISBN 5-89329-863-2

Светлой памяти
Василия Михайловича Чистякова
посвящаю

ВВЕДЕНИЕ

Развитие духовной культуры и, прежде всего, религиозных представлений сыграло значительную роль в процессе формирования древнейших цивилизаций Старого и Нового Света. Данное положение в полной мере относится к общепризнанной «колыбели человечества» — Месопотамии. Здесь памятники материальной культуры, документирующие это развитие, представлены достаточно широко культовой архитектурой. Строительство монументальных храмов отмечается всеми специалистами как одна из самых ярких характерных черт, определяющих облик древнемесопотамского общества. Особо подчеркивается, что на территории Двуречья, уже с самого раннего времени храм и его хозяйство играли центральную экономическую, политическую и идеологическую роль (Falkenstein, 1974, p. 10; Оппенхейм, 1980, с. 94–109; Makkay, 1983, p. 3; ИДВ, 1983, с. 132; Кленгель-Бранд, 1991, с. 35; Ламберг-Карловски, Саблов, 1992, с. 44–145; Сайко, 1996, с. 24–25; Мунчаев, Мерперт, 1997, с. 24–25; Гуляев, 1999, с. 102 и др.). Поэтому закономерно то большое внимание, которое уделяют исследователи изучению различных аспектов существования храмовой организации Древней Месопотамии.

В частности, ранняя культовая архитектура, включающая сооружения дописьменных, позднеурукского и раннединастических периодов, является одной из важнейших областей исследования в археологии Двуречья.

В Месопотамии археологические изыскания развивались ретроспективно, постепенно затрагивая все более древние культурные пласты. Заслуга введения в практику систематических раскопочных работ и приемов фиксации материала, в первую очередь архитектурных остатков, принадлежит двум немецким ученым — Р. Кольдвею и В. Андре, которые начали свою работу в Вавилоне в 1899 г. Они изобрели и быстро усовершенствовали метод прослеживания кирпичных оснований стен, что давало возможность выявлять древние здания и оборонительные сооружения с большой точностью. Кроме того, В. Андре, перенесший с 1903 г. свою деятельность в столицу древней Ассирии

Ашшур, исследуя несколько раз перестраивавшийся храм, освоил искусство «стратифицированных», послойных раскопок. И этот новый метод дал ученым ключ к эффективному изучению любых памятников Двуречья. В 30-х гг. XX в., когда в Ирак начали прибывать профессиональные археологи из разных стран, они быстро переняли и весьма плодотворно использовали методику, разработанную немцами (Ллойд, 1984, с. 4–5). С годами методы полевого исследования памятников Месопотамии дорабатывались, продолжают они совершенствоваться и в настоящее время, что дает возможность получать качественные результаты, в том числе при раскопках древнейших бесписьменных поселений региона.

Уже отмечалось, что изучение истории первых городов Двуречья непосредственно связано с исследованием эволюции храмовой организации Древней Месопотамии. Для документации этого процесса достаточно выразительными явились свидетельства сакральной архитектуры соответствующих слоев многочисленных и широко известных уже памятников Ирака и Сирии. В Ираке, прежде всего, следует назвать Эреду, Урук, Ур, Киш, Ниппур, Телль Убейд, Лагаш, Гирсу, Фара-Шуруппак, Тепе Гавру, поселения долины Диялы — Хафаджа, Телль Аграб, Телль Асмар и другие. Для Сирии отметим Мари, Телль Брак, Чагар-Базар, Хабубу Кабиру, Джебель Аруду, Телль Хазну I. Раскопки всех этих весьма информативных памятников получили достаточно детальное освещение в опубликованных отчетах и предварительных сообщениях. В ряде случаев именно древнейшие культовые сооружения стали объектами специальных монографических исследований (Delougaz, 1940; Lenzen, 1941; Parrot, 1956; Мунчаев и др., 2004), что вполне закономерно, поскольку такие материалы показательны как для освещения социальных аспектов, так и для суждений об основных этапах развития архитектуры, определения ее канонов в архаической Месопотамии. Данные большинства известных объектов сакральной архитектуры месопотамского и сирийского ареалов суммированы в ряде обобщающих исследований (Heinrich, 1957; 1982; Aurenche, 1981, 1982; Tunca, 1984; Sievertsen, 1998; Forest, 1999 и др.).

Между тем, наряду с монументальными сооружениями древнейших шумерских городов и столиц ассирийских царей «скромные» раннеземледельческие памятники Месопотамии уже несколько десятилетий привлекают внимание археологов Ближнего Востока. Так, общим результатом исследований остатков убейдских поселений, которые были обнаружены в Эреду, Уруке, Тепе Гавре и некоторых других древнемесопотамских центрах, стало открытие материальных доказательств существования храмового строительства уже в дописьменную эпоху. Более того, полученные свидетельства документировали тот факт, что к концу периода Убейд на севере и на юге Месопотамии формируется единый тип культового строительства, где закрепляются определенные принципы, ставшие традиционными для почти всей последующей религиозной архитектуры Двуречья.

Впервые предположение о функционировании культовых построек в дописьменную эпоху было высказано еще в 40-х гг. прошлого века выдающимся немецким археологом Г. Ленценом, рассматривавшим эволюцию религиозной архитектуры Двуречья от ее появления до конца III тысячелетия до н. э. (Lenzen, 1941, 1955). Однако знакомство с научной литературой показывает, что на сегодняшний день изучение специальных построек, в которых по преимуществу или исключительно осуществлялись обрядовые действия на территории раннеземледельческих поселений Месопотамии, не имеет такой прочной традиции, как исследования культовой архитектуры более поздних периодов (урукского, раннединастического и последующих). Отсутствие письменных источников, а так же определения чётко фиксируемых признаков сакрального строительства для «доисторического» периода развития Двуречья делает крайне затруднительной окончательную интерпретацию подобных объектов. Данное положение, как и незначительное, на первый взгляд, количество археологических материалов по интересующей нас теме, объясняет в какой-то мере тот факт, что бесспорно важный вопрос о времени, обстоятельствах и особенностях формирования традиции строительства специальных культовых сооружений на территории Месопотамии до сих пор остается одним из менее разработанных среди проблем, связанных с изучением ранней религизной архитектуры Двуречья.

Говоря об историографии вопроса, необходимо отметить основные работы, в которых обозначенная проблема так или иначе затрагивалась. К первой группе публикаций можно отнести обобщающие труды по истории и археологии Древнего Востока и конкретно Двуречья (см. напр.: Mellaart, 1975; 1994; ИДВ, 1983; Ллойд, 1984; Ламберг-Карловски, Саблов, 1992; Антонова, 1998; Мерперт, 2000). В них рубежом появления храмовой архитектуры в Месопотамии большинство исследователей определяют эпоху Убейд, отмечая при этом известные единичные примеры функционирования построек, вероятно, сакрального назначения и на более ранних земледельческих поселениях.

Издания следующих авторов рассматривают древнейшие культовые сооружения Месопотамии среди других составляющих серии материальных свидетельств духовной культуры первобытного человека (Oates, 1978; Антонова, 1984; 1990; Cauvin, 1994; Зубов, 1997 и др.).

Так, Дж. Отс в небольшой статье «Религия и ритуал в Месопотамии VI тысячелетия до н. э.» (1978), указывая на бедность соответствующих свидетельств отмеченного периода, ограничивающихся статуэтками, погребениями и ничтожными сведениями об обрядовых сооружениях, вместе с тем дает довольно подробный их обзор на момент публикации работы.

В книге Е. В. Антоновой «Обряды и верования первобытных земледельцев Востока» (1990) наиболее полно на русском языке представлены интересующие нас материалы, известные ко времени написания монографии. На протяжении всей работы автор последовательно про-

водит мысль о том, что доминирующим в эпоху неолита был культ предков, который с распространением производственной практики получил новый импульс для своего развития. По мнению исследовательницы, именно родовые, семейные святилища, где поклонялись предкам, покровителям и защитникам большой семьи или рода, явились предшественниками общественных храмов «исторического» времени. Вместе с тем Елена Вадимовна считает, что в «культурах первобытных земледельцев нельзя отрицать возможности существования специальных общественных построек, где обитатели всего поселения отправляли обряды» (Антонова, 1990, с. 210–227).

В 1994 г. вышла в свет монография известного французского археолога Ж. Ковена «Рождение божеств. Возникновение сельского хозяйства. Революция символов в неолите», в которой он, опираясь на многочисленные археологические данные, представляет свою оценку глобальных культурных трансформаций ближневосточного региона в переходный период от присваивающего хозяйства к производящему. Среди прочих вопросов автор подробно останавливается на проблеме соотношения таких понятий, как «храм» и «святилище», посвящает отдельную главу рассмотрению проблемы существования древнейших общественных построек культового назначения на поселениях докерамического неолита (Cauvin, 1994).

Оригинальная и интересная гипотеза Ж. Ковена относительно перехода к земледелию была воспринята и дополнена отечественным специалистом по истории религий А. Б. Зубовым. Согласно взглядам этих исследователей, не изменения в основе экономической системы привели к переменам в духовной среде, сознании и мировосприятии людей, а, напротив, сакральный фактор, ритуальное взаимодействие человека с растительным миром и новый характер его осмысления в значительной мере определили принципиальные изменения в хозяйстве и саму его стратегию. Относительно эволюции храмового строительства А. Б. Зубов полагает, что характерное для раннего неолита доминирование домашнего родового святилища при наличии в поселении и специального храма, замещается в середине VII–VI тысячелетии до н. э. своеобразными религиозными центрами, существующими в окружении сельской периферии, почти лишенной предметов определенного культового назначения. Впоследствии, в IV тысячелетии до н. э., эти «священные поселения» становятся центрами древнейших городов, а находящиеся там святилища преображаются в храмы (Зубов, 1997, с. 100–101, 126, 130–131).

Помимо названных публикаций, ученые неоднократно обращались к вопросу появления храмов, исследуя ранние этапы эволюции строительного дела или непосредственно религиозного строительства Древней Месопотамии и сопредельных территорий (Lenzen, 1941; 1955; Aurenche, 1981; 1982; Aurenche, Calley, 1988; Heinrich, 1982; Tunca, 1984; Кленгель-Бранд, 1991; Sievertsen, 1998; Schmidt, 1998; Forest, 1987; 1999 и др.). Отдельные положения этих авторов в дальнейшем будут затрагиваться нами в соответствующих главах представляемой работы.

Следует отметить, что в настоящее время весьма остро проявляется тенденция неоднозначного подхода к вопросам, связанным с изучением ранних этапов развития культовой архитектуры Двуречья. Так, отдельные представители французской школы во многом отвергают устоявшиеся в данной области исследования выводы, предлагая новый взгляд на прочтение известных памятников. В частности, О. Оранж, приводя ряд доводов, склонен отрицать значение «протохрамов» для давно признанных таковыми построек Эреду в слоях XVII–XV (период Убейд 1–2) (Aurenche, 1982, p. 239, 247). Более того, он призывает всех археологов Ближнего Востока в целях осторожности и достоверности при рассмотрении архитектуры убейдского и урукского времени использовать термин «престижное строение», не предусматривающий точного определения функций выдающихся сооружений, до тех пор пока новые открытия не прояснят картины. Признавая, что в ту эпоху действительно существовали здания, отчетливо выделяющиеся из общего поселенческого контекста, ученый говорит об их вероятной полифункциональности и считает, что «престижные строения» явились непосредственными предшественниками как дворцов, так и храмов Двуречья. Исходя из несомненной важности и слабой изученности проблемы, О. Оранж выступает с призывом к своим коллегам — археологам-ближневосточникам — обратить особое внимание на рассмотрение вопросов «предыстории» дворцово-храмового строительства в Древней Месопотамии (Aurenche, 1982, p. 253–257).

Другой французский исследователь, Ж.-Д.Форест, считает, что храмы возникают только в сложных обществах Двуречья на стадиях Урук и раннединастической, полагая при этом, что большинство месопотамских сооружений указанного периода, рассматриваемых обычно как храмы (в том числе в Уруке и в районе Диялы), таковыми не являлись по причине своих больших размеров. По его мнению, основанному лишь на теоретических рассуждениях, храм должен был представлять в ту эпоху здание средних размеров, изолированное от остальной части города и недоступное для широких масс (Forest, 1999, p. 1–3).

Между тем, получившие в последнее время известность исследования памятников докерамического неолита на территории Северной Сирии и особенно в Юго-Восточной Турции, дают весьма выразительные сведения о функционировании уже в тот период общественных зданий специально культового назначения (Schirmer, 1983; 1990; Брейдвуд, Чембел, 1984; Hauptmann, 1993, 1999, 2002; Stordeur, 1998, 1999; Özdoğan A., 1999; LNFC, 2000; Stordeur et al., 2001; Schmidt, 2001; Bischoff, 2002 и др.). Эти постройки по многим своим характеристикам выдерживают известные критерии выявления храмовых сооружений. Прослеживаются истоки и соответствующие этапы в формировании общих принципов возведения подобных строений на ранненеолитических поселениях PPNA и PPNB времени в интересующем нас регионе (Корниенко, 2002; 2004).

В целом, активные полевые работы последних десятилетий как на юге, так и на севере Двуречья обусловили сравнительно быстрое расширение базы данных рассматриваемой проблематики, ее пространственных, временных и тематических рамок. Публикуются аналитические отчеты, статьи, а также монографии о раскопках древнейших городов и поселков, в большинстве своем возникавших и развивавшихся вокруг святилищ. Тем не менее, до сих пор проблема формирования традиции культового строительства в дописьменный период развития Месопотамии не являлась предметом специального исследования. И цель настоящей работы — восполнить в некоторой степени этот пробел и тем самым способствовать более полному изучению ранней культовой архитектуры Двуречья.

Под храмом в наши дни, как правило, понимают специально построенное здание, посвященное какому-либо божеству или божествам, являющееся местом хранения культового инвентаря, священных текстов, проведения ритуальных церемоний, совершения коллективных обрядов, других собраний верующих. Храмы развитых религий — преемники и наследники архаичных святилищ, в ряде случаев намеренно воздвигнутые в точках их расположения.

Понятие «святилище» шире понятия «храм», хотя иногда их значения совпадают. В широком смысле святилище обозначает ограниченное священное пространство. Оно может само находиться в помещении, представляя наиболее сакрализированную часть дома или храма («святая святых»); может включать в свои границы как один, так и несколько храмов, образующих целый архитектурный комплекс (теменос); может вообще не быть связанным с архитектурными конструкциями (священные рощи, ручьи, камни, пещеры и пр.).

Общей особенностью, характерной для всех неолитических и постнеолитических архитектурно оформленных святилищ, независимо от их размеров и места, является непосредственная связь с образом родового жилища, который переосмысляется в соответствии с потребностями культа и возможностями самой древнейшей конструкции, существующей и развивающейся в определенных природно-исторических условиях на основе конкретных материалов. С образом древнего жилища, его конфигурацией соотносятся и типы некоторых погребальных сооружений, и типы так называемых дворцовых построек, предназначенных для обожествляемого вождя или правителя, который всегда сохранял определенные сакральные функции. И все-таки, подчеркивает Н. М. Никулина, именно святилище обнаруживает самую большую и самую глубокую связь с родовым жилищем, что вполне объяснимо и отражается всеми древними языками. Архаичный храм — прямой наследник родового святилища — повсюду понимается как жилище божества (Никулина, 1996, с. 103–104).

И. М. Дьяконов полагал, что храмы и храмовые хозяйства возникли задолго до сложения общественно-экономических классов (ИДВ, 1983, с. 148–149), подобного мнения придерживался также Ж. Ковен

(Couvin, 1994, p. 158–160). Современное состояние археологических источников, на наш взгляд, может подтвердить эту точку зрения.

Понятие «храм» предполагает уже не только связь с монументализированным родовым жилищем, но и многие другие показатели. Храм — это вполне сложившийся во всех своих основных частях тип культового сооружения и определенный архитектурно-пластический образ, имеющий исключительно важное символическое значение. Храм — энергетический очаг в жизни долговременного поселения. Он является эпицентром духовной жизни общества, а также организующим началом в сложении окружающего архитектурного ансамбля. Храм — это четко выраженная структура, имеющая некий космогонический смысл; определившаяся со временем последовательность и взаимосвязь частей, объясняемая религиозным мировоззрением того или иного народа и конкретной строительной традицией данной территории. Храм — это и дом божества, и аббревиатура того символического пути, который человек проходит, постигая божественную мудрость и благодать, это место соединения миров (земного и потустороннего), где безгранично ограниченное архитектурными средствами пространство и безмерно сокращенное искусственными интервалами время. С точки зрения культурологов XX в., храм — это ирреальный, символический образ, созданный реальными средствами архитектуры и изобразительного искусства (Никулина, 1996; Элиаде, 2000; Кэмпбелл, 2002).

Каким образом воспринимался архаичный храм в сознании его создателей, можно попытаться понять, обратившись к письменным источникам. Слова **e_2** (по-шумерски) и **b̂itum** (по-аккадски), имея первоначальное значение «дом», служили также для обозначения храма. Известный шумеролог Т. Якобсен пишет: «Слово это предполагает не только наличие у божественного владельца эмоциональной привязанности к своему обиталищу, которая существует между человеком и его жилищем, но и, сверх того, наличие сущностной аналогии, близкой скорее тождественному воплощению, нежели простому соположению в пространстве. В определенном смысле храм — не менее чем, ритуальное действо и культовое изображение, — являлся воплощением образа той силы, вместилищем которой, как предполагалось, он служит». Т. Якобсен определяет культовую драму, создание соответствующих изображений божеств, религиозную литературу и строительство храмов как наиболее существенные попытки заручиться присутствием божества, обеспечить ему место обитания (Якобсен, 1995, с. 24–30).

При изучении письменных источников, как отмечают лингвисты, только контекст повествования позволяет сделать различие между двумя возможными значениями: дом — жилище человека, дом — обиталище божества, т. е. храм. И в большинстве случаев контекст не допускает двусмысленности в толковании. В археологии проблема ставится несколько иначе: речь идет о выделении среди археологических свидетельств остатков сооружений, которые имели в эпоху их функционирования сакральное значение. Эта идентификация основывается на различных

признаках, которые, однако, не всегда являются столь определяющими, особенно для древнейших периодов, как контекстуальные элементы в письменных источниках. Как правило, архаичные культовые сооружения уже отличались от ординарных жилых построек размерами, иногда строительным материалом, местом расположения на поселении, планировкой, специальным оформлением, внутренним убранством, заполнением помещений, следами совершения культовых действий. Часто такие сооружения возводились в течение долгого времени на одном и том же месте, что хорошо фиксируется археологическим путем.

В соответствии с поставленной целью, источниковой базой настоящего исследования стали материалы археологических отчетов и публикаций о раскопках на территории Месопотамии раннеземледельческих поселений конца IX – первой половины IV тысячелетия до н. э. Обозначенный хронологический отрезок представляет самостоятельный этап в истории развития древнемесопотамского общества: начиная со времени становления раннеземледельческих поселений до появления первых городов-государств Двуречья. Термин «Месопотамия» используется нами в широком значении этого слова, с полным включением северных территорий, что соответствует задачам исследования, а также историко-географическим реалиям региона. Учитывая пространственно-временные рамки, для подробного анализа были отобраны данные 24 памятников, документация которых свидетельствует об осуществлении культовых действий в пределах неординарных построек. Степень и характер информативности материала весьма неоднородны, что связано, прежде всего, с использованием авторами раскопок конкретных методик обнаружения и фиксации данных, с объемом проводимых полевых исследований, а также с качеством самих работ и публикаций.

По ходу осуществления данного проекта были сформулированы и рассмотрены следующие задачи:

– выявление условий и предпосылок формирования традиции культового строительства в Древней Месопотамии;

– систематизация и определение хронологического положения материала в соотношении со стратиграфией и типологией памятников;

– выделение общих признаков, характерных для зданий культового назначения в конкретных раннеземледельческих культурах Месопотамии;

– проведение сравнительного анализа имеющихся источников при использовании свидетельств как более поздних «письменных» периодов развития религиозной архитектуры Двуречья, так и синхронных памятников культового строительства соседних областей; в итоге — выявление этапов и особенностей формирования традиции строительства специальных культовых сооружений на территории Месопотамии;

– сопоставление полученной информации с историческим контекстом, в частности, с результатами предыдущих исследований социального развития дописьменного Двуречья.

Ключевым в настоящей работе стал системный подход для восприятия исследуемых данных как археологических свидетельств единой системы обществ раннеземледельческих культур Двуречья и еще шире – Ближневосточного региона в целом. Именно в рамках этой системы при многоплановом и сложном взаимодействии конкретных групп населения возникали условия и предпосылки для осуществления реального перехода древнемесопотамского общества на исторически новую ступень социального развития, ступень цивилизации, когда монументальное храмовое строительство явилось одной из ее определяющих черт.

Целесообразным, с нашей точки зрения, помимо рассмотрения непосредственно материалов, фиксирующих существование предполагаемых культовых строений, представляется подробное привлечение различных дополнительных данных об исследуемых памятниках, особенно об их архитектуре и поселенческой структуре. В условиях отсутствия письменных источников только весь комплекс материальных свидетельств может дать удовлетворительную информацию для определения функционального назначения неординарных построек на поселении.

Неравномерность археологического изучения региона в рамках рассматриваемого периода, различная степень информативности памятников, сам характер имеющихся источников исключили возможность использования широко применяемых в современной археологии строго статистических методов исследования. В нашем случае как наиболее рациональные были использованы так называемые «традиционные» эвристические методы анализа: сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, историко-генетический, ретроспективный, привлечение этнографических параллелей, мифологических универсалий и некоторые другие, а также принцип верификации для проверки выдвинутых положений.

Мы отдаем себе отчет в том, что имеющиеся на сегодняшний день материалы по теме исследования представляют лишь «точечную» информацию для изучения проблемы. До сих пор существует ряд серьезных информационных лакун, которые по ходу работы будут обозначаться. Тем не менее широта охвата рассматриваемых свидетельств и особенно ознакомление с результатами последних открытий позволяют уже сейчас увидеть в общих чертах картину формирования традиции культового строительства на территории Месопотамии.

Исследование проводилось в Отделе теории и методики Института археологии РАН. При сборе материала и создании работы в целом большая консультативная помощь была оказана Николаем Яковлевичем Мерпертом, которому автор выражает самую сердечную признательность. Хочется выразить также глубокую благодарность Рауфу Маго-

медовичу Мунчаеву и всем участникам Сирийской экспедиции 1998, 2002, 2004 гг.[1]; сотрудникам Отдела теории и методики ИА РАН; персонально — Шахмардану Назимовичу Амирову, Елене Вадимовне Антоновой, Вере Игоревне Балабиной, Александру Антоновичу Узянову, Екатерине Владимировне Васильевой, Алексею Владимировичу Суркову, Валентине Ивановне Чечетка, господину Маргерону за проявленный интерес и ценные замечания к представляемой работе.

[1] С первого года работы Сирийской экспедиции ИА РАН (1989) ее бессменным руководителем является Рауф Магомедович Мунчаев; заместитель начальника по науке — Николай Яковлевич Мерперт. В кампаниях 1998, 2002, 2004 гг., где автору довелось принимать участие, в составе экспедиции также работали Юрий Борисович Цетлин, Рабадан Магомедов, Сергей Лев, Шахмардан Амиров, Дмитрий Рукавишников, Дмитрий Мадуров, Ольга и Сулиман Элиас.

ГЛАВА I. КУЛЬТОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ЭПОХУ РАННЕГО НЕОЛИТА

СЕВЕРНАЯ МЕСОПОТАМИЯ КАК ОДИН ИЗ ПЕРВИЧНЫХ ОЧАГОВ «НЕОЛИТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Неолитический период по праву считается одним из самых прогрессивных в истории человечества. Экономической основой существования неолитических обществ явился длительный процесс становления производящих форм хозяйства при определяющей роли земледелия. Впервые в 20-х гг. XX в. выдающимся английским ученым В. Г. Чайлдом было определено значение начала производства пищи как «неолитическая революция». Он подробно изучал вопрос, какое влияние на охотников и собирателей Европы оказал происшедший в конце ледникового периода переход к новому образу жизни в связи с этим, и в рамках данной проблемы обратил внимание на Ближний Восток как вероятный центр происхождения производящей экономики, откуда за тысячи лет до начала «письменной» истории производство пищи распространилось на Европу (Childe, 1925; 1928; 1951; Чайлд, 1952; 1956).

Крупнейший американский исследователь Р. Брейдвуд полностью принял понятие «неолитическая революция» и первым попытался проследить переход от присваивающего к производящему хозяйству на большом количестве археологических данных, разработав экономическую схему этого процесса. По мнению Р. Брейдвуда, земледелие и скотоводство на Ближнем Востоке возникло в обширном районе холмистых предгорий, в зоне «плодородного полумесяца», которая протянулась от Антиливана через Южный Тавр и Иракский Курдистан вплоть до Южного Загроса. Регион этот был культурно неоднороден. (Braidwood, Howe, 1960, p. 176–182; Бадер, 1989, с. 247–248).

Основы теории очагового становления производящего хозяйства разрабатывались в трудах выдающегося русского биолога Н. И. Вавилова, установившего первичные центры произрастания культивированных впоследствии растений, особенно злаковых (Вавилов, 1987).

В. А. Шнирельман выделил шесть микроочагов в Передней Азии, отмечая специфический для каждого набор доместицированных рас-

тений. Перечислим эти микроочаги. Четыре из них признаны первичными: восточносредиземноморский, охватывающий Палестину и Юго-Западную Сирию; северосирийский; юго-восточноанатолийский; загросский; южноанатолийский, возможно носивший вторичный характер и закавказский, где процесс доместикации также проходил несколько позже (Шнирельман, 1989; 1989а).

Данные трасологического и экспериментального исследования вкладышей жатвенных ножей из Кебары Б, Абу Хурейры, Нахал Орена, полученные петербургскими учеными под руководством Г. Ф. Коробковой, при сопоставлении с материалами других определяющих факторов появления земледелия доказали, что начало примитивной культивации диких злаков на Ближнем Востоке уходит своими корнями в натуфийскую эпипалеолитическую культуру X тысячелетия до н. э. (Коробкова, 1994).

Что касается именно Месопотамии, то Верхнее Двуречье включает в себя территории трех выделенных первичных очагов становления производящих форм хозяйства: юго-восточноанатолийского, северосирийского и загросского. К настоящему времени определено, что климатические и ландшафтные особенности северной «холмистой» стороны Плодородного полумесяца, региона, расположенного у подножия Тавра, питаемого Евфратом и Тигром, а также их притоками, представляли естественную среду обитания не только для людей неолита, но и для палео- и мезолитических охотников-собирателей. В раннем голоцене в эпоху смягчения климата (XI–VIII тысячелетие до н. э.) флора и фауна переходной зоны — на границе между девственными лесами и степями — изобиловала видами диких растений и животных. Некоторые из этих видов идеально подходили для доместикации. Полусухой, континентальный климат отличался очень жарким летом и сравнительно мягкой, влажной зимой. Современные показатели, по мнению экологов, близки условиям ранненеолитического времени. В рассматриваемом регионе среднегодовое количество осадков составляет 480 мм, отклонение между сухостью (323,9 мм) и влажностью (786,9 мм) не является правилом. Зимние дожди, приносящие 92 % годовых осадков, создавали здесь условия для развития неполивного земледелия (Hauptmann, 1999, p. 66–67).

С биологической точки зрения, для доместикации как самые благоприятные отмечаются районы повышенного многообразия диких форм предковых растений и животных, ибо каждый вид формировался стихийно на основе гибридизации нескольких родственных. Кроме того, в нестабильных и разнообразных условиях растения и животные более склонны к мутациям. Наибольшее количество видов флоры и фауны встречается в так называемых «маргинальных» областях — местах пересечения нескольких природно-климатических зон. Очевидно, охота и собирательство в таких районах позволяли поддерживать необходимый уровень существования больших групп людей при переходе к оседлому образу жизни до начала преобладания в их хозяйстве производящих видов деятельности.

Ключи и пруды на известняковых участках до сих пор остаются важной характеристикой рассматриваемого региона. Именно рядом с ними основывались первые долговременные поселения. Другим преимуществом этой территории являлось изобилие материала, необходимого для изготовления орудий труда. В этом отношении следует отметить богатые ресурсы горной цепи Тавра, в первую очередь источники обсидиана, локализирующиеся рядом с ущельями, и залежи кремня, расположенные вблизи известняковых подножий горной гряды. Далеко не последнюю роль в обмене сырьем, технологиями и идеями сыграли географические характеристики региона, находящегося на пересечении главных сиро-месопотамско-анатолийских торговых путей.

Таким образом, в Северной Месопотамии на границе степей и лесов с обрамляющими их горами Тавра и Загроса сомкнулись воедино географические, природно-климатические и исторические предпосылки «неолитической революции». Не случайно О. Оранжем и С. Козловски было предложено ввести новый историко-географический термин — «золотой треугольник» — для обозначения этого исключительно важного при рассмотрении вопросов неолитизации региона (Aurenche, Kozlowski, 1999).

Следует заметить, что, признавая, безусловно, революционный характер перехода к производству пищи и всех сопутствующих ему изменений в жизни человека, ряд ученых — Дж. Мелларт, М. Оздоган, Ж. Ковен, Т. Ваткинс, Х. Ниссен, О. Бар-Йозеф – акцентируют свое внимание на длительном, постепенном и многовариантном развитии «неолитической революции»(Watkins, 1992, p. 69–71; Mellaart, 1994, p. 425–426; Özdoğan M., 1999, p. 9–10). Они считают более подходящим для обозначения данного периода термин «неолитизация» или «процесс неолитизации». Принимая во внимание утвердившуюся в историографии традицию, огромный вклад, сделанный Виром Гордоном Чайлдом в мировую науку об истории человечества, а также целесообразность корректировок, внесенных современными авторами, оба понятия — «неолитическая революция» и «процесс неолитизации» — в представляемой работе будут использоваться в качестве синонимов.

Целенаправленно широкомасштабные археологические исследования древнейших неолитических памятников в различных районах Ближнего Востока стали проводиться начиная с 50-х, а особенно активно с 70-х гг. XX в. К настоящему времени в Израиле, Иордании, Ливане, Сирии, Ираке и Турции в целом охвачено раскопками более 450 поселений неолитического периода. Общей задачей этой воистину интернациональной работы является фиксация материальных свидетельств «неолитической революции»; определение и изучение узловых моментов становления производящих форм хозяйства; реконструкция различных сфер человеческой жизни в эпоху неолита.

Объемный труд Дж. Мелларта «Неолит Ближнего Востока» (Mellaart, 1975), несмотря на относительно раннюю дату издания, до сих пор остается основным руководством, объединяющим и соотносящим североме-

сопотамские свидетельства с данными других регионов Передней Азии. В этом контексте последовательно выходившие работы Дж. Мелларта (Mellaart, 1965), П. Сингха (Singh, 1974), У. Эсина (Esin, 1979), Н. Балкан-Атли (Balkan-Atli, 1994), Дж. Якара (Yakar, 1991, 1994), а также недавно появившиеся сборники статей, основанные главным образом на результатах последних полевых исследований, — «Неолит Турции» (NT, 1999), «Жизнь в неолитических сельскохозяйственных обществах» (LNFC, 2000) и «Неолит в Центральной Анатолии. Внутренние процессы и внешние влияния в 9–6 тыс. до н. э. (калибр.)» (The Neolithic.., 2002) сыграли важную роль в представлении обзора имеющейся информации на момент их публикации.

Дискуссионным в настоящее время остается вопрос о приоритете духовных или материальных импульсов в процессе неолитизации. Вполне вероятно, отмечает Н. Я. Мерперт, что конкретные составляющие его феномены (оседлость, домостроительство, добыча средств существования, репертуар орудий и эволюция технологии, искусство и религия) развивались своими путями еще в доземледельческий период, не имея общей стратегии присваивающей экономики. И только их «воссоединение», создание единой взаимообусловленной системы знаменовало «неолитическую революцию», а именно переход к производящим формам хозяйства, коренным образом изменившим как названную стратегию, так и все стороны и условия человеческой жизни (Мерперт, 2000, с. 66–67).

Сейчас мы находимся на первой стадии исследования этого комплекса проблем, и имеющиеся материалы не являются достаточными для того, чтобы давать окончательные теоретические оценки. Говоря образно, картинка начала проявляться лишь в некоторых местах. Свидетельства докерамического неолита из ряда областей либо отсутствуют вообще, либо являются единичными, изолированными. Даже в относительно лучше исследованных районах основная хронологическая последовательность все еще до конца не установлена. Нет единого мнения среди исследователей и в определении ключевых дат ранненеолитической эпохи (ср., напр.: Ламберг-Карловски, Саблов, 1992, с. 75; Cauvin, 1994, p. 19–22, 113–118; 1999; Mellaart, 1994, p. 425, table 16; Schmidt, 1998, S. 18–24, Abb. 1; Esin, 1999, p. 14; Мерперт, 2000, с. 69), внутри которой сейчас выделяют три главных этапа: докерамический неолит A — Prepottery Neolithic A (PPNA), докерамический неолит B — Prepottery Neolithic B (PPNB) и докерамический неолит C — Prepottery Neolithic C (PPNC), совпадающий с ранним керамическим неолитом – Early Pottery Neolithic (EPN). В свою очередь самый значительный из них — PPNB — делится на три периода: ранний, средний и поздний (EPPNB, MPPNB, LPPNB). Приведем датировки из доклада К. Шмидта, основанные на результатах радиокарбонного анализа (даты некалиброванные), принимая во внимание все же условный, ориентировочный их характер:

Период эпипалеолита (мезолита или протонеолита)	
Кебарийская культура	14 000–12 300 лет назад
Натуфийская культура	12 300–10 800 лет назад
Кхиамская культура	10 800 –10 200 лет назад
PPNA	10 200–9 600 лет назад
EPPNB	9 600–9 200 лет назад
MPPNB	9 200–8 500 лет назад
LPPNB	8 600–8 000 лет назад
PPNC	8 000–7 600 лет назад
PN	7 600–7 000 лет назад

(Schmidt, 1998, S. 18–24).

Вышедшие в последнее время работы подробно рассматривают хронологические характеристики известных на сегодняшний день докерамических памятников из различных областей ближневосточного региона, отмечая при этом неоднородность культур данного периода (Cauvin, 1988; 1994; Mellaart, 1994; Özdoğan M., 1995; Rollefson, Köhler-Rollefson, 1993; Амирханов, 1997; Schmidt, 1998; Hauptmann, 1999; The Neolithic.., 2002 и др.).

Для территории Северного Двуречья **(карта 1)** такие памятники, как Мурейбит, Жерф эль Ахмар, Джида, Абу Хурейра, Букрас, Телль эс-Син, Телль Асвад, Телль Халула, Магзалия, Гермез Дере и серия других, расположены на равнине в долинах рек Тигра и Евфрата. Материальные свидетельства многих из них отражают восточносредиземноморское влияние, а ряд поселений непосредственно расположен на территории Северного Леванта. Эти памятники этапа PPNA выделяются в особую культурную общность — Мурейбит.

В то же время значительное количество поселений докерамического неолита было открыто и исследовано в предгорной зоне. М. Оздоган обращает внимание на район, примыкающий к подножию восточного Тавра, где сконцентрированы ранненеолитические поселения — Халлан Чеми, Демиркоу и Чейеню. Выявлены и в различной степени изучены слои этих теллей, относящиеся к эпохе PPNA (Özdoğan M., 1995, p. 43). С южной стороны от Джабель Синджар в области Верхнего Тигра известна другая группа памятников — Гермез Дере и Немрик I–IX, демонстрирующая независимое от Леванта развитие также с начала этапа PPNA (Watkins, 1992, p. 64; Kozlowski, 1994, p. 143–171). Исследования двух поселений — Бирис Мезарлиги и Согут Тарласи — в районе Бозовы (верховья Евфрата) предоставили свидетельства длительного периода эпипалеолита, предшествовавшего здесь функционированию таких поселений докерамического неолита, как Невали Чори, Гебекли Тепе, Гюркю Тепе II и другие. В чистых слоях Невали Чори тоже встречены артефакты эпипалеолита (Schmidt, 1994, p. 250, fig. 12), которые, как и свидетельства Бирис Мезарлиги, демонстрируют связь с районом Тавра Кебарийского времени. Все перечисленные находки, имея определенные местные особенности и характеристики, утвержда-

ют независимое развитие раннего неолита на территории Южного Тавра, что опровергает заключение ряда ученых, в частности, Ж. Ковена, о неолите Тавра как производной от «зоны центра», располагавшейся, по их мнению, в Леванте и Палестине (Cauvin, 1988, p. 77; 1999, p. 54–55; Bar-Yosef, 1989, p. 58 и др.).

Постепенно выясняется, что в эпоху докерамического неолита культурные процессы на территории Северной Месопотамии и Леванта развивались одновременно по параллельным линиям. Культуры соседних регионов несколько различались, однако взаимодействовали, что хорошо фиксируется сходными тенденциями в устройстве поселений, развитии архитектуры и практике захоронений.

АРХИТЕКТУРА ДОКЕРАМИЧЕСКОГО НЕОЛИТА: ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Неоднократно отмечалось, что материалы эпипалеолита, в частности, натуфийских памятников, уже дают основания говорить о заметных сдвигах в организации человеческих коллективов, их социальной структуре. Появляются крупные, связанные близкородственными отношениями общины, а внутри них намечается определенная социальная дифференциация. В археологическом материале такие процессы отражены, как правило, спецификой планировки долговременных поселков с тесно стоящими, даже сочлененными домами, выделением неординарных сооружений, особенностями погребений. Есть данные о функционировании построек специального, скорее всего культового назначения. Так, на поселении Рош Зин (Северный Негев) одно крупное здание явно выделялось и размерами, и необычностью интерьера: внутри него найдены монолитная известняковая колонна, ритуальный тайник и скорлупа страусовых яиц с процарапанными узорами. По мнению Н. Я. Мерперта, колонна может рассматриваться как древнейшее свидетельство культа камней, игравшего значительную роль в духовной жизни Ближнего Востока на протяжении многих тысячелетий (Мерперт, 2000, с. 54– 66). При этом весьма любопытно, и данный аспект мы будем наблюдать в дальнейшем по ходу работы, что именно колонны / стелы / пилястры на долгое время утвердятся в Месопотамии как важнейшие в семантическом отношении элементы архитектурного оформления древних культовых сооружений.

Для неолитической архитектуры Ближнего Востока известны два основных типа построек. Это круглые (или овальные) и прямоугольные в плане дома, имеющие различную внутреннюю структуру. В общих чертах эволюция круглопланового строительства включает возникновение временных убежищ охотников-собирателей, возведение прочных домов на долговременных поселениях и появление новых типов жилищ с четко оформленной внутренней планировкой. На протяжении неолитического периода при кажущемся внешнем однообразии

внутренняя структура и материал изготовления таких жилищ существенно меняется: глиняные и тростниковые углубленные в землю хижины эпипалеолита уступают место прочным конструкциям из камня и глиняных кирпичей. Вместо одной комнаты-полуземлянки начинают сооружаться более сложные строения с тростниковыми или деревянными опорами, поддерживавшими крышу, разделенные внутри на несколько комнат, или с дополнительными пристройками.

В период докерамического неолита В в архитектуре происходят заметные изменения. Первоначально переход практически на всех долговременных поселениях этого этапа от круглых в плане жилищ к прямоугольным многокомнатным комплексам воспринимался как показатель смены населения вследствие миграции (Kenyon, 1979, p. 32), по другой версии, в результате произошедших изменений социальной организации обществ, хозяйство которых было уже по преимуществу производящим (Flannery, 1972, p. 29–30). Дальнейшие исследования подтвердили, что на большинстве памятников переход от одного типа домов к другому осуществлялся постепенно и, по-видимому, явился результатом комплекса внутренних процессов, происходивших в неолитических общинах. В настоящее время правильной представляется версия о генетической связи между этапами А и В.

Структура поселений эпохи PPNB более упорядочена и сложнее, рациональнее оформлена для совместного проживания членов общины. «Массивные конструкции свидетельствуют о существовании социальной организации и центральной власти, способных впервые в человеческой истории принять необходимые меры и найти рабочую силу для подобных строительных операций», — так А. Мазар прокомментировал открытие впечатляющих своими размерами выдающихся структур в ранненеолитических слоях Иерихона (Mazar, 1990, p. 42). Действительно, строительство общественных сооружений требует коллективных усилий как для их возведения, так и для планирования работы, поэтому наличие таких построек рассматривается исследователями в качестве одного из важнейших источников при изучении социальных отношений в обществе дописьменного периода.

Свидетельства монументального строительства в слоях докерамического неолита были представлены выразительными архитектурными остатками Иерихона в Палестине, Рас-Шамры и Халулы в Сирии, Бейды в Иордании, Телль Магзалии в Северо-Восточном Ираке и другими памятниками. В большинстве случаев массивные сооружения возводились в качестве террас или ограждений.

Открытия последних двух десятилетий монументальных общественных построек особого назначения и выдающихся скульптурных изображений периода докерамического неолита на Чейеню Тепеси, Невали Чори и Гебекли Тепе в Северной Месопотамии (территория современной Юго-Восточной Турции) явились сенсационными в области изучения столь раннего этапа формирования ближневосточной цивилизации.

Вместе с тем, охранные раскопки Мурейбита, Жерф эль Ахмара,

Джиды (Северная Сирия, Верхний Евфрат), а также Халлан Чеми (Юго-Восточная Турция, верховья Тигра) представили крайне важные материалы о социальной организации жителей еще более древних поселений и в том числе свидетельствующие о функционировании неординарных символически оформленных сооружений общественного назначения в эпоху PPNA.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПОСТРОЕК PPNA ВРЕМЕНИ

Гермез Дере и Немрик IX

Прецеденты символического оформления круглоплановых строений необычной конструкцией, включающей две колонны, не так давно стали известны из материалов Гермез Дере и Немрик IX, левобережье верхнего Тигра, этап PPNA. Имеются данные, предполагающие домашнее использование этих сооружений, вероятно, совмещавших функции жилых строений и семейных святилищ (Kozlowski, 1990; 1992; Kozlowski, Kempisty, 1990; Watkins, 1990; 1992; Rosenberg, 1994).

Т. Ваткинс, автор раскопок Гермез Дере, сравнивая свидетельства указанных поселений с материалами эпипалеолита Левантийского региона, высказал предположение о формировании в общественном сознании особой «концепции дома» на территории Северной Месопотамии при переходе к оседлости в самом начале докерамического периода. На первый взгляд углубленные в землю конструкции, почти круглые в плане, известны и по памятникам натуфийского времени и по данным этапа PPNA. Однако в начале докерамического неолита на территории поселений Верхнего Двуречья фиксируются некоторые новшества, которые указывают на значительное изменение отношения к жилищу.

Во-первых, это повышенный интерес к внешнему виду постройки. В отличие от натуфийских домов, полы и стены строений докерамического времени были покрыты глиняной или известковой штукатуркой. При этом свидетельства Гермез Дере и других поселений раннего неолита Северной Месопотамии указывают на частый ремонт и смену штукатурки, на обновление внутренних конструкций в помещениях. Возведение новых домов на остатках предшествовавших в то время, когда вокруг было много свободного пространства, предполагает, что определенное значение придавалось преемственности в выборе места для строительства.

Вторая черта — скрупулезное внимание к чистоте дома. В отличие от натуфийских домов в помещениях Гермез Дере не было выявлено никаких бытовых остатков, даже золы в очагах или обуглившихся зерен на полу.

Третья особенность связана с предыдущей — вынесение хозяйственных видов деятельности за пределы дома. Приготовление пищи, производство орудий и других вещей, обработка продуктов, судя по имею-

щимся свидетельствам, осуществлялась не в жилищах, а на специальных участках поселения.

Наконец, наличие единой конструкции из одной или двух пар колонн, перемычки, связывавшей колонны, и нескольких камней внутри построек в Гермез Дере и Немрик IX явилось наиболее очевидным проявлением наполнения дома символическим содержанием. В частности, в каждом углубленном в землю овального плана строении, исследованном на Гермез Дере, перпендикулярно оси симметрии помещения в его центральной части находилась одна или две пары колонн с лепными вершинами (**рис. 1–2**). Их основами служили известняковые вертикально установленные столбы, углубленные в пол и покрытые глиняной штукатуркой. В нескольких случаях колонны ремонтировались и даже переносились в другое место, однако место древнейшей пары при этом специально отмечали на новом отштукатуренном полу. Колонны одной пары соединяла низкая перемычка, сделанная из глины. Иногда перед этими конструкциями вкапывали камни или располагали иные объекты. Т. Ваткинс подчеркивает, что колонны не являлись несущими (Watkins, 1992, p. 64–68), как они были ранее определены С. Козловски и А.Кемписти для строений Немрик IX, где, кстати говоря, высота наиболее хорошо сохранившегося объекта достигала лишь 120 см (Kozlowski, Kempisty, 1990, p. 359). Зафиксированная первоначальная высота некоторых стел в постройках Гермез Дере была более метра, тогда как другие не достигали даже полуметровой высоты (Watkins, 1992, p. 68). Присутствие в домах Гермез Дере колонн с лепными вершинами имело, очевидно, символический смысл, конкретное содержание которого пока не определено. Можно лишь предполагать, что они обозначали семейную пару: родителей или прародителей живших в этих постройках людей.

В Немрик IX сооружение подобных структур за длительную историю существования этого ранненеолитического поселения претерпело заметную эволюцию. Впервые колонны появляются в «средней фазе» культурного слоя памятника, датируемой серединой VIII тысячелетия до н. э. На данном этапе они представляли собой углубленные основаниями в пол и установленные на значительном расстоянии друг от друга, как правило, две пары деревянных столбов. Основания столбов укреплялись камнями. На позднейшей стадии функционирования поселения, переходной от времени PPNA к PPNB (конец VIII – начало VII тысячелетия до н. э.), пары деревянных столбов постепенно заменяются парами сделанных из особого материала массивных и прямоугольных в срезе (1,2 х 0,7 м) колонн. Внутренняя структура таких колонн состояла из последовательно уложенных слоями (толщина слоя — 20 см) и скрепленных между собой при помощи воды блоков. Очень прочный материал (marl), из которого были сделаны блоки, по замечанию авторов раскопок, во многих отношениях напоминает современный бетон. Строгая правильная форма столбов и особенно их точно вертикальное положение предполагает, по мнению С.Козловски

и А.Кемписти, что какая-то «форма» была использована при их сооружении. На одной из колонн обнаружены отпечатки плетения, возможно как раз являющиеся следами такой «формы». Столбы были покрыты штукатуркой так же, как и внутренние стены построек. Мы не исключаем вероятности использования колонн в качестве несущих структур для поддержания крыши домов Немрик IX. Вместе с тем кажется допустимым предположение и о символическом предназначении данных структур. Исследователи памятника сообщают, что в некоторых домах «поздней стадии» функционирования Немрик IX поверхность колонн, пола и стен сохранила следы цветной штукатурки — черной, красной и желтой (Kozlowski, Kempisty, 1990, p. 357–359).

Трудно определить, жилища ли перед нами или сакральные сооружения, в качестве которых такие дома и были интерпретированы в первых публикациях материалов Гермез Дере. Раскопки последнего сезона (1990 г.) показали наличие других строений такого же типа на поселении. Это был единственный вид построек, открытый в раскопанной части памятника. Соответственно сооружения, в центре которых располагались пары стел с лепными вершинами, сейчас признаны обычным типом домов на Гермез Дере. Тем не менее о выполнении этими конструкциями определенных культовых функций свидетельствует и зафиксированный на поселении обычай помещения отделенных от скелета черепов внутрь указанных построек, после чего они оставались жилыми (Watkins, 1992, p. 68). В Немрик IX под полами рассматриваемых домов также неоднократно обнаружены погребения. Их ямы не были засыпаны землей, а лишь закрывались сверху плоскими камнями. Вероятно, такая конструкция могил и особенности их расположения должны были способствовать сохранению связей между живыми и умершими родственниками (Kozlowski, Kempisty, 1990, p. 360).

В целом многие из представленных характеристик Гермез Дере соответствуют материалам синхронного памятника Немрик IX. Но самое интересное, что некоторые из отмеченных деталей (например, колонны с чертами моделирования — весьма выразительная, но не единственная особенность заполнения) проявятся уже в более разработанном виде в специализированной сакральной архитектуре на поселениях Северной Месопотамии переходного PPNA / PPNB времени и далее на этапе PPNB.

Халлан Чеми

Спасательные работы на Халлан Чеми 1991–1995 гг., осуществленные перед открытием Батманской дамбы (Юго-Восточная Турция) совместно Делаверским университетом (США) и Диярбакырским музеем (Турция), предоставили информацию, проливающую свет на древнейший этап истории сооружения особых построек общественного назначения на территории Верхнего Двуречья.

Памятник находится в холмистых предгорьях Восточного Тавра на высоте 640 м над уровнем моря, в 50 км севернее современного города Батман, на западном берегу ручья Сасон, являющегося притоком Бат-

ман Чаяи, который в свою очередь впадает в Тигр. Высота телля около 4,3 м. Докерамическое поселение занимало площадь не менее 0,5 гектаров. По крайней мере, четыре ранненеолитических строительных горизонта составляют культурный слой памятника, однако архитектурные остатки только трех верхних (на общей площади 750 кв. м и глубине от 0,5 до 3 м) были в значительной степени затронуты исследованиями **(рис. 3)**. Комплекс материальных свидетельств, а также серия радиокарбонных датировок указывают, что поселение Халлан Чеми относится к периоду раннего PPNA, а именно к последним столетиям IX тысячелетия до н.э. Это одно из древнейших, известных на сегодняшний день, оседлых поселений Северной Месопотамии. Его развитие предшествовало появлению жизни на Гермез Дере и Немрик IX. Обитатели Халлан Чеми еще не были знакомы с земледелием и сильно зависели от охоты и собирательства. Определено, однако, что они уже проводили первые эксперименты с одомашниванием животных, в частности, свиней (Gates, 1996, p. 282–283; Rosenberg, 1999, p. 25–26, 30–32; Rosenberg, Redding, 2000, p. 42, 47).

О социальной организации общины в какой-то мере свидетельствует план поселения, дающий представление о различных структурах и особенностях их расположения. Так, центром поселка являлась открытая площадь (d — 15 м), которая функционировала на протяжении всех исследованных периодов. Ее поверхности представляли крайне насыщенную концентрацию костей животных и потрескавшихся от огня речных галек/булыжников. Скопления остеологических останков на данном участке сохранили хорошо фиксируемые формы больших частей скелетов животных. Кроме того, три рогатых черепа баранов обнаружены здесь уложенными в линию **(рис. 4)** на одной из поверхностей, относящейся к самому верхнему уровню. Такая последовательность в комплексе с черепами баранов, значительное количество выявленных других остеологических свидетельств, как и само существование центральной площади на протяжении жизни нескольких поколений людей, отражают внешнюю символическую сторону совершавшихся здесь действий. По мнению авторов раскопок, данная территория служила местом для проведения общих собраний жителей поселка с осуществлением ими совместной ритуальной трапезы, что, очевидно, играло важную роль в сплочении коллектива общинников (Rosenberg, 1999, p. 26, 28; Rosenberg, Redding, 2000, p. 58).

Исторические, этнографические и культурологические исследования показывают, что приготовление пищи и совместная трапеза, являясь одним из наиболее устойчивых элементов общественного праздника, с древнейших времен имели ритуально-магическое значение жертвы и символизировали единство коллектива, акт общения людей с их предками, божествами и окружающим миром (см. напр.: Шнирельман, 1979, с. 165; Ардзинба, 1982, с. 45; Антонова, 1990, с. 203–204, 225, 228; Зубов, 1997, с. 104). С этой целью такие действия осуществлялись на ранних сельскохозяйственных поселениях у разных народов. Напри-

мер, по поверьям славян, кости съеденного на общем пире животного обладали магической силой, их зарывали в землю, чтобы не переводился в доме скот (Русанова, Тимощук, 1993, с. 62, 65, 74). В самой Месопотамии уже в историческое время в Шумере коллективными трапезами завершались различные предприятия, носившие, в известной мере, обрядовый характер. Так, народные собрания и заседания совета сопровождались угощением. Важную роль играло угощение и при заключении различных сделок. «Любопытно, что по-шумерски слово unken «собрание» передается иероглифом сосуда. Вероятно, пир был обязательной частью собрания» (Дьяконов, 1959, с. 76–77, 138).

Среди строительных объектов, исследованных на Халлан Чеми, которые свободно располагались вокруг площади, определены три основных типа сооружений. Первый из них составляют многочисленные низкие круглые каменные платформы (диаметр — около 2 м; отмеченная высота — 10–40 см), сохранившие следы грязевой штукатурки; а также некие покрытые толстым слоем гипса участки с нерегулярными размерами и планировкой, в нескольких случаях примыкавшие к каменным структурам. Предполагается, что и те, и другие конструкции представляют остатки сооружений, служивших хозяйственным целям.

В следующую группу объектов выделены низкие гипсовые площадки, обычно округлой формы, достигающие в диаметре от 50 до 70 см. Во всех трех исследованных горизонтах внутри и рядом с этими сооружениями были найдены маленькие каменные скульптуры. Во многих случаях гипсовые площадки несут следы огня и повреждений. Авторами раскопок они интерпретируются предположительно как очаги (Rosenberg, 1999, p. 26–27). Однако, судя по имеющимся данным, эти структуры выполняли не только утилитарные функции. Они могли являться и местами для совершения особого рода обрядовых действий на поселении, на что указывают находки рядом с ними каменных статуэток, а также следы их намеренного повреждения.

Наконец, свидетельства круглопланового домостроительства достаточно выразительно представлены в исследованных уровнях Халлан Чеми. В древнейшем из раскопанных горизонтов (слой 3) все обнаруженные постройки подобного типа относительно просты в исполнении и, вероятно, жилые по характеру. Они возводились прямо на поверхности земли и имели С-образный (по ранним публикациям, U-образный) план. Стены построек диаметром 2 м сооружали из речных галек / булыжников, скрепленных гипсовым раствором.

Для второго строительного горизонта отмечается несколько архитектурных новшеств. Из пяти открытых здесь домов четыре были полностью раскопаны. Все они снова стояли на поверхности со стенами, сложенными на манер стен построек из слоя 3. Однако полы трех из четырех исследованных строений были покрыты приблизительно одинаковыми по форме и по размеру плитами песчаника. Пол четвертой конструкции не нес следов вымостки. Самая большая из построек (d — 4 м) с выложенным плитами полом отличалась от остальных тем,

что в центре имела маленький гипсовый «бассейн». Каких-либо других свидетельств, подтверждающих, что эта неординарная постройка служила особым целям, получено не было.

Исследования верхнего слоя (1) представили комплекс материалов о функционировании двух строений не жилых по своему назначению, а выполнявших, очевидно, общественные функции. Всего в этом горизонте четыре здания были полностью раскопаны. Все постройки отличаются от более ранних открытых на памятнике тем, что сооружались из песчаника и известняковых плит, а не из речных камней. Два строения 1-го уровня — относительно небольшие наземные структуры (d — 2,5 м), C/U-образные в плане и похожи на дома из 2-го и 3-го уровней. Анализируя имеющиеся свидетельства относительно этих помещений, авторы раскопок идентифицируют их как жилища. В отличие от данных построек две другие значительно крупнее, диаметром 5–6 м. М. Розенберг замечает, что такие параметры соответствуют размерам помещений общественных зданий, открытых на других ранненеолитических памятниках в Юго-Западной Азии (Rosenberg, 1999, p. 26–27).

Большие строения из 1-го слоя Халлан Чеми были специально углублены в землю и полностью круглые в плане. С двух сторон их входы оформлены двойными «расходящимися как щипцы стенами, создающими своеобразный вестибюль» **(рис. 3)**. Внутри зданий выявлены каменные скамьи/платформы, примыкавшие полукругом к стенам сооружений. На полах обнаружены круглые выделенные штукатуркой очажные места. Полы данных построек, в отличие от других конструкций на поселении, демонстрируют остатки много раз сменявшихся покрытий из смеси желтого песка и раствора штукатурки. Одно из зданий содержало хорошо сохранившийся череп зубра (без нижней челюсти), укрепленный первоначально, судя по месту обнаружения, на северной стене как раз напротив входа. Заполнение второй неординарной постройки включало несколько частично сохранившихся черепов баранов и рогов оленей, чье первоначальное месторасположение установить сложно. Других остеологических свидетельств, как и отходов растительного происхождения, в этих постройках выявлено не было. Очевидно символическое предназначение вышеописанных объектов. По мнению авторов раскопок, возможно, они служили знаками двух различных общественных надсемейных групп, обитавших в Халлан Чеми (Rosenberg, 1994, p. 121–140, fig. 10; 1999, p. 27; Gates, 1996, p. 283; Rosenberg, Redding, 2000, p. 45–46, 57).

Помимо специально оформленных очажных мест в больших конструкциях не было обнаружено каких-либо свидетельств или объектов связанных с домашней деятельностью. Тогда как привозные высоко ценимые материалы — обсидиан и медная руда, — а также следы их обработки четко локализированы в районе неординарных помещений слоя 1 Халлан Чеми. Исследователи памятника констатируют, что нахождение здесь импортных материалов, с одной стороны, подтверждает существование системы обмена товарами на большие расстояния даже для

столь ранней эпохи, а с другой, показывает, что значительные по размерам, углубленные в землю, неординарного плана строения Халлан Чеми были каким-то образом связаны с этой торговлей. Вероятно, они играли особую роль в установлении и поддержке межпоселенческих контактов (Rosenberg, 1999, p. 27). Такие связи могли укрепляться при помощи реципрокного дарообмена, о значении которого в архаичных обществах хорошо известно (подробнее см.: Васильев, 1993, с. 50–53).

В качестве альтернативы, на наш взгляд, есть вероятность функционирования неординарных общественных строений, открытых в 1-м горизонте Халлан Чеми, как производственных центров на поселении и мест для хранения / распределения привозимых источников сырья. Так или иначе, совмещение сакрального пространства и наиболее значимых для хозяйственного благополучия общины видов деятельности было характерным для древних сообществ, и это хорошо иллюстрируется представленными материалами.

Переход к оседлой жизни и производящему хозяйству требовал развития новых социальных институтов как для разрешения конфликтов внутри новых постоянных коллективов, так и для поддержания межобщинных региональных связей. Существование данных институтов подтверждается рядом свидетельств, в том числе остатками общественных построек, которые являлись важнейшим материальным элементом сложной организованности социальных структур, возникавших здесь с ранних этапов появления первых долговременных поселений. Регулирование общественной жизни косвенно проявляется по различным категориям находок, обнаруженных на рассматриваемом памятнике. Во многих случаях данные находки несут свидетельства ритуальной значимости. К сожалению, в доступных публикациях об исследовании Халлан Чеми нет ясных указаний на места обнаружения этих объектов, однако в статье М. Оздогана есть упоминание о том, что каменные чаши с изображениями животных и скульптурные пестики были обнаружены в пределах общественных построек (Özdoğan M., 1999a, p. 228).

Итак, в качестве первой группы находок, интересующей нас в контексте рассматриваемой темы, отметим остатки множества искусно выполненных каменных чаш, которые хорошо известны и по другим эпипалеолитическим и ранненеолитическим памятникам Тавро-Загросской дуги. Чаши Халлан Чеми, как правило, сделаны из серого / зелено-черного камня (chloritic) или из белого известняка. Их выявленные фрагменты часто украшены прекрасной тонкой резьбой, похожей на рельеф, с геометрическими и с натуралистическими изображениями **(рис. 5)**.

Помимо обычных каменных пестиков из Халлан Чеми также известна серия выразительных скульптурных изделий данной группы. Рукоятки скульптурных пестиков были сделаны в виде различных натуралистических форм с разной степенью стилизации. Узнаваемые мотивы включают букрании и рогатые головы козлов **(рис. 6: 1–7)**. Такая символика близко соотносится с выявленной на центральной

площади Халлан Чеми группой уложенных в ряд трех рогатых черепов баранов; с черепом зубра, первоначально украшавшим северную часть стены одной из двух неординарных построек; черепами баранов и рогами оленей, обнаруженными в другом строении общественного назначения; а также с результатами исследований остеологических материалов, собранных на памятнике. И если останки зубра (кроме отмеченного черепа, и это подтверждает его исключительность) совершенно не были представлены в выборке, исследованной на момент публикации данных, то останки коз / овец составили самую большую часть фаунистической коллекции — 43 % от всех останков млекопитающих. Причем данный процент был относительно постоянным для всех трех исследованных уровней поселения в отличие от изменяющихся показателей по другим видам фауны. Красный олень (Red Deer / Cervus elaphus) — следующий наиболее часто представленный фаунистический вид на Халлан Чеми — около 27 % (Rosenberg et al., 1998, p. 32; Rosenberg, Redding, 2000, p. 42). Наблюдаемая таким образом связь между символически выделенными объектами и наиболее часто употребляемыми в пищу видами животных представляется вполне закономерной. Культ самца дикого рогатого животного (барана / козла / зубра / оленя), нашедший отражение в различных группах находок Халлан Чеми, явился одним из ранних проявлений так называемого «культа быка», получившего, наравне с поклонением женским божествам, широкое распространение на всем Ближнем Востоке в период неолита (подробнее см.: Couvin, 1994).

По размеру, декору, материалу, технике и стилю исполнения скульптурные пестики соотносятся с группой каменных чаш. Указанные объекты, несомненно, были созданы для использования вместе. Исследователи памятника полагают, что выразительно оформленные чаши и пестики являлись «участниками» общественных собраний / праздничных трапез, проходивших на центральной площади. Они использовались для церемониального приготовления и потребления пищи, что представляло важную часть коллективного культового действа (Rosenberg, 1999, p. 28; аналогии см.: Антонова, 1990, с. 254, прим. 4).

Другая категория артефактов из Халлан Чеми представлена группой просверленных по вертикали каменных изделий, которые идентифицируются археологами в качестве наверший булав. Все экземпляры этих объектов снова сделаны из того же материала, что и каменные чаши. Они различны по форме, в нескольких случаях с отбитыми краями (в форме батарейки), хорошо отполированы и иногда украшены. Их присутствие на памятнике указывает на применение силы и, предположительно, на существование определенных властных структур.

Развитие институтов учета и контроля зафиксировано в материалах Халлан Чеми замечательной категорией каменных артефактов, получивших название «палочки с насечками» («notched batons»). «Палочки» сделаны из относительно мягкого слюдяного серого камня, вероятно, аспидного сланца. По форме, которая восстановлена при ре-

конструкции найденных фрагментов, сигарообразные «палочки», суживающиеся к одному из концов, состоят как бы из двух выпуклых и соединяющихся секций. Линия соединения имеет максимальную высоту 3 см, ширина среза не более 1,5 см, длина всего объекта не менее 15 см. С одной или с двух сторон на суживающихся концах «палочек» видны несколько отчетливых меток. На обнаруженных 35 фрагментах сохранились от одной до восьми аккуратно сделанных насечек. Некоторые экземпляры на более толстом конце были украшены геометрическим орнаментом в виде песочных часов, возможно, схематично передающим фигуру человека (**рис. 6: 8–11**).

Нет оснований считать, что насечки являются какими-то случайными повреждениями или следами износа. Наоборот, повторяемость объектов рассматриваемой категории, тщательность их исполнения указывают на то, что насечки вырезались на камне специально, вероятно, с целью формального учета чего-либо. Если это так, то каждая «палочка» была счетной и, возможно, имела социальную, экономическую и политическую значимость при регистрации каких-то ценных объектов. В мобильных общинах охотников-собирателей, которые предшествовали развитию неолитических оседлых деревень, как правило, отдельные действия не регистрировались неким формальным образом, что было приемлемо для эгалитарных коллективов. Существование же свидетельств учета, подобных «палочкам с насечками», отражает происходивший переход от эгалитаризма к более сложной форме социально-политической организации общества.

В целом, материальные свидетельства Халлан Чеми (костяная и каменная индустрия) находят близкие аналогии с Зарзианской группой памятников эпипалеолитической эпохи, локализированной в Мосульском регионе Северного Ирака и, прежде всего, в Зави Чеми. Это сходство подтверждает местное происхождение комплекса Халлан Чеми PPNA периода. С другой стороны, проявляются определенные параллели с одновременными и более поздними поселениями южных предгорий Тавро-Загросской группы. В частности, явное сходство имеют скульптурные пестики и наконечники из Халлан Чеми с подобными каменными объектами из Немрика IX и Чейеню, где, как и в Гебекли Тепе (Gates, 1997, p. 246), встречены украшенные каменные чаши выше описанного типа. Кроме того, связь между Халлан Чеми и более поздними докерамическими памятниками эпохи PPNB ярко проявилась в свидетельствах, полученных недавно из зондажей Демиркоу Хююка (Юго-Восточная Турция, верховья Тигра). Демиркоу, современный поселениям Гермез Дере и Немрик IX, расположен в 40 км южнее от Халлан Чеми. Демиркоу датируется, пока только на основании материальных данных (без проведения радиокарбонных анализов), хронологическим промежутком со времени прекращения жизни поселения на Халлан Чеми до начала жизнедеятельности на Чейеню, соответственно является связующим звеном между данными культурными комплексами (Rosenberg, 1999, p. 28–30).

Все выше представленные материалы указывают на неэгалитарную, сложную форму социально-экономического уклада обитателей Халлан Чеми в эпоху раннего докерамического неолита, что еще раз подтверждает вероятность функционирования общественных строений на данном поселении. Действительно, большие углубленные в землю постройки заметно отличаются от других домов, открытых на памятнике, а также по некоторым своим характеристикам предвосхищают строительство культовых сооружений переходного PPNA / PPNB периода и собственно этапа PPNB. В отличие от жилых домов полы общественных зданий 1-го слоя Халлан Чеми были специально занижены; они несут следы особого оформления; планировка строений экстраординарная; к стенам помещений по всему периметру примыкает каменная скамья; остатки привозных высоко ценимых материалов — обсидиана и медной руды — сконцентрированы исключительно в районе нахождения этих домов; наконец, в одной из построек обнаружен череп зубра, украшавший первоначально противоположную от входа стену, а в другой — бараньи черепа и рога оленей. Последние находки соответствуют другим выявленным на памятнике свидетельствам культа и подтверждают особый характер больших сооружений, столь наглядно оберегаемых присутствием знаков высших сил.

Мурейбит и Жерф эль Ахмар

Не менее информативными для освещения интересующей нас проблемы стали материалы эпохи PPNA Северного Леванта, полученные недавно в результате проведения охранных раскопок серии памятников перед строительством системы плотин на Верхнем Евфрате (территория современной Сирии). Данные поселения по ряду показателей выделяются в региональную группу периода PPNA и известны как северолевантийские или мурейбитские памятники. Последнее название связано с одноименным поселением Мурейбит, которое впервые дало археологам документально подтвержденное представление о времени PPNA в регионе. Открытый М. Ван Луном в ходе спасательных работ, связанных со строительством плотины Табка, памятник исследовался им в 1964–1965 гг. В 1971–1974 гг. раскопки продолжила экспедиция под руководством Ж. Ковена. А в 1976 г. место расположение Мурейбита было затоплено. Этот телль в стратиграфическом плане предоставил действительно исключительной важности материал, отображающий непрерывность его заселения с натуфийских времен до среднего PPNB. Телль Мурейбит поочередно пережил Натуф (уровень IA), Кхиамскую эпоху (уровень IB и II), этап PPNA (уровень III), наконец, PPNB древний (уровень IVA) и PPNB средний (уровень IVB). Именно материалы III уровня позволили Ж. Ковену выделить стадию Мурейбит в развитии Северного Леванта. Остатки поселения данного периода были исследованы на площади в 150 кв. м. Архитектурные данные зафиксировали переход от круглоплановых домов к прямоугольным и начало сооружения террас на поселении (Cauvin, 1977).

Между тем, о функционировании построек общественного назначения эпохи PPNA в Северном Леванте наиболее выразительные свидетельства получены в ходе спасательных раскопок на Жерф эль Ахмаре, которые проводились в связи со строительством Тихринской плотины. Данный памятник был открыт в 1988 г. Т. МакКлилленом, который и стал первым его исследователем. С 1995 г. телль раскапывался совместно французскими и сирийскими археологами вплоть до 1999, когда водохранилище затопило место его расположения.

Жерф эль Ахмар был расположен на левом берегу сирийского Евфрата в 60 км к югу от турецкой границы и в 40 км севернее Мурейбита. Памятник включал два холма. Общая площадь вскрытой поверхности составила 1500 кв. м, что позволило получить важную информацию о структуре обитаемого пространства. Все последовательно существовавшие уровни заселения отнесены исследователями к периоду PPNA, последний характеризуется как переходный к этапу PPNB (Stordeur et al., 2001). Абсолютными датами (калиброванными) время функционирования поселка определяется 9200–8700 гг. до н. э. (Stordeur, 1999, p. 132, fig. 1–2).

При исследовании Западного холма Жерф эль Ахмара было выявлено шесть строительных горизонтов. Данные трех древнейших уровней (VI–IV / W) получены из единичных шурфов. Соответственно проследить особенности эволюции архитектуры здесь не удается. Верхние слои памятника исследованы более широко. Уровни III–II относятся к позднему PPNA, а свидетельства последнего горизонта подтверждают его принадлежность к переходной фазе PPNA / PPNB. Отмечалось, что прямого соответствия между раскопанными участками Восточного и Западного холмов установлено не было, так как строительные остатки в промежуточной зоне не обнаружены (Stordeur et al., 2001, p. 29–31).

В Восточном холме Жерф эль Ахмара авторы раскопок выделили девять уровней обитания (от VII / E до –1 / E). Самые ранние из них (VII–IV / E) характеризуются небольшими по площади, круглоплановыми, немного углубленными в почву, не подразделенными на секции конструкциями. В уровнях V–IV / E диаметр некоторых построек уже достигал 4 м. Однако сооружались в то время и меньшие по вместимости конструкции. Установлено, что первые дома поселенцев были построены на вершине Восточного холма, а также на его западном склоне. С самых ранних времен на Жерф эль Ахмаре отмечается стремление обустроить ровные участки, что выразилось в организованном сооружении террас.

Выбор материала, само расположение домов (постройки более поздних уровней, как правило, возводились на местах своих предшественников), а также основные технологии строительства на протяжении всего периода функционирования поселения не претерпели серьезных изменений, в то время как геометрические формы, в которые вписываются планы сооружений, напротив, трансформировались от уровня к уровню. Семь строительных горизонтов, расположенных друг над другом,

позволяют наблюдать постепенное удлинение формы оснований круглоплановых домов, начальные попытки возведения стен по прямым линиям и, наконец, сооружение первых прямоугольных в плане структур. Важные архитектурные инновации появляются в V уровне, когда внутреннее пространство домов начинает разделяться прямолинейными стенами. Внешние стены также в ряде случаев построены по прямым линиям, но углы, которые их соединяют, остаются округлыми. Впервые четкие прямоугольные углы, соединяющие как основные, так и внутренние стены построек, появляются в слое II/E. Прямоугольная планировка позволила упорядочить соединения отдельных домов при помощи стенок поддержки террас и в целом структурировать поселенческое пространство. С уровня 0/E строятся уже очевидно прямоугольные дома. Параллельно с архитектурными инновациями наблюдаются изменения и по другим категориям объектов, включая каменную индустрию, что подтверждает переходный характер слоя (Stordeur, 1999, p. 134–135; Stordeur et al., 2001, p. 30–31).

Уровень I/E — время, когда поселение достигло своих максимальных размеров (расширяясь «радугой» к северу и югу) — исследован на довольно широкой площади: 800 кв. м. без учета дополнительных разведочных траншей. Раскопки показали, что организация поселенческого пространства этого уровня явилась результатом заранее продуманного плана. Около 20 архитектурных единиц, по подсчетам авторов раскопок, были возведены на четырех террасах. И если на трех располагались целые группы разноплановых домов, разделенных открытыми участками, то самая нижняя терраса была представлена единственным строением — EA 7, более чем на 3/4 углубленным в землю, а также по ряду других показателей сильно отличавшимся от ординарных сооружений.

В целом иерархия поселенческого пространства поздних периодов функционирования Жерф эль Ахмара заметна в том, что самые маленькие постройки возводились на вершине, тогда как большие, сложной планировки, сделанные из наиболее качественных материалов строились по склону. Поселение, повернувшись спиной к Евфрату и господствующим ветрам, спускалось с холмов полукругом, образуя в центре, по замечанию авторов раскопок, у подножия телля особое пространство. Здесь в нижней точке склона на самой границе поселения и одновременно в эпицентре застраиваемой зоны находилось место расположения выдающихся конструкций, очевидно, общественного назначения (Stordeur, 1999, p. 136–146).

Материалы Жерф эль Ахмара, свидетельствующие о функционировании построек общественного назначения на территории Месопотамии в эпоху докерамического неолита А, весьма оперативно нашли свое отражение в предварительных отчетах и серии специальных публикаций (Stordeur, 1998; 1999; Stordeur et al., 2001). В одной из последних работ при рассмотрении северолевантийских памятников Д. Стордэр со своими коллегами выделяет два типа общественных зданий эпохи

PPNA. Древнейший тип по времени относится к расцвету PPNA и представлен углубленными в почву круглоплановыми, очевидно, многофункциональными сооружениями, имеющими внутренние перегородки. Для телля Мурейбит выразительным примером такого строения является Дом 47. В Жерф эль Ахмаре речь идет о постройках ЕА 30 (уровень III и II/W) и ЕА 7 (уровень I/E). Сооружения второго типа известны по материалам переходной фазы PPNA/PPNB Жерф эль Ахмара — это строения ЕА 53 (уровень I/E) и ЕА 100 (не идентифицированный уровень/W). Они представляют собой углубленные в почву круглоплановые однокомнатные постройки, которые содержали примыкавшую к внутренней поверхности стены (на всем ее протяжении) широкую украшенную рельефом скамью — один из важных признаков, указывающих на их вероятное использование в качестве мест для общественных собраний. Следует отметить, что все названные сооружения после длительного периода их функционирования были умышленно подвергнуты разрушительному действию огня.

Из построек первого типа наиболее сохранившимся образцом является строение ЕА 30 (Жерф эль Ахмар). Исключительно хорошему состоянию объекта мы обязаны, главным образом, пожару, который разрушил его за очень короткий срок. На плане и фотографии раскопанного участка уровня II/W Жерф эль Ахмара можно увидеть явное отличие ЕА 30 от остатков других построек на поселении **(рис. 7)**. Оно проявляется не только в размерах общественного сооружения, основательности его строения, обособленном расположении, но и в особенностях планировки, сильно заниженном состоянии уровня пола.

Овальное (почти круглое) в плане сооружение ЕА 30 (уровень II/W) построено на месте более древнего строения (уровень III/W) и, судя по всему, полностью его повторяет. Здание было заглублено в землю на 2 м. У стен котлована сохранились остатки внешней стены предшествовавшего сооружения. К ним примыкала новая выложенная из обработанных «сигарообразных» известняковых камней стена, укрепленная по всему радиусу пятнадцатью вертикально стоящими на не одинаковом расстоянии друг от друга деревянными (из тополя) столбами **(рис. 8)**. Средний размер «сигарообразных» камней стены постоянно уменьшается снизу вверх. Все внутренние конструкции здания также построены с использованием «сигарообразных» кирпичей различных размеров и форм в зависимости от их функционального предназначения и месторасположения. Скрепление крупных элементов постройки, как и обработанных камней в кладке стен, их последующее покрытие слоем штукатурки осуществлялось за счет лимана, набранного у берегов Евфрата, смешанного с легкой шелухой злаков. Перед созданием пола вся поверхность была засыпана мелкими подобранными по размеру камешками (галькой местного происхождения). На этот предварительно подготовленный настил, а также на стены, перегородки, скамью/платформу и другие внутренние структуры был нанесен тонкий слой покрытия из лимана и злаковой шелухи. В от-

дельных ячейках постройки (№№ 2, 3, 7) пол нес следы двух- и трехразового покрытия посредством нанесения новых слоев гальки и глинистого раствора, что говорит об их довольно частом посещении. Крыша, судя по сохранившимся остаткам, состояла из многочисленных деревянных элементов, которые опирались на внешнюю и внутренние несущие стены строения **(рис. 8d)**. Доступ в структуру мог осуществляться при помощи переносной лестницы: либо через отверстие в центре крыши, либо через проем, располагавшийся на краю здания, в определенном участке внешней стены, который находился над землей.

Внутренний диаметр сужавшейся кверху постройки у основания достигал 7,40 м. На уровне земли он составлял 6,80 м. Зафиксировано, что внешняя стена продолжалась далее над почвой и ее окончательная высота — 2,60 м.

Восточная половина здания была разделена на шесть маленьких помещений двумя мощными несущими стенами и несколькими внутренними перегородками (высота от 0,90 до 1,35 м), лучеобразно расходящимися от центрального участка. К противоположной западной стене примыкала широкая скамья (ширина — 1,5 м), разделенная на две части разной высоты — 0,35 м и 0,50 м. Вместе эти восемь периферийных подразделений ограничивали в центре большое многоугольное пространство, составляя своеобразную геометрическую фигуру, отличавшуюся определенной симметрией **(рис. 8с)**. Входов из центрального помещения в периферийные не было. Сообщение осуществлялось путем перешагивания над перегородками благодаря ступенькам (одной простой, высота — 0,40 м; другой двойной, высота — 0,60 м), которые располагались в двух углах на равном расстоянии от оси симметрии здания. Прямоугольный проем (0,25 х 0,30 м) вел в ячейку № 5, находящуюся на оси симметрии **(рис. 8b)**. Он был слишком мал, чтобы позволить проход человеку, но достаточно широк, чтобы, например, протянуть через него руку, взять или положить нужные вещи, заглянуть в ячейку. В отличие от остальных помещений пол в комнате № 5 не реконструировался, а перед нанесением слоя обмазки несколько небольших известняковых камней было специально положено на настил из гальки.

Интересно, что впереди обеих несущих стен в центральном помещении находились два четырехугольных в срезе блока (высота — 0,60 и 0,80 м). Они состояли из «сигарообразных» скрепленных раствором камней и были покрыты штукатуркой. Авторы раскопок не могут дать какого-либо объяснения этим структурам, замечая, однако, что их высота и расположение в продолжение стен не позволяют считать их ступеньками (Stordeur et al., 2001, р. 32–35). Между тем, рассмотренные выше материалы Гермез Дере и Немрик IX, а также данные общественных построек переходного этапа в самом Жерф эль Ахмаре и культовых сооружений эпохи PPNB, о чем речь пойдет ниже, дают более определенную информацию о подобных объектах, свидетельствуя о вероятном использовании их в символических целях. В ЕА 30 само местонахождение отмеченных структур является весьма показатель-

ным. Нет сомнений, что эти блоки конструктивно и семантически связаны с имеющей форму правильной трапеции, центральной в ряду помещений, расположенной на оси симметрии комнатой № 5. Она находилась прямо напротив скамьи и была сделана немного в глубине по отношению к другим помещениям. Наличие рассматриваемых структур усиливает такое впечатление. Кроме того, с двух сторон комнату № 5 в отличие от других ячеек окаймляли две подчеркнуто мощные несущие стены, а спереди ограничивала наиболее высокая (судя по фотографии) перегородка — единственная с прямоугольным отверстием. Данные архитектурные характеристики, как и выше отмеченные особенности пола, явно выделяют комнату № 5 наравне с центральным пространством и скамьей из остальных частей ЕА 30, четко структурированная архитектура которого, несомненно, несла определенную семантическую нагрузку.

Обратимся теперь к сопутствующим свидетельствам сооружения ЕА 30 и рассмотрим его данные в сопоставлении с материалами других общественных построек того же типа (ЕА 7 Жерф эль Ахмара и Дома 47 Мурейбита). Точное сходство этих строений, как справедливо замечает Д. Стордор, удивительно, учитывая расстояние в 40 км, которое отделяло Мурейбит от Жерф эль Ахмара (Stordeur et al., 2001, p. 35). Некоторая разница наблюдается в размерах и пропорциях использованных при возведении построек материалов. Так, в Мурейбите доминирующим строительным материалом являлось дерево (тополь), а в Жерф эль Ахмаре — известняк. Размеры Дома 47 несколько уступают ЕА 30 (**рис. 9**). Вместе с тем все общественные здания рассматриваемого типа были сильно углублены в землю и имеют схожие планы, что отличает их от обычных домов соответствующих уровней поселений. Что касается частных различий в деталях конструкций, то, например, внутренние перегородки Дома 47 на Мурейбите, высота которых не превышала 0,60 м, ниже, чем подобные стены в сооружениях Жерф эль Ахмара. В связи с этим в Доме 47 имелся только один порожек (в месте соединения углов ячеек «f», «g», «h»), помогавший перешагивать через перегородки (**рис. 10**). Кроме того, ЕА 30 является единственной структурой, включающей внутренние несущие стены. Тогда как в Доме 47 и ЕА 7 поддержка крыши осуществлялась за счет дополнительных деревянных столбов. Все рассматриваемые сооружения содержали однотипную скамью — широкую и низкую. В Доме 47 имелся также очаг. В свое время эта деталь повлияла на его интерпретацию в качестве примера домашней архитектуры эпохи раннего докерамического неолита (Cauvin, 1977; Aurenche, 1980).

Как сообщают авторы раскопок, строение ЕА 7 предоставило незначительное количество сопутствующих свидетельств. Исследования ЕА 30 напротив зафиксировали нахождение ряда артефактов ih situ, что дает возможность сделать некоторые выводы о назначении его помещений. В частности, остеологические останки животных, остатки производства, орудий и оружия обнаружены исключительно в пределах яче-

ек №№ 2, 3 и 7, которые были легко доступны благодаря примыкавшим к ним ступенькам. Выявленные артефакты выразительны в качественном плане. Так свидетельства оружия и орудий, найденные здесь, были крупных размеров и сделаны с особой тщательностью. Небольшой овальный терочный камень содержал остатки охры. Остатки обсидиана — предмета престижа, импортного материала — были также сконцентрированы в указанных помещениях. Отмечено, что здесь его намного больше, чем в ординарных постройках или на иных участках поселения. Среди свидетельств фауны присутствуют хорошо сохранившиеся останки зубра — крайне редкая находка для Жерф эль Ахмара.

Комната № 5 и два помещения, к ней примыкающие, не содержали артефактов вообще, причем полы их не несут следов частой эксплуатации в отличие от неоднократно реконструировавшейся поверхности полов в ячейках №№ 2, 3, 7. Авторы раскопок предполагают использование помещения № 5 в качестве зернохранилища, а примыкающих к нему комнат как складских для скоропортящихся продуктов. Но каких-либо прямых свидетельств, позволяющих это утверждать, не найдено (Stordeur et al., 2001, p. 36). Хранение скоропортящихся продуктов предполагает частую эксплуатацию помещений и интенсивный износ пола, требующий ремонта, следы которого не были зафиксированы, соответственно следует искать иные варианты интерпретации. С нашей точки зрения, более правдоподобной представляется версия об использовании ячейки № 5 в качестве культовой ниши, а смежных с ней помещений как хранилищ для особо ценных объектов, имевших и сакральную значимость, чей покой старались не нарушать.

На гладком и хорошо убранном полу центральной комнаты археологами обнаружен лежавший на спине скелет человека с раскинутыми в стороны руками. Отметим сразу, что данное погребение является не типичным и даже исключительным для Жерф эль Ахмара, а также для эпохи PPNA в целом. Череп и четыре первых шейных позвонка отсутствовали, в то время как остальные части скелета сохранили точную анатомическую последовательность. Они были покрыты обожженными обломками и несли на себе следы огня. Разложение мягких тканей произошло в замкнутом пространстве. Раздавленное состояние грудной клетки свидетельствует о повреждении тела под весом руин. Данные характеристики рисуют эпизод, в котором смерть человека, пожар здания и обрушение крыши на труп происходило в короткий промежуток времени (Stordeur et al., 2001, p. 36–37). Подробные анатомические анализы пока не опубликованы. Однако уже можно с достаточной долей уверенности говорить о свидетельствах хорошо продуманного и проведенного в определенном порядке экстраординарного жертвоприношения, связанного, судя по всему, с ритуалом «погребения» строения EA 30. Помимо этого, человеческий череп и отдельно нижняя челюсть, не соотносимые со скелетом в центральной комнате, найдены в углу соединения двух стенных перегородок данной постройки. Интересно, что в сооружении EA 7 также выявлены человеческие останки – заклад

из двух черепов, который был помещен на дно ямки под одним из двух крупных несущих столбов. Материалы соответствуют первоначальному состоянию здания. Это указывает на высокую вероятность совершения здесь строительной жертвы при возведении сооружения, которая была положена в семантически значимую часть его основания[1].

В Доме 47, как и в строениях EA 30, EA 7, центральная комната тщательно убрана, она оказалась пустой. Ячейка «f» содержала множество останков птиц. Ячейка «a» имела небольшое углубление в полу и была самой богатой по количеству обнаруженных в ней находок. Деревянные блюда с ручкой, орудия из кремня и кости, чаша из камня, маленький глиняный сосуд, каменная статуэтка, 77 маленьких обработанных камней собраны здесь. В большинстве же ячеек Дома 47 сопутствующие материалы не были столь многочисленны. Человеческие останки в этом сооружении не обнаружены, однако антропоморфные статуэтки, как и кости зубра, были найдены под обгоревшими обломками крыши (Cauvin, 1977; Stordeur et al., 2001, p. 36–37). Данные свидетельства, на наш взгляд, сопоставимы с находками костей зубра и жертвенными останками людей в EA 30 и EA 7 Жерф эль Ахмара. В Доме 47 фигурки людей могли «замещать» наличие человеческих жертв. И те, и другие объекты, весьма вероятно, были оставлены с ритуальными целями.

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют сделать вывод о многофункциональном, в том числе, утилитарном предназначении рассмотренной группы строений. Их присутствие на поселении в качестве общественных сооружений для концентрации, хранения, производства, возможно, распределения ценных материалов и объектов особенно ярко проявилось в размерах, месте расположения, сопутствующих свидетельствах и специальной конструкции, отличающих эти здания от ординарных построек. Само возведение данных сооружений, с предварительным рытьем котлована, безусловно, являлось работой весьма трудоемкой и потребовало усилия многих людей, направляемых общим руководством. Наличие большой центральной комнаты, где не было найдено каких-либо бытовых остатков; широкой скамьи, занимающей значительную площадь помещений; а также обнаружение следов проведения различных обрядов, в частности связанных со строительством и «погребением» данных сооружений, наводит на мысль об осуществлении здесь в отдельных случаях коллективных действий культового порядка. Не сложно заметить, что по ряду характеристик, выделяющих Дом 47 (Мурейбит), EA 30 и EA 7 (Жерф эль Ахмар) из поселенческого контекста, рассмотренные материалы перекликаются с представленными выше свидетельствами неординарных сооружений 1-го слоя Халлан Чеми.

---

[1] Похожие свидетельства совершения жертвоприношений при закладке отдельных сооружений известны на территории Северной Месопотамии по материалам памятников хассунской, самаррской, халфской и более поздних культур.

Ко второму типу общественных построек, выявленных на территории Северного Леванта, относятся строения ЕА 53 и ЕА 100 Жерф эль Ахмара. Они функционировали позднее на переходном от PPNA к PPNB этапе и демонстрируют уже, несомненно, символическое оформление помещений. Из двух указанных строений хорошо сохранившимся, во многом благодаря пожару, и исследованным подробно является ЕА 53.

Это круглое в плане значительных размеров (d — 7 м) углубленное на 2 м в землю сооружение **(рис. 11)**. Как и для ЕА 30, аккуратно сделанная из камня стена, укрепленная регулярными близко установленными деревянными столбами (на этот раз их было около 30), окаймляла края котлована. Она примыкала к отреставрированной стене ранее существовавшего на этом месте здания. По собранным обломкам было установлено, что стена продолжалась над землей на высоту 50 см. Сложный раствор, включающий глину и гравий, скреплял кладку из «сигарообразных» обработанных известняковых камней, размеры которых постепенно уменьшались от нижних слоев к верхним. Толстый слой глиняной штукатурки, сохранившей следы раскраски, покрывал поверхность стены. Что касается устройства крыши, то анализ обрушившихся в процессе пожара фрагментов позволил предположить, что лучеобразный остов, состоящий из деревянных балок, был положен на шесть центральных столбов и на окружные столбы стены постройки **(рис. 11d)**. Небольшое понижение в центральном участке пола могло остаться от использования переносной лестницы, при помощи которой попадали в помещение.

В отличие от сооружений первого типа внутреннее пространство ЕА 53 не подразделялось на отдельные помещения. И единственной сделанной из «сигарообразных» камней, скрепленных раствором, внутренней конструкцией являлась примыкавшая к стене на всем ее протяжении широкая скамья (ширина — от 0,60 до 1 м). Данная скамья обрисовывала равносторонний шестиугольник со стороной 2,50 м, который гармонично вписывался в круговой план здания, оставляя в центре обширный участок свободного пространства. В каждом углу этого шестиугольника был установлен поддерживающий крышу мощный деревянный столб, глубоко вкопанный в землю на расстоянии 0,80 м от стены и также покрытый слоем глиняной штукатурки. Спереди скамья в промежутках между центральными столбами была облицована поставленными на ребро тщательно выполненными, отполированными тяжелыми известняковыми плитами (длина — от 0,75 до 1,28 м, высота — 0,45–0,50 м и толщина — от 0,11 до 0,17 м). После их установки центральное шестиугольное пространство и поверхность самих плит покрыли смесью из камешков и лимана. Наконец, тонкий слой раствора, состоящий из лимана и шелухи злаков, был нанесен на внутренние структуры здания (стену, нижние части центральных столбов, пол и скамью). Поверхность этого слоя разглажена при помощи воды.

Весьма интересным является то, что центральные столбы ЕА 53 сохранили явные свидетельства декора. Кроме того, верхний край плит,

спереди оформлявших скамью, был украшен выразительным фризом, состоящим из выпуклых рельефных треугольников и вырезанных ломаных линий. Материалы раскопок свидетельствуют о том, что украшение плит и центральных столбов вырезанным рисунком выполнялось in situ, уже после того как они были установлены на свои места, а затем покрыты обмазкой. В частности, зафиксирована непрерывная продолжительность декора от одной плиты к другой, а также тот факт, что слой раствора, нанесенный на нижнюю часть столбов, никогда не закрывал вырезанный на глиняной поверхности рисунок. Добавление вырезанных рисунков к рельефному оформлению плит ставит вопрос о возможности их нанесения не в ходе строительства, а во время проведения здесь торжественных ритуальных собраний. Наиболее часто из изображений в EA 53 были встречены ломаные и волнистые линии, а также ряд скрепленных между собой, расположенных вершинами вниз треугольников. Рисунок, выгравированный на покрытии одного из центральных столбов, похож на изображение змеи. Это волнистая линия, нанесенная вертикально, на верхнем конце ограниченная треугольником. Можно заметить, что в сумме представленные мотивы относятся к единой семье знаков, передающих символику воды, которые были широко распространены в раннеземледельческих культурах, в том числе они известны по материалам докерамического неолита Северной Месопотамии. Авторы раскопок сообщают, что подобные мотивы украшали и некоторые другие объекты Жерф эль Ахмара, например, каменные вазы (Stordeur et al., 2001, p. 37–40, fig. 8–10, 13).

EA 100 — заглубленное в почву круглоплановое сооружение еще больших размеров, чем EA 53, но, несомненно, того же типа (с единственным помещением и широкой скамьей, примыкавшей к стене на всем ее протяжении). Его остатки были обнаружены на Западном холме, когда воды Тихринского водохранилища уже заполняли раскоп. К сожалению, не было никакой возможности исследовать EA 100 подробно. Мы располагаем лишь поверхностной информацией об этой уникальной для своего времени постройке. В доступных публикациях отсутствуют ее общий план или фотография. Однако из сообщений исследователей памятника известно, что плиты, украшавшие спереди скамью, примыкавшую к стене EA 100, в своей верхней части так же, как в EA 53, были декорированы рельефным фризом треугольников. Помимо этого, схематичные, в том числе и антропоморфные рисунки прибавляются здесь к уже выявленным в EA 53 мотивам. Такие рисунки были выгравированы на одной очень массивной плите и, по мнению Д. Стордэр, вероятно, изображали человеческие тела без головы (сразу вспоминается обезглавленный скелет, обнаруженный в EA 30). Самым же замечательным открытием, на наш взгляд, явилось то, что по обе стороны от этой выдающейся плиты были установлены (немного с наклоном к центру) две скульптурные стелы, фотография которых опубликована **(рис. 12)**. Выполненные из цельных известняковых блоков, они явно изображают некие одушевленные существа. Их верхняя

часть украшена выразительным рельефным и выгравированным орнаментом. Вокруг шеи в обоих случаях нанесен уже известный по свидетельствам других объектов ряд расположенных вершинами вниз рельефных треугольников. По фотографии сложно судить, кого изображают данные скульптуры. Авторы раскопок предполагают зооморфный характер изображений: грифы (по определению Л. Гуришона), хищники (?) (по определению Д. Стордэр) (Stordeur et al., 2001, p. 40, fig. 8–11). Вместе с тем важным является само наличие скульптурных стел подобного вида в неординарной, символически оформленной, углубленной в почву большой постройке «ширококомнатной» планировки, датируемой переходным PPNA / PPNB этапом. В дальнейшем в эпоху PPNB на территории Северной Месопотамии традиция возведения таких сооружений укрепится и будет продолжена.

Ни очага, ни каких-либо иных следов домашней или производственной деятельности не было выявлено в границах строений ЕА 53, ЕА 100. Напротив, месторасположение, особенности планировки, конструкция, исключительное оформление помещений выделяют эти сооружения из общего поселенческого контекста (**рис. 13**). Многие признаки указывают на вероятное проведение в них особых торжественных собраний, имевших культовое значение. На этом фоне далеко не случайным представляется открытие жертвенного заклада, состоявшего из двух лопаток молодого зубра, положенных плашмя, в скамье ЕА 53 (строение, которое в отличие от ЕА 100 исследовалось подробно). Показательно также, что верхняя часть всех плит скамей в обоих зданиях продемонстрировала следы интенсивного износа до такой степени, что некоторые вырезанные на них рисунки оказались сильно поврежденными (Stordeur et al., 2001, p. 40). Данные свидетельства указывают на регулярную частоту посещения сооружений и использование скамей в качестве мест для сидения многими людьми.

Два последовательно функционировавших на Жерф эль Ахмаре типа общественных сооружений, выявленных в уровнях, относящихся соответственно к позднему PPNA и переходному PPNA / PPNB периодам, имеют много общего. Все постройки общественного назначения в отличие от ординарных домов, находясь в самой нижней точке склона, почти полностью углублены в землю, большого размера, круглоплановые, с мощной двойной обводной стеной, особой конструкции и, судя по имеющейся информации, расположены у края поселения, на его оси симметрии, таким образом являясь семантическим ядром застраиваемой площади. При коллективном возведении этих зданий совершались закладные жертвы, а на финальном этапе существования данных построек проводился сложный обряд их «погребения».

Факт использования устойчивого, геометрически выверенного типа конструкции в различных строительных горизонтах памятника, где отмечается большое разнообразие и свобода выбора архитектурных форм, показателен сам по себе. При этом прослеживается явная преемственность от сооружений древнейшего вида — так называемых полифунк-

циональных построек общественного назначения — к устройству более поздних общественных «узкоспециализированных» строений ЕА 53, ЕА 100. Выделив контур периферийных помещений, формирующих центральное пространство ЕА 30, мы увидим тот же шестиугольник, который станет правильным равносторонним для центрального пространства ЕА 53 **(рис. 8с, 11с)**. Уже в плане древнейших конструкций общественного назначения Жерф эль Ахмара и Мурейбита просматривается стремление освободить центральный участок. Технические усовершенствования переходного PPNA / PPNB этапа дали возможность реализоваться такому стремлению в полном объеме. Действительно, в ЕА 53 и ЕА 100, благодаря установке круга несущих столбов, центральное пространство было расширено, его контур приобрел точную форму правильного шестиугольника. Тогда как периферийные ячейки исчезли, и все действия на этом этапе происходили уже в единственном помещении, с акцентом на его центральный участок, куда было направлено внимание восседавших на скамье по кругу людей. Именно по отношению к центру организуется теперь структура здания. Исследователи памятника совершенно справедливо отмечают, что концентрация на единственной функции предназначения данных сооружений в качестве помещений для ритуальных собраний оказала непосредственное влияние на трансформацию плана строений общественного назначения от первого ко второму типу с переходом от осевой симметрии к центральной и изменением общей геометрической композиции. Данная эволюция, пишет Д. Стордэр, в целом отражает веяния ранненеолитической эпохи, когда изменения экономического порядка (начало сельскохозяйственной деятельности) сопровождались техническими и символическими инновациями (Stordeur et al., 2001, p. 42–43). Вместе с тем представляется, симптоматичным и сохранение круговой планировки, а также сильного занижения уровня пола у выдающихся сооружений даже на переходном PPNA / PPNB этапе, в то время когда обычные постройки соответствующих слоев возводились уже преимущественно по прямоугольному плану, а углубление домов в почву вообще было характерным только для древнейших периодов функционирования поселка. Можно предположить, что коллективная память о первых домах-жилищах — круглых в плане и углубленных в почву — повлияла в какой-то мере на особенности строительства выдающихся общественных сооружений Жерф эль Ахмара более поздних этапов. Ведь общественный консерватизм, символическое возвращение к истокам и использование с этой целью устойчивых архетипов — явления, достаточно широко распространенные в культовом строительстве всех времен и народов.

Вместе материалы Халлан Чеми, телля Мурейбит и Жерф эль Ахмара дают весьма ценную информацию о начальных этапах архитектурной традиции возведения построек общественного назначения на территории Северной Месопотамии в эпоху раннего докерамического неолита. Раскопки этих памятников, а также обнаружение остатков «домов-святилищ» в Гермез Дере и Немрик IX, свидетельствуют о том,

что некоторые особенности возведения и оформления общественных зданий Северной Месопотамии, утвердившиеся окончательно уже как характеристики сакрального строительства в эпоху PPNB, берут свое начало в более ранний период.

«ХРАМЫ» ЭТАПА PPNB

Чейеню Тепеси

Чейеню Тепеси является первым широко исследованным поселением докерамического неолита на территории Месопотамии. Памятник продемонстрировал непрерывную хронологическую последовательность культурных слоев, начиная с эпохи PPNA, вплоть до этапа PPNC/EPN. По этому и многим другим показателям поселение до сих пор сохраняет статус ключевого памятника для изучения процесса неолитизации на территории Ближнего Востока.

Чейеню находится в холмистых предгорьях Тавра (Юго-Восточная Анатолия) на высоте 830 м над уровнем моря, в одной из долин у подножия низкой известняковой гряды, на берегу небольшой не пересыхающей речки — одного из притоков Тигра. Исследователи отмечают, что поселение функционировало практически без перерыва с X тысячелетия до н. э. до настоящего времени (Özdoğan A., 1999, p. 38). Его главная доисторическая фаза относится к периоду PPNB.

Раскопки были начаты в 1964 г. под руководством Х. Чембел и Р. Брейдвуда совместно Стамбульским и Чикагским университетами. С 1978 по 1988 г. в работах на Чейеню активное участие принимал профессор Ширмер — директор германского Института истории строительства при Университете в Карлсруе — вместе со своими сотрудниками и студентами. В 1990 г. к экспедиции присоединились ученые из Римского университета «La Sapienza». Всего, таким образом, было проведено 16 полевых сезонов в период с 1964 по 1991 г.

Помимо раскопок Чейеню, исследователями проводились археологические разведки на территории в радиусе 20 км от памятника. Было обнаружено шесть докерамических поселений, и размеры некоторых из них несколько превышают размеры Чейеню (Mellink, 1990, p. 127).

Чейеню Тепеси представлял плоский овальный холм площадью около трех гектаров с высотой на разных участках от 4.5 до 6 м. Его протяженность с севера на юг 160 м; с запада на восток – 350 м. Раннеземледельческие этапы существования телля относятся к периодам PPNA и PPNB, затрагивая начало PPNC. Приблизительно 22 % (4654 кв.м) общей площади поселения этой эпохи исследовано. Территория поселка имела размеры приблизительно 100 х 200 м. В ранних публикациях главная доисторическая фаза Чейеню представлялась 4 горизонтами и 7 субфазами (См., напр.: Бадер, 1989, с. 220; Brochier, 1993, p. 39; Özdoğan A., 1995, p. 81). В последнее время археологи выделяют 4 основных стадии развития ранненеолитического поселения, которые

в свою очередь делят на 6 субфаз, основываясь главным образом на изменениях планов фундаментов строений:

I. Круглые в плане постройки / Round Building / 10 200–9 400 лет назад — PPNA

II. Здания с решетчатым планом / Grill Building /

A — ранние / early grills / 9 400–9 200 лет назад — PPNA

B — поздние / late grills / 9 200–9 100 лет назад — EPPNB

III. Дома с каналами / Channelled Building / 9 100–9 000 лет назад — EPPNB

IV. Здания с полами из булыжников / Cobble-Paved Building / 9 000–8 600 лет назад — MPPNB

V. Клеточные строения / Cell Building / 8 600–8 300 лет назад — LPPNB

VI. Здания с большой комнатой / Large Room Building / 8 200–8 000 лет назад — PPNC

Субфазы функционирования реннеземледельческого поселения определены с помощью 39 радиоуглеродных датировок в некалиброванном их значении. Субфазы I и IIA отнесены исследователями к Первой стадии; IIB и III — ко Второй; IV и V — к Третьей; VI — к Четвертой (Özdoğan A., 1999, p. 41–42).

Несмотря на то, что базовые планы построек из разных уровней весьма не схожи друг с другом, прослеживается последовательное развитие приемов и техники строительства, которые эволюционировали в рамках единой архитектурной традиции, начиная со времени появления первых построек.

В настоящей работе представляется целесообразным дать общий обзор архитектурных свидетельств Чейеню Тепеси, поскольку поселение до сих пор остается в значительной степени эталонным по отношению к другим памятникам Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита.

Основным строительным материалом служил известняк, залежи которого в большом количестве находились поблизости. Использовался как рваный, так и хорошо обработанный камень; блоки укладывали на глиняный раствор. Широко использовались речная галька и булыжник, дерево и глина.

В основании холма обнаружены остатки небольших овальных в плане углубленных в землю домов (Round Building). Их стены опирались на каменный фундамент и были сделаны из обмазанного глиной плетня. Пол покрывался штукатуркой, в одном из раскопанных помещений он был красного цвета. В этот период погребения совершались в неглубоких ямах, расположенных как внутри жилищ, так и за их пределами. Группы хижин древнейшего поселения располагались вокруг открытых пространств.

Свидетельства следующей стадии в целом демонстрируют переход от PPNA к PPNB «стилю жизни», расширение площади поселения, развитие

специализации в ремесле, осуществление обмена на дальние расстояния, функционирование культовых построек и первые опыты доместикации.

Ранние почти прямоугольные постройки (с закругленными углами), названные «решетчатыми» (Grill Building) за форму плана их наземного фундамента, постепенно сменяют круглоплановые жилища. Размеры домов в среднем составляли 10 x 3,5 м. Фундамент делался из грубо обтесанных камней, которые укладывались несколькими параллельными по отношению к коротким стенам строения рядами с оставлением пустот между ними не более 1 м шириной, служивших, очевидно, для вентиляции. Пространства между каменными рядами фундамента выкладывались галькой. Жилые полы, возводившиеся на каменных основаниях, были приподняты над землей. Переход от углубленных в землю построек к домам на платформах, вероятно, связан с частыми наводнениями и / или сыростью во время сезонов дождей. Изменение овальной планировки строений на прямоугольную давало лучшую возможность расширять и обустраивать жилища по мере необходимости, упорядочить структуру поселения.

Мощный гипсовый пол покоился на деревянных балках. Имеются фрагментарные свидетельства того, что верхние стены построек и крыша были сделаны из веток и глины. Стены и полы помещений тщательно обмазывались глиной и покрывались штукатуркой. Среди «решетчатых» построек также выявлен дом, пол которого выделяется красным цветом. На некоторых участках внутри жилищ (например, с той стороны, где находился предполагаемый вход) пол имел каменное покрытие. В отличие от предыдущих строений, внутреннее пространство рассматриваемых зданий делилось обмазанными глиной перегородками из дерева на несколько секций, в одной из которых помещали очаг. Как правило, остатки «решетчатых» домов фиксируют 5–6 последовательных перестроек, не придерживающихся строгой ориентации. Со временем техника и планировка таких зданий постепенно совершенствовались (Redman, 1983, p. 190–191; Бадер, 1989, с. 220; Özdoğan A., 1999, p. 42–45).

На поздней стадии существования «решетчатых» построек их основания трансформируются в фундаменты с планировкой в виде каналов или «неправильно ориентированных решеток». Такие постройки известны под названием «домов с каналами» (Channelled Building). Теперь каменные ряды фундаментов становятся шире и располагаются параллельно длинным стенам строений. При этом между рядами каменных кладок фундамента оставлялись проемы для того, чтобы обеспечить возможность циркуляции воздуха. Плоские каменные плиты перекрывали фундамент постройки, который стал представлять строго прямоугольную «платформу» в отличие от плана «решетчатых» строений. Выступающие снаружи у стен построек части данных плит были включены в примыкающие к домам «скамьи», которые сооружались из камней, уложенных в один ряд. Такие же элементы зданий зафиксированы в Невали Чори и Кафер Хююке; есть предположение, что они должны были предохранять стены от размывания (Aurenche, Calley, 1988, p. 15).

Значительные изменения заметны и в строительстве верхней части жилищ. Теперь опиравшиеся на цоколь стены возводились из сырцового кирпича, размер и форма которого не были регламентированы. Внутренние разделительные стены сооружались по той же технологии (Özdoğan A., 1999, p. 45). В Невали Чори в подобных «домах с каналами» неоднократно зафиксировано строительство у внутренних стен выступов — «пилястр», тогда как снаружи у стен построек выявлены следы установки деревянных столбов, опор для крыши (Антонова, Литвинский, 1998, с. 38; Hauptmann, 1999, p. 70–74). Была ли крыша деревянной, тростниковой или глиняной; плоской или двускатной, определить в настоящий момент достаточно сложно. Глиняные модели домов из Чейеню, которые будут подробнее рассмотрены ниже, демонстрируют плоскую крышу.

Постройки субфазы «домов с каналами» возводились прямо над остатками «решетчатых» жилищ и были, как правило, по площади больше своих предшественников. Они имеют определенную ориентацию: северо-восток-восток — юго-запад-запад. Вымощенные кирпичом «тротуары» открыты с южной длинной стороны строений. В целом структура поселения заметно упорядочивается. Расширение площади пространств, оставляемых между зданиями, а также другие данные свидетельствуют о том, что открытым дворам в этот период отводилась особая роль в жизни общины. В частности, западный сектор представлял собой «производственный» участок с многочисленными мастерскими, построенными из непрочных материалов. Каждая мастерская специализировалась на определенном виде продукции, тогда как в предшествовавший период «решетчатых» зданий почти вся производственная деятельность происходила внутри жилищ или прямо перед ними.

В восточной части поселения большое открытое пространство (1000 кв. м), свободное от жилых строений судя по всему служило общественным целям. Около 46 очажных ям различных размеров было выкопано в земле на этой территории. Единственными постройками, расположенными с юго-восточной стороны от площади являлись сооружения, сильно отличавшиеся от ординарных, — «Здание с плитами» (Flagstone Building - F) и «Дом черепов» (Skull Building - BM). Еще одно большое строение (18 х 6,5 м), разрушенное во время возведения на его месте более позднего «Здания с мозаичным полом» (Terrazzo Floor Building - T), очевидно, также относилось к сооружениям особого назначения субфазы «домов с каналами» (Özdoğan A., 1999, p. 46) (**рис. 14**).

Исследователи памятника указывают на воспроизведение некоторых древнейших строительных традиций в облике наиболее ранних общественных построек Чейеню Тепеси. Их полы не были приподняты с помощью фундаментов над поверхностью земли, как это делалось уже долгое время при сооружении жилищ «решетчатого» плана и «домов с каналами», а, наоборот, специально углублялись в землю. Кроме того, «Здание с плитами« в плане представляло прямоугольник с закруглен-

ными углами, «Дом черепов» оставался овальным в течение, по крайней мере, трех его перестроек (Özdoğan A., 1999, p. 46). Выше отмечалось, что дома нижнего уровня Чейеню Тепеси были углублены в землю и имели овальную планировку. Таким образом, есть основания полагать, что прототипом первых общественных построек Чейеню явились древнейшие жилища, в буквальном смысле — дома предков.

«Здание с плитами» (**рис. 15**) располагалось на краю поселения «в нескольких шагах» севернее от ручья, и на момент раскопок в результате эрозии южная его часть оказалась полностью разрушена. Соответственно, зафиксировать длину постройки не удалось. Ширина достигала приблизительно 10,7 м. «Здание с плитами», не имея внутренних перегородок, состояло из одного большого помещения. Р. Брейдвуд и Х. Чембел назвали этот тип планирования ширококомнатным (Брейдвуд, Чембел, 1984, с. 74). Исследователи отмечают, что из сохранившихся северная, тыльная стена строения была существенно толще, чем боковые. Из нее выступали на 0,50 м две пилястры, которым соответствовали удаленные от них на расстояние приблизительно 2 м две каменные стелы, установленные в центральной части помещения. С внутренней стороны постройки к восточной стене примыкала мощная, из двух рядов камней сооруженная конструкция в виде скамьи. Относительно назначения подобного элемента интерьера, характерного для древнейших сакральных помещений, в том числе и для общественных культовых зданий PPNB, высказывалось мнение как о специальном месте для установки вотивных приношений или для совершения других обрядовых действий (Mallowan, 1946, p. 124; Антонова, 1990, с. 209). Перед скамьей в северо-восточном углу комнаты обнаружена еще одна вертикально установленная крупная каменная плита. Углубленный пол постройки был вымощен аккуратно подогнанными друг к другу крупными плоскими известняковыми плитами, длина самых крупных достигала 1,70 м. Вход, судя по всему, находился на юге (Schirmer, 1983, s. 473–475, abb. 8–10).

А. Оздоган, один из авторов раскопок, замечает, что в этот период практиковался обычай намеренного разрушения зданий перед их ритуальным «захоронением». До совершения «погребальной» церемонии все вещи из постройки выносились, оставались лишь некоторые объекты в качестве специальных даров, затем строение рушили и засыпали чистой землей. Подобной процедуре, очевидно, подверглось и «Здание с плитами» (Özdoğan A., 1999, p. 47).

Нижние уровни «Дома черепов» (планировка овальная — BM1) оказались сильно поврежденными последующими его перестройками. Есть основания полагать, что в начальный период в здании находились монументальные стелы, которые уже сломанными были включены в стены более позднего прямоугольного «Дома черепов». Под земляным полом древнейшего строения выявлены две ямы, содержавшие множественные остатки первичных и вторичных захоронений. Погребенные в большой яме, точное количество которых не называется, сопровож-

дались рогами и черепами зубров. Специальным исследованиям подверглось содержимое маленькой ямы (1,20 x 0,40 м, глубина 15–20 см), которая заключала в себе вторичные захоронения не менее 14 человек (11 взрослых и 3 детских). Эти фрагментарные человеческие останки не сопровождались каким-либо инвентарем за исключением каменной бусины (Le Mort et al., 2001, p. 40). На полу помещения также обнаружено много человеческих костей, среди которых встречены бусы, кремневый нож и другие предметы.

Помимо совершения погребений в пределах «Дома черепов», в этот период на поселении широко применялась практика захоронения мертвых во дворах, под полами и стенами жилых построек. Более того, отдельные фрагменты черепа и челюсти человека были найдены внутри некоторых мастерских (Özdoğan A., 1999, p. 46–47). Данные свидетельства еще раз подтверждают важность сохранения прямых (осязаемых) связей между ушедшими и живущими поколениями для людей ранненеолитического времени. По определению Е. В. Антоновой и Б. А. Литвинского, «эта черта представлений оседлых земледельцев — следствие их постоянного пребывания на одном месте, которое утверждалось и "освящалось" через их отношения с жившими здесь и здесь же погребенными умершими и выделявшимися среди них предками...» (Антонова, Литвинский, 1998, с. 45).

Представляется закономерным вместе с тем и сооружение специального «Дома мертвых» на определенной стадии развития Чейеню. Культ предков, получив архитектурное оформление, был сконцентрирован теперь в едином месте, что, вероятно, явилось материальным выражением определенных идей утверждения общинного единства жителями поселка.

На следующем этапе существования Чейеню Тепеси (Третья стадия) фиксируются важные инновации как в архитектуре, так и в структуре поселения. В строительстве жилых помещений последовательно наступают субфазы «зданий с полами из булыжников» (Cobble-Paved Building) и «клеточных строений» (Cell Building). Постройки теперь располагались вдоль двух (возможно, трех) террас, специально укрепленных массивными стенами от ливней и наводнений. Подобные конструкции открыты и на других ранненеолитических поселениях, например, в Халуле, Мурейбите и Жерф эль Ахмаре (Северная Сирия), Нахал Орене / Вади Фаллах и Басте (Южный Левант). Для Третьей стадии Чейеню сохраняется единая система в ориентации зданий и террас. Расположение и функциональное назначение открытых площадей также демонстрируют хорошо продуманную и контролируемую организацию жизни поселения. Для этого периода исследователи отмечают активные контакты региона с культурами Среднего Евфрата (Caneva et al., 1998, p. 204; Özdoğan A., 1999, p. 48–49).

Самое значительное отличие «зданий с полами из булыжников» от построек предшествующей субфазы заключалось в том, что теперь стены из сырцового кирпича опирались на цоколь, лежавший непос-

редственно на земле. Цоколь также служил основанием для полов, которые покрывали каменной вымосткой или штукатуркой. Специальные подпорки («пилястры»), обычно располагавшиеся с внутренней стороны коротких стен, поддерживали плоскую крышу. Внутреннее пространство дома делилось на три соединенные между собой комнаты. Входная дверь, как правило, располагалась в короткой стене здания, в юго-восточном его углу. Постройки данной субфазы были окружены «тротуарами», сделанными из булыжника.

В основании «клеточных строений» находился наземный каменный фундамент. На раннем этапе он включал в себя, как правило, 6 или 8 квадратных помещений менее 1 м в поперечнике. Для более поздних строений этой субфазы зафиксированы различия не только в размерах, количестве и форме «клеток» фундамента, но и в системе их расположения (Çambel, 1985, p. 186; Özdoğan A., 1999, p. 48). Стены, построенные из сырцовых глиняных кирпичей, по форме напоминающих глиняные «ломти» (удлиненные куски), опирались на каменный цоколь. По заключению исследователей памятника, в ячейках цокольного этажа находились хранилища. Возможно, эти помещения использовались и для других бытовых целей. Второй этаж являлся жилым. Попасть туда можно было по каменным ступеням, остатки которых обнаружены с восточной стороны зданий. Внутренняя организация жилых помещений еще до конца не понятна, но несколько удлиненных кирпичных блоков, сохранившихся в пределах внутреннего пространства построек, указывают на существование разделительных стен (Özdoğan A., 1999, p. 48).

Среди многочисленных находок в ячейках нижнего уровня конструкций Чейеню Тепеси были обнаружены древнейшие из известных на сегодняшний день глиняные модели домов. Поделки несли следы обжига. Такая модель создавалась на толстом основании. Постройка изображалась однокомнатной без внутренних перегородок. В одной из стен был сделан большой дверной проем. Стены наверху перекрывались маленькими прутиками, отпечатки которых сохранились. На них как на балках лежала плоская глиняная крыша, по краю которой проходил «парапет» (Redman, 1983, p. 193, fig. 11; Broman-Morales, 1990, p. 69–70; Bicakci, 1995). Подобные строительные приемы можно и сегодня видеть в глинобитной архитектуре Ближнего Востока. Описанные конструктивные детали не оставляют сомнений в том, что это действительно модели домов. Неясно, однако, какие реальные здания послужили для них прототипом. Ширококомнатная планировка моделей так же, как и само их создание, косвенно указывают на то, что перед нами изображения необычных строений, возможно, общественных зданий из восточной части поселения.

Особенностью западного района в это время является тенденция огораживать открытые пространства, которые таким образом превращались в закрытые дворы. На их территории обнаружены многочисленные фрагменты инструментов, обломки браслетов, а также кости домашних животных, оленей и коз. Предполагается, что эти места слу-

жили для разделки туш животных, изготовления костяных орудий и обработки малахита. Кроме того, к субфазе «клеточных» зданий относится, одно из необычных сооружений, выявленное в этом производственном районе. Однокомнатная постройка с заниженным уровнем пола содержала глиняный «саркофаг», в котором похоронены завернутые в материю люди, сопровождавшиеся набором инструментов (Özdoğan A., 1999, p. 48–50). Умершие мастера (о чем свидетельствует их погребальный инвентарь, да и сам район захоронения), помещенные в «дом предков» (однокомнатная с заниженным уровнем пола постройка), возможно, относились к особо выделяемой по роду занятий категории соплеменников и должны были быть похоронены соответствующим образом. Вспомним также, упоминавшиеся выше фрагменты человеческих черепов и челюстей, которые неоднократно были встречены в мастерских субфазы «домов с каналами» западного производственного района Чейеню Тепеси.

В восточном секторе поселения субфазы «клеточных» зданий значительная территория выше отмечавшегося открытого пространства была сначала покрыта неровными булыжниками и утрамбована, позже большая ее часть послужила основанием для, так называемой Площади («Plaza») размером 60 х 20 м, аккуратно вымощенной обожженными кирпичами. Красноватая поверхность обновлялась, по меньшей мере, трижды. На самом раннем уровне там были установлены два ряда стел и две большие плиты. Установленные каменные объекты сильно различались по своим размерам и форме. Самая высокая стела достигала 2 м в высоту. Высота самой маленькой — около метра. Как сообщают авторы раскопок, по крайней мере, на одной из них сохранились следы красной краски, другие также имели признаки моделирования (Özdoğan, Özdoğan, 1990, p. 74). Во время второй перестройки Плазы стелы преднамеренно сломали и похоронили вместе с плитами под следующим слоем обожженных кирпичей.

Нет сомнений, что такое хорошо организованное место имело важное значение для всей общины. По мнению Х.Чембел, Плаза могла использоваться для ритуального разделывания туш животных во время коллективных, праздничных трапез, что подтверждается наличием здесь большого количества костей и специальных орудий (Çambel, 1985, p. 187). Многие свидетельства, отмечает А.Оздоган, указывают на то, что по своим функциям Площадь являлась «открытым» эквивалентом «уникальных зданий» (Özdoğan A., 1995, p. 87).

Новый прямоугольный «Дом черепов» (BM2) был возведен на месте старого овального (BM1) (**рис. 16–17**) и примыкал к Площади. Здание несколько раз перестраивалось с небольшими изменениями и функционировало в течение всей субфазы «домов с полами из булыжников». Его внешние размеры достигали около 9,7 м с запада на восток и, по меньшей мере, 8 м с севера на юг. Строение состояло из двух главных секторов, представленных тремя соединенными между собой комнатами на севере (размеры — приблизительно 1,80 х 2,30 м; в первом вари-

анте таких коморок было четыре) и большим, покрытым известняковой обмазкой огороженным двором (или залом) на юге, который сообщался тремя дверными проемами с указанными помещениями. Пол маленьких комнат был аккуратно вымощен камнями и тщательно отшлифован (Schirmer, 1983, S. 469, Abb. 1, 5–7, 11b).

Во время перестроек две каменные стелы, а также фрагменты известняковой плиты из предшествовавшего овального здания оказались замурованными в различных частях прямоугольного «Дома черепов». Внутренняя поверхность стен этого сооружения сохранила следы расписной штукатурки (Брейдвуд, Чембел, 1984, с. 74; Özdoğan A., 1999, p. 50). У восточной стены выявлены свидетельства каменной конструкции, которые, по мнению В. Ширмера, похожи на остатки скамьи (Schirmer, 1983, S. 470). Одна из огораживающих двор стен с внутренней стороны была украшена рогатым черепом зубра. Вход в постройку находился на юге и оформлялся с двух сторон раскрашенными пилястрами. Рядом с западной стеной во дворе обнаружена отполированная каменная плита («altar») с размером поверхности 2,60 x 1,65 м. Символическое и культовое назначение этой плиты, по замечанию Х. Чембел подтверждает тот факт, что розоватый камень, из которого она сделана, не встречается в окрестностях Чейеню (Çambel, 1985, p. 187). Кроме того, есть основание считать плиту местом жертвоприношений. Специальные лабораторные исследования выявили на ней следы человеческой крови и крови животных (Özbeck, 1988, p. 127–138; Wood, 1992, p. 374; Cauvin, 1994, p. 120).

Еще один уникальный объект — древнейший глиняный сосуд в слоях рассматриваемого памятника, был обнаружен здесь. Раскрашенная красной охрой тарелка с невысоким краем и круглым основанием лежала на полу перевернутой. Вероятно, ее можно рассматривать как специально оставленный дар перед «погребением» этого строения.

В северных комнатах сооружения обнаружены фрагменты многочисленных человеческих захоронений, иногда сопровождавшиеся клыками вепря, каменными бусинами и другими объектами. В целом в «Доме мертвых» выявлены останки не менее 400 человек, что составило приблизительно 70 % от общего количества обнаруженных на памятнике захоронений. Среди данной группы находок было зафиксировано около 90 отдельно погребенных черепов (Mellink, 1990, p. 127; Özbek, 1992, p. 374).

Материалы первой субфазы рассматриваемой стадии отражают разнообразные обряды захоронения внутри «Дома мертвых». В западном помещении найдено много различно ориентированных черепов. Длинные кости укладывались в определенном порядке, который иногда нарушался последующими захоронениями. Среди костей встречены отдельные бусины из камня и малахита. В соседней комнате обнаружен обезглавленный скелет женщины, похороненной с новорожденным младенцем и ребенком постарше. Наконец, третья комната содержала различные фрагменты человеческих скелетов.

В последующий период в пределах «Дома мертвых» все захоронения, кроме одного, найденного под вымосткой в западной комнате, являлись вторичными и не содержали черепов. Тела мертвых помещали в ямы и специально приготовленные склепы. Однако покой могил постоянно нарушался. Более древние останки выносились из здания, а на их место помещали новые. Авторы раскопок подчеркивают, что особое предпочтение отдавалось длинным костям (Özdoğan A., 1999, p. 51–52).

В развалинах самого позднего строительного уровня «Дома мертвых» были собраны многочисленные фрагменты черепов, принадлежавших, что определено в результате специальных исследований, как минимум 71 индивидууму (60 взрослых и 11 детских) (Le Mort et al., 2001, p. 40). Большинство этих останков находилось в восточной комнате вместе с костями различных животных. Все черепа, первоначально выставлявшиеся на возвышениях, обнаружены на полу в раздавленном состоянии со следами ожогов под слоем обломков стен здания.

Помимо этого, на территории примыкающей к «Дому мертвых» выявлены наполненные человеческими костями ямы и единичные захоронения. Среди погребенных на данном участке было много детей и подростков (Özdoğan A., 1999, p. 51). Применявшаяся практика проведения различающихся обрядов захоронения свидетельствует о вероятности дифференцированного подхода к умершим с учетом «статуса» погребаемых.

Разрубание, растерзание человеческого тела на части играло огромную роль во многих религиях и мифах. Сохранились отголоски таких действий и в сказках. Смысл этого обычая многогранен и менялся со временем. Исследователи Чейеню полагают, что «Дом черепов», вероятно, использовался жителями поселения для подготовки мертвых сородичей к повторному (окончательному) захоронению, а также для собственно такого захоронения. Погребальный ритуал был длительным и достаточно сложным, включал в себя несколько этапов: подготовку и очищение скелета от мягких тканей, выборку определенных костей, их фрагментацию, оборудование места захоронения и возможного перезахоронения человеческих останков. Отмечалось также, что некоторым частям скелета, особенно черепам и длинным костям, выказывалось особое уважение (Le Mort et al., 2001, p. 40–47). О том, что отдельные части человеческих конечностей — бедро, рука, кисть — обладают магической силой, известно по этнографическим данным (см. напр.: Фрезер, 1986, с. 36). Но главное значение всегда придавалось голове человека, где «сосредоточена» его жизнь и сила. Культ головы / черепа был распространен у разных народов на протяжении долгого времени. При практиковавшейся повсеместно замене целого его частью, именно голова являлась воплощением человека. Выставлявшиеся в «Доме мертвых» Чейеню черепа умерших общинников могли обозначать их постоянное присутствие в этом здании.

Как показывают материалы раскопок, в течение субфазы «построек с полами из булыжников» захоронения в жилых кварталах не осуществ-

лялись. По крайней мере, мы можем утверждать, что они не были типичны. Поэтому в отмеченный период «Дом черепов» / «Дом мертвых» играл исключительно важную роль в социальной жизни поселения, и, прежде всего, как место «обитания» умерших сородичей. Разделение внутреннего пространства комплекса на отдельные, различающиеся своими размерами и оформлением, помещения; наличие жертвенной плиты в границах сооружения; рогатый череп зубра и следы росписи на стенах; а также явные свидетельства повторных действий, осуществлявшихся с останками умерших, дают основания вместе с тем предполагать более широкое назначение этого здания, а именно осуществление здесь жителями поселка определенных церемоний и ритуалов, связанных с представлениями о смерти и судя по всему направленных на сохранение связей коллектива живущих родственников с умершими предками. Такие взаимоотношения должны были способствовать единению человеческого коллектива и устойчивости его существования в мире.

Авторы раскопок отмечают, что в круг представлений о смерти был, очевидно, включен «культ быка» («bull cult»), о чем свидетельствуют, обнаруженные в «Доме мертвых» остатки почитания зубра (Özdoğan A., 1999, p. 51). Традиция размещения рогатых черепов или отдельно рогов, особо значимых костей крупных животных (баранов, козлов, зубров, быков, оленей) в неординарных постройках докерамического неолита, помимо Чейеню, была зафиксирована в Телль Асваде (Mallowan, 1946, p. 123–124; Copeland, 1979, p. 253, 269), Мурейбите (Loon van, 1968, p. 275), Жерф эль Ахмаре, Телль Халуле (Molist, 1999, p. 74) и Халлан Чеми (Rosenberg, 1994, p. 121–140, fig.10) на территории Северной Месопотамии; а также в Загхе и Гандж Даре в северо-западной части Ирана (Антонова, 1990, с. 219; Mellaart, 1994, p. 433). Подобный прием ритуального оформления помещений широко применялся и в более поздних неолитических «святилищах» Чатал Хююка, Центральная Анатолия (см. напр.: Мелларт, 1982, с. 92–93). В трех названных случаях (Чейеню, Телль Халула и Чатал Хююк) постройки, отмеченные такого рода символами, непосредственно были связаны с погребениями. В четвертом случае — в Жерф эль Ахмаре — кости зубра соседствовали с жертвенными закладами человеческих черепов и других костей человека, обнаруженных в постройках особого назначения.

Финальный уровень существования «Дома черепов» нес следы намеренного разрушения и пожара. Мощным слоем камней были завалены остатки здания. Исследователи памятника сообщают, что после совершения таким образом церемонии «захоронения» самого «Дома мертвых» фундаменты «клеточных» построек, как прежде, стали использоваться жителями поселения в качестве погребальных помещений (Özdoğan A., 1999, p. 2).

«Здание с мозаичным полом» — еще одно монументальное, ширококомнатное сооружение Чейеню Тепеси, которое, очевидно, два-три раза перестраивалось, сохраняя при этом основные свои характеристики (**рис. 18**). Внешние размеры лучше сохранившегося варианта стро-

ения составляют 11,75 х 9 м, внутренние — 9,80 х 7,50 м. С трех сторон стены сооружения имели ширину от 0,80 до 1,20 м. Однако юго-восточная, открытая к ручью длинная стена была заметно тоньше и имела ширину около 0,40 м. В ней находился вход. Все четыре стены данной постройки с внутренней стороны содержали по две пилястры. Ширина выступов составляла 1 м, глубина — 0,25 м. В связи с этим профессор Ширмер авторитетно заключает, что пилястры не являлись поддерживающим крышу устройством, а имели «образный характер» (Schirmer, 1983, S. 464, 466–469, Abb. 2–4).

Кроме того, трудоемкое оформление пола, несомненно, показывает, что создатели придавали ему важное символическое значение. Пол представлял собой красно-оранжево-белую мозаику, сделанную из мелких камней, скрепленных гипсом. Два ряда каменной кладки находилось в основании мозаики. Внизу лежали белые известняковые плиты, тщательно подогнанные друг к другу, предварительно обитые и скрепленные гипсовым раствором. Верхний слой был выложен мелкой цветной галькой на гипсовом растворе. Центр помещения пересекали две пары параллельных полос из белой гальки. Каждая полоса имела 5 см ширины и более 4 м длины. Белые линии как будто соединяли пилястры противоположных длинных стен постройки. В то же время протяженность линий точно совпадает с внешними сторонами пилястровых выступов коротких стен. После того как цементирующий раствор мозаики затвердел, поверхность пола была залощена (Брейдвуд, Чембел, 1984, с. 74, Бадер, 1989, с. 221).

В северо-восточном углу здания на полу выявлено округлое хорошо обработанное небольшое углубление (внешний диаметр приблизительно 1,25 м). Его кайма сделана из светлого известнякового материала, а поверхность внутренней части была окрашена в темный цвет. Данная конструкция, по мнению исследователей, могла служить очагом или основанием печи. Севернее и несколько глубже обнаружены следы маленького канала, сохранившего каменное покрытие, который, вероятно, принадлежал раннему варианту строения. В. Ширмер сообщает также о глиняной скамье, остатки которой зафиксированы с внутренней стороны у северной стены сооружения (Schirmer, 1983, S. 464–467, 469).

Неожиданными находками «Здания с мозаичным полом» явились большая известняковая глыба, скульптурно обработанная в виде головы антропоморфного существа, а также каменная плита (сохранившаяся длина — 70 см) с рельефным, схематично исполненным изображением человеческого лица («размером с тарелку») на одной из ее узких сторон. В результате проведенных лабораторных анализов на плите выявлены следы человеческой крови (Cauvin, 1994, p. 120). Эти объекты обнаружены в переотложенном состоянии в северо-западном углу помещения (Schirmer, 1983, S. 467; Брейдвуд, Чембел, 1984, с. 74–75; Braidwood, 1986, p. 5). Долгое время они считались уникальными. Однако впоследствии подобные скульптурные произведения

были в большом количестве встречены в других ранненеолитических памятниках Северной Месопотамии.

Субфаза «зданий с большой комнатой» представлена только материалами из восточного сектора. За исключением нескольких отдельных стен и насыпей над последним слоем «клеточных строений» в западном секторе не обнаружено никаких свидетельств. Не вполне ясно: то ли это связано с сильной эрозией в западном районе, то ли с тем, что поселение в этот период расширялось в основном на восток и на север.

«Здания с большой комнатой» были построены из камней средних размеров менее аккуратно, чем дома предыдущей стадии. Основания стен частично углублены в землю. Ранние постройки данной субфазы имели осевшие полы. Вымостки из обработанных камней сохранились у предположительных входов в жилища. В домах с более широким каменным фундаментом стены, судя по немногочисленным свидетельствам, возводились из глиняного кирпича.

Если принять к сведению большую площадь раскопок, отсутствие человеческих останков как внутри, так и вне территории, занимаемой «зданиями с большой комнатой», указывает на то, что либо погребения в данный период совершались за пределами поселения, либо существовал аналог «Дома черепов», построенный на новом месте, которое оказалось за границами археологически исследованного участка. Но второе предположение менее вероятно, так как для последней стадии функционирования Чейеню Тепеси (период PPNC) отмечается общий упадок в жизни поселения. Структура регулярной планировки нарушается. Плаза теряет свое прежнее значение и постепенно начинает застраиваться. Теперь она использовалась для повседневных нужд и не содержалась в чистоте, что говорит о деградации общественных ценностей. В это время прекращают свое существование функционировавшие в течение очень длительного периода здания специального назначения в восточном секторе Чейеню (Özdoğan A., 1999, p. 53–54).

Суммируя наши сведения об особых постройках Чейеню Тепеси, в первую очередь отметим, что вышеописанные особенности их конструкции, оформления и сопутствующих материалов, несомненно, указывают на определенное различие узкоспециального назначения данных строений, которые функционировали в течение длительного периода в восточной части поселения. Вместе с тем можно выделить значимые общие характеристики данных сооружений, которые продолжают уже известную в Северной Месопотамии с этапа PPNA традицию и отличают их от остальных построек, исследованных на памятнике **(рис. 19 a, b, c)**. В частности, такими особенностями являются наземное (для ранних периодов — углубленное) расположение оснований стен неординарных строений и ширококомнатный план их помещений. Широкий двор (или зал) «Дома мертвых» при наличии в северной части конструкции маленьких комнат проявляет определенное в этом отношении единство с остальными выдающимися сооружениями. Особое

внимание уделялось строителями своеобразной отделке полов, ранние из которых были специально углублены в землю. Существование широкой каменной скамьи, прилегающей к северной или восточной стене, зафиксировано археологами для каждого здания. Кроме того, на длинных или на всех четырех стенах в этих постройках находились парные пилястры, имевшие символическое значение, вероятно, совпадающее со значением стел, обнаруженных в «Здание с плитами», «Доме черепов» и в еще большем количестве на Плазе. «Роскошное» оформление данных сооружений, большие затраты, которые потребовались для их строительства, отмечает В. Ширмер, указывают на то, что эти здания имели высокий статус, функционируя, вероятно, в качестве репрезентативных и / или культовых (Schirmer, 1983, S. 476).

На первый взгляд кажется непонятным, почему «уникальные общественные строения» (кстати, так же, как и в Жерф эль Ахмаре) располагались на самом краю поселения, на откосе. Фасады всех реконструированных выдающихся построек Чейеню широкой стороной, своим входом открываются на юг, т. е. в противоположную сторону от поселения. При этом северная, тыльная стена «Здания с плитами» была заметно массивнее, чем остальные; соответственно у «Здания с мозаичным полом» в 2–3 раза тоньше других оказалась южная стена; а в случае с «Домом черепов» (BM2) именно с северной стороны от широкого огражденного двора / зала располагались внутренние помещения, дополнительно укрепляя и без того самую массивную из стен. Вполне вероятно, что здесь мы наблюдаем «эффект избушки на курьих ножках», которая находится на пограничной территории между освоенным людьми миром и чужим, непонятным, населенным сверхъестественными силами пространством. Избушка в обычном своем состоянии, как известно, повернута не к людям, а к лесу передом.

Представляется, что странное расположение, ориентировка и другие названные архитектурные приемы семантически выделяли территорию, занимаемую рассмотренными строениями из поселенческой среды, формируя, таким образом, особый сакральный участок, на котором функционировали значимые для всей общины сооружения.

Невали Чори

Поселение Невали Чори по многим причинам называют двойником Чейеню Тепеси. Охранные раскопки этого памятника, проводившиеся в 1983, 1985–1987 и 1989–1991 гг. совместной немецко-турецкой археологической экспедицией, дали новую информацию о неординарных строениях докерамического неолита. В 1992 г. Невали Чори было затоплено при сооружении плотины имени Ататюрка.

Поселение находилось в трех километрах южнее Евфрата, располагаясь по обе стороны от его притока ручья Кантара-Чай на террасе (площадке размером 90 х 40 м) у подножия известняковой горы на высоте 490 м над уровнем моря. Остатки жизнедеятельности периода PPNB образовали здесь двухметровый культурный слой, в котором

археологами было выделено пять уровней. Наиболее полно исследованным из них является третий.

Характерный тип жилого дома Невали Чори — прямоугольная наземная постройка с несколькими помещениями, расположенными над каменным фундаментом. Размеры фундамента различны (например, дом 12–14 х 5,5 м; дом 21–14,2 х 4,4 м; дом 26 – 19 х 6,5 м и т. д.). Всего было выявлено 29 подобных структур. Подпольное пространство в основании строений делилось перегородками на поперечные каналы. Известняковые стены покрывались густым известняковым раствором или глиной. Толщина внешних стен составляла 0,30–0,60 м. Под полами многих жилых строений в Невали Чори обнаружены захоронения, в том числе множественные (Hauptmann, 1999, p. 70–73).

При анализе строительных остатков памятника неоднократно отмечалось, что указанный тип построек относится к тому же виду, что и дома, встреченные в соответствующих уровнях Чейеню Тепеси. Кроме того, эта архитектурная традиция в Северной Месопотамии прослежена на ранненеолитических материалах Кафер Хуюка, Мурейбита, Шейх Хассана, других памятников эпохи PPNB. Подобно Чейеню, в Невали Чори для I–IV уровней зафиксирован определенный порядок размещения зданий на поселении. Пятый же (верхний) строительный горизонт показывает разрыв в последовательности обитания (Hauptmann, 1999, p. 70, 73). Замечательным является то, что поселение эпохи докерамического неолита, однажды заложенное, строго сохраняло один и тот же план на протяжении длительного времени своего функционирования. В рамках отдельных фаз нельзя обнаружить даже незначительных индивидуальных пристроек к тщательно организованным структурам. Все ординарные здания того или другого строительного горизонта были возведены по одинаковому плану, с использованием одних и тех же технических приемов и строительных материалов, что подтверждает гипотезу одновременного сооружения конструкций поселения.

Известно, что регулярная планомерная застройка поселения и единый тип жилищ, распространенные в пределах территории отдельной общины, наглядно свидетельствуют об использовании как коллективных усилий, так и определенных строительных традиций (коллективных знаний). Архитектура в данном случае фиксирует существование механизмов регулирования, так же как и механизмов принятия решений на уровне общины, являясь показателем сложности социальной структуры общества, создавшего те или иные строительные модели, выражавшие определенный «социальный заказ» (Carneiro, 1974, p. 180; Akkermans, Verhoeven, 1995, p. 29; Бондаренко, 2000, с. 9).

Наиболее выразительные свидетельства хорошо организованной структуры поселения представили раскопки третьего слоя. Длинные прямоугольные дома, расположенные двумя рядами в основной части поселка, своей узкой стороной, с которой находился вход, смотрели на юго-запад — в направлении долины. В пространстве между ними были выявлены очажные сооружения и другие хозяйственные при-

способления. Подобно известной строительной традиции из Чейеню, при возведении нового дома основа предыдущего, как правило, опять использовалась после его разрушения или сноса. Ориентация домов (северо-северо-запад — юго-юго-восток) сохранялась на протяжении долгого времени.

Конструкция строений и сопутствующие им находки позволили сделать вывод о различном назначении помещений. В частности, авторами раскопок были идентифицированы, помимо жилых домов, хранилища и помещение, где делали кремневые орудия и изготавливали скульптуры (Hauptmann, 1993, S. 39; 1999, p. 70).

Совсем иначе выглядела западная окраина Невали Чори, ручьем отделенная от основной территории. На краю откоса открыты остатки трех последовательно функционировавших, специфически оформленных монументальных сооружений, приемы строительства которых, планировка и интерьер во многом соотносимы с подобными характеристиками общественных зданий Чейеню Тепеси.

С северо-востока к постройкам примыкала массивная стена, ширина которой варьировала от 0,50 до 0,90 м, а сохранившаяся высота достигала 2,80 м (Hauptmann, 1993, S. 41–42). Не выполняя никакого практического назначения, стена судя по всему играла важную роль символической защиты сакрального участка и выделения его из общего поселенческого пространства (**рис. 20–21**). Как архетип, образ стены связан с представлениями о границе двух миров. Отсюда особая значимость храмовых стен позднейших периодов в качестве семантической линии между сакральной и профанной зонами поселения.

По оценке исследователей памятника, древнейшее из указанных монументальных сооружений возникло одновременно с самым ранним поселением (слой 1). Последующие Строения II и III (дома 13В и 13С), очевидно, относятся ко 2 и 3 слою (Hauptmann, 1999, p. 74–75). Строительный материал — мягкий, легко обрабатываемый белый известняк — добывался в непосредственной близости и доставлялся на поселение целыми блоками.

Перед сооружением старейшего Строения I (дом 13А) на участке со стороны долины был выкопан котлован, почти на три метра уходящий в глубину. На такой заранее спланированной и подготовленной основе возведено здание. Тыльной стороной оно врезалось в склон, а со стороны долины было открыто. Автор раскопок отмечает, что его вид резко контрастировал с видом свободно расположенных стоящих рядами прямоугольных построек поселения, откуда оно производило впечатление скрытого почти пещерного здания. В то же время со стороны долины это строение должно было выглядеть весьма величественно (Hauptmann, 1993, S. 41–42).

От Строения I уцелела только часть юго-восточной стены. Однако обломки каменных стел и скульптур из этого здания были использованы при возведении на этом же месте более поздних сооружений.

Строение II сохранилось значительно лучше (**рис. 22**). Почти квад-

ратное здание (внешние размеры — 13,90 x 13,50 м), занимающее площадь около 188 кв. м, углами ориентировано по сторонам света, а центральной осью — с юго-запада на северо-восток. Внутреннее помещение в плане представляло трапецию. Примыкавшая к нему окружная стена была сложена из бута и достигала 90 см ширины. Рядом с ее восточной частью выявлены канал и углубление, которые на каком-то этапе существования постройки были закрыты (близко сопоставимые данные «Здания с мозаичным полом» из Чейеню были рассмотрены выше). Ширина остальных стен здания не превышала 50 см. На некоторых участках высота стен сохранилась до 2,80 м.

Внутри помещения, с трех сторон примыкая к стенам, на северо-западе, северо-востоке и юго-востоке находилась скамья шириной 1 м. Она состояла из бута и глины и была покрыта большими каменными плитами. В эту скамью на расстоянии 2,30–2,40 м первоначально были включены основания 13 монолитных вертикально установленных скульптурных плит. В находящуюся напротив входа северо-восточную скамью вмуровано пять из них, остальные располагались пропорционально. Стелы в поперечном срезе прямоугольные (0,50 x 0,40 м). В основном от них сохранились нижние части. Однако найден фрагмент и верхней половины одной из этих плит, который выглядит Т-образно.

Ширина входа в постройку достигала 1,15 м. Две ступеньки вели в глубь помещения. По результатам обнаружения некоторых свидетельств, в частности, сохранившихся у входа больших обломков каменных плит и вымостки из булыжников, Г. Хауптманн предположил, что юго-западная сторона перед входом представляла собой укрепленный двумя вертикально стоящими плитами открытый вестибюль (Hauptmann, 1993, S. 46).

Пол помещения, достигая 15 см толщины, был сделан с особой тщательностью из точно подогнанных друг к другу известняковых плиток, которые составили сверкающую серо-белую мозаику. Стены и скамейки внутри сооружения покрыты белой штукатуркой. В нескольких местах на штукатурке зафиксированы следы росписи красного и черного цвета.

В юго-восточной стене здания находилась специальная ниша шириной 1,85 м и глубиной 2,50 м, которая не была видна входящему. Мозаичный пол вдавался в нишу только на 60 см. По мнению Г. Хауптманна, в ее глубинной самой сокровенной части находился постамент, основа которого состояла из обнаруженных здесь частей скульптурных Т-образных стел, первоначально принадлежавших более старому сооружению. Кроме того, несколько других фрагментов известняковых скульптур, украшавших ранее предшествующее здание, найдены замурованными в скамье и стенах Строения II. При обновлении здания прямоугольный подиум был установлен также на каменной скамье в восточном углу с использованием двух столбов Т- и Г-образной формы. Внутри подиума найдена спрятанная скульптура птицы (**рис. 29**) (Hauptmann, 1993, S. 46; 1999, p. 74).

Существовали ли центральные стелы в данном помещении, подобные обнаруженным в одном из особых зданий Чейеню, а также в последующем Строении III Невали Чори, определить не удалось.

Строение III, включавшее в свое основание остатки Строения II, немного меньше своего предшественника (**рис. 23**). Как сообщали исследователи, оно занимало площадь 178 м и представляло собой квадрат со стороной 13,30 м (Hauptmann, 1993, S. 48). Однако в более поздней публикации общая площадь постройки называется уже — 155 кв. м. Появились уточнения и относительно плана здания, который теперь определяется формой прямоугольника со сторонами 12,10 х 12,80 м (Hauptmann, 1999, p. 74). Эти и некоторые другие несоответствия (например, при определении порядка нумерации слоев памятника) в работах профессора Хауптманна, руководившего раскопками Невали Чори, в какой-то мере затрудняют процесс ознакомления с материалом. В спорных случаях мы придерживались данных последних публикаций, считая их более точными, дополненными с учетом новейшей информации.

Старый пол и окружная стена при сооружении Строения III были реконструированы. Юго-восточная стена здания полностью перестроена, за счет чего сократилась ширина помещения. Как и в Строении II с трех сторон по контуру комнаты располагалась каменная скамья. Только теперь она в углах плавно закруглялась. Ширина скамьи — 1,30 м. В скамье установлено 10 стел с промежутком в 2,50 м, две стелы окаймляли вход в помещение. Один из столбов, выломанный со своего места, был найден лежащим на полу. Первоначально он был Т-образной формы. Капитель частично сохранилась. Прямоугольный срез — 0,44 х 0,33 м. Общая высота стелы — 2,35 м. В плоском рельефе хорошо видны слегка согнутые руки, которые с узкой стороны изображены полосами с тщательно исполненными пятипалыми кистями (**рис. 24**). Судя по всему подобный вид имели и все остальные сохранившиеся лишь фрагментарно опоры (**рис. 25**) (Mellink, 1989, p. 107; Hauptmann, 1993, S. 48–50, abb. 9–12, 16).

Для этого уровня Г. Хауптманн снова указывает на большую долю вероятности существования вестибюля перед постройкой. Фасад, по его мнению, оформлялся двумя вертикально стоящими плитами с крышей над ними. Крыша здания, достигая в длину 8,60 м (max — 9,20 м), была плоской и, очевидно, состояла из дерева и тростника, скрепленных глиной (Hauptmann, 1993, S. 50–51).

Ниша теперь располагалась в противоположной от входа стене. В центре помещения находились две мощные стелы, расстояние между которыми давало возможность видеть нишу входящему. От этих монолитных плит, когда-то вмурованных в пол, in situ обнаружена только нижняя половина западной. Верхняя же ее часть найдена отдельно. Прямоугольный срез был размером 0,80 х 0,33 м. Первоначальная высота стелы 3 м. На плоском рельефе ее широких сторон снова узнаваемы очертания двух слегка согнутых рук, которые изображены на передней стороне полосами с пятипалыми кистями (Hauptmann, 1993,

S. 51). Т-образная капитель столба обозначала голову, а сама стела изображает фигуру человекоподобного существа в сильно стилизованном виде. Вторая плита была в древности вырвана со своего места. В углублении от ее основания, ниже уровня пола лежал обломок Т-образной вершины каменного столба.

В Строении III ниша располагалась на 50 см выше от уровня скамьи. Высота ниши составила 1.20 м, ширина — 70 см, глубина — 60 см. В ее основании найдена замурованной большая известняковая голова, высотой 37 см (**рис. 26**). Черты лица плохо сохранились, тогда как на затылке отчетливо видна спускающаяся с макушки коса-змея. Отбитое горло говорит о возможности того, что голова являлась частью какой-то фигуры. Судя по месту обнаружения находки, фигура могла изначально находиться в нише Строения II. Помимо этого, замурованной в скамье под нишей Строения III обнаружена фигурка «птицечеловека» высотой 23 см (**рис. 27**).

Сама ниша, располагавшаяся в стене напротив входа, по центральной оси помещения, выразительно оформленная с двух сторон симметричными монументальными рельефными стелами, безусловно, являлась главным архитектурно выделяемым элементом здания. Есть все основания полагать, что по замыслу создателей она предназначалась для хранения наиболее важного сакрального объекта. Г. Хауптманн считает, что его могла представлять великолепная скульптура из известняка, большой фрагмент которой был найден воткнутым перед нишей (Hauptmann, 1993, S. 57, Abb. 22a,b). Он изображает человеческий торс с частично сохранившейся шеей и достигает в высоту 37 см (**рис. 28**).

Всего при исследовании построек специального назначения в западной части поселения, помимо монументальных вертикально установленных рельефных плит, обнаружено 11 скульптур, сохранившихся полностью или фрагментарно (Hauptmann, 1999, p. 75–76, p. 11–15).

Среди уже упомянутых объектов в Сооружении II в восточном углу найдена замурованной скульптура птицы (длина — 50 см), напоминающая летящего пеликана, с изогнутой шеей и проработанной головой (клюв отбит). Это изображение имеет в основании каменный выступ-шип, который, по всей вероятности, был предназначен для крепления (**рис. 29**). В северо-восточной скамье обнаружена скульптура стоящей птицы (высота — 34 см) с выгравированными перьями, с отбитой головой (**рис. 30**). Позже стало понятно, что она являлась элементом сложной композиции (высота — 1 м), реконструированной из четырех фрагментов, в которую были включены изображения птиц и женских фигур (**рис. 31**). Из изображений существ смешанной зооантропоморфной природы интересна фигура высотой 0,6 м, которая также первоначально укреплялась на каком-то основании (**рис. 32**). Ее верхняя часть представляет собой человека с согнутыми и положенными на живот руками. Голова хорошо моделирована, в углубленные глаза вставлены зрачки из пока еще не определенного материала. Под длинными, спускающимися на спину волосами, проработанными гравированной сет-

кой, изображен птичий хвост. Приемы моделирования лица и прически этой скульптуры напоминают другую голову, запечатленную в рельефе — произведение, которое без преувеличений можно назвать превосходным (**рис. 33**). Рельеф представляет голову — фрагмент, вероятно, женской фигуры, выполненную более чем в натуральную величину (высота находки — 0,29 м). Он не имеет, по замечанию автора раскопок, аналогий в искусстве докерамического неолита (Hauptmann, 1993, S. 59–66, abb. 19–26). Являясь фрагментом верхней части стелы или колонны, которая, возможно, первоначально украшала более древнее культовое сооружение, объект был найден в переотложенном состоянии, замурованным в стене дома 3 (уровень 3) в жилом районе поселения (Hauptmann, 1993, S. 66).

Е. В. Антонова и Л. Б. Литвинский замечают, что мягкая пластичность данного произведения сближает его с лучшими образцами иерихонских черепов с «восстановленными» чертами лица, а также с крупными рельефными изображениями, открытыми в более позднем Чатал Хуюке. Помимо расположения этих объектов в помещениях особого рода, отмечалось стремление авторов реалистично передать черты лица человекоподобных существ. Близость натуре проявляется и в том, что названные объекты представляют собой изображения, близкие по размерам человеческой фигуре и иногда ее превосходящие. В Чатал Хуюке настенные рельефы обнаружены в помещениях, прямо или косвенно связанных с погребальными ритуалами; иерихонские черепа непосредственно иллюстрируют художественное отображение каких-то конкретных представлений о смерти. Рассматривая эти и некоторые другие параллели, Е. В. Антонова и Л. Б. Литвинский делают заключение о том, что «нащупывается по крайней мере одна связь обрядов, проходивших в постройках особого назначения Невали Чори: они были направлены на отношения с умершими, с мифологизированными предками» (Антонова, Литвинский, 1998, с. 45).

Однако следует отметить, что свидетельства захоронений Невали Чори вряд ли подтверждают данное предположение. В частности, следы широко распространенного в неолитических культурах Ближнего Востока «культа черепов», тесно связанного с культом предков, достаточно наглядно проявились в Невали Чори на жилой территории поселения. В доме 2 (уровень 3) в углублении пола северо-восточного помещения обнаружено восемь черепов (без нижних челюстей) и иные части скелетов двенадцати индивидуумов. Значительное количество человеческих останков найдено и под полами других жилищ, например, домов 21А и 21В (уровень 1 и 2), где одна из ям (дом 21А) содержала пять черепов и длинные кости скелетов. Единичный череп найден в центре ямы, наполненной щебенкой, в доме 6 (уровень 3). Среди погребений Невали Чори, совершенных под полами жилых построек, встречены, кроме того, скелеты без черепов (Hauptmann, 1993, S. 57; 1999, p. 70–73). Таким образом, археологическим путем зафиксировано, что жители поселения отдавали дань уважения и почитания умершим, хороня родственников под

полами жилых домов и «мастерских» (иногда уже покинутых), но не в пределах сакральной территории западного участка Невали Чори, где каких-либо человеческих останков обнаружено не было.

Возвращаясь к анализу имеющейся информации о скульптурах этого памятника, отметим, что среди них преобладают изображения антропоморфных существ, птиц и существ смешанного типа. Многие фигуры крупных размеров. Все скульптуры, кроме одной, найдены на территории «особого района», в переотложенном состоянии, иногда замурованными в более поздних Строениях II и III. «Вторичное» использование этих объектов, указывает на их особую значимость. Вполне вероятно, что они воспринимались в качестве носителей сакральной силы божеств-покровителей Невали Чори, гаранта присутствия последних на поселении. Перемещение таких скульптур из более древних общественных построек в последующие, по представлениям жителей поселка, очевидно, способствовало передаче священной энергии от одного здания другому.

Весьма показателен и тот факт, что все найденные небольшие глиняные статуэтки Невали Чори обнаружены за пределами сакрального района и были выполнены менее «качественно», чем каменные скульптуры. Всего их собрано около 700: 670 — антропоморфные, включая 179 мужские фигурки, и лишь 30 — зооморфные. Назначение этих находок связывают с участием их в обрядах повседневной жизни на поселении (Hauptmann, 1999, p. 77).

Кроме того, из особенных объектов, выявленных на жилой территории Невали Чори, в подполе дома 3 (уровень 3) был обнаружен фрагмент каменного сосуда с рельефным изображением двух полных человеческих фигур, стоящих с поднятыми руками и расставленными ногами по бокам от черепахообразного существа (**рис. 34**). Похоже, что участники композиции совершают ритуальный танец. Найдена также известняковая пластина с вырезанным на ней рисунком трех быстро бегущих, с широко открытыми ртами, людей. Обе сцены интерпретируются исследователями как обрядово-бытовые. По мнению Г. Хауптманна, первая из них связана с символикой плодородия, вторая, вероятно, демонстрирует эпизод охоты (Hauptmann, 1999, p. 76, fig. 16–17).

На основной территории поселения интересными представляются материалы дома 6 (уровень 3), который в определенный период являлся, по наблюдению археологов, и жилым помещением и мастерской одновременно. Там, наряду с обычными для жилищ Невали Чори остатками (очажные сооружения, известняковые ступка и пестик, свидетельства погребений и прочее), были обнаружены каменные, костяные и роговые инструменты, применявшиеся для производства орудий и других изделий. Даже после того, как дом 6 был покинут жильцами, его помещения продолжали использоваться для специализированной деятельности. В двух ямах, выявленных в разных комнатах постройки, обнаружены обломки известняка, а также несколько маленьких каменных скульптур и столб Г-образной формы. Материалы указыва-

ют, что помещение в определенный период являлось мастерской каменотеса или скульптора (Mellink, 1992, p. 124, fig. 6–8; Hauptmann, 1999, p. 72, fig. 18–21).

Миниатюрные каменные статуэтки, найденные в доме 6 Невали Чори, на сегодняшний день являются редчайшими среди находок раннего неолита. Они представляют собой антропо- и зооморфные фигуры (**рис. 35, 36, 37**). Особенно интересны изображения человеческих голов, выполненные как в стилизованной манере, так и с реалистичными чертами лица. Ограниченность в тематике данных произведений соответствует образцам крупной скульптуры Невали Чори. Можно предположить, что рассматриваемые объекты служили моделями для скульптур более крупного масштаба. Это впечатление усиливается при учете нескольких миниатюрных стел, которые детально повторяют один и тот же мотив, подобно антропоморфным колоннам в Строениях II и III. Г. Хауптманн полагает, что связь миниатюрных каменных статуэток с полномасштабной скульптурой несомненна (Hauptmann, 1999, p. 77). Обнаруженная здесь же уменьшенная копия маски (**рис. 36**) сопоставима с ритуальными каменными масками периода PPNB, известными по памятникам района Хеврон, территория Палестины (Cauvin, 1994, p. 154–155; Мерперт, 2000, с. 78, рис. 3.19). Миниатюрные каменные скульптуры человеческих голов (**рис. 35 a, b, c**) находят близкие аналогии среди крупных образцов Невали Чори (**рис. 33**) и Гебекли Тепе (**рис. 40**). Исследователи памятника отмечают, что рассмотренные объекты по качеству исполнения поразительно отличаются в лучшую сторону от глиняных статуэток, найденных на жилой части поселении (Hauptmann, 1999, p. 77).

В целом имеющийся материал позволяет сделать заключение о том, что по многим признакам общественные здания Невали Чори сопоставимы с постройками специального назначения Жерф эль Ахмара (EA 53, EA 100) и Чейеню Тепеси. В частности, их общими характеристиками является:

– расположение в особом районе поселения;

– преемственность в выборе места для строительства;

– специальная подготовка этого места;

– углубленная в землю конструкция и ширококомнатная планировка зданий;

– включение архитектурных и скульптурных элементов древнейших построек в последующие;

– наличие массивной, каменной скамьи, примыкающей к стене или стенам помещения;

– трудоемкая (для Чейеню и Невали Чори мозаичная или плиточная отделка полов);

– сохранность следов цветной штукатурки, выгравированных рисунков, рельефов на внутренней поверхности стен;

– установление монолитных стел, пилястр, декорированных столбов, скульптурных объектов внутри построек.

Примечательно, что в древнейших уровнях «Здания с мозаичным полом» Чейеню и Строения II Невали Чори, в угловой части этих построек, сохранились следы канала и специально оформленного углубления в полу (Hauptmann, 1993, S. 45; Schirmer, 1983, S. 466; 1990, p. 384). Назначение данных конструкций остается не вполне ясным, но можно предположить, что оно являлось идентичным и, судя по выявленным здесь следам огня и человеческой крови, было связано со специальным назначением самих зданий.

И если, Х. Чембел и Р. Брейдвуд, исследуя Чейеню Тепеси, подчеркивали, что постройки особого вида имели не обычное значение для жителей поселения, однако определять их как культовые еще не считали возможным (Брейдвуд, Чембел, 1984, с. 74.), то материалы монументальных сооружений Невали Чори, по мнению Г. Хауптмана, уже дают полное основание для однозначного определения их культовых функций, о чем наиболее выразительно свидетельствуют фрагменты больших скульптур, а также наличие ниш в Строениях II и III (Hauptmann, 1993, S. 57). На наш взгляд, специально подготовленное и изолированное место расположения неординарных зданий в стороне от основного поселка тоже весьма красноречиво говорит в пользу данного заключения.

Гебекли Тепе

Историю поразительных открытий монументальных культовых сооружений периода раннего докерамического неолита на территории Верхнего Двуречья продолжили полевые исследования Гебекли Тепе. Поселение расположено в горах на высоте 800 м над уровнем соседней долины Харран в 15 км к северо-востоку от современного турецкого города Санлиурфа. Памятник представляет собой большой телль с несколькими вершинами и небольшими впадинами между ними. Высота холмов достигает 15–20 м, общий диаметр комплекса — около 300 м. Гебекли Тепе располагается на высокой известняковой гряде, идущей в направлении юго-восток, и является доминирующим элементом ландшафта в радиусе 20 км. С севера и запада он окружен плосковершинными холмами, на востоке имеется доступ к родникам, с южной стороны от него находится долина Харран. Памятник известен с 1963 г., однако широкомасштабные исследования начаты лишь в 1995 г. совместной немецко-турецкой археологической экспедицией под началом Г. Хауптмана и К. Шмидта (Hauptmann, 1999, p. 78; Schmidt, 2001, p. 45–47, fig.1–2).

Сезоны 1995–1996 годов были посвящены изучению поверхности Гебекли Тепе и прилегающей территории. Уже первые находки представили исключительно богатый, в значительной степени неожиданный материал ранненеолитического времени. По всей поверхности Гебекли Тепе было зафиксировано множество мегалитических обломков: фрагментов скульптур и частей стел, наиболее крупные из которых достигали трех – шести метровой высоты. Самая огромная Т-образная девятиметровая стела весила более 50 тонн (!).

Среди крупномасштабных скульптурных находок встречены фрагменты, изображающие голову волкоподобного существа (**рис. 38**); голову человека (**рис. 40**); голову человека, на которой сидит животное (**рис. 43**); рептилию с зубастой пастью, расположившуюся на Т-образном навершие стелы (**рис. 41**); крокодилоподобное существо, лежащее на обломке плиты (**рис. 39**); «человека-фаллоса» (**рис. 44**); фигуру, отдаленно напоминающую «птицечеловека» из Невали Чори (**рис. 42**) и другие. Почти полностью сохранилась фигура мужчины (**рис. 45**) с выраженным признаком пола (Gates, 1997, p. 246; Schmidt, 1998, S. 24,29, Abb 6; Hauptmann, 1999, p. 80, fig. 26, 33). Фаллические образы известны и по иным объектам памятника. В частности, рельефное изображение трех одинаковых фаллосов обнаружено на скалистых откосах плато восточнее Гебекли Тепе (Schmidt, 1998, S. 29, Abb. 7). Помимо этого, интересны сведения относительно фрагментов крупных Т-образных колонн, на которых легко могут быть узнаны типичные для Невали Чори рельефные схематичные изображения рук с четко прочерченными «соединениями» пальцев (Schmidt, 2001, p. 46).

Многие характеристики ранненеолитических построек специального назначения, подробно представленные уже на материале Жерф эль Ахмара, Чейеню и Невали Чори, повторяются и в сооружениях Гебекли Тепе, изучение которых только началось. Сообщения о работах на данном памятнике сейчас носят предварительный характер.

В 1995–1999 гг. раскопки проводились на юго-восточной вершине, юго-восточном и южном склонах. Кроме того, было исследовано несколько известняковых плато поблизости от телля. В отношении датировки рассматриваемого комплекса данные уточняются до сих пор. Судя по коллекции каменного производства, древнейшие слои Гебекли Тепе следует относить к PPNA времени, а финальный период жизни на поселении предшествовал этапу LPPNB. Всего десять квадратов 9 х 9 м на трех участках были разбиты к началу 2000 г. Глубина раскопа в среднем достигла 3 м. Однако ни одно из зданий полностью раскопано не было. Нижние слои затронуты исследованиями мало. Соответственно данных, позволяющих точно определить и пронумеровать отдельные строительные горизонты на памятнике, пока не хватает (Schmidt, 2001).

Прямо под верхним слоем земли в юго-восточном секторе Гебекли Тепе обнаружены остатки прямоугольного в плане помещения (6,5 х 4,4 м), являющегося, очевидно, частью многокомнатной конструкции. Северная, западная и восточная стены не имели дверных или оконных отверстий. Южная стена до конца еще не исследована. Северная стена почти полностью сохранилась на двухметровую высоту до уровня потолка. В ее верхней части зафиксированы впадины от горизонтальных брусьев, которые должны были поддерживать крышу. Четыре Т-образные стелы, установленные в центре помещения, сохранились in situ. Они могли служить опорой для деревянных брусьев или каменных

плит крыши, выполняя при этом и символические функции (**рис. 46**). Вершины двух восточных стел были украшены рельефными фигурами атакующих львов, выполненными в реалистичной манере с блестящим мастерством (**рис. 48**). Оба рельефа изображают хищника в момент прыжка с раскрытой пастью. Львы как будто бросаются друг на друга. Таким образом, был использован прием зеркального отображения. В отчетах постройка получила название «Здания с львиными стелами» и отнесена к поздним периодам функционирования Гебекли Тепе. Пол помещения был составлен из хорошо подобранных, плотно примыкающих друг к другу плит. Между столбом II и северо-восточным углом комнаты выявлены остатки каменной скамьи (Schmidt, 1998, S. 32, Abb. 9, 10; 2001, p. 46; Hauptmann, 1999, p. 77, 79, fig. 24).

Еще один шедевр — вырезанный на каменной плите реалистичный рисунок обнаженной женщины, сидящей с широко расставленными ногами, — обнаружен на полу этого строения (**рис. 49**). Плита была уложена между колоннами с рельефными изображениями львов и, скорее всего, первоначально относилась к древнейшему уровню (Hauptmann, 1999, p. 80, fig. 35; Schmidt, 2001, p. 51). В отличие от известных по Чатал Хююку живописных и рельефных изображений «богини-роженицы» с широко расставленными руками и ногами (см., напр.: Mellaart, 1967, p. 61, 113, 115–117, 161–162, 166 etc.; Мелларт, 1982, с. 91) здесь представлена ритуальная сцена иного содержания, возможно, символически отражающая момент оплодотворения «богини» / инициации девушки.

В районе низины, располагавшейся к югу от вершины холма, обнаружены остатки двух строительных уровней неординарной многокомнатной постройки, размеры которой не уточняются. Верхнее (более позднее) строение состояло из шести прямоугольных помещений с мозаичным полом. В некоторых из них присутствовали пары столбов. Северо-западная стена одной из комнат включала «апсиду» в форме полукруга, которую с двух сторон украшали Т-образные величественные стелы (**рис. 47**). К основанию этих стел и к «апсиде» примыкала выполненная из каменных плит скамья. Парные Т-образные столбы уходят в юго-восточном направлении от «апсиды». В рассматриваемом помещении уже обнаружено пять стел, три из них имеют рельефные рисунки. В частности, столб I с широкой стороны украшен «гобеленом» в виде переплетающихся змей, под которым видна фигура барана; с узкой стороны — единичными змейками (**рис. 50**). На узкой стороне столба II изображена голова рогатого животного. Широкая поверхность стелы несет рельеф трех расположенных друг над другом фигур: быка (сверху), волка / собаки и крупной птицы (**рис. 51**). На III-м столбе, еще до конца не изъятом, нанесен рисунок лисы (?) (**рис. 52**). Несколько скульптур найдены в заполнении этого здания.

В нижнем горизонте две стелы, примыкавшие позднее к «апсиде» располагались в центре зала, но во время перестройки здания они были включены в состав новой северо-западной стены, которая, таким обра-

зом, заметно уменьшила размеры помещения. В целом нижнее строение превосходило по площади и, очевидно, по сложности планировки позднейшее. По декоративному оформлению первой обнаруженной здесь стелы постройка получила название «Здания со змеями», но в более поздних отчетах была переименована в Структуру А (Schmidt, 1998, S. 32–42, Abb. 11–17; 2001, p. 49–50, fig. 6; Hauptmann, 1999, p. 79, fig. 22, 30).

С 1998 г. севернее Структуры А начата расчистка еще одного неординарного сооружения — Структуры В **(рис. 53)**. Исследована большая часть круглоплановой конструкции, не имеющей внутренних перегородок, с диаметром приблизительно 9 м. Широкая каменная обводная стена включает вертикально стоящие Т-образные колонны, удаленные друг от друга на одинаковом расстоянии. К 2000 г. их выявлено шесть, уровень пола на тот момент не был достигнут. Как минимум две из отмеченных стел оказались украшены рельефами (одна содержала рисунки рептилий и змеи, расчистка другой продолжается). В центре помещения на значительном расстоянии друг от друга были установлены две наиболее мощные Т-образные колонны, каждая с рельефным изображением лисицы. Близкие параллели устройства данной постройки можно увидеть в сооружениях ЕА 53, ЕА 100 Жерф эль Ахмара и общественных Строениях II, III Невали Чори.

Восточнее Структуры В проводятся раскопки еще одной, судя по открытой ее части, круглоплановой конструкции, обозначающейся в отчетах как Структура С **(рис. 54)**. Эта постройка также включает в себя мощные Т-образные колонны, богато украшенные рельефами. Верхняя часть одной из них несет рисунок пяти птиц, попавших в сеть. Ниже на поверхности той же колонны выявлен рельеф кабана с обнаженными клыками. В заполнении данного помещения прямо перед описываемой стелой обнаружена скульптура кабана близко сопоставимая с рельефным изображением. У самого основания стелы, под изображением кабана нанесен еще один рельефный рисунок — изображение лисицы. Вторичное покрытие пола хорошо подогнанными друг к другу плитами закрыло нижнюю часть данного изображения.

Все три рассмотренные структуры не были подвержены эрозии или каким-либо другим разрушениям. По мнению К. Шмидта, эти украшенные колоннами, рельефами и скульптурами конструкции следует рассматривать в качестве комплекса открытых святилищ, не имевших крыш. Время функционирования данных построек соотносится с ранними периодами обитания Гебекли Тепе (Schmidt, 2001, p. 50–51, fig. 7).

Авторы раскопок предположили, что многочисленные выдающиеся впадины на поверхности телля отмечают важнейшие зоны поселения, т. к. возведенные в этих районах здания располагались на территории, представлявшей табу для любой другой строительной деятельности. Отчасти для проверки этого предположения в районе северо-восточной низины холма был заложен разведочный шурф. Результаты оказались достаточно интересными. На четырехметровой

глубине археологи достигли скалистой поверхности, которая была специально выровнена и покрыта каменными плитами, заключавшими в себе основания больших стел. Причем в предшествовавшем верхнем слое зондажа отсутствовали какие-либо свидетельства строительства (Schmidt, 1998, S. 44).

В целом архитектурные данные более поздних слоев Гебекли Тепе были представлены остатками преимущественно прямоугольных помещений с terrazzo полами, включением изогнутых стен или круглоплановых конструкций, обязательным наличием Т-образных колонн. Имея значительные размеры, такие сооружения тем не менее выглядят уменьшенным вариантом древнейших конструкций. Средняя высота 13 колонн, открытых к 2000 г. в более поздних уровнях, составляет приблизительно 1,5 м, тогда как высота 16 мегалитических стел, обнаруженных в ранних слоях памятника, превышала 3-х метровую отметку. Рельефные изображения гораздо чаще украшали колонны древнейших сооружений.

Никаких печей, очагов, иных остатков домашней жизнедеятельности в постройках Гебекли Тепе обнаружено не было. Вместе с тем исследователи памятника сообщают, что в полученном материале представлены различные этапы кремневого производства того времени. Это обстоятельство, по их мнению, удивительно, т. к. источников кремня на плато не существовало и сырье следовало доставлять к месту издалека (Schmidt, 2001, p. 49, 51).

Исследования окрестностей Гебекли Тепе показали, что окружающее памятник скалистое плато служило не только районом, поставляющим материал для строительства выдающихся монументальных комплексов телля, но и само являлось местом нанесения рисунков, нахождения сооружений особого назначения. Так, в скалах с юго-западной стороны от Гебекли Тепе обнаружены остатки круглого в плане строения, пол которого был тщательно отполирован. К стене внутри помещения по всему диаметру примыкала низкая скамья, в центре находились два подиума с отверстиями для стел. К. Шмидт отмечает, что размеры и элементы оформления данной постройки вполне соотносимы с характеристиками культовых зданий Невали Чори. Это обстоятельство дает основание предполагать похожие функции сооружений (Schmidt, 1998, S. 44). Кроме того, обнаружены примыкающие с северо-западной стороны к названному круглоплановому строению два цистернообразных овальных помещения, вырубленных на 2 м глубины в скалистой породе. В одно из них ведет пятиступенчатая лестница, в другом найдена большая обработанная каменная глыба, которая, по свидетельству исследователей, производит впечатление алтаря (Schmidt, 1998, S. 44; Hauptmann, 1999, p. 79, fig. 32). Рассмотренные структуры составляли единый архитектурный комплекс и судя по всему служили местом для проведения особых церемоний.

Итак, по всем имеющимся на сегодняшний день сведениям, Гебекли Тепе нельзя назвать обычным поселением эпохи докерамического неолита. Его размеры, экстраординарная коллекция материальных свиде-

тельств и выдающееся топографическое положение подтверждают данную точку зрения. Остатки величественных общественных сооружений, обнаруженные на разной глубине фактически во всех исследовавшихся участках Гебекли Тепе и даже в прилегающих к нему скалах, а также большое количество выразительных художественно оформленных находок, встреченных на всей поверхности телля, свидетельствуют о том, что вся территория памятника использовалась в свое время для создания мегалитической архитектуры. Судя по представленному комплексу материалов, функционально возводившиеся здесь сооружения отвечали, прежде всего, ритуальным целям. Однако многочисленные свидетельства кремневого производства указывают на вероятное использование Гебекли Тепе и в качестве места для изготовления орудий. Несомненно, что грандиозные строительные работы, длительное время осуществлявшиеся на Гебекли Тепе, потребовали для своего исполнения значительных затрат и усилия многих людей, возможно, представителей нескольких поколений.

Опираясь на результаты анализа собранных на памятнике остатков флоры и фауны, К. Шмидт заключает, что Гебекли Тепе в течение долгого времени являлось горным святилищем обитавших в округе племен охотников-собирателей. Их длительная концентрация вокруг этого центра должна была нанести серьезный урон окружающей среде, что в свою очередь вызывало настоятельную потребность к применению контроля в использовании природных ресурсов (прежде всего, злаковых), а это уже явилось первым шагом по направлению к производящему хозяйству. Таким образом, некие религиозные воззрения, которые заставляли людей собираться в определенном месте снова и снова, явились базовым фактором для начала неолитизации данного района. По мнению К. Шмидта, материалы Гебекли Тепе могут служить наглядным подтверждением точки зрения Ж. Ковена, прозвучавшей в его работе «Рождение божеств. Возникновение сельского хозяйства. Революция символов в неолите» (Schmidt, 1998, S. 44–45; 2001, p. 46–49), о сути которой говорилось выше[1].

Следует отметить, что культурные слои соседних теллей, синхронные времени функционирования Гебекли Тепе, пока не исследованы. Соответственно правильность этой гипотезы предстоит уточнять в будущем. Вместе с тем при изучении уже имеющихся материалов действительно поражает широта объема работ, предпринятых без использования силы тягловых животных, людьми докерамического времени для создания объектов, не имеющих «практического назначения».

Открытие крупного культового центра Гебекли Тепе представляет новую яркую страницу в истории изучения религиозного строительства эпохи докерамического неолита. И несмотря на наши ограниченные знания об этом замечательном памятнике, полученные материалы дают основания для некоторых предварительных заключений относительно

[1] См. страницу 9 данной работы.

особенностей архитектурного и скульптурного оформления сакрального пространства на данной территории. Во-первых, раскопанные на Гебекли Тепе неординарные сооружения представляли собой структуры долговременного, значительного по площади, вероятно, межплеменного ритуального комплекса, устроенного в горах отдельно от жилого пространства обычных поселений. Сооружения Гебекли Тепе отличаются бóльшими размерами, сложностью и разнообразием своих планов, если их сравнивать с данными общественных строений, известных по другим докерамическим памятникам. Во-вторых, огромная высота отдельных обнаруженных здесь стел и их обломков указывает на то, что, очевидно, не все содержащие их помещения имели крышу, или же, в другом случае, не все стелы по первоначальному замыслу должны были находиться внутри строений (древнейший уровень Площади в восточном секторе Чейеню Тепеси дает похожую информацию). Наконец, в отличие от Чейеню и Невали Чори, где преобладают антропоморфные изображения, на Гебекли Тепе, помимо них, выявлено значительное количество зооморфных символов и фигур.

Весьма разнообразен необычный мир скульптур и рельефных рисунков Гебекли Тепе. Однако и он отчасти повторяет, отчасти дополняет картину, известную уже по данным Немрик IX, Халлан Чеми, Жерф эль Ахмара, Невали Чори, Чейеню Тепеси и ряда других поселений докерамического неолита. Среди наиболее популярных изображений, а следовательно, и объектов поклонения, встреченных на этих памятниках, фигуры антропоморфных существ и существ смешанного типа; женские и мужские фигуры и символы; человеческие головы; букрании; образы птиц, змей и черепах. В иконографии Гебекли Тепе к ним добавляются изображения льва, кабана и лисицы. Названные мотивы характерны для памятников PPN вообще, однако для Верхнего Двуречья можно отметить их концентрированную локализацию в постройках специального назначения, определенное стилистическое и смысловое единообразие, схожесть в приемах и технике исполнения.

К особой группе находок, обнаруженных в культовых зданиях на докерамических поселениях Северной Месопотамии, следует отнести прямоугольные в срезе, вертикально установленные каменные стелы. По аналогии с европейскими менгирами и мессебами семитов, К. Шмидт считает правильным рассматривать их в качестве вместилищ божеств или тотемных духов (Schmidt, 1998, S. 41). Схожее значение является признанным и для славянских идолов, которые первоначально устанавливались в центре капищ или специальных храмовых построек (подробнее см.: Русанова, Тимощук, 1993, с. 11–16, 25, рис. 3–5). Нечто подобное наблюдается как отголосок былых времен и для античности: «...даже в период наибольшего развития греческой цивилизации продолжали почитать богов в виде камней и кусков дерева, то обработанных, а то и совсем необработанных» (Лосев, 1957, с. 38)

Стилизованно оформленные столбы Жерф эль Ахмара и Невали Чори явственно представляют собой монолитные фигуры неких существ, вы-

полненных в полный рост, превышающий размеры человека. В то же время плиты Чейеню и Гебекли Тепе более условно отображали присутствие божеств в помещении. Определенную смысловую нагрузку, несомненно, несли зоо- и антропоморфные изображения на стелах Гебекли Тепе, а также раскраска и другие признаки моделирования данных объектов, зафиксированные на Чейеню. Напомним, что для Невали Чори и Гебекли Тепе характерны Т-образные навершия стел, что само по себе символизирует главу/голову, т. е. одухотворяет каменную глыбу.

Важным представляется тот факт, что стелы и пилястры, имевшие, судя по материалам Жерф эль Ахмара, Невали Чори и Гебекли Тепе, похожее значение, располагались в подавляющем большинстве случаев парами. Парность почитаемых центральных объектов в святилищах или архаичных храмовых строениях отмечается и во многих других культурах Древнего мира. Такая символика соответствует дуалистичности мифологического сознания, бинарности как одной из основ восприятия явлений мира человеком.

Интерпретация вертикально установленных плит, являвшихся центральными объектами в неординарных общественных сооружениях докерамического неолита, вероятно, станет более доступной при расширенном понимании значения самих зданий. Некоторые исследователи готовы уже сейчас рассматривать их в качестве «настоящих храмов» — Ж. Ковен, А. Б. Зубов К. Шмидт, Н. Базгелен; другие категорически с этим не согласны — Ж. Д. Форест, В. Ширмер; третьи же полагают, что преждевременные заключения могут оказаться ошибочными, соответственно следует ждать новых открытий — Е. В. Антонова, Б. А. Литвинский (Cauvin, 1994, p. 123; Зубов, 1997, с. 125; Schmidt, 1998, S. 17–49; Baєgelen, 1999, p. 8; Forest, 1996; 1999, p. 2; Антонова, Литвинский, 1998, с. 47).

Как отмечалось во Введении данной работы, даже в намного более поздних по отношению к периоду докерамического неолита первых на территории Месопотамии письменных цивилизациях — шумерской и аккадской — не существовало специального термина равнозначного современному понятию «храм». Слова **e_2** (шум.) и **bîtum** (акк.), обозначавшие, прежде всего, «дом», использовались и для названия культовых зданий Двуречья. Подобное определение культовых построек, учитывая стадиально близкий историко-этнографический материал и особенности мифологического мышления (метафорическое сопоставление природных и культурных объектов; диффузность; слабое развитие абстрактных понятий; медлительность разработки таких понятий и выражающих их слов[1]), имеет свое начало в более ранних культурах, и, судя по археологическим данным, соответствует толкованию некоторых общественных зданий эпохи PPN. Восприятие таких строений как «домов божеств» их создателями, на наш взгляд, вполне соотносится с рассмотренными свидетельствами выдающихся строений Хал-

[1] Подробнее см.: Вейнберг, 1986; Дьяконов, 1990; Мелетинский, 1995.

лан Чеми, Жерф эль Ахмара, Чейеню Тепеси, Невали Чори и Гебекли Тепе. Рогатые черепа зубра, величественные стелы, большие скульптуры, обнаруженные в пределах остатков особых сооружений на названных памятниках, очевидно, должны были наглядно демонстрировать присутствие в таких Домах «хозяев» — божеств-покровителей общины. В связи с этим закономерно, что планировка, иногда другие строительные элементы древнейших культовых построек демонстрируют генетическую связь с обликом жилых домов, причем в большинстве случаев с жилищами архаичного вида. Можно заметить, что сохранение и намеренная консервация традиции, являясь прерогативой сакральной сферы, служит еще одним маркирующим элементом для выделения священного пространства.

Имеющиеся отличия в строительстве и оформлении культовых зданий Халлан Чеми, Жерф эль Ахмара, Чейеню, Невали Чори и Гебекли Тепе были связаны с естественным проявлением местной специфики как в сакральной, так и в архитектурной сферах; а, кроме того, с известной разницей времени функционирования данных комплексов. Тем не менее в целом артефакты Гебекли Тепе, несомненно, продолжают иллюстрировать уже известный по Жерф эль Ахмару, Чейеню и Невали Чори сценарий возведения монументальных культовых сооружений, представляя его в наиболее концентрированном виде:

– расположение неординарных зданий в отдельном районе, на специально подготовленном участке;

– особая планировка этих строений;

– включение остатков древнейших сооружений в последующие;

– трудоемкое, чаще всего плиточное покрытие пола;

– наличие каменной скамьи, окаймляющей пространство со стелами;

– присутствие самих стел и других художественно оформленных символических объектов в помещении, а также ниш и / или «подиумов» / «алтарей».

Некоторые из перечисленных характеристик известны уже по материалу общественных зданий Халлан Чеми и необычных домов Гермез Дере и Немрика IX (эпоха докерамического неолита А). Соответственно, архитектурная традиция возведения подобных построек на территории Верхней Месопотамии начала формироваться с самого раннего этапа неолитического времени, возможно, являясь приспособленным к новой обстановке продолжением развития комплекса сакральных знаний еще более древнего эпипалеолитического периода.

ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ДВУРЕЧЬЯ В РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Выявленное в ходе исследования сходство особенностей возведения символически оформленных общественных зданий Верхнего Дву-

речья нельзя объяснить только лишь похожими условиями существования Халлан Чеми, Жерф эль Ахмара, Чейеню Тепеси, Невали Чори и Гебекли Тепе; наличием поблизости в изобилии подходящего строительного материала. В данном случае, несомненно, проявляется как общая для ранненеолитических культур тенденция к усложнению социальной структуры коллективов, связанная с крупнейшими изменениями в материальной и духовной сфере, так и один из важнейших аспектов установления постоянных связей между поселениями Северной Месопотамии в докерамическую эпоху. Известно, что в это время они функционировали в значительном количестве, развиваясь на различных экономических основах.

То, что региональные и даже межрегиональные, вероятно, опосредованные связи существовали в ранненеолитическую эпоху, нагляднее всего проявляется при изучении импортных объектов или предметов, сделанных из привозимых материалов. Так, ближайшие от Халлан Чеми источники обсидиана находятся в районе озера Ван и Бингольском регионе, оба на расстоянии 100 км от поселения. Несмотря на такую удаленность, обсидиан использовался для производства 58 % каменных орудий, обнаруженных на памятнике. Причем в данной коллекции был представлен материал из обоих названных источников. Медная руда, по-видимому, служила в то время в качестве красящего вещества. Свидетельства ее использования в Халлан Чеми обнаружены почти исключительно в пределах рассмотренных неординарных построек. Ближайший из известных на сегодняшний день источников этого материала находится рядом с современным турецким городом Маден в 150 км западнее от памятника. Кроме того, в Халлан Чеми были обнаружены средиземноморские раковины (Rosenberg, 1999, p. 28).

По сравнению с этапом PPNA для культур этапа PPNB отмечается более высокая степень взаимодействия. В настоящее время продолжаются подробные исследования внутри- и межрегиональных контактов периода докерамического неолита В. Изучение месторождений и путей распространения различных видов обсидиана, кремня, соли, битума, бирюзы, нефрита, мрамора, раковин каури, дентадиум и других специфических ресурсов значительно расширяет наши знания не только об особенностях существования торговых систем древности, но и о возможностях межобщинного обмена различного рода информацией в ту эпоху (см., напр.:Renfrew et al., 1966; Dixon, Renfrew, 1976; Мелларт, 1982, с. 85–86; Mellaart, 1994, p. 429–430; Balkan-Atli et al., 1999, p. 133–146).

«Палочки с насечками» из Халлан Чеми, древнейшие печати и их оттиски из других ранненеолитических памятников (Букрас, Рас Шамры, Вади Хаммам, Телль эль-Каума II и др.), как и фишки в виде тригонометрических фигур (Чейеню, Гритиль, Кан-Хасан, Айн Гхасаль, Иерихон, Бейсамун, Бейда, Мегиддо, Немрик, Гандж Даре, Телль Магзалия), наглядно свидетельствуют о существовании на этих докерамических поселениях определенных структур учета и контроля (Wickede, 1990, S. 41–48, Tab. 1–40; Rosenberg, 1999, p. 28–29; Березкин, 2000, с. 336).

Несмотря на отсутствие прямых доказательств, есть основания предполагать, что социальная группа, связанная с культовой сферой, в частности, с возведением и функционированием описанных выше святилищ, вероятно, контролировала и экономическую жизнь поселений. Судя по имеющимся материалам, данная группа могла монополизировать межпоселенческие обменные операции; направлять работу специализированных ремесел и строительства; концентрировать и распределять ценные виды продукции; в целом руководить общественной жизнью соплеменников. По мнению М. Оздогана, существовавшая в Древней Месопотамии «исторического» времени социально-экономическая система, основанная на главенствующей роли храма, имеет свои корни в культурах Северного Двуречья эпохи докерамического неолита (Özdoğan M., 1999a, p. 231).

Таким образом, современная археология далека от понимания неолитического периода на Ближнем Востоке как времени функционирования простых деревень, борющихся за свое выживание, о чем писал когда-то Г. Чайлд (Childe, 1951, p. 83). Напротив, на основе полученных за последние десятилетия данных, сейчас активно обсуждаются вопросы существования стратифицированного общества; развитой системы обмена на обширных территориях; устойчивых институтов учета и контроля; иерархии поселений; монументальной архитектуры и весьма сложной картины верований даже для ранненеолитического времени.

До серии открытий верхнемесопотамских монументальных сооружений религиозного назначения вопрос о существовании культового строительства в эпоху неолита оставался одним из нерешенных. Единичные, не всегда убедительные и разрозненные свидетельства, документирующие этот процесс, не были достаточными для изучения проблемы. Так, о функционировании построек, где проводились культовые действия и / или которым придавалось сакральное значение, высказывалось мнение на основании полученных материалов из Мурейбита, Телль Асвада (район р.Балих), Телль Халулы, Букрас, Бейды, Иерихона, Хаджилара, Ашиклы Хююка, Айн Гхасаля, Чатал Хююка, Гандж Даре, Загхе и других памятников. Здания, помещения, отдельные части помещений, отличавшиеся своим расположением, планировкой, размерами, внутренним убранством и сопутствующими специфическими материалами интерпретировались иногда в качестве родовых или домашних святилищ, иногда как храмы и / или постройки общественного назначения (Mallowan, 1946; Mellaart, 1967; 1994; Lamp, 1956; Kenyon, 1957; Negabhan, 1979; Мелларт, 1982; Lichardus et al., 1985; Бадер, 1989; Антонова, 1990; Byrd, 1994; Peterman, 1994; Gates, 1996; Зубов, 1997; Molist, 1999; Мерперт, 2000 и др.).

Наиболее близкие параллели свидетельств культового строительства Верхнего Двуречья с памятниками из соседних регионов эпохи PPN проявляются в материалах Иерихона, Бейды (Kenyon, 1956; 1957, 1979; Kirkbrid, 1966; 1967; Byrd, 1994) и Айн Гхасаля, раскопки которого сейчас продолжаются.

В частности, в Северном секторе Айн Гхасаля на уровне, относящемся к периоду LPPNB, в 1993 и 1996 гг. были открыты две неординарные круглоплановые постройки, интерпретированные исследователями как «семейные святилища» (Peterman, 1994, p. 529–530, fig. 5).

В Восточном же секторе памятника, отделенном от основного поселения рекой Зарка, помимо обычных каменных построек жилого и хозяйственного назначения, обнаружены две структуры предположительно LPPNB и PPNC времени, которые, по мнению авторов раскопок, могли использоваться только в качестве храмов. Одно из этих зданий прямоугольной планировки с единственной комнатой было построено высоко на склоне в центральной части Восточного сектора и имело размеры 4 х 5 м. Второе располагалось южнее, на 100 м ниже по склону и состояло из двух помещений. Западная его комната оказалась сильно разрушенной, а восточная продемонстрировала размеры 6,5 х 3,5 м.

Обе постройки внутри были специфично оформлены. Их интерьер включал разнообразные, не типичные для жилых строений конструкции: четко выделяющиеся на земляном полу платформы, дополнительную внутреннюю перегородку, которая не достигала потолка, очажное сооружение перед «алтарем», состоявшем из каменных плит и опор, особые покрытия из глины, а также участки штукатурки красного цвета и некоторые другие элементы. В центральной части верхнего ширококомнатного строения по оси север-юг находились три вертикально установленных больших камня (средний обнаружен в упавшем состоянии), а в восточную стену этого помещения был в вертикальном положении вмурован отполированный белый известняковый блок. Его лицевая сторона имеет размеры 80 х 40 см. Наверху блока сделано небольшое навершие, что, по замечанию исследователей, придает антропоморфный характер объекту (Bikai, Egan, 1997, p. 505–506, fig. 10–11).

Два тайника PPNB периода были обнаружены на памятнике в 1983 и 1985 гг. Они содержали 32 крупномасштабные скульптуры различного типа. Тайник I включал 13 полнофигурных произведений и 12 бюстов. Среди 7 скульптур Тайника II три объекта оказались необычными двухголовыми бюстами **(рис. 55)**. Все скульптуры были сделаны по одинаковой технологии. Их основу составляли связки тростника, которые затем покрывали гипсовым раствором, придавая фигуре нужную форму. Битум использовали для обозначения некоторых черт лица (Egan, Bikai, 1998, p. 582–584). Высока вероятность того, что данные скульптуры первоначально находились в культовых строениях, открытых на поселении.

Можно заметить, что некоторые характеристики неординарных зданий Айн Гхасаля напоминают оформление культовых зданий Северной Месопотамии периода PPN. Однако ряд важных особенностей, присущих сакральной архитектуре Верхнего Двуречья ранненеолитического времени, в культовых постройках Айн Гхасаля зафиксирован не был, и наоборот, некоторые внутренние конструкции «храмов» Айн Гхасаля, как и иконографические образы, не выяв-

лены среди религиозных объектов Южного Тавра. Данное положение соответствует представлению о региональной специфике больших культурных и эколого-географических областей в эпоху докерамического неолита.

Если обратиться к другому важному источнику, отражающему религиозную сферу, а именно к погребальному обряду, то можно отметить, что в погребальном обряде периода PPNB сохранились основные черты ритуала предшествующего этапа. Культ черепа прослеживается еще с раннего палеолита. Но в неолитических поселениях древний обряд приобретает особую значимость. Известный и в натуфийское время обычай отделения головы (или черепа) от тела (или скелета) получает широкое распространение на Ближнем Востоке именно в период PPN.

Большой интерес представляют обнаруженные на некоторых поселениях Леванта уже упоминавшиеся черепа, которым с помощью глиняной или гипсовой обмазки, а иногда и натуральной краски придано подобие голов с моделировкой щек, бровей, губ, инкрустацией глаз морскими раковинами и имитацией волос битумом. Нижняя челюсть обычно удалялась, иногда ее заменяли искусственной копией. Некоторые черты, например, усы или имитация головного убора, в отдельных случаях дополнялись краской. Впервые такие черепа с моделированными лицами (11 объектов) встречены в Иерихоне (Палестина). Позже подобные находки были обнаружены в Айн Гхасале, Бейсамуне (север Иорданской долины), Телль Рамаде (близ Дамаска) и в пещере Нахал Хемар (район Хеврона). «Иерихонские черепа» явились подлинной сенсацией. Каждая «восстановленная» голова имела индивидуальные черты. Эти произведения (несмотря на укороченность лица из-за отсутствия нижней челюсти) дают впечатление настоящих портретов, о чем писала еще автор раскопок в Иерихоне К. Кеньон (Kenyon, 1956, p. 186; Bar-Yosef, 1991, p. 495; Антонова, Литвинский, 1998, с. 43–44; Мерперт, 2000, с. 80; Bonogofsky, 2003; Медникова, 2004, с. 160–168).

По мнению А. Мазара, подобный обычай «должен отражать веру в продолжение жизни и, возможно, свидетельствует о культе предков и сохранении души в черепе» (Mazar, 1990, p. 47). Е. В. Антонова и Б. А. Литвинский тоже считают приемлемой концепцию о связи черепов, как покрытых специальной массой, так и лишенных «оживленных» черт лица, с почитанием особо выделявшихся умерших предков. «Но не может ни привлекать внимания, — пишут исследователи, — связь почитания черепов не только с культом предков, но и с возникновением портрета». К. Кеньон первой отметила последовательность использования в ритуалах на Иерихоне В черепов, затем, покрытых специальной массой черепов и, наконец, полнофигурных скульптур, в том числе крупных, выполненных почти в натуральную величину из глины (или гипса) на камышовой основе (Антонова, Литвинский, 1998, с. 44). Помимо свидетельств Иерихона подобные скульптуры в значительном количестве обнаружены также в тайниках Айн Гхасаля (о чем говорилось выше).

Ряд исследователей докерамического неолита усматривает содержательные параллели не только между указанными группами находок: черепа — черепа с моделированными лицами — крупные человеческие изображения в виде глиняных статуй; но считают, что подобный же характер, вероятно, имели каменные маски, найденные в контексте изделий этапа PPNB в пещере Нахал Хемар (Mazar, 1990, p. 48; Мерперт, 2000, с. 80–81); настенные рельефы женских существ из Чатал Хююка; а также крупномасштабные антропоморфные известняковые скульптуры из культовых построек Невали Чори (Антонова, Литвинский, 1998, с. 45). Для всех перечисленных групп предполагается их ритуальная связь с культом предков. На наш взгляд, такое тотально обобщение при интерпретации объектов различных категорий, обнаруженных в пределах значительно отличающихся друг от друга археологических комплексов, является несколько искусственным, упрощенным представлением проблемы.

Недавно опубликованные результаты специального остеологического исследования моделированных черепов ближневосточного региона неолитической эпохи (Bonogofsky, 2003) показали ошибочность первоначальной их интерпретации в качестве сакрализированных останков пожилого возраста мужчин и женщин — старейшин общины, на чем собственно и базировалась теория о связи этих объектов с культом выдающихся особо уважаемых предков. Как выяснилось, моделированные черепа принадлежали не только представителям старшего возраста, но и молодым людям обоих полов, а также детям. Способ их захоронения, под полами жилых построек подобно обычным захоронениям рассматриваемого этапа скорее говорит в пользу того, что моделирование черепов служило одним из осуществлявшихся элементов погребального обряда, применявшегося в отдельных случаях на отмеченных поселениях.

Вместе с тем удивительное разнообразие изображаемых персонажей и их символов, служивших объектами почитания в эпоху PPN, известное по большому количеству свидетельств, в том числе данным культовых построек Северного Двуречья, так же как и строительство самих зданий религиозного назначения, указывает на весьма развитую и сложную систему верований того времени. Почитание мифических предков — покровителей общины, которые судя по всему могли иметь и тотемный характер, очевидно, являлось одним из ее базовых элементов.

Открытие в Айн Гхасале нескольких крупномасштабных двухголовых бюстов (высота находок от 80 до 90 см), спрятанных когда-то вместе с другими большими скульптурами в специальные тайники, дает дополнительный материал для интерпретации иконографических образов этапа PPNB. Первоначально эти объекты, вероятно, располагались в культовых постройках, остатки которых обнаружены на памятнике и кратко описаны нами выше.

Необычные двухголовые фигуры выполнены немного грубее других скульптур, найденных в тайниках, тех, которые представляли антропоморфные образы с одной головой, соединяющейся шеей с акку-

ратно сделанным человеческим по форме торсом. В отличие от этих скульптур основа двухголовых фигур была полупирамидальной формы с неровной, шероховатой поверхностью. В нее симметрично вмурованы две длинные шеи, поддерживающие одинаковые головы с красивыми лицами **(рис. 55)**. Главной их особенностью являются выразительные пристально глядящие глаза, а также непропорционально большие лбы, над которыми рельефно изображен головной убор, возможно, прическа. Головы одноголовых и двухголовых бюстов очень похожи.

Известно, что двухголовые персонажи присутствовали на протяжении длительного периода среди почитаемых изображений на территории Ближнего Востока. Доисторическим временем датируются подобные объекты Кипра, Анатолии (Чатал Хююк, Хаджилар, Алака Хююк, Культепе) и Сирии (Телль Брак). Вместе с тем фигуры с двумя, тремя и четырьмя лицами распространены среди художественных образов исторического Двуречья, а также в иконографии других регионов.

Ключ к пониманию двухголовых изображений Айн Гхасаля, по мнению Д. Шмандт-Бессера, может быть получен при обращении к древнемесопотамским священным текстам более позднего периода, например, описывающим Мардука — главу вавилонского пантеона, того который имел две головы, четыре уха и четыре глаза:

Ану, его отца породивший, увидев его,
возликовал, просветлел ликом;
радость наполнила его сердце.
Он сделал его таким совершенным,
что его божественная голова была двойной.
... Четыре было глаза, четыре было уха.

Описание двухголовых божеств в текстах Древнего Востока, в том числе в «Энума элиш», показывает, что двухголовость являлась метафорой для совершенной красоты, непостижимости, превосходства: четыре глаза символизируют всевидящее зрение, четыре уха отражают максимальную мудрость обладателя (Egan, Bikai, 1998, p. 582–583). В изобразительном искусстве шумерского времени отмечается значение неестественно огромных глаз и ушей как показателя сверхъестественной мудрости их обладателя (Афанасьева, 1968, с. 50).

Таким образом, загадочные двухголовые бюсты можно определить в качестве древнейших памятников становления символической традиции, отражающей божественное всеведение. Д. Шмандт-Бессера приходит к выводу, что если эти исключительные фигуры являлись изображениями божественных представителей, то, очевидно, все крупномасштабные статуи, в техническом отношении выполненные точно так же и обнаруженные в тайниках на Айн Гхасале вместе с двухголовыми бюстами, имеют подобное значение (Egan, Bicai, 1998, p. 582–584). Такое представление о скульптурах Айн Гхасаля вполне соотносится с нашим пониманием монументальных стел, крупномасштабных скульптур и рель-

ефов, найденных в культовых зданиях Северной Месопотамии, как знаков присутствия божеств на поселении, собственно для которых и были возведены специальные сооружения.

Подчеркнем, что во всех известных случаях функционирования общественных построек культового назначения на поселениях Северного Двуречья данные только одной из них — «Дома черепов» Чейеню — непосредственно указывают на связь общественного здания с почитанием предков, а именно с захоронениями. Для большинства же ближневосточных памятников этого периода доминирующей является тенденция нахождения погребений под полами и стенами жилых строений, а также поблизости от них.

Ярчайший пример совмещения сакральной и профанной сфер в границах жилой части поселения предоставили материалы широко известного анатолийского телля Чатал Хююка. Начатые в 1993 г. повторные раскопки этого памятника подтвердили высказанное ранее Е. В. Антоновой предположение (Антонова, 1990, с. 201–204) о том, что идентифицированные Дж. Меллартом как «храмы или святилища» (Mellaart, 1967; Мелларт, 1982) многочисленные богато украшенные постройки, под полами которых обнаружено значительное количество погребений, на самом деле являлись жилыми, одновременно выполняя функции родовых или семейных святилищ. Гипотеза Дж. Мелларта о существовании в Чатал Хююке особого «жреческого квартала», занимавшего 1 / 4 часть «протогорода», тоже не подтвердилась (Hodder, 1995; 1996; 1997; 1998; 1999; Shane, Kucuk, 1998). Но, может быть, особый статус культового центра имел сам Чатал Хююк (целиком) среди поселений, его окружавших?

Исходя из имеющихся на сегодняшний день пока немногочисленных, но весьма выразительных данных об исследовании памятников раннего неолита Северной Месопотамии и сопредельных регионов, представляется возможным предварительно выделить несколько типов строений и мест, в пределах которых на поселениях (или поблизости от них) наиболее часто совершали обряды. В основу данной классификации нами положены степень общественной значимости культовых центров, особенности их оформления и расположения.

К первой группе анализируемых объектов можно отнести родовые и / или семейные святилища, известные на территории Ближнего Востока начиная с протонеолитической эпохи. Такие постройки не были четко выделены из общего поселенческого контекста и часто совмещались с жилыми помещениями (Гермез Дере, Немрик IX, Чатал Хююк и др.).

Среди древнейших общественных сооружений, оформленных соответствующим образом и стационарно функционировавших на первых долговременных поселениях в качестве мест для проведения коллективных собраний с осуществлением значимых для всей общины обрядовых действий, выделяются площади, о наличии которых свидетельствуют представленные артефакты Халлан Чеми и Чейеню Тепеси.

Совмещение символически защищенного (сакрального) и значимо-

го в хозяйственном отношении для коллектива общинников пространства (производственных участков; мест обмена, хранения и распределения продуктов) было зафиксировано в особых постройках при исследовании Халлан Чеми, Жерф эль Ахмара (ЕА 7, ЕА 30) и Мурейбита.

Помимо этого, убедительные археологические данные указывают на существование уже в период докерамического неолита специальных общественных зданий определенно культового назначения. В частности, «Дом черепов» Чейеню Тепеси, выполняя функции общинного кладбища, являлся вместе с тем местом отправления особых коллективных церемоний, очевидно, направленных на оказание помощи родственникам при переходе в мир иной, а также на сохранение связей, сакрального единства между умершими и живыми общинниками. Похожие функции, по крайней мере, отчасти были присущи родовым и домашним святилищам Чатал Хююка. Однако появление общественно значимых «Домов мертвых» в качестве ритуальных общинных центров на раннеземледельческих поселениях (также см.: Сарианиди, 1962, с. 49–51; El-Wailly, Abu es-Soof, 1965, p. 23–24; Molist, 1999, p. 74), на наш взгляд, является одним из свидетельств, фиксирующих постепенный переход от доминирования родовых и семейных культов к общинно-территориальным. При этом характерно нахождения таких построек непосредственно в границах территории поселения.

Материалы Халлан Чеми, Жерф эль Ахмара, Чейеню (исключая «Дом мертвых»), Невали Чори, Телль Асвада (долина р. Балих), Гебекли Тепе в Северной Месопотамии; Иерихона, Бейды, Айн Гхасаля (Левант); Загхе (Иран) и некоторых других памятников докерамического неолита свидетельствуют о строительстве и функционировании общественных зданий, выполнявших культовые функции иного характера. В результате проведенного анализа, сопоставляя имеющиеся данные с этнографическими источниками и материалами более позднего времени, мы пришли к выводу, что указанные сооружения, по крайней мере, некоторые из них, могли быть посвящены божествам-покровителям общины и прилегающей к территории поселения местности. Особенно показательны в этом отношении свидетельства об изолированном расположении окруженного специальной стеной «теменоса» Невали Чори, расположении и ориентации общественных построек Чейеню Тепеси, Жерф эль Ахмара, а также об удалении архитектурно оформленного святилища Бейды и целого культового комплекса Гебекли Тепе на некоторое расстояние от поселений.

Известно, что в мифологическом сознании родовые святилища выступали в качестве символов освоенного, одомашненного пространства, которое было населено родовыми божествами. Соответственно такие святилища, как правило, располагались среди обычных жилищ, а иногда непосредственно в пределах этих жилищ, на поселении. В то же время места поклонения Хозяевам Дикой Природы символизировали неосвоенное человеком пространство, связанное с занятием охотой, рыболовством, скотоводством и земледелием. Святилища такого типа устанавли-

вали на открытых участках, за пределами поселений, рядом с особо почитаемыми деревьями, источниками, камнями, часто в пещерах или на возвышенностях (Ардзинба, 1982; Антонова, 1990, с. 227–231; Русанова, Тимощук, 1993, с. 8–11; Шутова, 2000, с. 32 и др.). Комплекс культовых сооружений, открытый в скалах недалеко от Гебекли Тепе, как и наскальные изображения возвышенности Тирсин (3000 м над уровнем моря), Восточная Анатолия (Özdoğan M., 1999a, p. 234, fig. 3–10, 13–16), по-видимому, могли предназначаться для божеств, олицетворяющих природные объекты или стихии. Такого рода святилища достаточно хорошо известны по историко-этнографическим данным, например, на территории Кавказа и Анатолии. Однако археологически в силу своей удаленности от исследуемых поселений, в частности, датируемых VIII тысячелетием до н. э., они выявляются крайне редко. Возможно, «священная» пещера Нахал Хемар и «жилище шамана» Вади Тбейк (Иордания) имели подобный характер.

Возведенные на границе поселений неординарные строения Жерф эль Ахмара, Чейеню Тепеси, Невали Чори и Бейды располагались между жилым и «неосвоенным» пространством, в точке соприкосновения данных зон, что символически, очевидно, должно было отражать их значение в качестве связующих сакральных центров между коллективом общинников, проживающим на поселении, и окружающим миром. Исходя из полученных археологическим путем топографических и некоторых других сведений, а также, опираясь на общие историко-этнографические знания, можно предположить, что «хозяева» докерамических «протохрамов» имели особую «генетическую» связь как с районом расположения поселения, так и с поколениями людей, долгое время там проживающих. В данном случае культ предков мог быть совмещен с поклонением силам природы, духам конкретной местности и фиксируется уже на достаточно высоком уровне своего развития, приобретая несколько иное содержание, выступая как один из базовых элементов на пути к формированию в дальнейшем государственной идеологии. Позже на территории Месопотамии признаки хозяев локусов имели божества различных явлений природы, которые являлись богами городских общин Шумера и Аккада (ИДВ, 1983, с. 145–146; Якобсен, 1995, с. 38 и др.). Кроме того, нередко они воспринимались как родители правителей, символически представлявших общину в целом (Антонова, 1990, с. 231). В наше время такое направление в эволюции культа предков лучше всего демонстрируется на примере живой национальной японской религии синто и наиболее четко проявляется в понятии «кокутай» (досл. «тело государства», «государственный организм»). Это специфически японская концепция государственной общности, объединяющая императора (первосвященника синто и сакрального вождя), японский народ и собственно Японские острова в единое органическое целое (подробнее см.: Маркарьян, 2000, с. 27–38).

Наконец, открытие по всей поверхности Гебкли Тепе большого количества свидетельств выдающихся произведений древнейшего ис-

кусства, в комплексе отражающих существование сложных систем ритуального оформления регулярно проводимых здесь обрядов, послужило основанием для возникновения гипотезы об особой роли этого поселения в качестве религиозного центра для жителей округи в ранненеолитическую эпоху. Такое предположение кажется вполне оправданным на фоне полученных за последнее время данных о периоде PPN, тем не менее археологически оно пока не подтверждено исследованиями близлежащих хронологически сопоставимых памятников.

В заключение следует отметить, что намеченные типы культовых сооружений ранненеолитического времени в силу ограниченности имеющихся источников довольно условны, между ними мы не выделяем четких границ. Однако проведенный анализ в какой-то мере показывает возможности того коллектива людей, который возводил эти постройки и поклонялся божествам, населяющим их, — отдельных семей или родов, целой общины и, вероятно, более широкого круга населения. Невозможно провести четкую классификацию и потому, что в то время, как представляется, функционировали различные промежуточные типы и разновидности культовых строений, которые постепенно эволюционировали по своей общественной значимости, атрибутике, характеру совершаемых ритуалов.

Рассмотренные в первой главе археологические материалы (архитектура и некоторые другие социальные символы) не противоречат признанной точке зрения о довольно высоком уровне развития докерамических поселений Северной Месопотамии. Наши выводы также соответствуют предположению о существовании единого информационного пространства в пределах Леванта, Верхнего Двуречья и Ирана в эпоху докерамического неолита. Вместе с тем намечающаяся стандартизация архитектуры Северной Месопотамии PPNB времени, в том числе в характеристиках религиозного строительства, а также прослеживаемая преемственность в формировании определенной традиции символического оформления особых помещений начиная с самого раннего периода оседлости (EPPNA) на территории Верхнего Двуречья, свидетельствуют о более тесных контактах, осуществлявшихся на региональном уровне. Взаимодействие и взаимовлияние жителей отдаленных поселений докерамического неолита в рамках северомесопотамскоко региона, очевидно, обусловили существование здесь определенной культурной общности с выделением местных центров, которые, как выясняется, играли ведущую роль не только в производстве и обмене различными товарами, но и в сфере идеологических представлений.

ГЛАВА II. К ВОПРОСУ О КУЛЬТОВЫХ ПОСТРОЙКАХ КЕРАМИЧЕСКОГО НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ

СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Последний этап эпохи докерамического неолита — начало керамического неолита — отмечен общим упадком уровня развития раннеземледельческих поселений на значительной территории Ближнего Востока, что заметно отразилось и на ситуации в Двуречье. Причины такого спада до конца не ясны. Одни ученые склоняются к объяснению этих изменений естественными катаклизмами: природные сдвиги, иссушение климата (Ламберг-Карловски, Саблов, 1992, с. 80–82; Goring-Morris, 1993, p. 66); другие — антропогенными: экстенсивная эксплуатация окружающих земель, нарушение природного баланса (Rollefson, Köhler-Rollefson, 1993). Вероятно, решение данной задачи возможно при комплексном подходе в рассмотрении вопроса. Так, Н. Я. Мерперт считает, что помимо названного должны учитываться и кризисные явления внутри человеческих коллективов. Резкий рост народонаселения («демографический взрыв»), наблюдаемый в ранненеолитическую эпоху, превысил возможности, как социальной организации, так и экономической структуры населения. Стали неизбежны их принципиальные изменения. Резко вырвавшиеся вперед, но все же отдельные изолированные центры, базировавшиеся на производящих формах хозяйства, были сменены широким распространением этих форм по сплошным территориям речных долин, их массовым освоением. Формирование сотен деревень стало преобладающей формой развития. Исключительность сменилась «всеобщностью». Как всегда в таких случаях, культурный уровень резко понизился (Мерперт, 2000, с. 82). Старая теория «от пещеры к империи», констатирует Дж. Меллáрт, зачастую предполагает последовательный прогресс в эволюции, что на самом деле не подтверждается ни археологическими, ни историческими фактами (Mellaart, 1994, p. 434). Культурный прогресс был отмечен своими взлетами и падениями.

Археологические работы в Месопотамии и сопредельных регионах показывают все же преемственность и непрерывность культурного

развития на этой территории от докерамического к керамическому неолиту, что довольно хорошо проявляется и на материалах, отражающих духовную сферу. Однако вопрос о существовании общественных культовых построек на поселениях Двуречья керамического неолита и энеолита, включая эпоху Убейда, остается дискуссионным. Помимо снижения уровня развития социальных структур, отмеченного для населения периода PN по сравнению с PPNB-C, вероятно, определенную роль здесь сыграли и технологические преимущества нового появившегося в этом регионе материала. Такие свойства глины, как доступность ее источников, относительная легкость в обработке, наконец, удивительная пластичность способствовали тому, что со временем керамические изделия становятся основной категорией предметов, наполненных символическим содержанием. После того как была изобретена и стала широко применяться обожженная глина, расписные керамические изделия вытесняют настенную живопись и рельефы из широкого употребления. Соответственно, символическое выделение особых построек на поселениях становится менее очевидным.

Исследователями неоднократно отмечалось, что гончарное искусство зародилось гораздо раньше, так называемого, периода керамического неолита, но в то время изделия не обжигались, и дошедшие до нас образцы, в большинстве своем, случайно попавшие в огонь фрагменты. Постепенно, с изобретением, распространением, утверждением и совершенствованием различных приемов производства, обжига и украшения керамики, она становится одним из главных характеризующих признаков материальной культуры.

В настоящее время в археологии дописьменного Двуречья на территории собственно Месопотамии выделяют несколько больших раннеземледельческих керамических культур: культуру Телль Сотто – Умм Дабагия, хассунскую, самаррскую, халафскую и убейдскую. Процесс их изучения, сопоставления, уточнения относительной и абсолютной хронологии продолжается.

Долгое время считалось, что Хассуна является самой ранней земледельческой культурой Северной Месопотамии. В 1931 г. первый хассунский памятник обнаружил М. Е. Маллован в основании Куюнджика/Ниневии (сл. I, 2а, 2в). В 1942г. С. Ллойд и Ф. Сафар исследовали поселение Телль Хассуна, которое и дало название новой археологической культуре. Полагали, что на этом памятнике удалось проследить процесс становления земледелия и оседлого образа жизни, а нижний слой поселения (слой Iа) был определен как временный лагерь охотников и собирателей. Более 30 лет Телль Хассуна оставался единственным широко исследованным хассунским памятником Ассирийской степи. Находки архаической керамики на поселениях Джармо, Али Ага, Матарра, Телль эс-Савван, Шимшара принципиально не изменили представлений о хассунской культуре.

Работы Д. Киркбрайд в Умм Дабагии (1971–1974) дали новые яркие материалы, которые были интерпретированы исследователями как

следы дохассунской раннеземледельческой культуры, пришедшей в Северную Месопотамию с запада. Аналогичный материал получен в 1964 г. Н. Эгами на Телюль Саласате. Наконец, в 1969–1975 гг. на подгорной равнине Синджара Советская археологическая экспедиция в Ираке (САЭИ) разведала более 10 и исследовала три поселения (Телль Сотто, Кюль-Тепе, Ярым-Тепе I, слой XII), которые позволили проследить истоки хассунской культуры.

Как определяет Н. О. Бадер, материалы Умм Дабагии, Телль Сотто, Кюль-Тепе, Ярым-Тепе I (слой XII), Телль Хассуны Ia, Телюль эс-Саласата (холм 2, слой XV) культурно однородны и представляют единый пласт местной раннеземледельческой культуры Северной Месопотамии. На ее автохтонный характер, помимо других факторов, убедительно указывают и аналогии с предшествовавшим докерамическим поселением Телль Магзалия (LPPNB). Точка зрения о западном происхождении культуры Умм Дабагии не подтверждается материалами Телль Сотто и Кюль-Тепе (Бадер, 1983, с. 18–20).

Памятники типа Сотто – Умм Дабагия датируются первой половиной VI тысячелетия до н. э. Предварительно может быть намечена их относительная хронология. Телль Сотто (горизонт 3), Кюль-Тепе (горизонт I), Ярым-Тепе I (слой XII), Телль Хассуна Ia характеризуют последний период их существования и переход к архаической хассунской культуре Телль Хассуны. Телль Сотто (горизонт 4, слой 7), Телюль эс-Саласат и Умм Дабагия предшествуют им. Умм Дабагия (горизонт 4), по-видимому, дает древнейший материал. Истоки культуры памятников типа Сотто — Умм Дабагии могут быть намечены в Телль Магзалии, однако между ними чувствуется некоторый хронологический разрыв.

Артефакты керамического Джармо, Али Ага, Тамерхана, Телль эс-Саввана (слой I), Шимшары (слой 13), Маттарры (VI-5) стадиально одновременны памятникам Телль Сотто, проявляют с ними определенное культурное сходство, однако в целом своеобразны. Некоторые импорты из иранского Курдистана в Тамерхане, Джармо, Шимшаре указывают на преимущественно восточное направление культурных связей этого региона.

Таким образом, памятники типа Сотто – Умм Дабагии на правом берегу Тигра и памятники керамического Джармо на левобережье — два родственных, но в целом своеобразных варианта древнейшей керамической культуры Месопотамии начала VI тыс. до н. э. В основе своей оба варианта имеют местное происхождение. На правобережье преобладают западные культурные связи, на левобережье — восточные. Работы на Чога Мами и Телль эс-Савване свидетельствуют о древности самаррских слоев на левобережье Тигра. Позднейшие проявления культуры керамического Джармо, по мнению Н. О. Бадера, могут представлять интерес при разработке вопросов происхождения самаррской культуры, в то время как памятники типа Сотто дали начало хассунской культуре (Бадер, 1983, с. 20–22; также см.: Abu Al-Soof, 1971, p. 5; Maisels, 1993, p. 122; Blackham, 1996, p. 325–326).

Р. М. Мунчаев и Н. Я.Мерперт отмечают, что линии генетической связи не достаточны для утверждения однокультурности Телль Сотто и Хассуны, для отнесения их к двум этапам развития единой культуры. Исследователи считают более правильным говорить о двух этапах общего развития раннеземледельческого населения Синджарской долины и Северной Месопотамии в целом, представленных взаимосвязанными (в том числе и генетически), но самостоятельными культурами. Из различий Р. М. Мунчаевым и Н. Я. Мерпертом называются наиболее чувствительные для подобных (по характеру и стадиальной принадлежности) культур показатели — орнаментация и специфичные формы глиняной посуды. Кроме того, указываются отличия более общего характера, вплоть до известного упрощения всего облика культуры (например, сооружения нижнего горизонта Ярым Тепе I заметно уступают по сложности плана и технике строительства постройкам Умм Дабагии, исчезают стенная роспись и пластика). Тем не менее эти отличия, заключают исследователи, не могут умалить роли культуры Телль Сотто – Умм Дабагии как важнейшего, а скорее всего, и основного компонента в процессе формирования хассунской культуры (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 145–146; Мерперт, 1982а, с. 16–17).

На сегодняшний день определенным представляется, что культуры Телль Сотто – Умм Дабагия, хассунская, самаррская (родственная хассунской, существовавшая южнее в течение длительного периода), а также убейдская (впервые распространившаяся на все Двуречье) сформировались на базе давней и активно развивающейся традиции производящей экономики Месопотамии, в среде более ранних земледельческих культур (Oates, 1960; 1983; Мерперт, 1978, с. 14–16; Blackham, 1996; Антонова, 1998). Тогда как основные составляющие халафской культуры, сменившей Хассуну на севере Ирака и предшествовавшей Убейду, указывают на явно не местное ее происхождение (Мунчаев, 1997, с. 17–18; также см.: Антонова, 1974, с. 26; Мерперт, 1978, с. 14). Названные культуры керамического неолита и энеолита Верхнего Двуречья не только охватывали предгорья и «холмистые фланги», но и далеко вклинивались в долины. Они зафиксированы как в северной части Джезиры, так и на смежных с ней с запада (долина Евфрата) и с востока (Хузистан) территориях. Убейд во второй половине V – начале IV тысячелетия до н. э., оказывая заметное влияние на соседние регионы, впервые объединил всю территорию Двуречья в рамках единой традиции. Установлено, что древнейшие земледельческие культуры находились в сложном взаимодействии, в процесс их развития включались все новые группы населения, расширяя и усложняя его. Эти факторы наряду с внутренним развитием определяли дальнейшие этапы истории ранних земледельцев Двуречья и формирование новых культурных общностей.

Отдельные вопросы относительной и абсолютной хронологии раннеземледельческих керамических культур Месопотамии еще уточняются и вызывают заметные разногласия среди ученых (см., напр.:

Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 150–154, 262–268; Ллойд, 1984, с. 72, табл. V; Ламберг-Карловски, Саблов, 1992, с. 68, 314, табл. 1; Mellaart, 1994, p. 425, 436–437, table 16). Наше понимание датировок и последовательности существования этих культур, основанное, прежде всего, на выводах отечественных (Н. О. Бадер, Р. М. Мунчаев, Н. Я. Мерперт) и английских (С. Ллойд, Дж. Отс) археологов, можно представить следующим образом.

Телль Сотто-Умм Дабагия — конец VII – первая половина VI тысячелетия до н. э.;

Хассуна — вторая половина VI тысячелетия до н. э.;

Самарра — начало близко к ранним хассунским слоям, но самарское влияние заметно в Халафе, а также в раннем Убейде, соответственно самаррская культура пережила хассунскую на несколько столетий;

Халаф — конец VI – V тысячелетия до н. э.;

Южный Убейд — середина VI – начало IV тысячелетия до н. э.

Северный Убейд — середина V – начало IV тысячелетия до н. э.

В настоящей работе приводится карта с указанием широко исследованных поселений керамических культур Северной и Южной Месопотамии дописьменного периода **(карта 2)**.

Источниковую базу этого времени до сих пор нельзя считать удовлетворительной. Число памятников на соответствующих картах выглядит довольно внушительно, но подавляющее их большинство определено по подъемному материалу или в лучшем случае с помощью небольших зондажей. Полученные таким образом сведения являются недостаточными для изучения общественной архитектуры и социальной организации.

Широкомасштабные исследования Телль Сотто, Кюль Тепе и Умм Дабагии 70-х гг. впервые предоставили многочисленные сведения о дохассунском этапе существования поселений ранних земледельцев на территории Северного Двуречья. Между тем, до работ на Ярым Тепе I (70-е гг. XX в.) для самой хассунской культуры был известен фактически лишь один памятник, широко и целенаправленно раскопанный. Таким памятником являлось эпонимное поселение Телль Хассуна, давшее материал для стратиграфических, статистических, культурно-исторических и прочих исследований. То же следует сказать и о Халафе. Долгое время единственным памятником, предоставившим стратиграфические данные и вообще достаточно документированную информацию по этой культуре, оставалось поселение Телль Арпачия, хотя и на нем не все горизонты халафского слоя исследовались в прямой последовательности. Халафский слой эпонимного поселения не стратифицирован; единственный вид данных — керамика — пригоден лишь для сравнительных целей. Раскопки еще одного памятника, включающего халафские уровни, Тепе Гавры не были доведены до конца. Соответствующие материалы здесь лишь затронуты в нижнем достигну-

том слое (XX) и зондажах за пределами холма (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 10). Стационарные исследования голландской экспедицией Саби Абияда в северной Сирии в долине Балиха (1986–1992 гг.) представили ценные сведения о развитии материальной культуры в балихском регионе в раннехалафское, по мнению авторов раскопок, и предшествующее ему время. Однако отмечалось, что в силу своего географического положения памятники долины Балиха испытывали одинаково сильное влияние культурных импульсов, идущих из Сиро-Киликии и Месопотамии. Характер культурного слоя с халафской керамикой в Саби Абияде не совсем понятен. Несмотря на то, что зафиксирован набор безусловно халафских артефактов, целый ряд характерных черт этой культуры на памятнике пока не выявлен. В целом халафский материал из Саби Абияда по сравнению с более восточными халафскими поселениями выглядит несколько провинциально (Амиров, 1999, с. 236). Соответственно, этот памятник не может рассматриваться в качестве типичного халафского поселения Северной Месопотамии. На прочих раскапывавшихся поселениях (Чагар Базар, Телль Брак, Шамсэдин Таннира, Кирбет эш Шенеф, Гирикихаджиян, Телль Юнус (Кархемиш), Сонгор В и других) можно говорить лишь о зондажах или исследованиях мало затронувших архитектуру.

Керамика, которая стала известна как самаррская, впервые была получена в 1911 г. Е. Херцфельдом вне стратиграфического контекста из нескольких могил плохой сохранности при раскопках средневекового арабского города Самарра в Ираке (Herzfeld, 1930). Наиболее выразительным и широко раскопанным памятником самаррской культуры до настоящего времени остается Телль эс-Савван, исследованный далеко не полностью силами иракской экспедиции во второй половине 60-х гг. XX в.

Немного лучше обстоит дело с изучением памятников убейдской культуры, из которых наиболее информативными являются соответствующие слои Эреду / Абу Шахрайна, Урука / Варки и Эль-Убейда на юге, Телль Абада, Мадхура, Кейт Касима III, Сонгора В и Телль Рашида в центральной части, Тепе Гавры на севере Двуречья. Первое доказательство существования на юге «доисторической» культуры предоставил Л. Вулли, в 20-х гг. XX в., руководивший раскопками скромного по размерам поселения Эль-Убейд в 4 милях к западу от Ура. В дальнейшем это поселение дало название целому комплексу «доисторических» памятников.

Приятно отметить, что в изучение дописьменной истории Двуречья значительный вклад внесла САЭИ (1969–1980 гг.), силами которой помимо уже названных Телль Магзалии, Кюль Тепе, Телль Сотто, Ярым Тепе I и плодотворных разведок в Синджарской долине, широкомасштабно исследованы памятники халафского (Ярым Тепе II, III) и убейдского (Ярым Тепе III) времени. В результате раскопок, проведенных советской экспедицией в Ираке, история ранних земледельцев Синджарской долины удревнена по меньшей мере на 1500 лет по отноше-

нию к хассунской культуре. Были исследованы неизвестные раньше периоды докерамического неолита, прослежены наиболее ранние этапы формирования хассунской культуры, уточнено относительное хронологическое положение хассунской, самаррской и халафской культур, вызывавшее до того разночтение. Одним из важных итогов исследований экспедиции является тот факт, что была прослежена линия непрерывного культурного развития от начала VI до IV тыс. до н. э., от предхассунского времени до убейдской эпохи, отражавшая основные этапы культурно-исторического развития дописьменной истории Северной Месопотамии от достаточно раннего периода становления производящей экономики вплоть до времени, непосредственно предшествовавшего сложению древнейшей шумерской цивилизации.

Напряженная политическая обстановка 80–90-х гг. XX – начала XXI в. в ирако-иранском регионе послужила причиной прекращения на длительное время полевых исследований на большей части Двуречья. Соответственно, последние 25 лет новые материалы с основной территории распространения рассматриваемых культур не поступали, и наши сведения преимущественно ограничиваются документацией старых раскопок. Коллекция этих данных на самом деле не столь многочисленна для подробного освещения проблемы. Тем не менее мы попытаемся объективно рассмотреть все известные случаи, возможно, культового выделения построек на памятниках раннеземледельческих керамических культур дописьменной Месопотамии и сопоставить материалы этого времени с данными культовых строений более изученных периодов древней истории Двуречья.

КУЛЬТУРА ТЕЛЛЬ СОТТО – УММ ДОБАГИЯ

Из предхассунских памятников типа Телль Сотто только для поселения Умм Дабагия можно отметить особое символическое оформление некоторых домов. Умм Дабагия находится в степной части Эль-Джезиры, западнее Хатры и представлено четырьмя уровнями обитания — строительными горизонтами (счет сверху вниз), которые условно разделены исследователями еще на 12 слоев (Kirkbride, 1973, p. 1). Три древнейших строительных горизонта хорошо сохранились. Здесь обнаружены остатки весьма значительных по своим размерам комплексов «складских помещений», а также жилые дома, как правило, состоящие из большой комнаты, кухонного помещения и одной-двух комнат меньших по площади. Дома и хранилища имели внутренние контрфорсы, арочные или прямоугольной формы дверные проемы. Безусловно, эти постройки нельзя назвать примитивными: ниши в стенах жилищ служили чем-то вроде шкафов, в полах были сделаны покрытые обмазкой контейнеры-хранилища, а круглые отштукатуренные окна служили для вентиляции. Подобно домам в Джармо и в более позднем Хаджиларе печные сооружения с дымоходами являлись характерной чертой

жилых структур Умм Дабагии. Есть основания полагать, что вход в постройки на этом поселении, так же как в стадиально ему близком Чатал Хююке, осуществлялся через крыши (Kirkbride, 1975, p. 4–7, pl. I–VI).

В Умм Дабагии были выявлены следы внутреннего, декоративного убранства жилищ: на полах помещений уровня II и III обнаружены следы красной краски, а в двух самых ранних горизонтах на стенах домов, сохранившаяся высота которых более 1 м, открыты остатки росписи. Некоторые из настенных картин, по интерпретации Д. Киркбрайд, изображают сцены охоты на онагра **(рис. 56)**. Рисунки в основном выполнялись красно-коричневой краской, черный и желтый цвет использовался умеренно. Зафиксированы случаи повторного нанесения росписи по новому слою известковой обмазки (прием, распространенный в Чатал Хююке). Помимо онагров в окружении крючкообразных предметов и некоторых других натуралистичных фигур, сохранились настенные рисунки крупных точек, волнистых линий, иногда собранных в своеобразные «пучки», и иных геометрических узоров **(рис. 57)**.

Д. Киркбрайд отмечает, что главным объектом изображения являлось наиболее важное для обитателей поселения животное — онагр, кости которого заметно преобладают среди собранных остеологических материалов (68,4 %). Рельефные налепы в виде фигурок этих длинноухих животных сохранились также на многочисленных фрагментах сосудов **(рис. 58)**. Очевидно, рельефы на сосудах, как и настенные рисунки, имели магическое значение.

Анализируя весь комплекс полученных материалов, автор раскопок приходит к выводу, что неолитическая община Умм Дабагии специализировалась на охоте на онагров и выделке онагровых шкур (Kirkbraid, 1973, pl. III, XI; 1975, p. 7–9, pl. VII–VIII). Шкуры могли обмениваться на обсидиан, доставлявшийся с озера Ван и в изобилии присутствующий в собранной коллекции, на наконечники стрел сирийского типа (Ламберг-Карловски, Саблов, 1992, с. 94) и на растительную пищу в соседних поселениях района Джабель Синджар.

Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на непрерывную линию культурного развития, отмеченную для всего периода обитания на памятнике, судя по опубликованной документации, жители неоднократно покидали Умм Дабагию. В частности, перерыв зафиксирован после IV и III строительных горизонтов (Kirkbride, 1975, p. 5). Верхние слои II-го уровня и самый поздний уровень I сохранились значительно хуже и не могут дать точных сведений на этот счет. По мнению Дж. Мелларта, Умм Добагия, расположенная на южной границе Синджарской степи, являлась особым (возможно сезонным) охотничье-торговым поселением по отношению к находящемуся севернее сельскохозяйственному району. Присутствие сложных черт символического оформления помещений на специализированном охотничьем поселении, пишет исследователь, предвещает богатые находки в будущем при раскопках основных памятников, от которых зависели такие, как Умм Дабагия, населенные пункты (Mellaart, 1994, p. 431–432).

В целом материалы Умм Дабагии, стадиально близкие неолитическим слоям центральноанатолийского Чатал Хююка, показывают с ним определенные аналогии, что помимо прочего проявилось и в особенностях символического оформления домов. Стоит обратить внимание на то, что свидетельства ритуально-магического характера, обнаруженные в контексте жилого пространства Умм Дабагии наиболее выразительно отражают производственную сферу, которая, очевидно, была связана с основной целью функционирования этого поселка.

ХАССУНСКАЯ КУЛЬТУРА

Среди поселений следующей по времени распространившейся на территории Северной Месопотамии хассунской культуры наиболее широко исследованным памятником, материалы которого (особенно его нижних горизонтов) подробно опубликованы, является Ярым Тепе I. Он входит в группу из шести холмов под тем же названием, расположенных по берегам ручья Джубара Дяряси, в Синджарской долине Северо-Западного Ирака (Merpert, Munchaev, 1973, p. 3, fig. 1).

Древний поселок занимал площадь, приближавшуюся к 2 га. Общая мощность культурного слоя как в центре, так и на периферии холма превышала 6 м. По своим размерам поселение Ярым Тепе I близко эпонимному памятнику хассунской культуры Телль Хассуна, в котором собственно хассунскими слоями являются нижние пять и часть шестого (там уже появляется халафская керамика), тогда как остальные принадлежат позднейшему времени. В отличие от Телль Хассуны, весь более чем шестиметровый культурный слой Ярым Тепе I, где выделено 12 строительных горизонтов, принадлежал хассунской культуре, что даже несколько превышает соответствующий слой (5,2 м) эпонимного памятника. Раскопки Ярым Тепе I проводились в восточной части холма. Верхние строительные горизонты (1–8) были вскрыты на площади 1720 кв. м. Свидетельства нижних четырех (9–12) зафиксированы на площади 400 кв. м. Культурный слой первых четырех уровней оказался сильно поврежденным хозяйственными ямами и могилами более позднего времени. Сохранность материала последующих слоев удовлетворительна. Непрерывная линия культурного развития отмечена для всего периода обитания на памятнике (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 7–14, 19–28). Названные характеристики дают основание использовать материалы Ярым Тепе I в качестве одного из главных источников по хассунской проблематике.

С самого древнего уровня архитектурные остатки свидетельствуют о достаточно уже выработанной традиции возведения многокомнатных, преимущественно прямоугольных в плане построек. Предыстория данной архитектурной традиции принадлежит значительно более ранним культурам региона. Соответственно хорошо выработанным был и ряд строительных приемов, принципов расположения сооружений, организации пространства на поселении.

По комплексу полученных материалов определялось функциональное назначение сооружений. В частности, сопутствующие артефакты нескольких открытых на этом памятнике помещений выразительно свидетельствуют о проведении в них специальных обрядовых действий. На Ярым Тепе I к таким помещениям могут быть отнесены: толосы 319 и 333 (12-й стр. гор.); помещения 282, 346 (11-й стр. гор.); 363, 364 (10-й стр. гор); 234 (8-й стр. гор.).

Известно, что для хассунского времени необычного плана зданиями являются толосы, которые в нескольких случаях были зафиксированы на Ярым Тепе I и лишь однажды в нижней части культурного слоя Телль Хассуны (уровень Iс). При исследовании последнего из названных памятников обнаруженное круглоплановое сооружение авторами раскопок по имеющимся внутренним перегородкам, печи, значительным зольным скоплениям, а также по характеру находок было интерпретировано в качестве жилища (Lloyd, Safar, 1945, p. 272, fig. 28). Однако такое определение функционального назначения не соответствует комплексу данных, полученных при исследовании толосов открытых на Ярым Тепе I.

В нижнем (12-м) строительном горизонте этого поселения, в северной части раскопа, были исследованы две круглоплановые постройки **(рис. 59)**. Толос 319 имел диаметры 2,25 (север-юг) и 2,10 (восток-запад) м, толщину стен более 30 см. В южной части стена прорезана: в прорези лежал сильно сплющенный сосуд диаметром 40 см, с ребром в нижней части и резкими подкосами ко дну. Половина подобного сосуда диаметром 35 см найдена в яме, вырытой внутри толоса, у южной его стены; она покрывала костяк младенца (погребение 133). Еще одно погребение (126, похоронена женщина) нарушило стену толоса с внешней, западной стороны: яма его вырыта с уровня 11 горизонта. У южной стенки, к западу от погребения 133 находился маленький овальный очаг (35 x 25 см), отделенный от ямки погребения тонкой перегородкой. У северной стены толоса найдены крупные фрагменты большого глиняного кувшина, а в центральной части — обломок средних размеров мраморного сосуда, тщательно сделанного и подобного сосудам Телль Сотто – Умм Дабагии. Кроме того, на обмазанном глиной полу найдены челюсть козы (?), обломки обсидиана и многочисленные пятна охры. Немного восточнее центра на уровне пола в толосе обнаружено ожерелье из крупных, средних и мелких бусин, различающихся по форме, из которых 67 было сделано из разных видов камня, а одна — из раковины **(рис. 60)**. Эта находка, пишут Р. М. Мунчаев и Н. Я. Мерперт, может считаться наиболее яркой и интересной из числа украшений хассунской культуры, известных до сего времени (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 44, 79, 82, 138). Дальнейшая расчистка толоса 319 показала, что верхний пол отмечает второй период существования постройки. Основание стен толоса зафиксировано ниже уровня этого пола и отражает ранний (первоначальный) период существования данной постройки. В нижнем ярусе стен открыт дверной проем, рас-

ширяющийся кверху от 40 до 60 см. Обе стороны проема обрамлены стоящими на ребре каменными плитами (20 х 20 х 5 см). При перестройке и создании верхнего пола проем был заложен камнями; некоторые из них сильно обожжены. Нижняя часть толоса вплоть до уровня верхнего пола заполнена культурным слоем (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 44–45, рис. 15,1).

К северо-востоку от толоса 319 у края раскопа найдены остатки еще двух круглоплановых построек. Большая часть одной из них уходит в северную стену квадрата 27, половина другой — в восточную. Этот толос получил № 333. Диаметр его около 2,50 м, толщина стен 25–32 см. На полу найдены остатки большого раздавленного острореберного кувшина диаметром и высотой свыше 50 см с подкосами ко дну, фрагменты еще минимум трех сосудов, а также разрозненные кости не менее двух взрослых людей (погребение 131). Лучевая кость человека найдена внутри отмеченного кувшина, где наряду с ней находились позвонки и кости овцы, обугленное зерно и крупный камень. Толос перекрыл вырытую в материке корытообразную печь и очень низко срезанную стенку более раннего сооружения того же горизонта (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 45, 78–79, рис. 5).

Авторы раскопок считают, что разнообразие исследованных на памятнике построек, начиная с древнейшего уровня, было связано со спецификой определенных участков поселения. Жилой район, вскрытый на квадратах 37, 47, 57, характеризуется простыми, но во всех случаях состоящими из нескольких комнат домами с абсолютным господством прямоугольных конструкций, тогда как на северном участке (квадрат 27) характер сооружений иной. Здесь не были встречены многокомнатные комплексы, постройки невелики, и, что наиболее интересно, наряду с прямоугольными существуют хорошо выраженные круглые конструкции типа толосов, которые для хассунских памятников являются крайне редкими. Круглые постройки 12-го горизонта Ярым Тепе I ни по размерам, ни по оформлению интерьера, ни по находкам к жилым сооружениям отнесены быть не могут. По мнению авторов раскопок, окончательное функциональное определение их пока рискованно, однако здесь явно наблюдается ярко выраженная связь этих толосов с погребениями, которые были найдены или в самих постройках, или под их полами. Особый характер носят и другие находки, сопутствующие данным сооружениям (отдельные кости и части костяков жертвенных животных, намеренно оставленное ожерелье и пр.). Симптоматично, что именно на северном участке сконцентрирован ряд других захоронений 12-го и 11-го горизонтов, совершенных в больших вкопанных в землю сосудах (погребения 145, 146 и др.).

Все изложенное позволяет предполагать особый характер как круглоплановых сооружений Ярым Тепе I, так и самого участка, на котором они были встречены. Отличия этого участка от обычных жилых районов достаточно очевидны (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 46, 50).

Помимо толосов 12 слоя в Ярым Тепе I в 4-м строительном горизонте в южном секторе раскопа открыта еще одна неординарная больших размеров толосовидная конструкция (d – 10 м). Стены здания были укреплены внутренними контрфорсами. С юго-западной стороны к нему примыкал производственный участок с печами (Merpert, Munchaev, 1973, p. 97, pl. XXXVI). Плохая сохранность 4-го слоя серьезно ограничила возможность получения дополнительной информации об этом сооружении **(рис. 61)**.

В 11-м строительном горизонте Ярым Тепе I особые помещения 282 и 346 являются частью комплекса прямоугольных строений № XXX **(рис. 62а)**. Ячейка 282 с южной стороны примыкала к основному помещению с бытовыми остатками (283) и заметно отличалась от него как по размерам и деталям конструкции, так и по своему заполнению. Это небольшая комната (1,05 х 1,35 м) с более массивными, чем у основного помещения стенами, от которого она отделена двойной стеной (комната пристроена к нему, но без сколько-нибудь заметного хронологического разрыва). Основу помещения 282 составляла платформа. В обмазанном гипсом полу была сделана выемка (желоб) шириной 50 см, облицованная гипсом и пересекающая всю комнату. В ней, а также у ее краев найдены разрозненные, вероятно, разрубленные кости взрослого человека или подростка (погребение 105). Насыщенность прочими находками в этой структуре минимальна.

С юга к помещению 282 примыкала прямоугольна комната № 346 (1,70 х 1,25 м). Ее северо-восточная часть выделена внутренней перегородкой в отдельную ячейку размерами 65 х 60 см. На полу основной части найдены остатки расчлененного тела взрослого человека, они лежали в правильном анатомическом порядке (погребение 134). По всем конструктивным признакам, делают заключение Р. М. Мунчаев и Н. Я. Мерперт, а, скорее всего, и по назначению, эта комната аналогична предыдущей (смежной с ней с севера) (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 49, 79, рис. 6)

Заслуживает внимания помещение 363 из 10-го строительного горизонта **(рис. 62b)** с размерами 1,50 х 1,40 м, в котором дверной проем отсутствовал. Толщина стен 25–30 см. В юго-восточном его углу выявлены остатки очага, выложенного фрагментами крупных сосудов. В этой комнате так же, как и в соседнем с ней помещении 334 (2,00 х 1,75 м), было найдено относительно много различных вещей: фрагменты крупных сосудов для хранения, кувшинов, чаш, горшков, осколки кремневых желваков, обсидиановых пластин, бусина из розового камня; на полах зафиксированы зольно-угольные пятна. Под полом помещения 363 обнаружено скопление костей животных, правильный анатомический порядок которых свидетельствует о том, что здесь были брошены части разрубленных туш. Под скоплением костей найден череп свиньи (?). Примечательно, что в пристройке к помещению 363 в комнате 364 (трапецевидной формы, размером 1,50 х 1,40 м), на полу, представлявшем собой сплошное угольное пятно, находился скелет

подростка лет 12 (погребение 141). Умерший лежал на животе (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 51–52, 82–83, рис. 6, 17.1).

Сопоставимые материалы, но большего масштаба получены из явно отличавшегося от остальных строений 8-го горизонта помещения 234 (4,14 х 3,32 м), которое также не имело дверных проемов **(рис. 63)**. Эта единая прямоугольная конструкция была ограничена двойными стенами общей толщиной до 60 (южная и северная стены) и даже до 80 (восточная стена) см; обычные внутренние стены из «ломтей» коричневой глины толщиной до 25 см дополнялись значительно более толстыми внешними стенами из серо-зеленой глины. Северная, южная и западная стены были укреплены внутренними контрфорсами. Стены располагались на специальной глиняной «подушке» толщиной 10–12 см и состояли из больших (до 80 см) глиняных блоков. Верхний пол, отмеченный слоем утрамбованной глины и крупными камнями, явился результатом реконструкции помещения. Печей в нем не было. Два небольших открытых очага располагались вне здания, с внешней стороны его восточной стены, на уровне верхнего пола. Насыщенность слоя, перекрывавшего верхний пол, весьма значительна. Помимо многочисленных фрагментов архаических хассунских сосудов, здесь найдены большая каменная ступка, кремневые и обсидиановые орудия, мраморные и известняковые палетки, скопление охры. Кости единичны. Особенностью нижнего пола является присутствие там специфичных остатков от внутренней зерносушилки, первоначально имевшей вид настила или приподнятой платформы. Кроме того, на нижнем полу зафиксированы другие находки, среди которых выделяются два скопления расколотых желваков — непосредственных свидетельств кремневого производства, а также ступка, обломки зернотерок и терочники. Под нижним полом в северо-западном углу обнаружено погребение ребенка 2–3 лет (погребение 100), рядом с которым был вкопан (установленный также под полом) крупный расписной сосуд, накрытый зернотеркой, и остатки нескольких рогов быка и козла. По мнению Р. М. Мунчаева и Н. Я. Мерперта, данные находки были связаны с обрядами, сопровождавшими основание этой крупной постройки. Интересно, что здание располагалось в северной части раскопа чрезвычайно свободно. К нему примыкали широкие открытые дворы, на территории которых общая насыщенность находками минимальна (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 65, 72, 83, рис. 7).

Итак, материалы вышеописанных комплексов дают представление о существовании определенных мест, помещений и зданий особого назначения в ранних слоях на хассунском поселении Ярым Тепе I. Несмотря на различия по времени функционирования, участку расположения и узкоспециальному назначению отмеченных строений, есть много общего в их символическом выделении среди других построек на поселении.

Во-первых, это непосредственно наличие конструктивных особенностей помещений, входивших в большие многокомнатные комплексы наряду с ординарными постройками, или отдельных зданий:

– необычная округлая планировка строений (толосы 319, 333, большое округлое сооружение из уровня 4);

– массивные стены (помещение 282, здание 234);

– платформа или глиняная «подушка» в основании (помещение 282; здание 234);

– укрепляющие внутренние контрфорсы (здание 234; большое округлое сооружение из уровня 4);

– связь с очажными сооружениями, печами, очагами, иногда ярко выраженного символического характера (толосы 319 и 333, помещения 363, 364, здание 234, большой толос из уровня 4);

– отдельно отметим пересекающую пол выемку в помещении 282 и выделенное перегородкой место в смежном с ним помещении 346.

Во-вторых, следы совершенных здесь жертвоприношений (без учета человеческих):

– останки разрубленных туш, а также семантически значимых частей скелета (черепа, отдельно челюсти, позвонков, костей конечностей, рогов) домашних животных (толос 319, 333, помещения 363, здание 234);

– остатки крупных фрагментов или раздавленные полные сосуды из камня и глины, обнаруженные в комплексе с другими жертвенными предметами (толосы 319, 333, здание 234);

– скопления охры (толос 319 и здание 234, в случае с которым также возможно производственное назначение указанного материала);

– целое ожерелье и обломки обсидиана в комплексе с другими жертвенными предметами (толос 319).

Наконец, устанавливается прямая связь данных сооружений с экстраординарными погребениями:

– расчлененные останки скелетов, сохранившие анатомический порядок (помещение 282) или разрозненные (толос 333; помещение 346);

–погребения взрослых и подростков (толосы 319 и 333, помещения 282, 346, 364);

– погребения младенца, в другом случае ребенка, встреченные в комплексе с другими жертвенными предметами (толос 319, здание 234);

– нетипичная поза умершего, тело которого не подвергалось расчленению (помещение 364 — лежа на животе).

При этом известно, что господствующим видом погребального обряда в хассунской культуре было скорченное трупоположение на правом или левом боку, реже на спине. Среди всех исследованных на Ярым Тепе I погребений заметно преобладают детские захоронения, которые, как правило, помещались в большие сосуды или оказывались накрытыми крупными их фрагментами. Часто они располагались под стенами, углами или очагами обычных домов. Преднамеренные погребения взрослых людей являются экстраординарными. Инвентарем или жертвенной заупокойной пищей погребения Ярым Тепе I снабжались крайне редко (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 84, 86; Антонова, 1990, с. 69–77).

Похожая информация о связи особых захоронений с некоторыми постройками на поселении получена во время исследования эпонимного памятника хассунской культуры.

В древнейшем слое Ia, где остатки построек зафиксировать не удалось, найдено несколько погребений. Погребение взрослого, кости которого находились в некотором беспорядке, располагалось неподалеку от очага. Рядом с ним был крупный сосуд для хранения, а у головы две каменные мотыги (Lloyd, Safar, 1945, p. 271).

В слое Ic под полом помещения № 6 обнаружен лежащий в сильно скорченном положении скелет, вероятнее всего, взрослого человека. Три стенки погребальной ямы образованы основаниями стен помещения, четвертая выложена из крупных камней. Инвентарь отсутствует (Lloyd, Safar, 1945, p. 267).

В слое III два костяка взрослых людей лежали так, как будто были брошены в зернохранилище. Один из них был без черепа (Lloyd, Safar, 1945, p. 263, 273).

В слое IV в углах помещения № 4 найдены отдельные кости, которые лежали в небольших ямках. Еще в одном случае останки взрослого человека обнаружены в «мусорной яме» (Lloyd, Safar, 1945, p. 262, 267, 274; Антонова, 1990, с. 72).

На различных участках при раскопках Телль Хассуны были обнаружены 12 детских погребений, помещенные в большие грубые сосуды для хранения (с подкосами в нижней части). Связь их с постройками не устанавливается.

Таким образом, захоронения взрослых людей на территории поселения в Телль Хассуне, судя по всему, не были типичными. В большинстве случаев устанавливается их связь с конкретными помещениями. Вполне вероятно, что подобные погребения являлись определенным (наиболее важным) видом жертвоприношений на хассунских поселениях.

Анализируя известные свидетельства об осуществлении обрядовых действий в постройках на поселениях хассунской культуры, Е. В. Антонова заключает: «Разумеется, обнаруженные в этих помещениях остатки явно не достаточны для того, чтобы судить о характере самих сооружений и обрядов, которые могли здесь проводиться» (Антонова, 1990, с. 212).

Представляется, однако, что при сопоставлении указанных комплексов можно отметить некоторые закономерности. В частности, наиболее выразительной оказывается связь рассмотренных помещений с экстраординарными погребениями и с хозяйственно-производственной сферой жизнедеятельности ранних земледельцев. Симптоматично в этом смысле обнаружение останков двух взрослых людей, не захороненных обычным способом, в зернохранилище Телль Хассуны.

На Ярым Тепе I в двух случаях — в комнате 363 (10-й стр. гор.) и в сооружении 234 (8-й стр. гор.) заполнение представлено многочисленными и разнообразными свидетельствами производственной деятельности. Очевидно, что они функционировали в качестве специаль-

ных производственных центров, а также хранилищ на территории поселка. И если первое из названных помещений, вместе с примыкавшей к нему неординарной комнатой 364, являлось частью большого комплекса № XXXVI и не выделялось ни своими размерами, ни особым расположением среди жилых построек на поселении, то данные второго свидетельствуют об обратном.

Массивное с двойными стенами значительное по своим размерам сооружение 234, представляло собой единую конструкцию и, находясь в северной, противоположной от жилого района, части раскопа, было окружено со всех сторон открытыми дворами. Насыщенность находками на территории этих дворов минимальна. Тогда как внутри помещения 234 были обнаружены многочисленные фрагменты сосудов, две большие каменные ступки, кремневые и обсидиановые орудия, в том числе крупные ножевидные пластины, мраморные и известняковые палетки, скопления охры и расколотых желваков, обломки зернотерок и терочники, а также остатки специальной платформы — зерносушилки. Весь комплекс данных указывает на особый характер этого дважды перестраивавшегося строения, вероятно, функционировавшего в качестве общественно значимого хозяйственного и производственного центра на поселении.

В то же время материалы заполнения, нестандартная планировка, особое место расположения толосов 319 и 333, их соседство с серией погребений из 12-го и 11-го строительных горизонтов дают основания говорить о специальном культовом назначении этих сооружений, возможно, связанным с проведением коллективных обрядовых действий древнейшими жителями поселения.

Весьма интересным представляется повторяющееся сочетание объектов жертвенных комплексов, выявленных в названных строениях Ярым Тепе I. Толосы 319, 333 (12-й стр. гор.), соседние комнаты 363, 364 (комплекс XXXVI, 10-й стр. гор.) и здание 234 (8-й стр. гор.) показывают во многом совпадающие наборы жертвенных предметов. Во всех этих помещениях присутствовали, являясь самыми важными в семантическом плане объектами, останки людей, т. е. человеческих жертвоприношений. Почти всегда им сопутствуют очаги (или очажные сооружения), фрагменты крупных сосудов и кости / рога животных. По одному разу зафиксировано наличие обломков обсидиана и целого ожерелья (толос 319); зерна, находящегося в кувшине вместе с останками человека и овцы (толос 333); зернотерки (здание 234).

Такое повторение элементов жертвенных наборов (останки человека, фрагменты сосудов, кости / рога животных, следы огня / очажных сооружений, зерно / зернотерка) в помещениях, принадлежащих различным строительным горизонтам Ярым Тепе I, свидетельствует о существовании устойчивой системы представлений сельскохозяйственной направленности и об уже сложившейся закономерности в проведении обрядов. Магический смысл совершения этих обрядов, очевидно, был связан с целым комплексом верований — культом всеобщего

плодородия (человеческого, земледельческого, скотоводческого), стремлением обезопасить себя, конкретные места и помещения от злых сил потустороннего мира, задобрить предков, духов или божеств местности. Подобные представления являются характерными для раннеземледельческих народов вообще и широко известны по этнографической и исторической литературе. Сельскохозяйственная направленность мировоззренческих представлений хассунцев подчеркивается тем, что наиболее часто встречаемые на поселениях погребения младенцев и детей совершались, как правило, в больших глиняных сосудах с ребром в нижней части и резким подкосом ко дну, использовавшихся в быту для хранения зерна и других продуктов. Большие фрагменты подобных сосудов или же целые их развалы были неоднократно зафиксированы среди объектов жертвенных коллекций в особых местах и постройках на Ярым Тепе I.

Несколько иной набор свидетельств культа представляют смежные помещения 282 и 346, пристроенные к крупной конструкции, которая была, судя по размерам, месту расположения и характеру заполнения, вероятнее всего хозяйственного назначения (комплекс XXX, 11-й стр. гор.). Эти помещения были отделены от основной постройки двойной стеной. Здесь, как отмечалось выше, в полу на обмазанной глиной платформе была сделана выемка (желоб), пересекающая всю комнату 282. Северо-восточный угол комнаты 346 выделен перегородкой. И в том и в другом помещении найдены останки расчлененных тел взрослых людей. Насыщенность прочими находками минимальная. Судя по представленным материалам, весьма вероятно специальное назначение данных сооружении в качестве мест совершения важных обрядов, содержание которых определить достаточно сложно.

Наконец, в отношении большого округлого сооружения уровня 4, исходя из крупных размеров, необычной формы и соседства данной постройки с производственным районом, можно только предполагать его сакрализацию на поселении. Никаких более очевидных свидетельств о его предназначении по причине плохой сохранности 4-го строительного горизонта получено не было.

Подводя итог вышесказанному, еще раз отметим, что материалы некоторых помещений хассунского поселения Ярым Тепе I убедительно свидетельствуют о проведении в них культовых действий в соответствии с предполагаемым важным функциональным назначением этих построек. Конструктивные особенности, место расположения, а также характер заполнения толосов 319 и 333 дают основания определять существование данных строений специально в качестве культовых, связанных с районом погребений на поселении, тогда как свидетельства совершения обрядов в помещениях 363, 364; 282, 346 и в здании 234, очевидно, связаны с функционированием данных или (в случае с помещениями 282 и 346) смежных с ними основных построек в качестве производственно-хозяйственных центров. Окончательное определение уровня общественной значимости сакрально выделенных со-

оружений Ярым Тепе I довольно проблематично. Тем не менее в отношении архитектурно нестандартных, располагавшихся в особом (не жилом) районе поселения (северный участок раскопа, квадрат 27) толосов 319, 333 (12 стр. гор.) и здания 234 (8 стр. гор.) с большой долей вероятность можно предположить их высокую значимость для всех жителей Ярым Тепе I. Свидетельства эпонимного поселения хассунской культуры в целом не противоречат представленным выводам.

САМАРРСКАЯ КУЛЬТУРА

Одной из первых распространившихся на довольно обширную территорию, прогрессивных во многих отношениях раннеземледельческих культур Двуречья является самаррская культура, датируемая серединой VI – началом V тыс. до н. э. Синхронная хассунской, а также какое-то время сосуществовавшая на позднем этапе своего развития с халафской и раннеубейдской, она отмечена рядом характеристик, указывающих на ее участие в формировании шумерской цивилизации. В частности, в ней усматривают один из источников появления Убейда (Oates, 1960; ИДВ, 1983, с. 91–92; Lebeau, 1985; Мерперт, Гуляев, 1992, с. 315, прим.10; Blackhman, 1996; Антонова, 1998, с. 35–36 и др.).

К настоящему времени установлено местонахождение самаррских поселений, главным образом, по среднему течению Тигра, а также по Балиху и в долине Диялы. Стационарно археологически исследовались Телль эс-Савван, Чога Мами, Багуз, Телль Сонгор А и некоторые другие. На позднем этапе зафиксированы их контакты с Иранским плато, Сиро-Киликийским регионом, а, кроме того, с носителями халафской культуры на севере и раннеубейдской на юге Месопотамии.

Расположение поселений, возделывание шестирядного ячменя, возможное здесь только при использовании ирригации, наконец, находки следов самих каналов — все указывает на важный шаг, сделанный самаррцами в освоении долины (Oates, 1969, p. 128; ИДВ, 1983, с. 68–72; Антонова, 1998, с. 34–36 и др.). Высказывалось мнение, что именно в самаррский период на территории Месопотамии появляется институт вождества, вновь активизируются торговые контакты на дальние расстояния, усиливается ремесленная специализация (Hijara, 1997, p. 103).

Показателем высокого уровня развития ремесла в самаррской культуре, бесспорно, являются керамические сосуды разнообразных форм, украшенные как геометрическим, так и сюжетным орнаментом. Среди них можно выделить предназначавшиеся для обрядов, чьи изображения связаны с мифологическими представлениями **(рис. 64, 65)**. Обрядовые вещи вообще многочисленны для памятников Самарры. Помимо сосудов различных форм из камня и глины, к ним, прежде всего, относятся каменные и глиняные фигурки, отдельные признаки которых дают основание предполагать их воздействие на формирование убейдского типа статуэток.

Необходимо также отметить архитектурные достижения самаррцев. Выявленные приемы стандартного планирования и возведения построек на поселениях этой культуры отличаются продуманностью, особым мастерством и строгой системой в организации исполнения. Углы самаррских строений, как правило, ориентированы по сторонам света. Стены домов регулярно укреплялись контрфорсами, поддерживавшими перекрытия плоских крыш, и возводились из определенных по форме и размеру сырцовых кирпичей, изготовлявшихся в деревянных опалубках. В Месопотамии такой строительный материал появляется впервые. Серийное изготовление формованных кирпичей отвечало требованию иметь достаточное число деталей одного размера для реализации предусмотренного планом стандартизированного архитектурного ансамбля.

В целом можно отметить, что даже при относительно слабой изученности самаррские поселения демонстрируют довольно высокий уровень развития и организации для своего времени.

Одним из немногих широко раскопанных памятников самаррской культуры является Телль эс-Савван. Поселение открыто и исследовано под эгидой Иракского Департамента Древностей в 1964–1969 гг. Пока опубликованы только предварительные отчеты о раскопках этого замечательного памятника, написанные разными авторами (руководителями работ разных сезонов) и не представляющие полной картины исследования с обоснованной системой интерпретаций. Из отчета в отчет менялся общий порядок нумерации выделенных уровней памятника, также в ряде случаев изменялись номера, обозначающие отдельные постройки на поселении. Отсутствие сводных планов и профилей раскопанных участков слоев Телль эс-Саввана значительно затрудняет возможность осмысления полученных материалов.

Опубликованные сведения о раскопках этого поселения неоднократно подвергались критическому пересмотру (см. напр.: Forest, 1985; Breniquet 1991; Blackham, 1996, Корниенко, 2002а), тем не менее во многих отношениях Телль эс-Савван до сих пор продолжает оставаться загадкой для специалистов. Необычная поселенческая структура и некоторые другие особенности памятника представляются весьма интересными в рамках рассматриваемой проблемы.

Памятник расположен на восточном обрывистом берегу Тигра на расстоянии 11 км в южном направлении от Самарры и по форме похож на неровный овал, простираясь приблизительно на 230 м с юга на север, 110 м с запада на восток. Он состоит из трех холмов, обозначенных авторами раскопок — А, В и С, среди которых В самый высокий (3,5 м над уровнем равнины) и отделен от А и С двумя сезонными небольшими речушками. Любопытно, что этот холм с древнейших слоев ограждался в течение длительного периода сначала рвом, а позднее валом жителями Телль эс-Саввана от других районов поселения **(рис. 66)**. Датируется памятник третьей четвертью VI тысячелетия до н. э. (El-Wailly, Abu es-Soof, 1965, p. 17, 19; El-Wailly, 1967, p. a).

На поселении прослежены пять горизонтов обитания (счет снизу вверх). Для них определена непрерывная линия развития, прошедшая через две культурные фазы. Слои I и II (два нижних уровня) показывают коллекцию материалов, сходных с Джармо и Хассуной, однако отличающихся заметным локальным своеобразием. Свидетельства верхних слоев (уровни III–V) представляют уже выразительные самаррские артефакты с включением реликтов, характерных для ранних горизонтов этого памятника (Abu Al-Soof, 1971, p. 5).

Наиболее широко в Телль эс-Савване проводились раскопки холма В, в центральной части которого в древнейшем слое были исследованы большие архитектурные конструкции с хорошо продуманной планировкой **(рис. 67)**. Здание 1 (западное) имело более чем 14 комнат и, возможно, более чем один двор. Здание 2 (восточное) занимало большую площадь, но его план не столь упорядочено организован. В северном направлении от них открыты развалины еще одного сооружения похожего типа. Пилястры, являющиеся характерной чертой внешнего фасада этих строений, как правило, устанавливались в месте соединения двух стен и служили для их укрепления. С северной стороны к Зданию 1 и с западной стороны к Зданию 2 примыкали некие строительные структуры, которые, по замечанию авторов раскопок, могли представлять остатки лестниц, ведущих на крышу или остатки платформ (El-Wailly, Abu es-Soof, 1965, p. 20; fig. 24–29, 33, 34; Abu al-Soof, 1968, p. 3). В рассматриваемых конструкциях обнаружено относительно мало керамики, что, по мнению Дж. Отс, может быть связанно с функциональным назначением построек. В них, судя по сообщениям отчетов, свидетельств домашней жизнедеятельности не выявлено (Oates, 1973, p. 166).

Особого внимания заслуживают комнаты 15, 8, 12 и 13 располагавшиеся анфиладой в восточной части Здания 1. Они были последовательно соединены тремя дверными проемами, лежащими на одной линии. Последняя в этом ряду комната 13 имела в центральной части северной стены нишу, под которой обнаружена «наиболее удивительная», по заключению Ф. Эль-Вайлли и Б. Абу эс-Суфа, алебастровая статуэтка «Богини Матери». Две похожие глиняные фигурки найдены обезглавленными на полу комнаты 8 (El-Wailly, Abu es-Soof, 1965, p. 20; fig. 35–37). Дж.Отс отмечала, что контекст находок в Телль эс-Савване предполагает вероятность намеренного отделения голов у подобных статуэток (Oates, 1966, p. 151). В комнате 7 того же здания встречена еще одна статуэтка «Богини Матери» из алебастра (El-Wailly, Abu es-Soof, 1965, fig. 38).

Эти находки в сочетании с упорядоченной системой организации зданий, по мнению авторов раскопок, указывают на то, что названные строения могли выполнять на поселении определенного рода религиозные функции. Подтверждением данного предположения служит продолжительный период их существования (уровень I и II), в течение которого сооружения, претерпевая некоторые ремонтные работы, функционировали. Кроме того, необычно богатое находками, обшир-

ное кладбище было обнаружено под полами описываемых структур и на территории к ним примыкающей. Исследователи раннеземледельческих культур Месопотамии сходятся во мнении, что «этот некрополь, носил экстраординарный характер» и представляет собой «особый религиозный феномен» (El-Wailly, Abu es-Soof, 1965, p. 18–20; Abu Al-Soof, 1971, p. 5; Oates, 1978, p. 119; Мерперт, Мунчаев, 1982, с. 28 и др.).

Всего под полами рассматриваемых строений в первый сезон раскопок выявлено более 130 захоронений, большинство из которых находилось под Зданием 1. Дальнейшие исследования, открывшие еще около 50 погребений на том же участке, показали, что могилы располагались и под всей площадью полов Зданий 2 и 3, хотя там они не были так сконцентрированы, как в соседнем Здании 1. Подобные захоронения, кроме того, открыты в районе, примыкающем с северо-западной стороны к названным постройкам, выходящем к обрывистому берегу над Тигром. Интересно, что погребения уровня II на Телль эс-Савване почти не выявлены, а в верхних уровнях III–V обнаружены несопоставимые с выше указанными захоронениями по количеству и оформлению могилы (El-Wailly, Abu es-Soof, 1965, p. 23–24; Wahida, 1967, p. 175–176; Abu al Soof, 1968, p. 3, 5–6).

Погребения I-го уровня, находившиеся под большими архитектурными конструкциями и на территории к ним примыкающей, были снабжены богатым для рассматриваемой эпохи и во многих отношениях замечательным инвентарем: ожерельями и браслетами из бирюзовых, алебастровых, нефритовых, сердоликовых, медных, шиферных и прочих бус, многочисленными алебастровыми чашами, кубками, кувшинами, фигурными сосудами и предметами, палетками, уникальной коллекцией алебастровых и глиняных антропоморфных фигурок, орудиями труда (El-Wailly, Abu es-Soof, 1965, p. 22, 25–28, fig. 66, 67, 69, 70, 73, 74; Oates, 1978, p. 118–119).

Авторы раскопок подчеркивают, что связь коллективных захоронений из уровня I с открытыми большими постройками не подлежит сомнению. Все эти погребения создавались в материковом грунте с полов первого уровня, затем полы обмазывались толстым слоем гипсового раствора. Ни одно из захоронений не пересекалось с границами стен строений. Таким образом, могилы находились или внутри или на определенном участке рядом с постройками. На полах зданий I-го уровня обнаружены статуэтки, сосуды и другие предметы, подобные тем, которые использовались в оформлении располагавшихся ниже могил. Такие объекты за исключением нескольких фрагментов открыты только в указанном районе раскопа в древнейшем уровне памятника (El-Wailly, Abu es-Soof, 1965, p. 22–23; Yasin, 1970, p. 10).

Среди захоронений заметно преобладают останки детей и подростков. По мнению некоторых специалистов, данное соотношение естественно, учитывая высокий процент детской смертности в ту эпоху (Oates, 1978, p. 118; Антонова, 1990, с. 77). Лишь в одном случае центр комнаты был занят погребением взрослого мужчины, которое сопровожда-

лось особенно многочисленным набором инвентаря. Как правило, захоронения совершались в неглубоких (25–50 см ниже уровня пола) овальной формы ямах. Многие тела умерших уложены на боку в сильно скорченном положении завернутыми в циновки. Ориентировка захоронений различна. Иногда археологами фиксировалось дополнительное оформление могил. В могиле 113, на отделенном черепе и других частях скелета, беспорядочно сложенных в кучу, сохранились следы красно-коричневой краски. Авторы раскопок отмечают, что большинство раскопанных скелетов, фрагментарны. Е. В. Антонова считает, что в некоторых случаях можно предположить вторичное захоронение костей или погребение останков после выставления трупа (Антонова, 1990, с. 73). Кроме того, более трети могильных ям вовсе не содержали костей (El-Wailly, Abu es-Soof, 1965, p. 23–24).

Разнообразие материальных характеристик обнаруженных захоронений, связанных с исследованными большими зданиями I-го уровня холма В Телль эс-Саввана, указывает на существование развитой системы представлений о смерти, а также на проведение различных видов погребального обряда древнейшими обитателями местности, что, очевидно, имело свои обоснования. В целом весь комплекс рассмотренных артефактов, на наш взгляд, показывает некоторые формальные параллели с «Домом Мертвых» Чейеню Тепеси (Северное Двуречье, конец VIII – начало VII тыс. до н. э.). Однако «некрополь», относящийся к определенному участку и сооружениям Телль эс-Саввана, функционировал по времени значительно короче, чем много раз перестраивавшийся и в течение нескольких поколений служивший общинным кладбищем «Дом Мертвых» Чейеню Тепеси.

Свидетельства, полученные непосредственно из больших строений холма В I-го уровня Телль эс-Саввана, особенно из Здания 1 указывают на возможное использование этих построек в качестве мест для проведения обрядов.

Весьма важным представляется то обстоятельство, что начиная с древнейших времен заселения центральный холм В, отделенный ручьями от соседних холмов А и С, кроме того выделяется искусственными границами от остальных частей поселения. В период ранней фазы уровня I с трех сторон вокруг восточного склона холма В был вырыт «П»-образный ров, в среднем достигающий 2,5 м ширины и 3 м глубины. В разрезе траншея имела форму «V» и сужалась до 50 см в самой низкой точке. Северный и южный рукава рва встречались с линиями двух названных речушек (El-Wailly, Abu es-Soof, 1965, p. 19). Таким образом, выделенный участок оставался открытым только со стороны Тигра.

Начиная с уровня IIIA по периметру с внутренней стороны траншеи была построена и постоянно поддерживалась в хорошем состоянии, позже укрепленная в некоторых местах специальными выступами, глинобитная стена. На отдельных участках ее высота сохранилась на 0,9 м. В основании толщина ограды составляла 0,6 м (Al-A'dami, 1968, p. 58). Авторы раскопок предполагали фортификационное ее так же, как и рва,

назначение. Одно из строений — Здание 12 — оказалось включенным в эту стену. Внутри огороженного пространства (S — 0,2 га) выявлены 8 сооружений, которые (кроме одного из них) как и Здание 12 оказались однотипными Т-образными в плане **(рис. 68)**. Углы всех сооружений, как и в предыдущих слоях, ориентированы по сторонам света. Между строениями выявлены аккуратно вымощенные галькой дорожки. В одном случае сохранилось три слоя такого покрытия (Wahida, 1967, p. 169–172, pl. II; Abu al-Soof, 1968, p. 4–5, pl. II; 1971, p. 4).

На территории, окруженной глинобитной стеной, в восточной части холма В, исследователями было обнаружено три открытых участка (№№ 428, 429 и 470), которые коллективно использовались населением уровня III. Восемь из десяти исследованных печей для выпечки хлеба располагались в южной стороне площади 428. Три большие круглые гончарные печи (d — 2 м) функционировали (очевидно, не все одновременно) на участке 470 (Abu Al-Soof, 1971, p. 4, pl. I, VI–VII, XII–XIII).

Необычные Т-образные здания, построенные на огражденной территории, включали в себя по 15–16 помещений. Под полом некоторых комнат, как правило, в углах, находились погребения. Комплекс захоронений 6–9 из помещения 345 (один взрослый, три ребенка) и могила 10 из помещения 346 (кости взрослого человека сложены в кучу, череп отдельно) явно отличаются от остальных (единичные костяки, в скорченной позе на боку) (Abu al-Soof, 1968, p. 5–6, pl. IX. 1–2). Большинство Т-образных построек, пережив фазу IIIA и IIIB, перестраивались на уровне IV, возможно, V (Abu Al-Soof, 1971, p. 4).

Нижние уровни зданий (фаза IIIA) сохранились значительно хуже и содержали мало свидетельств по сравнению с более поздней фазой. На полах, относящихся к фазе IIIB, обнаружены многочисленные и богатые по набору предметов коллекции сельскохозяйственных орудий, остатки зерен, а также свидетельства «контейнеров и специальных приспособлений для хранения». Данные находки, как и маленькие размеры внутренних помещений, дали основания исследователям считать эти строения складскими. С одной из сторон к самым крупным зданиям рассматриваемого участка примыкали остатки поднимающихся наверх лестниц. Такие структуры, по мнению авторов раскопок, служили зернохранилищами. (Wahida, 1967, p. 169–172; Abu al-Soof, 1968, p. 4–5, 7–10; 1971, p. 4). Вместе с тем в отношении функционального назначения Т-образных зданий высказывалось предположение о том, что они являлись храмами (Abu al-Soof, 1968, p. 10, 12; Al A'dami, 1968, p. 59). Позже такая интерпретация Т-образных сооружений Телль эс-Саввана оценивалась довольно скептически (Oates, 1978, p. 117; Антонова, 1990, с. 213).

Учитывая все вышесказанное, добавим несколько замечаний относительно функционального понимания архитектурного комплекса данных Телль эс-Саввана. Во-первых, помимо работ на территории окруженного рвом и стеной участка холма В, были произведены хотя и в гораздо меньшем масштабе исследования других районов памятника,

где выявлены материалы, по времени соответствующие полученным в холме В (El-Wailly, Abu es-Soof, 1965, p. 18, 24). Здания III-го уровня, которые открыты и раскопаны вне окруженного стеной участка, показали иной набор сопутствующих свидетельств. Сами конструкции представляли собой нерегулярные скопления обычных прямоугольных помещений, концентрировавшихся вокруг открытых пространств, — «дворов-колодцев», исходя из чего такие дома были интерпретированы в противоположность Т-образным сооружениям как жилые постройки (Wahida, 1967, p. 169–172).

Во-вторых, ряд ученых приводит серьезные доводы, опровергающие предположение о фортификационном назначении рва и стены Телль эс-Саввана (Breniquet, 1991, p. 75, 83; Blackman, 1996, p. 2–3). По этому поводу, например, М. Блэкмэн пишет, что ров мог являться частью канализационной системы, а стена служила для того, чтобы не впускать на поселение чужих людей и бродячих собак, сам же Телль эс-Савван был ординарным сельскохозяйственным населенным пунктом (Blackman, 1996, p. 3). Интересно, что другие исследователи при опоре на более широкий круг данных склонны видеть в материалах Тэлль эс-Саввана остатки выдающегося для своего времени поселения, вполне вероятно, обрядового центра среди окружающих (Oates, 1978, p. 119; Алекшин, 1983, с. 5; Антонова, 1998, с. 37).

Несмотря на различную степень изученности отдельных районов Телль эс-Саввана, недостаточную информативность сведений о памятнике в целом, можно заметить, что по ряду показателей холм В сильно отличался от прилегающих участков на поселении. Так к признакам, выделяющим этот район и, вероятно, указывающим на его особый статус относятся:

– ограждение рвом и валом на протяжении длительного периода времени;

– нахождение необычного «некрополя» в основании;

– другие (менее выразительные) свидетельства культа;

– регулярная, начиная с III слоя, Т-образная планировка архитектурных конструкций;

– сопутствующие Т-образным сооружениям материалы, определяющие функциональное назначение данных построек в качестве хранилищ;

– галечная, неоднократно обновлявшаяся, вымостка между зданиями;

– открытые производственные участки с концентрированным расположением на них больших гончарных печей и печей для выпечки хлеба.

Основываясь на доступных для нас сведениях, попробуем предложить свою версию прочтения этого памятника. Представляется, что территория холма В с самого начала освоения Тэлль эс-Саввана (уровень I) была определена как наиболее важный, общественно значимый центральный район поселения, который древнейшие жители оградили

рвом. При «закладке» этого участка, кроме того, были совершены массовые, в большинстве своем детские, а в некоторых случаях мнимые (фиктивные), но так же, как и все остальные сопровождавшиеся богатым инвентарем захоронения, что, очевидно, в целом имело характер экстраординарного жертвоприношения в момент основания поселения для будущего благополучия и процветания общины. С этого времени огражденная территория являлась сакрально защищенным центром Телль эс-Саввана[1]. Позже именно на данном участке были построены общественно значимые хозяйственные и производственные структуры — зернохранилища, большие гончарные печи и печи для выпечки хлеба, а также складские помещения для орудий труда и, вероятно, других объектов. Зафиксированные следы, проводившихся здесь культовых церемоний, отмечают необходимые, с точки зрения жителей Телль эс-Саввана, действия, направленные на защиту и приумножение своего имущества, благополучия общины. С той же целью сакральной защиты и символического выделения данного района в период IIIA была возведена глинобитная ограда, которая в дальнейшем укреплялась и поддерживалась в хорошем состоянии. С внешней стороны от ограды располагались обычные прямоугольные дома, отличающиеся не только своей планировкой, но и сопутствующими свидетельствами от сооружений центрального участка поселения.

По мнению некоторых исследователей, «Т-образные строения Телль эс-Саввана служат несомненными прототипами более поздних по времени Т-образных шумерских храмов, с которыми они имеют разительное сходство» (Ламберг-Карловски, Саблов, 1992, с. 102). Такое утверждение на сегодняшний день нельзя воспринимать однозначно как безусловно верное. Поскольку самаррская культура по меньшей мере на полторы тысячи лет старше эры по праву называемой шумерской. Но в то же время многие ее черты (керамика, изготовление статуэток, приемы строительства, ирригация, ареал распространения и другие) говорят о реальном включении самаррского элемента в основание шумерской цивилизации. Соответственно следует все же внимательно отнестись к приведенному выше высказыванию о том, что Т-образные коммунальные дома-хранилища могли быть определен-

---

[1] М. Элиаде в нескольких своих работах объясняет строительные ритуалы имитацией космогонического деяния. «Теория, которую подразумевают эти ритуалы сводится к следующему: ничто не может длиться если оно не «одушевлено», если с помощью жертвоприношения оно не наделено «душой»; прототипом строительного ритуала является жертвоприношение совершенное во время основания Мира. Чтобы обеспечить реальность и долговечность строению, повторяют божественный акт образцового созидания — Сотворение миров и человека. Сначала обеспечивается «реальность» места с помощью освящения соответствующего участка земли, то есть путем превращения его в Центр, а затем через повторение сакрального жертвоприношения — подтверждается действенность акта строительства. Естественно, освящение центра происходит в пространстве, качественно отличном от мирского пространства» (Элиаде, 2000, с. 36, с. 260–275; см. также: Медникова, 2004, с. 29).

ной эволюционной базой возникновения Т-образных шумерских храмов. Последние, как известно, располагались на территории теменоса, отделенного от других районов поселения стеной, контролировали значительную часть общинной сельскохозяйственной продукции и включали в себя специализированные ремесленные мастерские.

Помимо материалов Телль эс-Саввана, сведения о вероятном существовании архитектурно выделенных особых сакральных центров или специальных культовых построек общинного значения в самаррских слоях к настоящему времени не известны.

На территории крупного самаррского поселения Чога Мами (S — 5–6 га) среди многих других строений выявлена лишь одна маленькая комнатка 1,7 x 1,7 м (уровень II, постройка H9, комната 51) **(рис. 69–70)**, которая может быть интерпретирована в качестве специального помещения для отправления обрядов. В углах комнаты обнаружены три небольших, покрытых обмазкой вертикально стоящих известняковых камня («orthostat»). Четвертый отсутствовал. Но первичное его нахождение точно определяется. Когда глиняная обмазка с пола и камней была удалена, открывшаяся поверхность оказалась сильно обожжена огнем. На основании этих данных Дж. Отс, автор раскопок, делает вывод, что до покрытия обмазкой пола перед каждым камнем располагался очаг. Весь комплекс представленных артефактов интерпретируется исследовательницей как свидетельство «ритуальной» деятельности на Чога Мами (Oates, 1969, p. 119; 1973, p. 170, fig. 4; 1978, p. 117, pl. 4b).

Помимо материалов, связанных с архитектурными конструкциями, выразительными свидетельствами культовой деятельности жителей самаррских поселений являются сложные по своей форме и декору, а соответственно и по своей семантике, статуэтки и «многословные» изображения на фрагментах керамики. Некоторые из них показывают мифологические картины **(рис. 64)**, а также, вероятно, моменты проведения коллективных обрядов в помещении **(рис. 65)**. Отмеченные свидетельства позволяют надеяться на то, что дальнейшие полевые исследования дадут более полную информацию о духовной сфере жизни самаррцев.

ХАЛАФСКАЯ КУЛЬТУРА

Не менее ярким, чем Самарра, явлением в археологии дописьменной Месопотамии по праву считается феномен Халафа. Датируемая концом IV–V тысячелетием до н. э. халафская культура, отчасти синхронная самаррской, явилась на смену хассунской и предшествовала Убейду. Она охватила значительную территорию от бассейна Тигра до правобережья Евфрата. Влияние ее распространялось от северо-западного Ирана и Закавказья на востоке до поселений в районе Алеппо и Рас Шамры у Средиземного моря на западе. Основной областью распространения Халафа являлась Джезира (Perkins, 1949, p. 43; Мунчаев, 1997,

с. 5; Амиров, 1999, с. 236). Именно в Ассирийской степи находится наибольшее количество памятников халафской культуры.

К сожалению, эти памятники изучены весьма неравномерно. Имеющиеся материалы содержат информацию о многообразии и сложности погребального обряда носителей халафской культуры, осуществлении ими других ритуальных действий как внутри некоторых построек, так и за их пределами. Наконец, широкую известность получило использование различных магических сюжетов повествовательного и символического характера в изобразительном искусстве халафцев. Все это позволяет говорить о том, что мир идеологических представлений земледельцев Северной Месопотамии халафского периода был достаточно сложен и более развит, чем у носителей предшествовавшей хассунской культуры, и до определенной степени сопоставим с системой мировосприятия самаррцев.

Публикации раскопок Телль Арпачии, Тепе Гавры, Телль Асвада (район р. Балих), Ярым Тепе II, III, Телль Саби Абияда и некоторых других памятников послужили основанием для развертывания дискуссии о вероятности и особенностях существования культовых построек на раннеземледельческих поселениях в халафскую эпоху (Mallowan, Rose, 1935; Mallowan, 1946; Tobler, 1950; Hijara, 1978; 1997; Hijara et al., 1980; Oates, 1978; Copeland, 1979; Мунчаев, Мерперт, 1981; Merpert, Munchaev, 1987; Мунчаев, 1997; Ippolitoni-Strika, 1990; Akkermans,1990; Антонова, 1990; 1998; Корниенко, 2001 и др.)

Известно, что распространение халафской культуры в Северной Месопотамии сопровождалось не только появлением совершенно оригинальной расписной керамики и орнаментированной своеобразной пластики, но и заметным изменением архитектурной традиции. Вместо характерных для хассунской культуры многокомнатных домов прямоугольного плана в эпоху развития Халафа господствующей формой архитектуры становятся округлые в плане однокомнатные дома типа толоса с примыкающими к ним прямоугольными постройками.

Впервые остатки таких халафских сооружений были открыты английской экспедицией в середине 30-х годов прошлого века во время раскопок Телль Арпачии (Северный Ирак, район г. Мосул). В халафских слоях ТТ 7–10 самого телля и за его пределами было обнаружено 10 толосов. Как сообщают авторы раскопок, в основном от этих сооружений сохранились только каменные фундаменты (Mallowan, Rose, 1935, p. 7, 34). Древнейшие из найденных в телле толосов в слоях ТТ 10-9 представляли собой отдельно стоящие круглоплановые постройки, имеющие соответственно диаметр — 7 и 5,5 м, толщину стен — 0,7 и 1 м. Более поздние крупные сложного плана толосовидные строения найдены в слоях ТТ 8-7, где внешний диаметр круглого помещения большого здания составлял 10 м, а вместе с примыкающей к нему прямоугольной постройкой абсолютная длина дома достигала 19 м. Толщина стен этого сооружения — 1,35 и 1,65 м.

Авторы публикаций материалов Телль Арпачии сообщают, что са-

мые крупные из раскопанных круглоплановых строений стояли в центре поселения, на основании чего можно предположить их особую значимость. Во-вторых, стены этих толосов заметно большей толщины, чем у современных им раскопанных зданий. В-третьих, последовательные перестройки не затронули каменных фундаментов указанных толосов, к которым, как считают М. Маллован и Дж. Роуз, население относилось с определенным почтением. Для каждого нового здания доставлялся камень и укладывался непосредственно поверх старых оснований. Также в районе толосов была обнаружена особая яма, которая содержала многочисленные статуэтки, в основном женские, и фрагменты расписных сосудов. Два погребения G 51 и G 53, «включавшие наиболее качественную и красивую керамическую посуду», были обнаружены напротив внешней стены толоса TT 7; детское захоронение найдено в толосе TT 9. Признавая тот факт, что, по-видимому, погребение в пределах поселения считалось явлением желательным, авторы раскопок тем не менее используют названные свидетельства захоронений как еще один аргумент в пользу следующего заключения: «Более чем вероятно, что толосы были святилищами, возможно, связанными с культом матери-богини» (Mallowan, Rose, 1935, p. 25, 34, 66). На такую категоричность высказывания по поводу назначения круглоплановых сооружений повлияла, помимо уже названного, необычная планировка этих построек, которая была впервые зафиксирована для халафского времени.

Вопрос о реконструкции и интерпретации арпачийских толосов в наши дни продолжает обсуждаться на страницах печати. Определение этих сооружений как построек культового назначения вызвало множество возражений. В частности, отмечалось, что их центральное положение на Телль Арпачии отнюдь не доказано, т. к. остается неизвестным план большей части поселения. Связь с толосами погребений и других находок некоторыми учеными также представляется малодоказуемой. Наконец, последующие открытия остатков округлых в плане домов различного назначения наряду с прямоугольными постройками по всему ареалу распространения халафской культуры дают основания утверждать, что толосовидные здания в халафских поселениях не являются постройками необычного особого плана. Помимо названного, в качестве возражений авторам раскопок приводились и другие аргументы (подробнее см.: Akkermans, 1990, p. 300–302; Антонова, 1990, с. 214; 1998, с. 15).

Тем не менее представляется совершенно очевидным, что большие толосы (с диаметром круглого помещения в 10 м, при абсолютной длине сооружения в 19 м, толщине стен 1,35–1,65 м), располагавшиеся в центральной части Телль Арпачии являются исключительными постройками для халафского периода. Даже если не принимать в расчет сопутствующие им археологические свидетельства, хотя контекст находок всегда играет важную роль и его нельзя игнорировать, сами размеры этих зданий несравнимы с параметрами всех известных

круглоплановых сооружений, обнаруженных на других халафских поселениях, диаметр которых, как правило, составляет от 2,5 до 5–6 м (Hijara, 1997, table 2).

Помимо арпачийских толосов, особого внимания, безусловно, заслуживает так называемый «Сгоревший дом», открытый английской экспедицией в верхнем халафском слое ТТ 6. Основание «Сгоревшего дома» покоилось на остатках предшествовавших круглоплановых строений в ТТ 7. Рассматриваемое здание — прямоугольной планировки, самое крупное из раскопанных на поселении — располагалось в центральной части телля и состояло из многих комнат. Инвентарь «Сгоревшего дома» включал большое количество фрагментов полихромной расписной керамики, каменные вазы, украшения, кремневые и обсидиановые орудия. Там же были найдены множество нуклеусов, каменных сколов, палетки для растирания красок, большой кусок охры и другие остатки производственной деятельности. Вместе с тем, «Сгоревший дом» содержал интересную коллекцию культовых объектов из камня и кости, а именно: плоскую известняковую женскую статуэтку, маленькую мужскую статуэтку из алебастра, миниатюрную стеатитовую чашу, 5 каменных моделей фаланг пальцев и одну настоящую фалангу человека. Причем все перечисленные вещи были обнаружены вместе в одном конце комнаты и могут рассматриваться как набор ритуальных предметов (Mallowan, Rose, 1935, p. 16, 17, 99; fig. 5(a); pl. x.(a)). Эти свидетельства, пишет Е. В. Антонова, оставляют впечатление их связи с определенным обрядом (Антонова, 1998, с. 16). Оно тем более усиливается при учете материала из Телль Халафа (погребение G 58), где среди сопровождавших умершего вещей были обнаружены несколько человеческих фаланг пальцев руки (Mallowan, Rose, 1935, p. 99). Рассмотренные свидетельства указывают на то, что в халафское время фаланги пальцев (настоящие или их модели) могли использоваться в различных ритуальных целях, в том числе при совершении обрядов, проводившихся в пределах построек.

По мнению Дж.Отс, серия материалов из «Сгоревшего дома» фиксирует также проведение здесь особых церемоний «ритуального разбивания». Исследовательница отмечает, что «большое количество наиболее красивых образцов расписной халафской керамики было разбито на мелкие кусочки и сильно обожжено» (Oats, 1978, p. 119). Похожие следы совершения ритуального разбивания предметов неоднократно были встречены в древнейших халафских слоях Ярым Тепе II, зафиксированы они и на культовых памятниках Месопотамии более поздних периодов.

О специальном назначении «Сгоревшего дома» в пору его функционирования красноречиво говорят обнаруженные там печати, а также 8 дисковидных пластин и около 20 яйцевидных «булл», на поверхности которых сохранились разнообразные оттиски **(рис. 71)**. Для того времени оттиски печатей служили не только формальными знаками контроля, в еще большей степени они являлись сакральными оберегами имущества.

Найденные в «Сгоревшем доме» *«буллы»* (*комки глины*) первоначально были прикреплены к узлам из веревок, обугленные остатки которых сохранились. На поверхность «булл» наносились со всех сторон оттиски. Дисковидные пластины в свою очередь не несут следов прикрепления, а оттиски на них располагались с одной стороны. По предположению А. фон Викиде, диски могли служить чем-то вроде квитанций. Оставляя на них или «буллах» оттиски своих печатей, люди, контролировавшие обменные операции, таким образом удостоверяли сохранность вместилищ (Wickede, 1990, S. 94–98, Add. 54–80; 1991, p. 153–155, 157, fig. 1–7; pl. I–VI). Находки из «Сгоревшего дома» являются одними из ранних свидетельств существовавшей в Месопотамии системы учета и хранения. Важно еще раз подчеркнуть их открытие в той же постройке, где были обнаружены следы проведения различных обрядов, множество ценных вещей, а также разнообразные свидетельства производственной деятельности. Представленные материалы позволяют нам предполагать многофункциональное использование «Сгоревшего дома» в позднехалафскую эпоху, его очевидную значимость в общем контексте Телль Арпачии.

Дополнительные сведения об этом поселении были получены во время его повторных раскопок. В связи с тем, что экспедиция М. Маллована не довела исследование холма до материка, в 1976 г. иракским археологом И. Хаджарой проводились специальные работы с целью изучения древнейших слоев памятника. В центральной части телля он заложил три узкие траншеи длиной более 60 м (9 х 3 м; 40,5 х 2,5 м; 8 х 2 м). В результате этих работ установлено, что халафский слой продолжается еще на 2,5 м ниже уровня ТТ 10, достигнутого М. Маллованом, и таким образом, составляет 7,5 м. В столь мощном слое И. Хаджара выделил 11 строительных уровней, которые, с его точки зрения, характеризуют 4 архитектурные фазы развития поселения Телль Арпачии (Hijara, 1978, p. 125, 127). Пять верхних горизонтов — I–V, которые относятся к архитектурным фазам 4 и 3, — по И. Хаджаре, соответствуют слоям ТТ 10-6, — по М. Малловану **(таблица 1)**.

На основе проведенных разведочных работ И. Хаджарой было высказано предположение о том, что Арпачия занимала особое место среди халафских поселений округи. Он пишет, что фаза I (самая ранняя) *представляла обычную деревню с теснящимися прямоугольными в плане* домами, занимающими большую часть поселения, тогда как в следующих фазах картина резко изменяется. Там теперь нет постоянных жилищ на окраинах поселения. Характер окраин («outskirts»), сообщает автор раскопок, значительно отличается от района толосов («tholos area»), *который окружили стеной* (Hijara, 1978, p. 127; Hijara et al, 1980, p. 132). В этом районе не было обнаружено поселенческого мусора. Заполнение вокруг толосов состояло из чистой глины, принесенной издалека. Культурный слой I и 2 фаз показал, что население могло быть больше, чем на 3 и 4 фазах, для которых культурные отложения были не насыщенными и ограниченными в пространстве. Веро-

ятное объяснение таких изменений, по мнению И. Хаджары, состоит в том, что в течение второй фазы Арпачия начинает занимать особое положение ритуального центра среди окружающих поселений (Hijara, 1978, p. 127; 1997, p. 102).

Кроме уже названного как свидетельства особой ритуальной значимости Арпачии, автором повторных раскопок были рассмотрены погребения черепов человека — G1 (слой VI) и G2 (слой VII), обнаруженные помимо других захоронений в пределах «tholos area». И. Хаджара считал их уникальными для халафского периода (Hijara, 1978, p. 127). Открытие погребений черепов человека на еще одном хорошо исследованном халафском поселении — Ярым Тепе II (погребения — 2/49; 8/55; 9/56) — свидетельствует о том, что подобные, столь неординарные захоронения Арпачии тем не менее не являются уникальными для халафской культуры. Однако сам факт выявления на Ярым Тепе II отдельных захоронений черепов не опровергает основного положения И. Хаджары. Столь редкий для Халафа способ погребения наиболее значимой части человеческого скелета, вероятно, предназначался только для останков избранной малочисленной группы населения, при этом место могилы должно было быть соответствующим.

Особенностью названных арпачийских погребений является нахождение черепов в сосудах. Большой интерес представляет один из горшков, обнаруженных в могиле G 2 (множественном захоронении черепов). Сосуд имеет простую характерную для Халафа форму. Роспись снаружи сгруппирована в пять метоп, разделенных вертикальными линиями. В одной из метоп изображены два персонажа обрядового действа, находящиеся по сторонам огромного сосуда; в четырех других можно увидеть ряд распространенных халафских мотивов, таких, как букрании, мальтийские кресты, треугольники, вьющуюся ленту-змею и прочие. Внутри на стенке чаши была помещена, по-видимому, единая реалистично изображенная сцена, в которой участвуют люди и животные. Дно сосуда с внутренней стороны украшено схематичным рисуном **(рис. 72)**. Все помещенные на сосуде сцены и расписные мотивы связаны между собой и носят как повествовательный, так и символический характер.

Этот великолепный образец халафской керамики — расписная обрядовая чаша, которая была разбита и восстановлена с помощью гипса еще в древности, — неоднократно подвергался анализу со стороны исследователей (Hijara, 1978, с. 125–126; Ippolitoni-Strika, 1990, p. 147–174; Breniquet, 1992, p. 69–78; Зубов, 1997, с. 139; Антонова, 1998, с. 21–24 и др.). Из всех рассуждений наиболее обоснованным представляется вывод К. Бренике о том, что главной темой изображения являлась «защита стада, символа общины, от нападения врагов - хищника», т. е., по большому счету, — обеспечение безопасности и процветания общины (Breniquet, 1992, p .69–77).

Е. В. Антонова заостряет внимание на фигуре «охотника» с оружием и рогатой маской на лице (Антонова, 1998, с. 21–23). «Охотник» изоб-

ражен защищающим от кошачьего хищника (символа дикой природы, внешней опасности) одомашненное пространство, которое представлено знаком ковра / поля / входа в святилище (возможны разные варианты интерпретации) и стоящими с двух сторон от него двумя женщинами, а также коровой / быком. Следует отметить, что сюжет «защиты стада от хищника» хорошо известен в месопотамской глиптике более поздних периодов. В урукскую эпоху окончательно сформировался образный репертуар хищников и травоядных, ставший иконографической основой многочисленных сцен охоты, терзания животных, защиты стад на печатях эпохи Джамдет-Наср и начала Раннединастического периода. Во второй четверти III тысячелетия до н. э. в глиптике образно-линеарного стиля подобные сюжеты становятся основным объектом изображения. Однако теперь сцены «защиты стада от хищников» приобретают более условный и менее динамичный характер, со временем преобразуясь в схему, получившую название «фриз сражающихся». Противниками хищников, как правило, выступали мифические миксаморфные персонажи, соединяющие в себе черты человека и различных существ: быка, козла, льва, змеи (подробнее см.: Кононенко, 2002). Позднейшие аналогии рисунка на обрядовой чаше из халафского погребения G2 также просматриваются и в сценах охоты ассирийских царей. Выявленные параллели подтверждают особый социальный статус сражающегося с хищником «охотника», изображенного на рассматриваемом сосуде. Рогатый головной убор на нем отмечает ритуальное выделение этой фигуры, вероятно, обладающей жреческими функциями. По сути дела, на сосуде из G2 мы впервые встречаемся с прототипом известного древнемесопотамского персонажа, который в научной литературе, посвященной более поздним периодам в истории Двуречья, рассматривается под названием «царь-жрец».

Помимо этого для эпохи Халаф можно отметить утверждение еще одного иконического знака антропоморфного содержания, получившего широкое распространение в религиозном искусстве «исторической» Месопотамии. Это фигура женщины — покровительницы и защитницы, вероятно, наделенной сверхъестественными способностями и, что хорошо определяется, связанной с семантикой воды. Явное сходство устанавливается между дамами, изображенными на чаше из могилы G2 (Арпачия) и выдающимся сосудом, выполненным в виде женской фигуры, из обрядовой ямы древнейшего уровня Ярым Тепе II **(рис. 72, рис. 83)**. Это сходство проявляется в позиции стоя, общих контурах тела с широкими бедрами и усечением головы, изображением ног слитно, длинными вьющимися (или струящимися) волосами, четким выделением треугольника, подчеркивающего «женственность» фигур. Во всех случаях руки женщин согнуты в локтях и направлены вверх. Арпачийские дамы указывают на охраняемый ими ковер / поле / вход в святилище, тогда как женщина из Ярым Тепе II поддерживает руками грудь (мотив, хорошо известный в культурах ранних земледельцев Месопотамии начиная с материалов эпохи PPNA и перешедший в храмовое искусство «истори-

ческого» времени). Большинство исследователей считает возможным интерпретировать представленные образы как изображения богинь[1].

Мотив на дне чаши, центральный для восприятия и соответственно основной для понимания семантики сосуда, по мнению Е. В. Антоновой, слишком условен, чтобы его можно было уверенно интерпретировать (Антонова, 1998, с. 21–23). По этому поводу в 1978 г. И. Хаджара писал: «Основание чаши украшено схематичным изображением, которое может представлять архитектурный рисунок или культовый объект, например, алтарь или особое место для возлияний» (Hijara, 1978, р. 126). С таким объяснением согласна Ф. Ипполитони-Стрика (Ippolitoni-Strika, 1990, р. 161). В статье, специально посвященной известному сосуду из Арпачии, она предлагает наиболее целостное его толкование. Широко применяя межкультурные и диахронные сравнения для лучшего проникновения в суть вопроса, но в своих выводах опираясь преимущественно на арпачийские и близкие им материалы, исследовательница интерпретирует чашу из G2 как «переносное святилище» и считает, что та воспроизводит облик некого толоса, возможно, теперь не сохранившегося, расписанного сценами ритуально-мифологического содержания, подобно «святилищам» Чатал Хююка, и выполнявшего похожие функции. Известно, что в архаичных обществах широко применялась практика помещать одинаковые, несущие определенную информацию, сакральные изображения на различные объекты соответствующего назначения: печати, обрядовую посуду, стены святилищ, храмов и т. д. Вместе с тем форма интересующего нас сосуда действительно соотносима с формой халафских толосов простого плана. «Арпачийская чаша, — пишет Ф. Ипполитони-Стрика, — самое раннее на Ближнем Востоке свидетельство существования ваз, моделирующих архитектурное сооружение» (Ippolitoni-Strika, 1990, р. 148–149). Далее автор статьи на ряде иллюстрированных примеров показывает, что развитие этой традиции в Древней Месопотамии продолжается в периоды Убейд, Урук, Джамдет-Наср; кроме того, оно хорошо фиксируется на материалах из Суз III–II тыс. до н. э. (Ippolitoni-Strika, 1990, р. 163–166, fig. U–Y). В таком случае центральный рисунок, располагавшийся на внутренней стороне дна чаши, возможно, является древнейшим из известных на сегодняшний день изображений центрального культового объекта святилища, а позже — храма, в Месопотамии. В шумерских текстах такой объект называется $BARA_2$ = parakku — обычный перевод «престол» ($bara_2$-za_3-par — «престол святилища»), обозначает центральную часть шумерского храма, место суда и определения судеб, первооснову, начало времени (подробнее см.: Емельянов, 1999, с. 48–51).

---

[1] При их сравнении с женскими персонажами на самаррском расписном обрядовом сосуде **(рис. 64d)** можно увидеть ряд похожих деталей, однако характер изображений халафских статичных «богинь-покровительниц общины» сильно отличается от более архаичных женских «демонических образов» Самарры. И там, и там наблюдаема очевидная связь мифических женских персонажей с символикой воды.

Однако решение загадки арпачийской чаши, предложенное Ф. Ипполитони-Стрика, в настоящий момент нельзя считать доказанным. До сих пор на халафских поселениях не открыты достоверные прототипы, моделью которых мог служить сосуд из могилы G2. Тем не менее вероятность их существования, исходя из современных знаний о халафской культуре в целом и особенно о духовной сфере жизни халафцев, мы отрицать не можем. Известно, что элементы погребальной обрядности, а арпачийский сосуд является таковым, представляют собой полисемантические знаки. Археологически фиксируемая сторона погребального обряда в некоторых случаях дает шанс реконструировать и другие аспекты культовой практики древнего населения, не столь полно отраженные материальными остатками. Не исключено, что новые археологические открытия подтвердят высказывание Ф. Ипполитони-Стрика, и тогда наличие арпачийского сосуда позволит нам оперировать дополнительной информацией об обрядовых постройках халафского времени.

Возвращаясь к гипотезе И. Хаджары, нужно отметить, что косвенное, но достаточно выразительное свидетельство определенного влияния Арпачии на соседние населенные пункты в халафскую эпоху было получено во время изучения химического состава фрагментов расписной керамики, собранных в зондаже Северо-восточного участка и района А Тепе Гавры. В результате работы с халафскими образцами установлено, что 30–40 % (!) обследованного материала было произведено на Телль Арпачии. Фактически все невысокие открытые чаши, расписные фрагменты которых происходили из халафского слоя шурфов Тепе Гавры, оказались арпачийского производства (Davidson, McKerrell, 1980, p. 161). Интересное совпадение: по форме эти изделия идентичны известному обрядовому сосуду из G2.

Подводя итоги исследования, Т. Девидсон и Х. Маккерел заключают, что халафское поселение Арпачии на протяжении какого-то периода времени являлось постоянным поставщиком расписных сосудов определенной формы для Тепе Гавры и, судя по всему, других соседних поселений, где обнаружена подобная керамика. При этом остальные виды глиняных изделий, фрагменты которых найдены на Гавре, местного производства. В рассматриваемую эпоху форма предметов и художественные изображения на них (налепленные из глины, вырезанные, нарисованные и пр.) несли важную смысловую нагрузку, воспринимались как знаки сакрального содержания, иногда служили для обозначения собственности или принадлежности. Весьма показателен факт, что среди черепков собранных на Арпачии ни одного гаврского образца не выявлено. Таким образом, сделанное еще в 30-е годы М. Маллованом и Дж. Роуз предположение о том, что в халафское время Арпачия являлась центром производства и распространения расписных (особо значимых) керамических изделий в округе (Мосульский район), было подтверждено лабораторным путем через 50 лет (Davidson, McKerrell, 1980, p. 155, 163–164).

Есть основания полагать, что подобное положение идеологических центров, экспортировавших (но не импортировавших) обрядовую керамику в близлежащие поселки, занимали Телль Брак, Чагар Базар и Телль Халаф в разных частях хабурского региона (Davidson, McKerrell, 1976; Davidson, 1977, p. 297–336; Copeland, Hours, 1987, p. 216). Такая картина соответствует представлению о существовании системы двухуровневой иерархии для поселений халафской культуры с функционированием районных центров, поддерживавших связи между собой (LeBlanc, Watson, 1973; Hijara et al., 1980, p. 252, 272; Watson, 1983, p. 239–241 и др.).

Синтезируя все рассмотренные выше материалы, мы вслед за И. Хаджарой считаем, что халафское поселение Телль Арпачия отличается некоторыми признаками, позволяющими предполагать его особое положение среди соседних пунктов. Большая толщина (7,5 м) халафского культурного слоя на памятнике, а также тот факт, что самые ранние из известных сегодня халафских материалов происходят из нижних уровней Телль Арпачии (Амиров, 1999, с. 236), служат свидетельствами, допускающими вероятность его основания первопоселенцами в регионе (Мосульский район). Благодаря этому обстоятельству Арпачия могла обладать функциями обрядового родового центра по отношению к близлежащим «дочерним» поселениям. Понятно, что в настоящий момент такое заключение является предварительным, т. к. некоторые данные раскопок на Арпачии требуют уточнения, а соседние халафские памятники остаются по большому счету не исследованными.

К сожалению, исключением среди них нельзя назвать и Тепе Гавру — крупный холм, находящийся в 25 км к северо-востоку от Арпачии. Широкомасштабные раскопки американской экспедицией этого объекта в целом были посвящены более поздним историческим периодам, поэтому, достигнув верхнего уровня халафского слоя (XX), археологи заложили лишь несколько предварительных траншей. В ходе работы особое внимание уделялось юго-западному району раскопа, который на уже исследованных уровнях XVII, XVIII, XIX являлся местом расположения «зданий религиозного назначения» (Tobler, 1950, p. 47). Открытие в юго-западном секторе XX слоя Тепе Гавры остатков толосовидной постройки (d — 5–5,25м) не дало каких-либо дополнительных данных, позволяющих судить о ее назначении.

Дважды исследовавшимся «доисторическим» памятником Северной Месопотамии, материалы которого неоднократно рассматривались как убедительные свидетельства существования обрядовых построек в халафское время (Mallowan, 1946; Oates, 1978, p. 118; Мелларт, 1982, с. 115; Антонова, 1990, с. 214 и др.), является Телль Асвад (район р. Балих). В 1938 г. М. Маллован впервые проводил там раскопки, в результате которых наиболее интересным открытием сезона стали развалины прямоугольного строения с длинными узкими комнатами, найденные на вершине холма. Длина постройки 6,3 м, ши-

рина 4,5 м, стены почти точно ориентированны по сторонам света. К северной и западной стене примыкали низкие обмазанные глиной «пьедесталы», представляющие, по мнению М. Маллована, столы для жертвоприношений. На основании того, что были выявлены названные архитектурные элементы внутреннего оформления данного помещения, череп быка, лежавший в дверном проеме, кости животных внутри и снаружи сооружения, а также фрагменты халафской керамики, М. Маллован предположил, что раскопанная постройка служила святилищем в халафскую эпоху. Вместе с тем он отметил собрание интересной коллекции архаичных кремневых и обсидиановых изделий: ножевидных пластин, скребков, черешковых наконечников стрел, которые, по его мнению, принадлежали более раннему периоду обитания Телль Асвада (Mallowan, 1946, p. 123–124, fig. 2, fig. 13, № 9–18).

При повторных раскопках этого объекта в 1978 г. Ж. Ковеном на вершине холма были вновь обнаружены редкие халафские черепки. Однако в целом культурный слой памятника, начиная с верхних его уровней, составляли отложения неолитического поселения времени PPNB / PPNC. В соответствии с полученными данными французские ученые пришли к заключению, что открытое М. Маллованом сооружение относится к середине VII тыс. до н. э. и является более древним по сравнению с найденной на памятнике халафской керамикой (Copeland, 1979, p. 251–253, 269; Lichardus et al., 1985, p. 17).

Учитывая результаты последних работ, мы не можем использовать материалы Телль Асвада в качестве доказательства существования культовых построек в халафское время. Но эти данные дополняют наши знания о культовых сооружениях Северной Месопотамии ранненеолитического периода, которые подробно были рассмотрены в первой главе настоящего исследования.

Свидетельства, обнаруженные в ходе стационарных раскопок Саби Абияда (долина р. Балих), предоставляют некоторую информацию о проведении культовых действий в помещениях особого назначения слоев 6–1, содержавших халафскую керамику. Наиболее интересные, лучше других сохранившиеся материалы, обнаруженные по преимуществу in situ, происходят из так называемой «Сгоревшей деревни» уровня 6, площадь раскопа которой составила 500 кв. м **(рис. 73)**. Комплексы свидетельств этого слоя показывают переходный характер данных. Здесь вместе с халафской керамикой собран архаичный кремневый инвентарь и ряд артефактов, связанных происхождением с хассунской и самаррской культурами. Время существования «Сгоревшей деревни» определено самым концом VI тысячелетия до н. э. — 5200/5100 г. до н. э. (даты даны в некалиброванном значении) (Akkermans, Verhoeven, 1995, p. 7–9, 20–21; Амиров, 1999).

По регулярности, четкости планировки и общей композиции расположения строений архитектурные остатки, как отмечают исследователи памятника, напоминают организацию поселений Северо-Восточной Сирии конца VII – начала VI тыс. до н. э., в частности, Букрас,

где регулярно построенные здания демонстрируют осуществлявшийся социальный контроль.

В «Сгоревшей деревне» были исследованы пять прямоугольных многокомнатных конструкций (здания I–V), четыре толоса (здания VI–IX) и семь сильно различающихся по форме и размерам печей, сконцентрированных напротив и с восточной стороны от здания III.

Материалы раскопанного участка поселения свидетельствуют о том, что постройки возводились в соответствии со строго установленными правилами, при соблюдении принципов повторения и единообразия. Высока вероятность общего руководства над строительством данного пока лишь частично открытого комплекса. По характеру заполнения было определено функциональное, в основном бытовое или хозяйственное назначение конструкций. В целом исследованные остатки архитектуры «Сгоревшей деревни» демонстрируют унифицированный характер строительства на поселении (Akkermans, Verhoeven, 1995, p. 9–19, 29–30, fig. 3–6).

Вместе с тем комплексы артефактов, полученных из некоторых помещений — комнат 6 и 7 здания II, 6 и 7 здания V, 2, 3 и 4 толоса VI, — явно неординарны. В них, помимо множества различного типа керамических свидетельств, каменных орудий, костяных изделий, было найдено значительное количество «пуль для пращи» (небольших смоделированных глиняных шариков) и так называемых фишек (мелких предметов из обожженной солнцем глины в форме конусов, дисков, сфер и т. п.) **(рис. 74)**.

Кроме того, по свидетельству исследователей памятника, сотни печатей и следов их отпечатков, среди которых различают 67 различных вида **(рис. 75–76)**, а также дюжины глиняных схематично выполненных женских статуэток и меньшее количество фигурок быков были сконцентрированы в указанных помещениях **(рис. 77)**. Авторы раскопок считают, что комнаты, которые сильно отличались от остальных своим наполнением, служили особыми «архивами», где хранились ценные материалы, предметы и символы, задействованные в межрегиональном обмене товарами (Akkermans, Verhoeven, 1995, p. 10–13, 15, 17, 21–26, fig. 7–8, 11–15; Akkermans, Duistermaat, 1997).

Вряд ли грубо сделанные из обожженной солнцем глины фигурки женщин и животных могли представлять ценность в качестве товаров такого обмена. Более очевидно их обрядовое предназначение. В случае с человеческими статуэтками от большинства фигур найдены только нижние части, тогда как их верхние части, иногда только головы, были отломаны, вероятно, в ритуальных целях и позже уничтожены или хранились отдельно. Лишь одна голова от женской статуэтки была обнаружена здесь. Некоторые фрагменты фигурок имели специальные отверстия в области шеи (Akkermans, Verhoeven, 1995, p. 25–26). Эта особенность свидетельствует о том, что голова могла приставляться к телу по мере необходимости.

В заполнении здания V, помимо этого, найдены 11 интереснейших

глиняных объектов, которые, судя по всему, упали с крыши во время пожара **(рис. 78)**. Все они элипсовидной формы с плоским основанием, довольно крупных размеров (по длине различаются от 29 до 62 см, ширине — от 16 до 41 см, высоте — от 10 до 28 см). Большинство имеет одну или две неглубоких вмятины вдоль длинных сторон, еще одна часто находилась в противоположной части от основания. В двух случаях в таких верхних отверстиях были обнаружены рога дикого барана. Еще один объект содержал кость ноги быка, также вмурованную в глину.

Точное назначение этих предметов определить довольно сложно, тем более что аналоги их для рассматриваемого периода не известны. По мнению авторов раскопок, данные объекты являлись участниками культа, представляя животных в очень стилизованной манере. Вмятины вдоль боков показывают следы прикрепления костей или деревянных палочек, изображавших ноги. Обнаруженные рога барана, вмурованные в противоположной стороне, вероятно, символизировали голову. Нахождение объектов выше уровня пола, среди остатков потолка и крыши указывает на то, что первоначально они были установлены на крыше строения V, соответственно там и осуществлялись связанные с ними культовые действа (Akkermans, Verhoeven, 1995, p. 11, 15–16).

Очень четкое совпадение месторасположения данных предметов, антропо- и зооморфных фигурок, фишек, «пуль для пращи», печатей и булл со следами отпечатков, а также многочисленных свидетельств керамики, костяных и каменных артефактов в отдельных помещениях уровня 6 Саби Абияда представляется далеко не случайным. Наполнения этих комнат показывает аналогии с материалами «Сгоревшего дома» Телль Арпачии. Обрядовые действия так же, как и сами символы, должны были защищать и способствовать приумножению содержимого помещений — хранившегося там имущества, принадлежавшего коллективу или коллективам общинников.

Для понимания в целом проблемы становления и эволюции производящих форм экономики на территории Двуречья, а также связанных с этим аспектов социального и духовного развития раннеземледельческих сообществ Северной Месопотамии большое значение имеют стационарные начатые в 1969 г. исследования отечественной археологической экспедиции в Синджарской долине. Раскапывавшийся в рамках этой программы Ярым Тепе II до сих пор остается наиболее широко изученным поселением халафской культуры.

Памятник находится в Иракской части Джезиры (район г. Мосул), в центре ареала Халафа, и содержит насыщенные остатками архитектуры халафские слои. В северной части холм почти смыкается с Ярым Тепе III, в халафском уровне которого также исследовались остатки архитектуры. Ярым Тепе II находится на правом берегу ручья Джубара Дяряси, который разрушил его наполовину. Останец телля достигал в длину (север-юг) 120 м, а в ширину — 25–40 м.

Раскоп на Ярым Тепе II был заложен в центральной части холма и доведен до материка на площади около 500 кв. м. Мощность халафско-

го слоя составила семь метров. В нем выделено 9 строительных горизонтов, и все они принадлежат халафской культуре. Авторы раскопок сообщают, что два верхних строительных горизонта поселения Ярым Тепе II оказались почти целиком уничтожены. В сильной степени был также разрушен и третий строительный уровень. Сохранность нижних слоев, особенно древнейших, сравнительно лучше и даже удовлетворительна (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 165; Мунчаев, 1997, с. 6).

В результате работы советской экспедиции установлено, что круглый однокомнатный дом с куполообразным и реже плоским перекрытием (d — от 3,5 до 5,5 м) являлся основной формой жилой архитектуры во все периоды существования Ярым Тепе II. В единичных случаях можно утверждать, что вскрытые остатки прямоугольных построек также принадлежат жилым сооружениям. Хозяйственные же строения отличаются как округлым, так и прямоугольным планом. Наконец, на Ярым Тепе II функционировали, по всей вероятности, и специальные культовые сооружения (Мунчаев, 1997, с. 9, рис. 1–4).

Есть основания считать, что одним из таковых являлся заметно выделяющийся толос 67 — самая крупная круглоплановая постройка в древнейшем слое поселения с диаметром (по оси север-юг) 5,3 м **(рис. 79–80)**. Стены толоса располагались на специально подготовленной платформе в виде выровненной глиняной площадки. Перед тем, как обмазать пол, в южной части указанной платформы было сделано небольшое углубление округлой формы (диаметр — 40 х 32 см, глубина около 7 см). В нем археологами обнаружены обломки разбитого на мелкие куски расписного сосуда с рифленой поверхностью, а также три архаического типа обсидиановых микролитических трапецевидных орудия. Названные артефакты были засыпаны остатками костра. Помимо этого, при сооружение толоса 67 под его полы, примерно в 1–1,5 м к северу от ритуальной ямки, в слой глиняной забутовки, составляющей отмеченную платформу, были специально положены еще несколько предметов: алебастровая подвеска, подвеска из темно-серого плотного камня, украшенная циркулярным орнаментом, плоская каменная подвеска овальной формы с ушком, семь пряслиц, обломок нижней части миниатюрной глиняной атропоморфной статуэтки и уникальная медная печатка-подвеска треугольной формы, украшенная резным узором в виде продольных линий, имевшая петлю для подвешивания **(рис. 81)**. В платформе также обнаружены кости животных и обломки разнообразных сосудов. Едва ли названные находки сконцентрированы здесь случайно. Несомненно, подчеркивают авторы раскопок, что перед нами свидетельства культовой церемонии, проведенной непосредственно перед сооружением дома. Подобных находок ни в Ярым Тепе, ни в других халафских памятниках пока не встречено. Однако известно, что обычай закладывать под стены и полы храмов особые предметы получает распространение в Месопотамии в последующие эпохи[1]. Исходя из названных свиде-

[1] Вместе с тем материалы Жерф эль Ахмара и Мурейбита, рассмотренные нами

тельств, Р. М. Мунчаев и Н. Я. Мерперт считают вполне допустимым предположение о том, что толос 67 являлся сооружением культового характера (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 178,192,224, рис. 51–53; Mergert., Munchaev, 1987, p. 25).

Не отвергая данную версию, Е. В. Антонова отмечает, что возможна и иная интерпретация: этот дом принадлежал семье лидера, с особым положением которого были связаны как размеры, так и другие особенности постройки (Антонова, 1998, с. 16). Однако известные материалы IX строительного горизонта Ярым Тепе II указывают на то, что в древнейший период существования поселка внутри жилищ обычно располагались печи типа танура или более простые очажные сооружения. Об этом свидетельствуют, например, данные полностью раскопанных толосов 61 и 73, идентифицированных исследователями памятника как постройки бесспорно жилого назначения (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 192). Отсутствие печи или какого-либо очажного сооружения внутри большого толоса 67 скорее говорит о нежилом характере этого помещения.

Дополнительные сведения о назначении интересующего нас сооружения выявляются при рассмотрении других достаточно выразительных составляющих археологического контекста древнейшего строительного уровня Ярым Тепе II, органической частью которого являлся толос 67. Здесь, прежде всего, следует отметить близкое сходство между обнаруженными под полами толоса 67 свидетельствами культа и иными многочисленными культовыми объектами, открытыми в нижних строительных горизонтах. Наиболее выразительными среди этих объектов являются обрядовые ямы, а также заброшенные очажные сооружения, содержавшие необычные предметы: иногда целые, а чаще осколки преднамеренно разбитых вещей (расписной посуды, статуэток и др.) и (или) кости животных. В некоторых случаях названные артефакты несли свидетельства пребывания в огне и (или) были засыпаны сверху остатками костра, редко камнями (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 209, 210, рис. 52, 59, 65, 67–70). Следует напомнить, что ритуально сломанные вещи неоднократно зафиксированы в более поздних шумерских памятниках, где они непосредственно связаны со святилищами (Oates, 1978, p. 119; Антонова, 1990, с. 214–216).

О высокой значимости подобных обрядов в ранний период обитания Ярым Тепе II говорит, с одной стороны, достаточно большое количество их обнаруженных свидетельств, а с другой стороны, наличие среди «погребенных» указанным способом вещей уникальных предметов, таких, как оригинальный зооморфный сосуд в виде свиньи (?) **(рис. 82)**, антропоморфный сосуд в виде женской фигуры, который по праву может считаться одним из самых выдающихся произведений искусства до-

---

в первой главе исследования, позволяют говорить об осуществлении подобных закладов при возведении неординарных строений общественного назначения начиная с ранненеолитического периода на территории Северной Месопотамии.

письменной Месопотамии **(рис. 83)**, медная печать-подвеска, являющаяся древнейшим изделием подобного рода, известным до сего времени. К ним должны быть отнесены, несомненно, и микролитические орудия, найденные в ритуальной ямке под полом толоса 67. Такие орудия, отмечают Р. М. Мунчаев и Н. Я. Мерперт, не встречаются в комплексах, как хассунского поселения Ярым Тепе I, так и в более ранних памятниках (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 212, рис. 69–70).

Явление «антиквариата» и сооружение жертвенных ям известно в культовой практике многих народов. Очаг / яма выступают как наиболее распространенные символы сакрального центра — мировой вертикали. Так традиция помещать жертвоприношения или остатки жертвоприношений в ямы, помимо Халафа, прослежена непосредственно на материалах Месопотамии хассунского и более позднего времени, в том числе «исторического». Обрядовые ямы в виде оформленных специальным образом траншей зафиксированы в Уруке, Лагаше, Эреду, Уре, Хафадже, Ниппуре и, вероятно, в Тепе Гавре (конец IV–III тысячелетие до н. э.). Обычай совершения таких обрядов на одних и тех же местах поддерживался в течение длительных периодов. Ямы с жертвоприношениями располагались в храмах, но могли находиться и поблизости от них (Van Buren, 1952; p. 76; Антонова, 1990, с. 216).

Таким образом, несомненно, важен факт расположения большинства названных культовых объектов древнейшего слоя Ярым Тепе II поблизости от толоса 67, на едином участке поселения. Причем это же пространство служило местом концентрации уже упоминавшихся погребений черепов и всех пяти открытых в нижних уровнях телля редких для Халафа захоронений с остатками трупосожжений.

Исследователи памятника считают, что трупосожжения проводили не на месте захоронения. Где именно, установить не удалось. Ясно только, что после их совершения сохранившиеся остатки были перенесены на определенный участок поселения (квадрат 23) и погребены в специальных ямах или на площадках. При этом происходила какая-то культовая церемония. С ней связаны следы костров, которые разжигали на местах захоронения, а также намеренно разбитые и брошенные в ямы глиняные сосуды (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 207–208, с. 212, рис. 45, 59). Е. В. Антонова высказала предположение, что захоронения с трупосожжениями могли и не быть погребениями останков людей, умерших своей смертью. Не исключено, пишет исследовательница, что остатки трупосожжений — следы каких-то жертвенных обрядов, сходных с теми, которые зафиксированы в ямах, обнаруженных на том же участке Ярымтепе II (Антонова, 1990, с. 82).

Характерно, что здесь рядом с толосом 67 в квадрате 23 открыта и могила (1 / 48) с расчлененным костяком (детский череп лежал на собранных в одну кучу остальных костях ребенка).

В то же время, как отмечают исследователи памятника, ни в одном случае на Ярым Тепе II связь между какими-либо постройками и погребениями с трупоположениями не устанавливается. Такие погребения

размещались не компактно, а в различных частях раскопа (Мерперт, Мунчаев, 1982, с. 36, 198,208).

Рассмотренные выше культовые комплексы (а именно: обрядовые ямы, заброшенные очажные сооружения со следами проводившихся обрядовых действий, свидетельства культа, обнаруженные в платформе толоса 67, захоронения с остатками трупосожжений) объединяются рядом существенных элементов своего материального оформления. Они, как и могила 1/48, а также погребения черепов, были сконцентрированы в определенном южном участке раскопа, относящемся к центральной части телля. Судя по представленным материалам, все эти зафиксированные археологическим путем обрядовые действия были тесно связаны между собой. Соответственно, неординарный толос 67 являлся архитектурно оформленной частью выделяемого, таким образом, на поселении «сакрального» пространства в древнейший период обитания Ярым Тепе II. Интересен тот факт, что некоторые элементы осуществлявшейся здесь обрядовой практики получили свое развитие в «письменный» период месопотамской истории, когда они уже непосредственно зависели от функционирования мощных городских храмовых организаций.

Итак, именно южный участок исследованной площади IX строительного горизонта Ярым Тепе II был наиболее «защищен» разнообразными ритуальными действиями. В связи с этим заслуживает особого внимания открытие в названном районе большой двухъярусной гончарной печи довольно сложной конструкции (сооружение 345) и, вероятно, связанной с ней вместительной прямоугольной хозяйственной постройки, а кроме того целого хозяйственного комплекса, состоящего из узких, прямоугольных, параллельно расположенных друг к другу, многокомнатных помещений 355, 358, 365 и, возможно, 307 **(рис. 79)**. Авторы раскопок считают, что этот строительный комплекс служил зернохранилищем (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 166–170, 185; Merpert, Munchaev, 1987, p. 21). Отсутствие каких-либо пристроек для хранения к жилым домам на раскопанной площади древнейшего уровня Ярым Тепе II, а также внушительные размеры хозяйственных сооружений 355, 358, 365[1] и место их комплексной дислокации говорит в пользу того, что они функционировали как общественные хранилища. Размещение в пределах особого «сакрального» пространства на поселении важных общественно значимых объектов хозяйственной деятельности, к которым, несомненно, относились большая двухъярусная гончарная печь и комплекс зернохранилищ, по-видимому, было явлением закономерным. Широко известны письменные, а также археологические источники, которые сообщают о нахождении крупных хозяйствен-

[1] Как это хорошо видно на плане (рис. 79), ни одно из рассматриваемых сооружений не было раскопано целиком. Однако длина открытой части наиболее полно исследованной постройки (355) уже достигала 10 м. Ширина камер хозяйственных помещений этого комплекса колебалась от 0,45 до 0,95 м.

ных объектов в пределах теменосов древнейших месопотамских городов. Судя по всему, основы данной традиции закладывались уже в процессе развития предшествовавших раннеземледельческих культур.

Материалы III строительного горизонта халафского слоя Ярым Тепе III, очевидно, могут служить еще одним подтверждением такого заключения. Здесь, в центральной части памятника, были обнаружены две необычные располагавшиеся рядом друг с другом крупные круглоплановые постройки **(рис. 84)**. Одной из них являлся толос 137. Это самое большое круглоплановое сооружение из всех раскопанных на Ярым Тепе III. Диаметр постройки достигал 5,50–5,85 м. Внутри толоса находились четыре почти одинаковые по размерам угловидные конструкции с небольшим смещением ориентированные по сторонам света. Они симметрично располагались на всю высоту стены круглопланового сооружения. Длина их сторон около 1,5 м. В южной части стены толоса был устроен узкий дверной проем. Обмазанный гипсом порог двери находился на высоте 0,45 м от уровня пола. Рядом с ним располагалась печь типа мангала. Перекрытие этой постройки было плоским.

В заполнении толоса 137 обнаружены кости животных, обломки сосудов, пряслица, зоо- и антропоморфные глиняные фигурки, а также большое количество «пуль для пращи» (Мунчаев, 1997, с. 14–15, рис. 7), назначение которых остается не вполне ясным. Весьма вероятна схожесть их функций с предназначением фишек, т. е. использование для мнемонических целей при формальном учете чего-либо. Только в одной из угловидных конструкций найдено не менее 700 таких объектов. Необычность внутренней структуры толоса 137 и свидетельства, обнаруженные в пределах постройки, дают основания предполагать ее многофункциональный, в том числе культовый характер.

Подобного вида сооружения, отмечает Р. М. Мунчаев, до сих пор не открыты на других поселениях халафской культуры. Однако в Национальном музее Дамаска хранится крупная глиняная модель (диаметром 54 см) круглого дома с такими же угловидными конструкциями внутри помещения, которая происходит из Мари (на Среднем Евфрате) и датируется первой половиной III тыс. до н. э. (Мунчаев, 1997, с. 14). Не исключена вероятность, что форма модели, соответствующая форме толоса 137, передает сложившийся в древности тип архитектурного оформления сакрального сооружения, символически отражающий образ «мирового пространства».

Рядом с толосом 137 (с северо-западной стороны) находилось другое, столь же неординарное круглоплановое сооружение — толос 138 — с примыкающей к нему с южной стороны трехкамерной постройкой **(рис. 84)**. Толщина обводной стены достигала 1 м. Диаметр толоса внутри помещения составил 5 м. Две внутренние параллельные стены образовывали по середине толоса коридор, который отсекал два сегмента, разделенные в свою очередь пополам перегородкой. Таким образом, толос состоял из пяти отделений — коридора и четырех угловидных отсеков. Он повторяет почти аналогичный по внутренней

структуре толос из вышележащего слоя Ярым Тепе III и вместе с ним сопоставляется с толосом из XVII слоя Тепе Гавры. Вероятнее всего, считают авторы раскопок, хозяйственное (складское) предназначение рассмотренного строения Ярым Тепе III (Мунчаев, 1997, с. 14–15). В таком случае, устанавливается еще один факт совместного расположения на халафском поселении неординарных построек культового и хозяйственного назначения. К сожалению, исследования халафского слоя Ярым Тепе III проводились на сравнительно ограниченном участке памятника, поэтому подробнее рассмотреть материалы третьего строительного горизонта не представляется возможным.

Помимо известного объяснения функциональных особенностей толоса 67 (Ярым Тепе II) и толоса 137 (Ярым Тепе III), исследователями памятника ставился вопрос о культовом назначении некоторых других открытых ими сооружений, например, четырехугольной постройки 205 (VI стр. уровень, Ярым Тепе II) (Мунчаев, 1997, с. 12–15).

С нашей точки зрения, постройкой особого назначения мог также являться толос 43 (VI стр. уровень, Ярым Тепе II), располагавшийся с восточной стороны от крупного общественного хранилища, центром которого служил многокамерный толос 31 **(рис. 85)**. Круглоплановое здание 43 отличается от остальных помещений, раскопанных в VI строительном горизонте большими размерами (диаметр внутри по полу 5,60–5,65 м) и некоторыми конструктивными характеристиками, например, массивной платформой и необычными дугообразными хозяйственными пристройками (Мунчаев, 1997, с. 12).

Однако в большинстве отмеченных случаев (помещение 205, толосы 43 и 137) сопутствующие постройкам археологические материалы не являются столь выразительными как целый комплекс объектов культового характера из древнейшего уровня Ярым Тепе II. Соответственно, допускаются различные варианты интерпретации указанных сооружений.

Открытые на Ярым Тепе II необычные свидетельства обрядовых действий, включая захоронения черепов, расчлененного тела, остатков трупосожжений, характерны только для ранних горизонтов памятника, причем сконцентрированы они на конкретном участке. В дальнейшем, пишут авторы раскопок, ни один из этих культовых обычаев не получает здесь развития, во всяком случае, судя по материалам вскрытых участков поселения (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 212). Исходя из такого соотношения свидетельств можно предположить, что практика проведение указанных обрядов была связана, как и в Телль эс-Савване, со временем основания поселения, выделением в границах конкретного участка сакрального центра. Известный культуролог, историк религий М. Элиаде подчеркивал насколько обнаружение, а точнее открытие священного пространства ценно для существования религиозного человека: ничто не может быть начато, предпринято без предварительной ориентации, а всякая ориентация предполагает наличие какой-то точки отсчета. Открытие священного пространства позволяет обнаружить точку отсчета, сориентиро-

ваться в хаотичной однородности, сотворить Мир и жить в нем реально (Элиаде, 2000, с. 260–261).

Подойдя к завершению нашего обзора имеющихся на сегодняшний день пока немногочисленных свидетельств существования культовых построек халафского времени, подведем некоторые итоги. Прежде всего, следует констатировать факт, что из всех известных материалов, данные Телль Арпачии и Ярым Тепе представляют наиболее полную картину развития долговременных халафских поселений, важным элементом которой бесспорно являлся идеологический фактор. Оба названных памятника расположены в центральной части ареала халафской культуры и во многих отношениях считаются эталонными для ее изучения. Что касается обрядовой практики, осуществлявшейся в конкретные периоды обитания на этих поселениях, то полученные свидетельства позволяют отметить как ряд характерных общих черт, так и некоторые локальные особенности ее материального оформления.

Наиболее важной аналогией в данном случае является очевидное присутствие особо выделяющегося «сакрального» пространства на том и на другом поселении в определенное время их функционирования. Для халафского слоя Телль Арпачии, существование так называемого, «района толосов» зафиксировано на памятнике начиная со 2-ой архитектурной фазы (по терминологии И. Хаджары). Самые выразительные данные о существовании «сакральной» территории на Ярым Тепе II происходят из нижнего — IX строительного горизонта. Так как общий план рассматриваемых населенных пунктов не ясен, то определить точно, в какой части поселений располагались указанные «священные» участки, мы не можем. Однако уже отмечалось, что они находились в центральной части теллей. По публикациям И. Хаджары, известно, что такой участок на Арпачии был окружен стеной, а верхний слой его поверхности состоял из чистой глины, принесенной издалека. Данные раскопок Ярым Тепе II не указывают на подобные признаки четкого выделения «сакрального» пространства из общего поселенческого контекста. Возможно, столь выразительные характеристики оформления «священного» участка Телль Арпачии были связаны с предполагаемым особым статусом этого поселения как обрядового родового центра по отношению к соседним халафским населенным пунктам.

Вместе с тем на «священной» территории как Телль Арпачии, так и Ярым Тепе II (в отличие от других раскопанных участков) неоднократно зафиксированы идентичные свидетельства определенных обрядовых действий, среди которых наиболее показательными являются обрядовые ямы и весьма редкие для Халафа погребения черепов. На обоих поселениях выявлены случаи множественного захоронения черепов.

Следующей общей характеристикой присутствия особых участков на рассматриваемых поселениях является расположение в их границах важных общественных построек. В Арпачии к таким сооружениям, судя по всему, следует отнести большие толосы из уровней ТТ 8–7 и «Сгоревший дом» из ТТ 6. Вероятно многофункциональное назначение

этих строений. Исследование остатков зданий и сопутствующего археологического материала позволяет предположить определенную специфику их использования. Рассмотренные выше данные указывают на то, что толосы из слоев ТТ 8-7 могли являться помещениями для проведения общественных собраний и совместного совершения обрядов, тогда как остатки многокомнатного прямоугольной планировки «Сгоревшего дома» содержали артефакты осуществлявшейся здесь производственной деятельности, качественные образцы различных готовых изделий, выразительные свидетельства учета и хранения каких-то видов продукции, а также следы совершения в пределах этой постройки обрядовых действий. Вполне вероятно, что обряды проводились с целью защиты и приумножения хранившегося в здании имущества, которое могло принадлежать общине в целом и расцениваться как собственность божеств (божества) — покровителей Арпачии. Фактический контроль над его распределением должен был осуществляться конкретными лидерами.

Данные IX строительного горизонта Ярым Тепе II также фиксируют размещение важных общественных объектов в пределах исследованной части «сакрального» пространства поселения. В их числе уже были названы комплекс зернохранилищ, крупная гончарная печь и неординарный толос 67, который, судя по представленным свидетельствам, имел культовый характер.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ СЕВЕРНОГО ДВУРЕЧЬЯ

Материальные данные не позволяют подробно реконструировать обрядовые действия, которые осуществлялись в постройках особого назначения на раннеземледельческих поселениях. «Даже отлично сохранившиеся памятники забытого культа, известного по немногочисленным письменным свидетельствам, могут донести до нас только незначительную часть, всего лишь тусклый отблеск тех культовых действ, ради которых они были созданы, — писал выдающийся ассиролог XX века А. Л. Оппенхейм о сложностях в изучении храмов «исторического» времени. — Их устройство, функции, мотивы остаются столь же скрытыми от нас, как если бы они находились в другом измерении» (Оппенхейм, 1980, с. 175). Понятно, что еще более труднодоступными для современного восприятия являются остатки культовых сооружений «дописьменного» периода.

Тем не менее установленное совместное расположение мест и построек со следами проводившихся обрядов, объектов производственной деятельности и общественных хранилищ на территории особых участков Телль Арпачии, Ярым Тепе II, а также в Телль эс-Савване и Саби Абияде кажется вполне объяснимым. В своей работе, посвященной проблеме происхождения храмового хозяйства в свете археологичес-

ких данных «доисторической» Месопотамии, Дж. Маккей приходит к заключению, что продукты питания, необходимые для существования общины и излишки, используемые в различных обменных операциях, хранились в общественных амбарах и были, как правило, защищены многими религиозными обрядами и ритуалами, контроль над проведением которых осуществлялся святилищем. Таким образом, «сакральная организация» взяла под свою защиту общинные амбары и продукты хранящиеся там. Одним из самых простых путей выполнения этой задачи было строительство общественных хранилищ в пределах «священной» территории на поселении (Маккау, 1983, р. 3). В целом, соглашаясь с представленной точкой зрения, добавим, что все изложенное относительно применявшихся принципов расположения общественных хранилищ на раннеземледельческих поселениях в полной мере касается и общественно важных объектов производственной деятельности.

Сакрализация наиболее значимого для общины вида деятельности достаточно хорошо фиксируется уже по остаткам стенописи и некоторым другим артефактам символического содержания в жилищах Умм Дабагии. Материалы хассунских памятников и Саби Абияда выразительно свидетельствуют о проведении экстраординарных культовых действий на поселениях именно в пределах хранилищ и производственных центров. Наконец, сакрально защищенные участки Телль эс-Саввана, Ярым Тепе II и Телль Арпачии по своим функциональным характеристикам во многих отношениях представляются далекими прототипами монументальных храмовых комплексов, которые, как известно, служили не только религиозным целям, но также выполняли роль центров организации хозяйственной деятельности и управления делами общины первых городов-государств Двуречья.

ГЛАВА III. КУЛЬТОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО УБЕЙДСКОГО ВРЕМЕНИ

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ УБЕЙДА

Убейдская культура предшествует началу собственно шумерской цивилизации, становлению древнейших городов и государственных образований Месопотамии. Базовые элементы шумерской цивилизации, судя по разным категориям материальных свидетельств, формировались уже в рамках убейдской традиции. Поэтому ту эпоху иногда называют «протошумерской». В отличие от всех предшествовавших культур Двуречья Убейд охватил всю территорию Месопотамии, распространяясь первоначально из южных областей (между Эреду и Уруком) на север. Вопросы происхождения, выработки специфики локальных вариантов убейдской культуры, ее соотношение с Хассуной, Самаррой и Халафом, характер перехода между ними представляют ряд важнейших проблем культурно-исторической эволюции дописьменной Месопотамии.

Распространенная прежде теория о приходе носителей Убейда из районов соседнего Ирана (Perkins, 1949, p. 51, 74) или других областей сейчас не разделяется большинством исследователей (Breniquet, 1987, p. 231; Ламберг-Карловски, Саблов, 1992, с. 108–109; Мерперт, Гуляев, 1992, с. 333; Гуляев, 1999, с. 96 и др.). Уже в 60-х гг. XX века. Дж. Отс выявила в древнейшей керамике Эреду (XIX–XV) сходство с самаррскими образцами. Она предположила наличие общих истоков у этих комплексов, считая, что цивилизация Месопотамии вообще менее, чем думали прежде, обязана пришельцам, что население эпохи Убейда не было гомогенным, как не был гомогенным в «историческое» время народ шумеров (Oates, 1960, p. 42; 1983, p. 254; Антонова, 1998, с. 39).

По мнению И. М.Дьяконова именно племена самаррской группы начинают последний этап освоения Месопотамии; они продвигаются дальше на юг по Тигру и Евфрату в заболоченные области Южного Двуречья. Археологические материалы показывают, что в конце VI тыс. до н. э. территория Нижней Месопотамии была освоена уже довольно широко. «Основание древними земледельцами Нижней Ме-

сопотамии поселения на месте городища Абу-Шахрайн, на самом юге страны, означало, по существу, конец периода экстенсивного распространения земледельческой культуры. Дальше идти было некуда, дальше начинались соленые воды Персидского залива, и общественные силы были переключены на то, что современные экономисты именуют внутренними ресурсами. В результате начинается очень постепенное формирование той сложной системы ирригационного земледелия, которая явилась основой могущества и богатства исторического Шумера» (ИДВ, 1983, с. 75–76).

В свете последних исследований процесс заселения юга Месопотамии, представляется как сложный и многокомпонентный, хотя отдельные детали его пока остаются неясными. Стремление в этот район носителей самаррской культуры, считает Е. В. Антонова, весьма вероятно, халафцев — возможно. Не исключено, что и до их прихода в неолитическое время здесь обитали рыболовы и собиратели. Таким образом, уже в предубейдский период в Нижней Месопотамии могли сосуществовать общины, разные по своему происхождению, отличавшиеся как материальной культурой, так и языком, этническим составом (Oates, 1960; 1983; Oates D. and J., 1976, p. 121–124; Антонова, 1998, с. 40).

Хронологические и региональные различия в убейдской культуре продолжают уточняться. Однако основными источниками по данной проблематике остаются материалы давних раскопок Эреду на юге и Тепе Гавры на севере Месопотамии. Для выделения этапов рассматриваемой культуры широко признанной является схема из четырех фаз, подробно разработанная Дж.Отс, взявшей за основу стратиграфическую последовательность убейдских слоев Эреду:

I. ***Убейд 1 / Эреду*** — Уровни XIX–XV – конец VI тыс. до н. э.

II. ***Убейд 2 / Хаджи Мухаммад*** — Уровни XIV–XII – начало V тыс. до н. э.

III. ***Убейд 3 / Убейд*** — Уровни XII–VIII – середина V тыс. до н. э.

IV. ***Убейд 4 / поздний Убейд*** — Уровни VII–VI – конец V – пер. пол. IV тыс. до н. э.(?) (для Севера – IV тыс. до н. э.).

«Классический» Убейд, по-видимому, сформировался к последней трети V тысячелетия до н. э. на основе культурных традиций первых поселенцев Южного Двуречья (памятники типа Эреду – Хаджи-Мухаммед) с привнесением из северных областей технологии выращивания злаковых. В дальнейшем наблюдается численный рост и экспансия носителей убейдской культуры в северном направлении, что в целом оказало сильное влияние на развитие северной области региона, в частности, привело к исчезновению Халафа.

В северном варианте убейдской культуры фиксируется немало своеобразия. Так, хотя на севере и создавались типичные для Убейда постройки трехчастного плана, здесь центральное помещение нередко имеет крестообразную (Т-образную) форму. Специфичны некоторые

орнаментальные композиции и мотивы на сосудах, генетически связанные с халафской традицией. Отличием служит и многочисленность печатей-штампов, которые на юге пока практически не встречены. В русле халафской традиции продолжает развиваться антропоморфная скульптура. К. Бренике на основании этих и других особенностей материальной культуры приходит к заключению, что в конце V – начале IV тысячелетия до н. э. происходила ассимиляция, судя по всему, не насильственным путем халафского населения убейдцами с параллельной адаптацией убейдской культуры к местным традициям (Breniquet, 1987; также см.: Амиров, 1994, с. 14–15; 2000, с. 42–43).

Таким образом, впервые в месопотамской истории на севере и на юге региона распространяется единая культурная традиция. И если раньше центр культурного развития находился в северных районах Месопотамии и в прилегающих к ним горных и предгорных территориях (Загрос, Синджар), то теперь историческая ситуация меняется. С начала IV тысячелетия до н. э. тон все больше задают южные области, где сначала Убейд, а потом Урук определяют наиболее прогрессивные и яркие направления развития общества.

АБУ ШАХРАЙН (ЭРЕДУ)

В изучении убейдского этапа весьма важным является то, что на материалах этой культуры можно проследить истоки многих последующих достижений шумерской цивилизации. В частности, неоднократно отмечалось, что остатки храмовой архитектуры, исследованные на нескольких многослойных памятниках Двуречья, свидетельствуют о непрерывном развитии одной и той же религиозной традиции с периода Убейд вплоть до шумерских времен (Oates, 1960, p. 44–46; Schmidt, 1974, S. 186–187; Oates D. and J., 1976, p. 130–133; Safar et al., 1981, p. 111–114; ИДВ, 1983, 78; Гуляев, 1999, с. 97 и др.).

Наиболее выразительные свидетельства, отражающие такую преемственность, представлены уникальной последовательностью слоев Эреду (телль Абу Шахрайн), города-символа начала шумерской истории, шумерской культуры, шумерского самосознания. Девятнадцать слоев его, ступень за ступенью, отражают развитие «нуклеарной» области убейдской, а позже и шумерской культуры, начиная с VI тысячелетия до н. э., т. е. с периода, когда севернее развивались такие древние культуры, как Хассуна и Самарра (Мерперт, Гуляев, 1992, с. 333).

Раскопки городища Абу-Шахрайн были начаты в 1947 г. Ф. Сафаром и С. Ллойдом по заданию Иракского Департамента Древностей. Из сообщений клинописных текстов известно, что Эреду являлся одним из наиболее почитаемых и священных городов Месопотамии. Сами шумеры считали его древнейшим своим поселением. Здесь находилась земная резиденция бога Энки — повелителя мудрости и несущих пло-

дородие пресных (по другой версии — подземных) вод, одного из главных божеств шумерского пантеона.

В настоящее время Эреду представляет собой хаотическое скопление низких искусственных холмов и песчаных дюн. В западной части телля (кв. F-6/7) возвышаются остатки величественного зиккурата — ступенчатой башни из сырцового кирпича, сооруженной, как указывают кирпичи с клинописными посвящениями, царями Третьей династии Ура в конце III тысячелетия до н. э. Самая высокая точка руин зиккурата — 9,5 м, размеры постройки — 61,8 х 46,5 м. По своей форме и размерам он близко сопоставим с зиккуратом Ур-Намму в Уре (подробнее см.: Safar et al., 1981, p. 60–65).

Верхний храм зиккурата располагался на много раз надстраивавшейся и укреплявшейся платформе, которая включала в себя остатки предшествовавших культовых строений, возводившихся, согласно религиозной шумерской традиции, на одном и том же месте в течение многих столетий начиная со времен основания Эреду. Определено, что в этой последовательности Храмы I–V функционировали в раннединастическую и урукскую эпоху. Обнаруженные же под ними сооружения датируются периодом Убейд 4–1. Комплекс этих археологических материалов подробно опубликован в специальной монографии (Safar et al., 1981) и при сопоставлении с имеющимися данными других памятников Двуречья представляет редкостную возможность непосредственно проследить эволюцию строительства общественных культовых зданий Древней Месопотамии от раннеубейдской эпохи до шумерского времени.

Стоит отметить, что убейдские слои Эреду исследовались не только под зиккуратом, но также в жилых районах поселения («Hut Sounding»). Здесь, как и в «Hut Sounding» убейдского времени Ура, Эль Убейда и Хаджи Мухаммада, были обнаружены остатки тростниковых хижин и фрагментарные свидетельства нерегулярных прямоугольных построек из сырцового кирпича. Кроме того, в Эреду к юго-западу от храмового комплекса, метрах в 50 от каменной стены, окружавшей его, выявлен могильник с приблизительно тысячью захоронениями позднеубейдского времени, из которых около 200 было раскопано (Safar, 1950, p. 27, 29–31; Safar et al., 1981; Ллойд, 1984, с. 46, 49–50).

Самые ранние свидетельства человеческого пребывания в Абу Шахрайне выявлены на глубине 11,70 м (уровень XIX). Слой чистого песка, на котором поселение было основано, нарушен следами жизнедеятельности первопоселенцев (ямы, керамика, остатки тростника, другие объекты). Приблизительно на 30 см выше (уровень XVIII) в зондаже под зиккуратом открыты 4 древнейших стены Абу Шахрайна **(рис. 86а)**. Они располагались параллельно, с промежутком в 50 см друг от друга и были построены из аккуратно сделанных без использования формовок глиняных кирпичей (смоделированных ломтей глины), размер которых определен приблизительно 50 х 25 х 6 см. Максимальная длина этих стен 3 м, сохранившаяся высота 16 см.

По мнению авторов раскопок, данная конструкция, установленная на песке, могла служить для обеспечения устойчивости последующему сооружению. Непосредственно над ней в уровне XVII выявлены остатки плохо сохранившейся квадратной однокомнатной постройки со стороной 2,8 м **(рис. 86а)**, стены которой были возведены из кирпичей, подобных вышеописанным. По толщине эти стены соответствовали размеру короткой стороны одного кирпича. Они не несли следов покрытия обмазкой. Вход, очевидно, находился ближе к северному углу здания, в той секции, которая оказалась полностью разрушена. Примечательно, что в центральной части помещения данного сооружения был обнаружен маленький квадратный пьедестал, сделанный из того же типа кирпичей, сохранившийся в высоту на 20 см. В центре юго-западной и северо-западной стены присутствуют выступы размером в полкирпича, по мнению авторов раскопок, возможно, служившие для поддержки балочных перекрытий потолка. С внешней стороны от здания рядом с его южным углом выявлены остатки округлого в плане очажного сооружения (d — 1,30 м). Обрывающиеся стены еще одной постройки встречены в этом зондаже с северо-западной стороны от рассмотренного строения (Safar et al., 1981, p. 86, fig. 39).

Все последующие раскопанные в шурфе под зиккуратом сооружения, начиная с XVI уровня, исследователи памятника называют «протохрамами» или «храмами». Не нарушая традицию, сохраним это название и мы, понимая при этом его условности и неоднозначность.

Итак, Храм XVI уровня **(рис. 86b, 87)**, остатки которого обнаружены на глубине 10,90 м, был построен непосредственно на руинах вышеописанного строения и по ряду характеристик может быть определен как более сложная реконструкция последнего. Толщина стен Храма XVI тоже соответствовала ширине одного кирпича — «liben», размеры которого достигали 54–32 x 20 x 6–7 см. Внутренняя поверхность стен покрыта обмазкой. Основная часть помещения имела размеры 2,10 x 3,10 м. В северо-западной стене теперь находилась большая ниша. Ее ширина составляла 1,10 м, глубина — 1 м. Внутри этого отсека выявлено сложенное из кирпичей прямоугольное возвышение (I), сохранившееся на высоту 24 см. Другое подобное возвышение (II) было открыто в центральной части основного помещения. В этом случае кирпичи несли следы огня, а вокруг возвышения зафиксировано значительное скопление пепла. Третье возвышение (III) выявлено уже за пределами постройки рядом с центральной секцией юго-восточной стены. Дверной проем зафиксирован в юго-восточной, противоположной от ниши, стене с некоторым смещением на восток от ее центра. Вход с двух сторон оформлен внутренними пилястрами, одна из которых заметно толще другой. Похожие выступы (по ширине равные толщине одного кирпича, длина — около 40 см) также имелись в центральной части юго-западной и северо-восточной стены. Авторы раскопок «почти уверены в том, что эти пилястры должны были служить подпорками для устройства потолочного перекрытия» (Safar et

al., 1981, p. 88). Однако не менее вероятно символическое предназначение выступов в качестве дополнительного оформления центрального возвышения, с которым они располагались точно на одной линии по ширине постройки. Перпендикулярно этой линии, пересекаясь с ней в месте нахождения центрального возвышения, по оси здания фиксируется еще одна отчетливо видимая на плане последовательность в расположении архитектурно выделенных объектов символического характера. По направлению с северо-запада на юго-восток здесь находятся: сама ниша, возвышение I, возвышение II, самая широкая пилястра в помещении (слева от входа) и возвышение III. Такое семантически скоординированное многокомпонентное устройство рассматриваемого сооружения показывает, что, несмотря на маленькие размеры и небольшую толщину его стен, план возведения данной постройки тщательно разрабатывался и был реализован в соответствии с особым функциональным предназначением здания.

Так же, как и в предшествовавшем уровне, с южной стороны от строения располагалось округлое в плане очажное сооружение (d — 1,30 м). От восточного угла здания был прослежен обрывающийся фрагмент тонкой стены. Авторы раскопок сообщают, что уровень XVI зондажа под зиккуратом был чрезвычайно насыщен фрагментами расписной керамики и некоторыми другими интересными объектами, особенно в районе входа в постройку (Safar et al., 1981, p. 88, fig. 40–41).

Идентификация последующего сильно разрушенного здания (уровень XV) в качестве храма, по замечанию Ф. Сафара, основана в значительной степени на том факте, что оно, очевидно, было построено, для того чтобы заменить Храм XVI. От основания данной постройки сохранились две полные и две фрагментарные стены. Внутренние размеры прямоугольного помещения составляют 7,30 х 8,40 м. С северо-западной стороны в 50 см от строения открыта пятая стена, параллельная одной из коротких стен комнаты и сопоставимая с ней по длине **(рис. 86с)**. Необычным оказался тип кирпича этого сооружения. Имея размеры 40 х 14 х 8 см, кирпичи были изготовлены вручную и на своей поверхности сохранили следы, как правило, пяти углублений, сделанных пальцами правой руки. Возможно, вмятины помогали достичь лучшего эффекта при скреплении кирпичей между собой известковым раствором (Safar et al., 1981, p. 88–90). Но вполне вероятен иной — посвятительный смысл этих знаков, специально оставленных на глине. Ведь известно, что в последующие периоды «письменной» истории Двуречья существовала традиция при сооружении и реконструкции культовых строений оставлять на кирпичах посвятительные надписи.

Не менее интересными являются конструктивные особенности стен рассматриваемой постройки. Противоположные северо-восточная и юго-западная длинные стены состояли из двух близко расположенных, но не соприкасающихся друг с другом линий кирпичей, тогда как короткие северо-западная и юго-восточная стены были одинарными,

построенными в толщину одного кирпича и с внутренней стороны имели пилястры. Параллельная северо-западной стороне помещения, рядом находящаяся с внешней стороны от строения стена тоже двойная по конструкции, вероятно, относилась к тому же зданию. Дверной проем, судя по всему, был расположен на разрушенном участке юго-западной стены постройки. Западный угол помещения со стороны короткой стены выделен в отдельную камеру. С северо-восточной стороны от здания открыто очажное сооружение, по форме и размеру похожее на те, что функционировали в предшествовавших уровнях.

Руины Храма XV впоследствии были утрамбованы и включены в платформу, построенную из сырцовых кирпичей для обеспечения месторасположения новому зданию этой последовательности, удовлетворительной сохранности следов которого, однако, обнаружено не было. Тем не менее в отчетах сама платформа получила название Храма XIV.

Два следующих уровня XIII и XII не дали никаких свидетельств существования построек в пределах участка зондирования. По мнению авторов раскопок, в это время храмы, вероятно, сооружались на некотором расстоянии северо-западнее от исследованного места (Safar et al., 1981, p. 90). Тогда как, с нашей точки зрения, данный перерыв в последовательности расположения культовых построек, а также появление после него нового усовершенствованного типа храмовых сооружений одновременно с изменением общей планировки поселения, наводит на мысль о временном перерыве в заселении Эреду между периодами Эреду – Хаджи Мухаммад и Убейд — поздний Убейд.

В последующих уровнях XI–VI мы встречаемся с новым типом культовых строений позднеубейдской эпохи, несомненно, имеющим много общих признаков с храмами урукского времени, но также сохранившим ряд важных особенностей специфичного оформления помещений, известных по уже рассмотренным свидетельствам «протохрамов» из уровней XVII–XV Эреду.

Остатки Храма XI впервые дают достоверную информацию о преднамеренном строительстве культового здания на специально сооруженной для этого платформе. Руины предшествовавших строений, к тому времени уже занесенные песком, были включены в прямоугольную в плане конструкцию стен, выполненных из сырцового кирпича, а внутреннее заполнение щебнем и глиной было доведено до нужного уровня. Только юго-восточная часть храмового сооружения попала в границы шурфа (**рис. 86d**), тем не менее удалось получить некоторые интересные сведения об этой монументальной структуре. Заранее спланированное с конкретными целями строительство платформы подтверждено открытием с раскопанной стороны пандуса, поднимавшегося от уровня поверхности земли на высоту платформы (1 м). Этот подъем с внешней стороны был укреплен парапетом (толщина 35 см). Установленная длина пандуса — 4,50 м, ширина — 1,20 м. Кроме того, на внешней стороне конструкции имелся узкий канал для отведения дождевой воды в небольшую округлую сточную яму (похожее устройство в плат-

форме известно по данным «Раскрашенного храма» Укаира). Платформа храма в Эреду XI-го уровня еще раз перестраивалась с использованием вышеописанных строительных приемов при ее заполнении и с некоторым расширением общей площади. Остатки вторичной структуры сохранились значительно хуже. Тем не менее имеются свидетельства того, что во время расширения платформы пандус был устранен и на его месте сооружена парадная лестница из глиняных кирпичей.

Здание, возведенное на платформе в XI уровне, явилось первым в ряду тех, фасады которых были украшены регулярно сменяющими друг друга декоративными выступами и нишами. Стены храма сложены из длинных кирпичей размером приблизительно 52 х 27 х 7 см. Сохранившаяся высота стен — 85 см, толщина соответствовала ширине одного кирпича. План постройки также впервые в рассматриваемой последовательности храмов можно с уверенностью определить как трехчастный. Реконструированные размеры центральной комнаты — 4,50 х 12,60 м. С юго-восточной стороны были исследованы три неодинаковые по своим параметрам примыкавшие к ней помещения. Одно из них представляло собой коридор, проходивший с юга и соединявшийся с залом дверным проемом. На каком-то этапе существования постройки этот дверной проем был заблокирован. В восточном углу строения находилось самое большое из трех исследованных примыкавших к залу помещений, которое тоже напрямую с ним сообщалось. В центральной части этой комнаты открыто сооруженное из кирпичей прямоугольное возвышение (сохранившаяся высота 15 см), на поверхности которого обнаружены следы огня, вокруг выявлены скопления золы. Это возвышение напоминает похожие конструкции из предшествовавших «протохрамов» и определяется авторами раскопок в качестве стола для жертвоприношений. Третье помещение, находившееся между двумя вышеописанными, было также непосредственно связано с центральным залом широким дверным проемом и представляло собой маленькую квадратную комнату со стороной 1,70 м. Никаких объектов специфического назначения в здании обнаружено не было (Safar et al., 1981, p. 94, fig. 44).

Следующая по времени структура уровня X является реконструкцией Храма XI с небольшими изменениями в плане и размерах **(рис. 86е)**. В этот период с последовательным увеличением масштабов дважды перестраивалась платформа, включившая в свое основание руины Храма XI. Стены самого здания сохранились максимально на высоту 45 см. Средние размеры кирпича 47 х 25 х 6,5 см. Судя по всему, с южной стороны снова существовал коридор, хотя данная часть постройки особенно сильно пострадала от разрушения. Более уверенно реконструируется функционирование двух других комнат примыкавших с юго-восточной стороны к центральному залу, которые очень похожи на сопоставимые с ними помещения нижележащего уровня. Только теперь в большом (восточном) отсеке никаких свидетельств нахождения стола для жертвоприношений выявлено не было. В то же время необычной формы подиум (без следов огня) располагался с внешней сто-

роны от здания в пространстве на платформе, образованном выступающей частью южного коридора и центральным из примыкающих с юго-восточной стороны к залу помещением. Назначение подиума остается неясным, но, очевидно, оно было связано с характером самого здания. Большая часть монументального сооружения уровня X оказалась за границами зондажа (Safar et al., 1981, p. 94–96, fig. 45).

Руины Храма IX напротив исследованы почти полностью **(рис. 86f)**, что дало возможность лучше представить общий план здания. Точные размеры центрального помещения составили 10 x 4,10 м. В центральной части к юго-западной стене зала примыкало довольно крупное фрагментарно сохранившееся построенное из кирпичей возвышение (максимальная высота 40 см), которое интерпретируется исследователями памятника, исходя из общего контекста раскопок, в качестве алтаря. В противоположном конце комнаты по главной оси помещения находился широкий дверной проем. Юго-восточная часть постройки показывает свой обычный план из трех помещений. Как и прежде, с южной стороны от зала (позади алтаря) проходил коридор. Однако теперь данный отсек на юго-востоке имел широкий выход на платформу, оформленный с двух сторон пилястрами. Юго-западный фасад здания эффектно украшенный выступами почти полностью прослежен на плане. В пространстве между этой частью здания и маленькой комнатой, одной из юго-восточных пристроек к залу, вместо предшествовавшего необычной формы подиума (уровень X) был обнаружен широкий столбообразный контрфорс. Вероятно, он был сооружен для того, чтобы закрывать / защищать располагавшийся точно за ним вход в алтарную часть центрального помещения храма. Напротив этого входа в противоположной длинной стене зала с небольшим смещением на север имелся еще один архитектурно оформленный дверной проем. Севернее него внутри основного помещения была исследована часть примыкающей к стене высокой кирпичной скамьи. Маленькая комната юго-восточной стороны здания полностью соответствовала своим прототипам из уровней XI–X, в то время как большая пристройка, примыкавшая к основному помещению с востока, имела теперь два дверных проема, которые связывали ее с залом и с открытым пространством платформы. Как и в уровне XI, в центральной части этой пристройки располагался стол для жертвоприношений. Значительная трансформация в рассматриваемом уровне произошла с платформой. Размеры поддерживаемого ей здания несколько сократились, а ее открытая поверхность соответственно увеличилась и составляла около 3 м ширины в сторону от длинных стен постройки. Это обстоятельство так же, как и устройство нескольких дверных проемов, ведущих на платформу, свидетельствует о том, что часть церемоний теперь, очевидно, проводились на открытой поверхности платформы. Ф. Сафар отмечает, что стены данного сооружения в большинстве случаев более массивные, чем у Храмов X и XI (Safar et al., 1981, p. 96–100, fig. 46–48).

Остатки культовых сооружений следующих позднеубейдских VIII–

VI слоев представляют собой свидетельства продолжения эволюции храмового строительства в рамках рассматриваемой последовательности сменявших друг друга зданий, раскопанных под зиккуратом третьей династии Ура в Эреду. Вместе с тем, как отмечают исследователи памятника, Храмы VIII–VI построены более основательно, чем предшествовавшие сооружения, имеют довольно заметные изменения в плане и во многих отношениях сопоставимы уже с монументальными культовыми постройками урукского времени, такими, как зиккурат Ану в Варке и «Раскрашенный храм» в Укаире (Safar et al., 1981, p. 112; Ллойд, 1984, с. 47, 52–59).

Храм VIII **(рис. 86g)** крупнее своих предшественников и с более массивными стенами. В среднем их ширина достигала 70 см. Значительная часть руин этого здания оказалась за пределами зондирования, но его план был отчасти реконструирован при использовании свидетельств подробнее исследованного похожего строения из уровня VII. Наиболее важным элементом постройки здесь, как и прежде, является прямоугольное протянувшееся с юго-запада на северо-восток основное помещение — «святая святых». У центральной части его юго-западной стены снова обнаружен алтарь, на этот раз полностью сохранившийся (20 x 30 x 20 см), имевший спереди две узкие ступени. С двух сторон алтарь был эффектно оформлен двумя выступающими на 30 см из боковых стен помещения фигурными пилястрами, за которыми скрывались два противолежащих и идентичных друг другу дверных проема, ведущих в сопоставимые между собой по форме и размерам угловые пристройки. Подобный архитектурный прием повторяется в противоположном конце зала. Здесь, по аналогии с Храмом VII, авторами раскопок реконструированы на плане боковые «двери-близнецы», также скрываемые от центральной части основного помещения двумя фигурными пилястрами. Они и соседняя с ними еще одна пара боковых пилястр с двух сторон обрамляли располагавшийся в центральной части зала стол для жертвоприношений (20 x 30 x 20 см), который, как и его предшественники из нижних уровней, был отмечен следами огня и окружен скоплениями золы. В центральной части здания на линии перпендикулярной основной оси строения находились два наиболее широких дверных проема. Один из них (юго-восточный), соответствующим образом оформленный, являлся парадным входом в постройку, проходившим через небольшое вспомогательное помещение. В южном углу зала между одной из фигурных пилястр и одним из выступов центрального входа низкая скамейка (или платформа) была пристроена к стене (ее длина — 50 см, высота — 10 см). С северо-западной и юго-восточной сторон к центральному залу примыкали небольшие по своим размерам и, очевидно, вспомогательные по функциям помещения. Две угловые камеры, входы в которые были защищены фигурными выступами, расположенные с двух сторон и немного позади от алтарной части, вероятно, имели к ней непосредственное отношение. Это предположение в какой-то мере подтверждается обнаружением в од-

ном из данных помещений сохранившегося полностью низкого сосуда с носиком (тип «черепахи»), чье наполнение состояло главным образом из рыбьих костей, остатки которых помимо этого были найдены в разрозненном виде и в других местах рассматриваемых помещений. Интересными представляются «ложные дверные проемы» — архитектурно оформленные ниши фасада, исследованные позади алтарной части Храма VIII. В одном случае заблокированный здесь проход действительно был выявлен археологами. Кроме того, любопытная группа объектов обнаружена «погребенной» под специальной вымосткой у западного угла алтаря. Данные объекты представляли собой чрезвычайно хрупкие глиняные «гвозди» (длина 30–40 см)[1], известные по материалам некоторых других убейдских поселений. Южная и северная (угловые) секции здания состояли из более чем одного вспомогательного помещения. Вход в южные камеры был доступен главным образом с террасы платформы, тогда как во все остальные вспомогательные помещения (не считая парадного входа в храм), иногда соединявшиеся дверными проемами между собой, попасть можно было только со стороны зала. С юго-западной стороны от постройки в границы исследовавшегося участка попал фасад платформы Храма VIII. Открытая терраса простиралась на расстоянии приблизительно 1 м от стен здания. Высота платформы достигала около 90 см (Safar et al., 1981, p. 100–103, fig. 49–51).

Храм VII-го уровня **(рис. 86h)** был по многим признакам похож на своего предшественника: стены имеют ту же толщину, размеры кирпичей одинаковые — 28 x 23 x 6 см и 27 x 21 x 6 см, планы зданий в основных чертах совпадают. Лишь некоторые характеристики, например, архитектурное оформление «ложных дверных проемов» позади алтаря, или полностью исчезают или проявляются в остаточной форме. Платформа, высота которой составила 1,5 м, включала в себя стены Храма VIII. Занимаемая платформой площадь, по крайней мере, на исследованной территории, была значительно уменьшена и теперь соответствовала своими размерами и формой непосредственно границам стоящего на ней храма. Впервые в рассматриваемой последовательности возведения культовых зданий хорошо фиксируется существование парадной лестницы, ведущей с уровня земли к главному входу, располагавшемуся в Храме VII, как и в предшествовавшем строении, в центральной части юго-восточной стороны фасада. Лестница состояла из восьми ступеней, причем три нижние, выходившие за пределы платформы, поддерживались по бокам специальными парапетами. Данные материалы являются первым, археологически точно определенным случаем подобного оформления храмовых сооружений, которое

[1] Сравнить с глиняными гвоздями шумерских правителей, содержащими на своей поверхности посвятительные надписи. Их закладывали в стены храмов и других выдающихся сооружений, очивидно, с магическими целями. В Государственном Эрмитаже мы можем увидеть такие объекты, например, закладные гвозди Гудеа, которые сообщают, что он восстановил храм бога Нингирсу.

становится типичным в III тысячелетии до н. э. Дверной проем парадного входа оказался заблокирован кирпичной кладкой, которая, вероятно, была сооружена уже после того, как этот храм перестал функционировать. Месторасположения северо-восточного и северо-западного фасадов платформы выходило за пределы шурфа, соответственно нет никаких сведений относительно их размеров и формы. Наличие дверных проемов, выходивших на террасу платформы и с той, и с другой стороны, дает основание предположить, что здесь терраса могла быть шире, чем с раскопанных сторон сооружения. Находившееся слева от парадного входа одно из вспомогательных помещений южного угла храма VIII исчезает в уровне VII. Однако, подобно предшествующему зданию, в Храме VII выявлены два противолежащих, скрытых еще более мощными фигурными пилястрами, дверных проема, ведущих в алтарную часть зала, которые, вероятно, были функционально с ней связанны. Ф. Сафар, предположил, что они могли использоваться для особых целей только служителями храма. Сохранены и два подобных прохода в противоположной части святилища. Все остальные характеристики устройства Храма VII повторяют в общих чертах своих предшественников из уровня VIII. Высота алтаря теперь достигает 85 см, а стола для жертвоприношений — 60 см. В этом здании сохранилось два уровня пола, представлявших собой утрамбованные глиняные покрытия, находившиеся на расстоянии 40 см одно над другим. На поверхности полов открыты значительные скопления остатков рыбьих костей, убейдских сосудов, фрагменты каменной вазы, часть слива обрядового сосуда, выполненного в виде змеиной головы.

Перед очередной перестройкой верхний уровень стен Храма VII был разрушен, при этом их нижняя часть оказалась сохранена в среднем на высоту 120 см над поверхностью земли. Заполнение между стенами и внешняя облицовка новой платформы состояли из более прочных по своему составу кирпичей, чем те, что использовались при строительстве храма VII. В связи с реконструкцией платформа была несколько расширена в юго-восточном и юго-западном направлениях. Разрушение холма, под которым находилось строение, на юго-востоке и древний туннель, оставшийся от «искателей сокровищ», на юго-западе в значительной степени уничтожили соответствующие секции сооружения. Лучше всего оказалась исследованной северная часть постройки VI слоя. Тем не менее общий план строения довольно подробно реконструирован авторами раскопок с использованием свидетельств из предшествовавших уровней и доступных материалов уровня VI **(рис. 88)**. Так, несмотря на то, что исследованы лишь отдельные секции фасада платформы, было установлено, что она немного расширялась к основанию и так же, как предшествовавшая ей, вероятно, имела парадную лестницу на юго-восточной (длинной) стороне (контуры лестницы на плане показаны пунктиром). Здание Храма VI во многих участках сохранило два уровня глиняного покрытия пола, которые располагались одно над другим на расстоянии приблизительно 20 см. Везде, где оба

уровня оказались неповрежденными, заполнение между ними можно рассматривать в качестве закрытого археологического комплекса. Все фрагменты глиняной посуды (624 черепка), а также целые сосуды, собранные с нижнего уровня на подобных участках, были позже подвергнуты специальной экспертизе, включая статистическую обработку. Исследование показало их исключительную принадлежность к убейдскому периоду или, по крайней мере, полное соответствие убейдской традиции. Ни один фрагмент не был датирован более поздним временем. Эти материалы наглядно свидетельствуют о том, что Храм VI был построен и функционировал в самом конце позднеубейдскго времени. Центральный зал здания (14,40 х 3,70 м) был, как обычно, с двух сторон окружен небольшими примыкающими к нему помещениями. В южном углу святилища находилась низкая скамья, по замечанию исследователей памятника, напоминающая те, что использовались для вотивных статуй в шумерских храмах. Пара глубоких ниш, располагавшихся в центральной части северо-восточной (короткой) стены сооружения, является анахронизмом по отношению к дверям-близнецам Храма VII. Возможно, такие же ниши находились в плохо сохранившейся юго-западной стене сооружения позади алтаря, расположение которого, как и прилегающих к алтарной части вспомогательных помещений, было определено гипотетически. На своем обычном месте обнаружен стол для жертвоприношений (1,6 м х 90 см, с высотой 65 см). Его покрытая толстым слоем гипса верхняя часть от огня стала темно-красного цвета и несла на себе значительные остатки пепла. Позади этого подиума в более низком уровне пола находился, сооруженный из глины и также покрытый обмазкой овальный по форме бассейн (или контейнер). Авторы раскопок подчеркивают, что в данном случае, более чем когда-либо, имеются выразительные свидетельства функционирования подиума в качестве стола для жертвоприношений. Большое количество смешанных с пеплом рыбьих костей обнаружено с разных сторон вокруг этого объекта. В то же время значительный слой рыбьих костей, перемешанных с останками маленьких животных, был открыт по всему полу северо-восточной части святилища. Рыбьи кости также выявлены среди пепла на вершине самого подиума и в развалинах близкорасположенного «бассейна». Есть все основания рассматривать данный комплекс материалов как свидетельства совершавшихся жертвоприношений в Доме/Храме Энки — божественного покровителя Эреду. Так как ни разу полный скелет рыбы не был обнаружен, замечает Ф. Сафар, можно предположить, что этот продукт в ходе каких-то церемоний, происходящих в храме, съедался (или измельчался с другой целью, добавим мы).

Факт, что подиум использовался в качестве особого места для жертвоприношений, наглядно подтверждают полученные в VI уровне материалы. Более того, рядом с подиумом находилось особое помещение (комната 14), которое, судя по всему, функционировало исключительно для сожжения приношений. Весь пол комнаты был покрыт спекшейся массой из пепла и других остатков сожжения органической материи.

При совершении акта жертвоприношения пепел вылетал через открытый проем в зал, где оштукатуренные стены святилища сохранили следы копоти. Остатки белой известняковой штукатурки на стенах, предварительно обмазанных глиной, выявлены при исследовании боковых вспомогательных помещений храма. Полы этих комнат были произвольно усыпаны фрагментами грубой, вероятно, посвятительной керамики. Кроме того, здесь обнаружены и полностью сохранившиеся сосуды. Несколько интересных фрагментов керамики, а также серия бусинок собраны при исследовании помещения 12. Однако наиболее значительная коллекция артефактов происходит из двойной камеры северного угла здания, где хорошо сохранились оба уровня покрытия пола. Среди этих объектов выделялись украшенные сложным рисунком фрагменты керамики и необычного вида черепки с треугольными отверстиями, которые принадлежали трем образцам особого типа курильниц, сделанным в форме колокола **(рис. 95a,b)**. Их аналог известен по убейдским материалам Восточного Святилища северомесопотамского поселения Тепе Гавра **(рис. 95c)**. Об особом предназначении двойной камеры северного угла в Храме VI свидетельствует не только ее нестандартная конструкция, близкое расположение к подиуму, материалы заполнения, но также и то обстоятельство, что рядом с дверным проемом, ведущим в нее из центрального зала, обнаружен маленький сделанный из грязевых кирпичей пьедестал. Каких-либо дополнительных данных в связи с этой конструкцией получено не было. Подробные исследования северо-восточной части постройки, дают представление о том, что стены этого храма как с внутренней, так и с внешней стороны украшались пилястрами. От северо-западной внешней стены осталось достаточно свидетельств, чтобы определить, что в этой части здания не могло быть дверного проема. Главный вход, очевидно, проходил через комнату 13 в юго-восточной (длиной) стене постройки, местонахождение которой сопоставимо с расположением парадного входа в Храме VII. Остается добавить, что после разрушения этого здания, были проведены подготовительные работы для строительства нового храма над ним, который датируется уже урукским периодом, однако сооружался он приблизительно по тому же плану, что и рассмотренная конструкция уровня VI (Safar et al., 1981, p. 103–111, fig. 52–55).

Итак, раскопки под зиккуратом в Эреду представили свидетельства функционирования девяти последовательно сменявших друг друга неординарных строений от периода Убейд 1 до этапа Убейд 4, перекрытых на том же месте четырьмя более поздними храмами шумерского времени. Данные исследования предоставляют реальную возможность проследить эволюцию культового строительства в убейдскую эпоху на примере отдельного поселения, сопоставить полученные выводы с синхронными материалами других памятников региона.

Можно отметить, что наиболее устойчивыми характеристиками культовых сооружений Эреду, проявившимися уже в «протохрамах» XVII–XV уровней, являются:

– возведение зданий прямоугольной планировки из одинаковых по форме и размерам сырцовых удлиненных кирпичей (типа liben) на искусственной возвышенности;

– преемственность в выборе места для строительства;

– ориентировка углов зданий по сторонам света;

– наличие пилястр, имевших, очевидно, не только конструктивное, но и символическое значение;

– сооружение специальных возвышений — алтарей, подиумов и/или столов для жертвоприношений, находившихся в определенных местах на центральной оси помещения и оформлявшихся с двух сторон стенными выступами (в одном случае особой нишей), что наиболее выразительно фиксируется материалами сохранившегося лучше других Храма XVI.

Кроме того, рядом с древнейшими постройками рассматриваемой последовательности культовых зданий выявлены остатки округлых в плане похожих друг на друга очажных сооружений (d — 1,30 м), использование которых в качестве постоянных мест для жертвоприношений весьма вероятно (Van Buren, 1952, p. 83–84).

Как уже отмечалось, на уровнях XIII–XII в границах шурфа свидетельства новых построек не зафиксированы. Было ли это связано с временным перерывом в заселении Эреду или же с тем, что в данных слоях культовые сооружения находились несколько в стороне от места раскопа, можно только предполагать. Однако возобновившаяся последовательность строительства храмов на этом участке не представляется явлением случайным, как считают некоторые исследователи, в частности, обращавшийся к данному вопросу О. Оранж (Aurenche, 1982, p. 239).

Действительно, начиная с XI уровня, в конструкциях культовых сооружений появляется много новых черт, общий план строений заметно усложняется. Но тот факт, что в IX уровне «неожиданно» возникает новый уже хорошо сформировавшийся тип трехчастного планирования, как раз может объясняться существованием перед этим определенного периода архитектурной эволюции, который остался для нас неизвестным (не был прослежен раскопками в Эреду). Вместе с тем преемственность с более ранними постройками наглядно фиксируется сохранением всех вышеперечисленных особенностей «протохрамов» XVII–XV уровней в последующих зданиях. Судя по доступным материалам, эволюция устройства культовых сооружений происходила естественным путем от простых форм к более сложным, от небольших размеров конструкций к бóльшим. В качестве основных характеристик храмовых построек XI–VI уровней Эреду, которые дополнили уже сложившийся комплекс черт ранних культовых зданий (уровни XVII–XV Эреду) и позже получат свое продолжение в шумерской культовой архитектуре, можно отметить следующие:

– возведение культовых зданий на специально сооруженной для этого особым способом платформе;

– так называемый трехчастный тип планирования: к боковым (длинным) сторонам значительно бóльшего по площади центрального помещения примыкают вспомогательные пристройки;

– строгая симметрия в общей системе расположения конструктивных частей строения;

– украшение внешних, иногда внутренних, стен здания регулярно чередующимися выступами и нишами.

Установлено, что в Храмах XI–VI к главному входу, который находился в центральной части одной из длинных сторон знания, вела парадная лестница, что также со временем станет характерным элементом украшения фасадов шумерских культовых сооружений.

Многочисленные остатки рыбы, других видов приношений в храмовых постройках разных уровней, выразительные свидетельства ритуального сожжения жертв, в случае с керамикой — разбивания, соответствуют статусу и сфере влияния Энки — повелителя пресных (подземных) вод, чья звезда — Рыба, божественного покровителя Эреду.

В целом на основании рассмотренных данных из Ziggurat Sounding Абу Шахрайна можно сделать вывод о культовом назначении неординарных убейдских сооружений, которые были обнаружены под руинами храмов урукского и раннединастического периодов и показывают единую линию развития религиозной архитектурной традиции, продолжившуюся в храмах урукской эпохи.

ВАРКА (УРУК)

Близкие параллели для рассмотренных сооружений культового характера Эреду известны из материалов храмового комплекса Куллаба в Уруке (современное название городища — Варка), где несколько шурфов в районе Каменного здания (северо-западная часть зиккурата Ану) достигли позднеубейдских уровней. На данном участке открыты остатки двух последовательно функционировавших на одном и том же месте монументальных строений. Авторы раскопок интерпретируют их как храмы (Schmidt, 1974).

Основание древнейшего из сооружений — Храма 2 — оказалось полностью сохранившимся, т. к. оно было надежно «законсервировано» платформой более позднего здания. Однако сохранившаяся высота стен была настолько незначительна, что установить местонахождение дверных проемов археологам не удалось. Храм 2 был прямоугольным (14,5 х 18,5 м) трехчастного плана (центральный зал протянулся на всю длину здания) с симметрично расположенными боковыми помещениями по отношению к длинной оси строения **(рис. 89.2)**. В одной из угловых комнат (восточной) выявлены остатки лестницы. Массивные стены постройки с внешней стороны украшены регулярными пилястрами. В длину здание расположено по направлению северо-запад — юго-восток. Углы ориентированы по сторонам света. Эти характеристики близко

сопоставимы с чертами высоких храмов зиккурата **(рис. 90)**. Кроме того, по данным показателям Храм 2 проявляет сходство с Храмами VIII–VI Абу Шахрайна **(рис. 86g-h, 88)**. Так же, как в этих строениях, в Храме 2 Урука наиболее важный в семантическом плане архитектурный объект находился на центральной оси основного помещения (в северо-западной части). Он представлял собой выложенное на полу глиняными кирпичами очажное сооружение «антропоморфной» формы, поверхность которого была покрыта обмазкой[1]. По мнению исследователей памятника, тонкий слой золы дает основание предполагать, что устройство использовалось не для сжигания жертв, а как место, где горел священный огонь (Schmidt, 1974, S. 174–176, Abb. 1).

Перед строительством нового здания стены старого снесли, участок расчистили, и на сохраненной основе Храма 2 был возведен похожий по своим размерам и типу, но с существенными изменениями внешнего оформления Храм 1 **(рис. 89.1)**. Уровень платформы, на которой он был возведен, располагается несколько выше, чем уровень пола позднейшей постройки — Каменного здания. Соответственно те части, которые попали в зону Каменного здания, полностью разрушены. В Храме 1 лучше всего представлен северо-западный сектор, где стены сохранились на высоту до 50 см.

Храм 1 в основном воспроизводит контуры предшествующего сооружения, при этом, совершенствуется техника строительства и оформления. Здесь, как и в Храме 2, строительный материал был представлен большими глиняными кирпичами, плоскими по форме. При сооружении Храма 1 их укладывали в определенном порядке. Стены постройки теперь намного тоньше. Изящные двугранные пилястры украшают не только внешний фасад здания, но и поверхность стен центрального зала. Ширина ниш между пилястрами 130 см, глубина — 17 см. Украшение стен нишами и пилястрами начинается не прямо от их основания, а над цокольной зоной — на высоте 40 см. На этом же уровне находился пол в помещениях Храма 1.

Два слоя штукатурки покрывали стены сооружения. Первый слой — светло серый — служил основой для последующего белого покрытия. То, что Храм 1, подобно Белому храму и Каменному зданию зиккурата Ану, а также храмам позднеубейдского времени Эреду, был белого цвета, может говорить о символическом значении белого в качестве сакрального цвета для рассматриваемого периода.

Установленное строго симметричное расположение дверей в Храме I снова соответствует конструкции Белого храма и Храмов VIII–VI Абу Шахрайна (сравнить: **рис. 86g-h, 88–90**). У центральной части северо-западной короткой стены зала находился прямоугольный постамент, первоначальная высота которого остается неизвестной. На некотором расстоянии от него, точно на месте своего предшественни-

[1] Очажные сооружения подобного типа известны также по культовым строениям Тепе Гавры урукского времени.

ка из древнейшего храма, было построено новое очажное сооружение характерной «антропоморфной» формы. Ю. Шмидт отмечает, что расположение данного устройства, преемственность в выборе места для зажигания священного огня указывает на большую значимость связанных с ним представлений и проводимых здесь ритуалов, на функционирование очага как центрального культового объекта в храме. Исследователь обращает внимание и на близкую связь между «огненным алтарем» и прямоугольным подиумом: оба сооружения находились в северо-западной части зала, на осевой линии здания и были покрыты так же, как стены храма, белой обмазкой (Schmidt, 1974, S. 176–179). Имеются серьезные основания рассматривать северо-западную часть центральных помещений Храмов 1 и 2 в качестве «святая святых» этих культовых строений.

Весьма существенной конструктивной и семантической деталью является то, что оба исследованных убейдских храма в Уруке были возведены на специально построенных из глиняных кирпичей «сценоподобных возвышениях». С лучше сохранившейся северо-западной стороны Храма 2 ширина выходившего за границы фасада здания участка платформы составляла 3,2 м; у Храма 1 — около 3 м. Высота платформы древнейшего культового строения — 1 м, последующего — 1,5 м. Интересно, что платформа нижнего сооружения использовалась строителями как нижний ярус для платформы верхнего. Таким образом, Храм 1 стоял на двухступенчатом основании (Schmidt, 1974, S. 179–180) и является на сегодняшний день наиболее древним примером из известных сооружений такого типа. В дальнейшем данная архитектурная традиция будет продолжена и усовершенствована на территории Месопотамии при возведении зиккуратов в «исторические» периоды развития региона.

Из-за сильного разрушения значительных участков платформы, местонахождение ведущей к храму лестницы непосредственно в ходе раскопок зафиксировано не было. Тем не менее, учитывая данные других памятников подобного типа, в том числе позднеубейдских храмов Эреду, а также опираясь на имеющийся в нашем распоряжении план строения Храма 1 **(рис. 89.1)**, с высокой долей вероятности можно предположить, что парадная лестница находилась в центральной части северо-восточной (длиной) стороны платформы.

С внешней стороны платформа состояла из обожженных глиняных кирпичей нерегулярных размеров, в кладку которых было включено значительное количество фрагментов керамики и других небольших объектов (Schmidt, 1974, S. 180). Возможно, эти находки представляют собой свидетельства жертвенных закладов, совершенных при возведении рассматриваемых сооружений.

В строительных уровнях, соответствующих времени функционирования Храмов 2 и 1, на участках, к ним примыкающим, выявлены остатки специально оборудованных устройств в виде каналов, в определенный период обнесенных по краям оградами. Исходя из того, что

данные устройства непосредственно были связаны с платформами храмов, содержали следы огня и золы, исследователи рассматривают их как места для жертвоприношений путем сжигания. Ю. Шмидт считает, что данные устройства находились как в материальной, так и в нематериальной зависимости от «огненного алтаря», располагавшегося в храме. К определенным праздникам священный огонь мог выноситься из здания для того, чтобы с края платформы поджигалось содержимое жертвенных канав (Schmidt, 1974, S. 180).

Керамическая коллекция показывает, что культовые сооружения Урука являлись современниками Храмов VII–VI в Эреду. К сожалению, вкопанный в убейдские слои памятника фундамент Каменного здания существенно нарушил стратиграфические связи между уровнями Храмов 1 и 2, а также общую последовательность убейдских слоев на этом участке. Установлено, однако, что Храм 1 в дальнейшем, очевидно, перестраивался, а еще позднее остатки последовательно функционировавших здесь культовых сооружений были включены в террасу зиккурата Ану **(рис. 90)** (Schmidt, 1974, S. 182; Oates, 1983, p. 251; Oates D., 1987, p. 382).

Таким образом, исходя из имеющихся материалов, можно заключить, что в Варке так же, как и в Абу Шахрайне, наблюдается преемственность религиозной архитектурной традиции не только в передаче основных характеристик от древнейших культовых построек к храмовым сооружениям более позднего времени, но и в выборе места для их возведения. Расположение в особом районе поселения, строительство платформы, «трехчастный» план сооружений, символическое украшение их стен пилястрами и нишами, наличие «алтарей» и подиума на центральной оси залов, специальных устройств для жертвоприношений путем сожжения, строгая симметрия храмов Урука, несомненно, показывают аналогичные черты синхронных им по времени функционирования храмов позднеубейдского периода в Эреду.

ТЕПЕ ГАВРА

На севере Месопотамии широко исследованным памятником убейдской культуры, предоставившим значительную информацию об архитектуре и поселенческой структуре того времени, свидетельства которого вполне соотносимы с материалами Южного Двуречья (Убейд III–IV), является Тепе Гавра. Первоначальная высота этого телля достигала 18 м. Его раскопки, открывшие остатки многослойного поселения, проводились в 30-х гг. прошлого века. Тогда удалось проследить развитие северного варианта Убейдской культуры на протяжении периода, представленного не менее чем восемью строительными горизонтами — с XII по XIX (счет сверху вниз). Материалы данных слоев Тепе Гавры были подробно опубликованы во втором томе специального издания (Tobler, 1950), где особая глава посвящена анализу строи-

тельных остатков памятника. В ней большое внимание исследователи уделяют рассмотрению предполагаемых культовых сооружений.

В частности, древнейшие выдающиеся строения, определенные авторами раскопок в качестве храмов, относятся к XIX–XVIII слоям Тепе Гавры. Исследования этих уровней проводились в восточной части телля на площади 625 кв. м. Предполагаемые храмовые постройки выявлены одна над другой в юго-западном районе раскопа, в то время как жилые дома и конструкции хозяйственного предназначения открыты в северо-восточной части **(рис. 91, 92)**. Более раннее из неординарных зданий, претерпевшее ряд перестроек, сохранилось гораздо хуже последующего, которое своими размерами, ориентацией и планировкой повторяло особенности своего предшественника. Установленные размеры постройки XVIII уровня: 10,50 x 7 м. Но не исключена возможность того, что западная часть конструкции осталась за границами раскопа, и соответственно длина здания могла быть большей. Оба рассматриваемых строения ориентированы стенами по сторонам света и имеют трехчастную планировку. В центральной зоне большой комнаты и в том и в другом сооружении были зафиксированы остатки прямоугольного подиума, размеры которого определены для древнейшего здания — 95 x 55 см, для более позднего — 150 x 95 см, сохранившаяся высота — 6 см. В районе расположения неординарной постройки XVIII уровня выявлены 5 захоронений. Для уровня XIX подобная информация не доступна, т. к. ниже его в этой зоне исследования уже не проводились.

Что касается других районов раскопанного участка поселения, то в XIX слое севернее предполагаемого храма открыт целый комплекс хорошо организованных жилых и хозяйственных помещений, восточнее — остатки еще одной менее регулярной в плане конструкции. В уровне XVIII жилые постройки мало похожи на дома из предшествующего слоя, они представлены скоплением небольших нерегулярных прямоугольных помещений. Кроме того, здесь открыты свидетельства пяти очажных сооружений, по поводу непосредственной близости которых с «храмовым участком», авторами раскопок высказывалось удивление. На наш взгляд, такое соседство как раз не противоречит предполагаемым функциональным характеристикам зданий из юго-западного сектора раскопа. Основываясь главным образом на отмеченных фактах, при сопоставлении их с материалами более поздних убейдских слоев Тепе Гавры, А. Тоблер приходит к заключению о культовом назначении рассмотренных сооружений (Tobler, 1950, p. 43–47, pl. XIX–XX).

Практически во всех последующих убейдских уровнях памятника помимо обычных жилищ и хозяйственных помещений, были исследованы неординарные большие симметричного плана строения, располагавшиеся в различных частях поселения. К ним следует отнести толосы XVII уровня идентичные друг другу массивные здания XVI–XV-A слоев, обнаруженные в северном производственном районе среди конструкций складского назначения и печей для обжига ке-

рамики[1], сложную в плане большую Т-образную структуру XV слоя, единственную зафиксированную постройку с каменным фундаментом XIV горизонта, «акрополь» слоя XIII, Белую комнату и ее располагавшийся южнее меньший аналог в XII уровне (Tobler, 1950, p. 25–45, pl. VIII–XX). Некоторые из названных сооружений, по мнению ряда исследователей, являлись зданиями культового предназначения (Tobler, 1950; Oates D. and J., 1976, p. 131; Safar et al., 1981, p. 112; Ллойд, 1984, с. 85; Roaf, 1984, p. 82 и др.), самые же выразительные в этом смысле материалы происходят из слоя XIII.

Здесь в северо-восточной части телля открыт целый комплекс хорошо спланированных и искусно построенных сооружений, который состоял из трех больших зданий, окружавших прямоугольный двор площадью приблизительно 18 х 15 м. Четвертая сторона двора была огорожена тонкими глинобитными разъединенными стенами, не формирующими каких-либо четко распознаваемых зданий **(рис. 93)**. Перед возведением данного «акрополя» участок его будущего расположения специально подготавливался, и, остатки построек XIV уровня были настолько тщательно нивелированы, что археологам удалось выявить только каменный фундамент одной из конструкций указанного слоя на всей территории раскопа. Два уровня — XIII и XIV, таким образом, фактически объединились в один.

«Акрополь» занял близкую по форме квадрату площадь со стороной около 30 м. Ординарных построек жилого или хозяйственного предназначения на исследованном участке встречено не было. По замечанию А. Тоблера, они могли располагаться в южном и западном секторах телля, а также у основания холма. Несомненно, что «акрополь» мог возникнуть лишь в результате совместных усилий довольно большого и хорошо организованного общества (Tobler, 1950, p. 30).

Все три окружавших двор здания углами были ориентированы по сторонам света. Лучше других сохранившийся так называемый Северный Храм представлял собой самую маленькую постройку XIII слоя (наибольшая длина — 12,25 м, наибольшая ширина — 8,65 м). Эта структура, как и другие конструкции «акрополя», не была строго прямоугольной **(рис. 94)**. Каждая из двух ее длинных стен с внешней стороны в центральной части была украшена широкой и глубокой нишей, что придавало больше выразительности однообразному виду фасада здания. Длинные стены глубоких ниш не совпадали с внутренними боковыми стенами центрального зала. Между ними с двух сторон были оставлены узкие закрытые пространства. Интерьер постройки спроектирован таким образом, что к центральному залу с четырех углов примыкали вспомогательные боковые помещения, формирующие изогнутые (с нишами) линии внешних длинных стен строения, подобно Храмам VII–VI Эреду и храмовым зданиям Месопотамии позднейшего времени.

[1] Интересная деталь: северная стена постройки XVI уровня сохранила следы полихромной геометрической росписи (Tobler, 1950, p. 42).

Несомненно, важным символическим и декоративным элементом конструкции рассматриваемого здания является сложная система в большинстве своем сдвоенных пилястр, украшавших как внутренние, так и внешние стены постройки. Наиболее значимые в семантическом смысле части здания выделяются особым оформлением, количеством и расположением стенных выступов. В частности, из двух боковых ниш постройки богато украшена пилястрами была только та, что находилась с главной стороны фасада, примыкавшей непосредственно к центральному двору «акрополя», тогда как тыловая сторона здания вообще не имела стенных выступов. Подобные характеристики подтверждают использование пилястр именно в качестве символических, декоративных элементов, а не только лишь для укрепления стен построек, как это иногда представляется в исследовательских работах, посвященных архитектуре убейдского времени (Margueron, 1989, p. 57–67). Особенности оформления внутренних стен помещения пилястрами показывают, что наиболее важной в семантическом отношении, безусловно, являлась северо-восточная его часть. Так, все углы северной и восточной вспомогательных комнат были украшены четырехгранными фигурными выступами. Западная (примыкавшая к тыловой части здания) комната не имела выступов вообще, южная имела двугранные пилястры только в углах, смежных со стеной главного фасада строения. Вместе с тем северо-восточная короткая стена постройки, помимо центральных сдвоенных выступов на внутренней стороне, в отличие от противоположной юго-западной стены имела две дополнительные симметрично удаленные от центра необычной формы пилястры. Эти усиленные по бокам трехгранными выступами пилястры располагались точно напротив северо-восточных окончаний длинных внутренних стен, формирующих с двух сторон центральный зал помещения и тоже богато украшенных пилястрами[1]. Архитектурно оформленный вход в постройку был удален от северо-восточной части здания. Он располагался с главной стороны фасада и соединялся с залом через южное вспомогательное помещение. Западная угловая комната, единственная из всех, имела особую отгороженную дополнительной стеной секцию, которая, по мнению А. Тоблера, могла использоваться как специальное место для хранения принесенных в храм даров, но окончательно ее предназначение остается неясным (Tobler, 1950, p. 31).

В целом картина рассмотренного здания представляет собой уже знакомый трехчастный план строения, характеризующийся строгой симметрией с отмеченным акцентом при помощи пилястр на примыкающую к площади парадную сторону фасада, центральный зал помещения и особенно на его северо-восточную часть, которую авторы раско-

[1] Напомним, что в Южной Месопотамии аналогичное украшение фигурными двугранными пилястрами Храма 1 зафиксировано в позднеубедских слоях Варки, о чем говорилось выше.

пок назвали целлой. Именно здесь точно на полпути между дверными проемами примыкающих к «целле» боковых комнат в нескольких сантиметрах ниже уровня пола было обнаружено округлое отверстие колодца (d — 1,15 м), окруженное глинобитными стенами. Глубину данной конструкции археологам удалось проследить не до конца, и при этом она достигла 12–13 м (!). Симптоматично, что заполнение колодца явилось богатым источником разнообразных объектов, среди которых было представлено много прекрасных образцов глиняной посуды, печатей и отпечатков печатей[1]. Помимо этого, там обнаружен череп слюгги (saluki). По замечанию А. Тоблера, данный объект весьма интересен, т. к. названная порода охотничьей собаки часто изображалась на печатях и отпечатках, выявленных в соответствующих слоях. Авторы признают, что стратиграфическое положение колодца определенно указывает на то, что он был сооружен жителями XIII уровня. Тем не менее А.Тоблер считал, что «колодец не имеет связи с Северным Храмом, в период существования которого эта конструкция, очевидно, уже была оставлена и заполнена» (Tobler, 1950, p. 31). Учитывая точно выверенное центральное расположение колодца в наиболее значимой части Северного Храма, нахождение его прямо под уровнем пола постройки, а также весьма похожий на жертвенный состав заполнения, трудно согласиться с таким выводом. Более вероятным представляется его преднамеренное сооружение в качестве устройства для жертвоприношений в границах рассмотренного строения[2].

Всякий микрокосмос, пишет в своих работах М. Элиаде, всякий обитаемый участок включает в себя то, что можно назвать Центром, т. е. местом всецело священным. Первобытные святилища, позже храмы на долговременных поселениях представляют собой символические проекции Центра. В культурах, которым известно понятие о трехчленном делении Космоса на Небо, Землю и Преисподнюю, Центр находится в точке пересечения этих областей. Именно здесь возможен разрыв уровней и в то же время установление связи между этими областями посредством Оси (Элиаде, 2000, с. 148–149).

Известно, что образ трех космических уровней достаточно архаичен, в том числе и для месопотамского региона. Архетипический образ Оси часто встречается в древних восточных культурах. Храмы Ниппу-

---

[1] В XIII слое Тепе Гавры количество находок печатей и их оттисков увеличилось. Если во всех предшествовавших слоях убейдского времени таких объектов найдено десять (уровни XIX–XV), то в XIII уровне их в три раза больше. Резкий скачок А. Тоблер относил за счет того, что все сооружения этого слоя служили храмами, куда делали приношения, на которых ставились оттиски печатей (Tobler, 1950, p. 175, 179; Антонова, 1998, с. 53).

[2] Стоит иметь в виду, что обычные колодцы, сооружаемые с целью получения воды, строить на возвышенности непрактично, а Тепе Гавра в убейдское время уже представлял собой возвышенность. Остатки древних колодцев в рассматриваемом регионе, как правило, можно обнаружить у основания теллей, а не в их центральной части.

ра, Ларсы и Сиппара носили название *дур-ан-ки*, «Связь между Небом и Землей». Священный город Вавилон имел множество названий, среди которых отметим такие, как «Дом основания Неба и Земли», «Схождение Неба с Землей». Но в том же Вавилоне осуществлялась, помимо того, связь между Землей и нижними мирами, ибо город был построен на Вратах *апсу*, то есть на водах Хаоса, предшествовавшего Творению. Та же самая традиция встречается и у израильтян: скала, на которой утвержден Иерусалим, уходит глубоко в подземные воды (*техом*). Сходные представления можно встретить во многих других религиозных системах (Элиаде, 2000, с. 150–160; также см.: Кленгель-Брандт, 1991, с. 60–62; Мелетинский, 1995, с. 212–222; Емельянов, 1999, с. 35–36).

Символы Горы, Дерева, Столпа, Лестницы или Колодца / Бездны, расположенных в Центре Мира, чрезвычайно распространены. Они имеют свои земные модели в святилищах и храмовых сооружениях соответствующих культур. Жертвенные колодцы являются одним из видов такой модели Оси, соединяющей в Центре космические уровни (яркий пример подобного объекта — жертвенный колодец майя в священном городе Чичен-Ица).

Располагавшийся в самом центре «целлы» Северного храма колодец Тепе Гавры, в котором были обнаружены остатки жертвоприношений, очевидно, также выполнял функции связующего устройства между миром людей и миром богов, от которых зависело существование общины. Напомним, что функционирование особых «контейнеров», ям и мест для жертвоприношений в пределах теменоса или непосредственно храма, известно как по синхронным материалам убейдской культуры, так и по памятникам последующих периодов развития Месопотамии. Истоки этой традиции фиксируются уже в хассунской, саммарской и халафской культурах.

Центральный Храм XIII уровня Тепе Гавры был сооружен между Северным Храмом и Восточным Святилищем и располагался перпендикулярно по отношению к ним. Сохранилась только передняя часть строения (длина — 14,5 м), которая граничила с углами смежных структур. Имеющиеся материалы дают основания полагать, что данная постройка имела обычный для зданий такого типа «трехчастный» план. Длинные внешние стены строения, судя по той, что была доступна для исследования, так же, как и в Северном Храме, в центральной своей части имели широкие и глубокие ниши. Сохранившийся главный фасад постройки с внешней стороны, а также стены центрального зала на внутренней поверхности были украшены сдвоенными пилястрами. Единственный не разрушенный западный угол зала, а также оба угла в уцелевшей нише фасада здания (подобно оформлению углов некоторых секций Северного Храма) были украшены четырехгранными пилястрами. Возможно, другие (не сохранившиеся) углы зала тоже имели подобные выступы. Вход проходил через западное вспомогательное помещение № 12, из которого можно было попасть, повернув направо, в узкий коридор и комнату № 9. Каждое из названных помещений

сообщалось с залом. Соответственно, с исследованной стороны постройки в ее центральную комнату вели три, а в оригинале, очевидно, четыре симметрично располагавшихся дверных проема. Примыкавшая с юга к основному помещению вспомогательная часть здания имела более сложный план, чем на западе, что, вероятно, дублировалось соответствующими конструкциями строения на севере и востоке. На поверхности внешних стен фасада Центрального Храма и на стенах находящегося за его центральной частью узкого коридора (продолжение комнаты № 8) зафиксированы следы белой обмазки. В то время как стены и пол центрального помещения, а также стены комнат № 9 и № 12 были окрашены, как сообщают авторы раскопок, в красновато-пурпурный цвет и даже, возможно, расписаны (Tobler, 1950, p. 32–33).

Следует отметить, что некоторые важные архитектурные особенности, а именно место расположения главного входа, «трехчастный» тип планирования, широкие и глубокие боковые ниши на длинных стенах строения, символическое оформление семантически значимых частей построек различного вида пилястрами идентичны для двух рассмотренных зданий «акрополя» XIII уровня Тепе Гавры. Вместе с тем больший по своим размерам Центральный Храм отличается от Северного более сложным планом конструкции и дополнительным элементом декора, таким, как цветная обмазка стен и полов строения.

Из трех исследованных построек XIII уровня Тепе Гавры Восточное Святилище является самой крупной и сохранившейся хуже, чем остальные. Длина уцелевшего главного фасада здания составила 20,50 м, короткие стены постройки были прослежены не более чем на 8,85 м.

Архитектурные остатки Восточного Святилища предполагают несколько иной, по сравнению с Северным и Центральным Храмами, очевидно, Т-образный вид плана. В частности, северо-восточная секция фасада на 1,70 м выступала из основного массива здания в сторону площади. Четыре дверных проема располагались в получившихся таким образом двух передних стенах постройки, выходящих к главному двору. Поверхность внешних стен Восточного Святилища так же, как и у других зданий «акрополя», была регулярно украшена характерными двойными пилястрами, тогда как ни одна из внутренних стен, помимо стен Комнаты № 7, не имела подобных выступов. Важно отметить, что комната № 7 находилась в северо-восточной «выступающей» части сооружения. Ведущий в нее вход в отличие от всех остальных, открытых в других частях здания, был с двух сторон оформлен небольшими нишами. Кроме того, на стенах комнаты № 7 зафиксированы следы ярко-красного покрытия обмазкой. Комплекс всех названных характеристик, безусловно, указывает на особый характер данного помещения, сохранившегося, к сожалению, далеко не полностью. В настоящее время невозможно определить, было ли оно наиболее значимой частью Восточного Святилища — «святая святых» или только служило ее предверием.

Комната № 2, или так называемая Длинная комната Восточного

Святилища, находясь также за стеной главного фасада и сообщаясь двумя дверными проемами с центральным двором «акрополя», предоставила значительную коллекцию интересного материала. Авторы раскопок предполагают, что она могла служить в качестве хранилища. В юго-восточной ее части выявлена неглубокая яма, которая содержала несколько сосудов. Множество других глиняных объектов было найдено на полу этой комнаты. Среди них украшенные орнаментом чаши и кубки. Здесь же обнаружена художественно оформленная курильница **(рис. 95с)** (Tobler, 1950, р. 33–34, 143, 145, fig. 181, 191, 193, 204, 228), аналоги которой в 40-х годах были получены при исследовании двойной камеры северного угла Храма VI Эреду. Любопытно, что в целом характер заполнения, а следовательно, и назначение указанного помещения храмовой постройки в Эреду соответствовал, тем же характеристикам Длинной комнаты Восточного Святилища Тепе Гавры. По мнению А. Тоблера, художественное оформление курильницы (вырезанный рисунок, отверстия), очевидно, воспроизводит архитектурные элементы (двойные пилястры, двери, треугольные окна) какого-то здания, которое могло представлять собой Восточное Святилище или другую постройку, включенную в «акрополь» слоя XIII (Tobler, 1950, р. 34). Вместе с тем С. Ллойд подчеркивал, что курильница является обычным атрибутом храмового ритуала. Сжигание в ней ароматической древесины считалось либо обрядом очищения, либо услугой божеству, что подтверждается письменными источниками (Ллойд, 1984, с. 48; см. также: Афанасьева, 1979, с. 93–94).

В отличие от остальных сооружений уровня XIII в Восточном Святилище под полами комнат № 2 и № 3 были обнаружены пять захоронений с останками детей и младенцев.

Уникальной находкой для убейдского времени являются 99 моделей кирпичей, сделанных из хорошо обожженной терракоты. 81 объект был найден в Длинной комнате Восточного Святилища, 16 — в помещении №6 того же здания, 2 — на центральном дворе «акрополя». Данные модели близко соответствуют 1 / 10 размера тех кирпичей, из которых был построен Центральный Храм. Они представляли собой как полные экземпляры (43 x 23 x 7 мм), так и их половинки (22 x 23 x 7 мм; 43 x 12 x 7 мм) или четвертушки (22 x 12 x 7 мм) — варианты строительного материала, использовавшиеся при сооружении Северного и Центрального Храмов. По мнению большинства исследователей, эти модели предназначались для отработки некоторых приемов кладки (Tobler, 1950, р. 34–35; Oates D. and J., 1976, р. 131; Oates D., 1987, р. 379; Антонова, 1998, с. 52 и др.). Помимо этого, учитывая особое сакральное значение, которое придавалось самому процессу строительства храмов в Древней Месопотамии, о чем ярко свидетельствуют письменные источники, представляется вероятным, что данные объекты так же, как и глиняные «гвозди», найденные «погребенными» под специальной вымосткой у западного угла алтаря в Храме VIII Эреду, могли использоваться в магических и ритуальных целях.

Рассмотренные здания XIII слоя Тепе Гавры были построены из стандартных сделанных вручную и обожженных солнцем глиняных кирпичей. Способы их кладки, состав материала и методы скрепления одинаковы для всех трех строений, в то время как размеры кирпичей оказались индивидуальными для каждой постройки. Так, Северный Храм был сделан из блоков, имевших приблизительно размеры 36 x 18 x 9 см и 36 x 9 x 9 см, Центральный — 48 x 24 x 10 см, Восточное Святилище — 56 x 28 x 14 см. В некоторых случаях кирпичи разбивали на требуемые части или использовали L-образные блоки. Толщина стен всех построек соответствовала толщине 1,5 кирпича.

На основании ряда свидетельств авторами раскопок установлено, что самым первым из группы строений «акрополя» было возведено Восточное Святилище, потом построен Северный Храм и еще позже — Центральный (Tobler, 1950, p. 34–35). Вместе с тем единый стиль в применении методов и способов строительства, идентичное символическое оформление данных построек, их строго упорядоченное расположение вокруг центрального двора и тот факт, что перед сооружением «акрополя» вся площадь, занятая им впоследствии, была предварительно тщательным образом нивелирована, указывают на то, что исследованные здания XIII уровня действительно составляли единый архитектурный ансамбль. Вероятно, больший период своего существования они функционировали одновременно, как это и было изначально спроектировано их создателями.

Совершенно иную поселенческую картину представляет собой раскопанный участок Тепе Гавры следующего XII уровня. Почти половина холма была охвачена исследованиями в этом слое. Несмотря на плотную застройку поселения для данного периода наблюдается определенная система в расположении зданий, улиц, переулков, дворов и других структур **(рис. 96)**.

Выдающимся сооружением XII уровня является большая «трехчастная» конструкция (12,30 x 11,75 м), сориентированная своими углами по сторонам света, центральное помещение которой за цвет обмазки, покрывающей его стены, получило название Белой комнаты. Белая комната занимала половину от общей площади всего строения. Юго-восточная часть здания, на определенном этапе его существования перестраивалась, что в некоторой степени нарушило обычную для подобных сооружений симметрию плана. С юго-западной стороны от строения находился большой открытый двор, к которому примыкали тесно расположенные дома, улица и переулки. Три входа в рассматриваемое здание вели со стороны открытого пространства. Два из них находились в юго-западной стене Белой комнаты, один — в юго-западной стене примыкающей к ней комнаты № 37. Помимо названных входов, в центральный зал конструкции вели еще 4 дверных проема, расположенные по парам друг напротив друга в боковых (длинных) стенах этого помещения. В северо-восточной (короткой) стене Белой комнаты выявлены одинаково удаленные от центральной оси две идентич-

ные ниши (ширина —60 см, глубина — 25 см), расположение которых точно соответствовало расположению входов в здание, находившихся на противоположной юго-западной стороне. Таким образом, в каждой стене Белой комнаты было сделано по два входных отверстия (в случае с северо-восточной стороной — две ниши), которые были симметричны по отношению друг к другу и точно соответствовали размерами и местом своего расположения находящимся напротив них проемам. Такая конструкция напоминает устройство центральных помещений Храмов VIII–VI Эреду, особенно зданий уровней VI и VII, и Храма 1 в Уруке позднеубейдского времени. Исследованная короткая стена Храма VI Эреду имела ниши, аналогичные тем, что обнаружены в северо-восточной стене Белой комнаты.

Нет сомнений, что для Белой комнаты архитектурно выделенной наиболее значимой частью помещения являлась северо-восточная (противоположная входу) сторона. Помимо выявленных здесь ниш, именно к северо-восточной стене Белой комнаты примыкала построенная из глиняных кирпичей скамья, начинавшаяся в восточном углу помещения. Ее высота составила 35 см, длина — 3,50 м. Можно предположить, что данный элемент интерьера, сопоставимый с подобными конструкциями более поздних шумерских храмов, предназначался для тех же целей, что и жертвенный колодец Северного Храма XIII уровня или глиняная скамья, обнаруженная в алтарной части Храма VI Эреду, т. е. для вотивных приношений.

Авторы раскопок отмечают, что многочисленные могилы находились как под полами рассматриваемого здания, так и на территории к нему примыкающей. Состав заполнения постройки, по мнению А. Тоблера, носит светский характер. Здесь были обнаружены многочисленные фрагменты глиняной посуды, отпечатки печатей, обсидиановые орудия, каменная чаша, пряслица, топоры-тесла и другие предметы. В северном углу, примыкавшего с северной стороны к Белой комнате вспомогательного помещения находился очаг.

Любопытно, что приблизительно в 10 метрах юго-восточнее от дома с Белой комнатой находилось очень похожее на него своим устройством, ориентацией и сопутствующими свидетельствами, но меньшее по размерам здание, которое также на протяжении истории своего функционирования претерпело ряд перестроек. В северо-восточной стене центрального зала этого «трехчастного» строения были сделаны две симметричные ниши, с юго-западной стороны от него находился открытый двор. Под полами помещений строения обнаружено несколько могил. Заполнение — аналогично выявленному в доме с Белой комнатой.

Учитывая размеры, ориентацию, формальный план и конструктивные особенности рассмотренных сооружений XII уровня А. Тоблер полагал, что они являлись постройками общественного значения, светскими по своему характеру (Tobler, 1950, p. 27–28). Вместе с тем по ряду архитектурных характеристик, в том числе по цвету штукатурки, покрывающей стены, эти здания напоминают позднеубейдские хра-

мовые строения Эреду, Урука и по многим показателям отличаются от всех других построек XII слоя Тепе Гавры. Е. В. Антонова совершенно справедливо замечает, что здесь обнаруживаются признаки, указывающие на функционирование таких строений в качестве хранилищ (Антонова, 1998, с. 53). Традиция расположения общественных хранилищ, межпоселенческих пунктов обмена товарами, важных производственных участков в пределах сакрально защищенного пространства или помещения на поселениях Северной Месопотамии прослеживается уже по материалам доубейдских раннеземледельческих памятников, в том числе докерамического времени. Кроме того, наличие захоронений под полами Белой Комнаты и ее аналога в уровне XII Тепе Гавры представляется далеко не случайным. Предполагаемая храмовая постройка из уровня XVIII, Восточное Святилище «акрополя» XIII уровня, о чем уже упоминалось выше, как и выдающееся Строение А центральномесопотамского позднеубейдского поселения Телль Абада, продемонстрировавшее серию признаков культовых сооружений данной эпохи, что будет рассматриваться далее, также показали концентрированное расположение захоронений под полами своих помещений. Исходя из комплекса рассмотренных материалов, вполне вероятно, что неординарные конструкций XII уровня Тепе Гавры могли совмещать в себе функции хозяйственных и культовых центров на поселении.

Свидетельства XII слоя представляют последний период существования убейдского поселения в Тепе Гавре. Смена обитателей, возможно, произошла из-за вторжения носителей иной культурной традиции Северного Двуречья, которая по времени соответствует урукскому периоду на юге Месопотамии. Перерыв между слоями убейдского и постубейдского времени на данном памятнике незначительный и последующие уровни (XI–VIII) предоставили информацию о дальнейшем развитии поселения. В том числе получены данные о функционировании монументальных общественных строений, большинство из которых интерпретируется исследователями как культовые. Такие постройки были крупнее и массивнее остальных конструкций, ориентированы углами по сторонам света, как правило, имели регулярный «трехчастный» план, в нескольких случаях здания были украшены фигурными пилястрами, в центральном зале некоторых из них сохранились остатки характерных «антропоморфных» подиумов со следами горения. В районах расположения таких сооружений были сконцентрированы захоронения (Tobler, 1950, p. 6–26, pl. I–VI, XXII). Ф. Сафар, С. Ллойд и М. А. Мустафа указывали на сходство данных строений, особенно архитектурного оформления их входов, с позднеубейбейскими культовыми зданиями Эреду, в частности, с Храмом уровня VIII (Safar et al., 1981, p. 112).

В завершение обзора свидетельств функционирования определенного типа неординарных зданий в убейдских и постубейдских слоях Тепе Гавры подведем некоторые итоги. Учитывая вышерассмотренные их соответствия по ряду признаков храмам позднеубейдского времени

Эреду и Урука, а также нахождение здесь в нескольких случаях следов совершения жертвоприношений, сконцентрированных остатков захоронений, печатей и оттисков печатей, других объектов интенсивной хозяйственной деятельности, культовый характер этих построек представляется весьма вероятным. Здания «акрополя» XIII уровня Тепе Гавры, являясь современниками Храмов VII–VI Эреду, имеют с ними очевидное морфологическое сходство. Судя по полученным материалам, такие постройки одновременно выполняли функции культовых и хозяйственно-административных центров на поселении, что впоследствии в древнейших шумерских городах стало прерогативой храмовых организаций.

Не раз отмечалось важное отличие топографических характеристик зданий культового назначения Эреду и Урука на юге и Тепе Гавры на севере Месопотамии в убейдский период (Oates D. and J., 1976, p. 132; Oates D, 1987; Aurenche, 1982, p. 239–243). Если для первых из названных памятников наблюдается сохранение традиции возведения храмовых построек на одном и том же месте в течение длительного времени с включением руин предшествовавших зданий в основание новых строений, что привело, в конце концов, к появлению платформ, а позже зиккуратов, то в Тепе Гавре такого обычая не соблюдали. В отдельных случаях как будто фиксируются попытки реконструкции неординарных построек Тепе Гавры, но каждый раз последовательность расположения одного над другим культовых зданий прерывалась, изменялся вид выдающихся сооружений, а иногда и общий план поселения. Вместе с тем комплексы убейдских и постубейдских материалов Тепе Гавры указывают на то, что в эту эпоху данное поселение являлось важным обменным пунктом, а обитавшие здесь общины процветали. То же обстоятельство, очевидно, способствовало высокой степени культурной восприимчивости, открытости данного общества для внешних влияний, идущих, в частности, из более южных областей Месопотамии, откуда, вероятно, была привнесена и сама идея строительства культовых общественных построек «трехчастного» плана. Сооружение сложной планировки изысканно украшенных зданий «акрополя» в XIII слое Тепе Гавры — яркий пример культурного заимствования. Привнесение уже сложившегося образца храмового строительства на север сопровождалось отрывом этой традиции от места ее появления, и, на первых этапах для перенявших ее северных поселений участок расположения культового общественного строения, по-видимому, не имел особого значения. Только с течением времени и в городах Верхнего Двуречья формируется традиция преемственности в выборе места для возведения храмов.

Помимо названных различий в отношении расположения культовых зданий рассматриваемых поселений, храмовые постройки Тепе Гавры отличаются также рядом конструктивных деталей от подобных сооружений в Эреду и Уруке. Имеющиеся особенности подтверждают тот факт, что в убейдский период одновременно с общемесопотамскими существовали и местные строительные традиции. Тепе Гавра по разным категориям находок отражает развитие северного варианта Убей-

да. Открытие жертвенного колодца под полом в Северном Храме XIII уровня Тепе Гавры и концентрированного расположения погребений в районе отдельных выдающихся строений на этом памятнике, а также в Телль Абаде соответствует известному обычаю совершения экстраординарных захоронений и жертвенных закладов в основании общественно значимых зданий или поблизости от них на раннеземледельческих поселениях Верхнего и Среднего Двуречья, который существовал здесь уже в период, предшествовавший убейдской эпохе. Отмеченные локальные особенности функционирования религиозных общественных сооружений Тепе Гавры принципиально не противоречат известному представлению о распространении единой убейдской культурной традиции, в том числе и в сфере религиозной архитектуры, на всю территорию Месопотамии в предшумерское время.

ПАМЯТНИКИ ХАМРИНСКОГО БАССЕЙНА

Во второй половине XX в. здания «трехчастного» плана исследовались в Телул эль-Талатате (телль II) (Egami, 1959), Телль Абада (Jasim, 1979; 1981; 1983; 1983a; 1989), Телль Сонгоре В (Matsumoto, 1981), Телль Мадхуре (Roaf, 1984a), Телль Рашиде (Jasim, 1983) и Кейт Касыме III (Forest-Foucault, 1980). Некоторые из этих сооружений идентифицированы авторами раскопок как общественные строения, большинство — как постройки частного характера (подробнее см.: Roaf, 1984, p. 83–87).

Значительное увеличение наших знаний об архитектуре убейдского времени явилось важным итогом крупномасштабных археологических исследований в районе среднего течения Диялы, которые проводились в конце 70-х гг. в связи с предстоящим строительством плотины. Тогда на площади 400 кв. км было раскопано участками, охватывающими не менее 1 га, около десяти убейдских поселений. Функционирование многих из них оказалось недолговечным, что вызвало трудности при определении времени их обитания, но дало возможность проведения раскопок в большем объеме, чем планировалось первоначально. Подавляющее большинство памятников, исследовавшихся в рамках Хамринского проекта, датируется эпохой Убейд 2–4.

Наиболее информативные материалы были получены из Телль Абада — памятника, который до начала раскопок представлял собой овальный по форме холм, площадью приблизительно 190 х 150 м, высотой — 3,5 м и включал 3 уровня остатков поселений убейдской эпохи (счет сверху вниз; ширина культурного слоя – около 6 м). Более 80 % от основной площади телля исследовано. Самый ранний строительный горизонт (III) характеризуется переходным периодом от Самарры к Убейду и по времени соответствует Убейду 1 или раннему Убейду 2. Здесь были выявлены две многокомнатные прямоугольного плана постройки, под полами которых обнаружено несколько детских захоронений. Одна из построек являлась ранним вариантом «трехчастного»

здания. Два последующих уровня (II и I) Телль Абада, отделенные от древнейшего слоя 50–70 см ненасыщенной культурными остатками почвы, составили две фазы одного строительного горизонта и оба принадлежат к периоду позднего Убейда 2 — ранней стадии Убейда 3. Из архитектурных остатков памятника лучше других сохранились конструкции второго слоя, большинство из которых были перестроены в уровне I (Jasim, 1983, p. 167–170, fig. 1-3; Oates, 1983, p. 252–254, fig. 1). Весьма важным является то обстоятельство, что наряду с Тепе Гавра материалы Телль Абада дают возможность увидеть бульшую часть плана существовавшего здесь в первой половине V тыс. до н. э. убейдского поселения.

Во втором слое рассматриваемого памятника было исследовано десять хорошо спроектированных многокомнатных структур, разделенных улицами и узкими переулками. Данная территория составляла основную часть площади поселка **(рис. 97)**. По составу заполнения и особенностям самой конструкции Строение I определяется авторами раскопок как предназначавшееся для хозяйственных целей. Большинство же строений, судя по заполнению, жилого характера, «трехчастные» в плане и имеет в центральной зоне конструкций Т-образные внутренние дворы (возможно, закрытые помещения). Расположение домов показывает определенную систему общей планировки и организации жизни на поселении. В его центральной части выявлено неординарное сооружение — Строение А, явно отличное от всех остальных раскопанных на памятнике структур. Строение А имело наибольшие размеры — 20 х 12 м, и с северо-восточной внешней стороны поселения к нему единственному примыкала огороженная двойной стеной широкая площадь. В центральной части двойная ограда укреплялась дополнительно еще одним отрезком стены. Внешние стены самого здания (и только у этого здания на поселении) со всех четырех сторон были украшены регулярно выступающими прямоугольными пилястрами **(рис. 97–98)**. Внутренний план конструкции показывает сложную систему комнат, ядром которой являлись три более широких, вытянутых и параллельных по отношению друг к другу помещения. По бокам от них располагались вспомогательные камеры. Центральный зал на позднем этапе функционирования Строения А был разделен на две части поперечной стеной. Зафиксированы и иные позднейшие перестройки в этом сооружении. Подчеркнем, что в уровне I с юго-восточной стороны от комплекса находился выделенный стеной участок расположения больших круглоплановых куполообразных печей (Jasim, 1983, p. 173, fig. 7–8, 11; 1989, p. 83–89, fig. 10–12).

Авторы раскопок отмечают, что, помимо образцов керамики, найденных в одной из восточных комнат Строения А, никаких других бытовых остатков здесь обнаружено не было, тогда как выразительные наборы разнообразных по форме и размеру глиняных фишек[1], поме-

[1] В англоязычной литературе «tokens», так называемые «фишки» — мелкие предметы из обожженной солнцем глины в форме конусов, дисков, сфер, тетраэдров и т. п.

щенные группами (от 4 до 16 объектов) в глиняные сосуды, зафиксированы в различных местах западной части этого неординарного строения. Некоторые из фишек сохранили на своей поверхности следы вырезанных отметок (до 12 зарубок). Сосуды, в которые были помещены фишки, различны по форме, размерам и стилю исполнения. Всего, таким образом, найдено около 90 фишек **(рис. 98–99).** Нигде более наборы фишек на поселении не зафиксированы (Jasim, Oates, 1986, p. 352–355). В Строении А, кроме того, обнаружены весьма редкие для Телль Абада мраморные сосуды и четыре (из шести выявленных на памятнике) мраморных навершия булав[1]. Симптоматично, что под полами его помещений оказалось большое количество детских захоронений, чаще всего располагавшихся в глиняных кувшинах. Число этих погребений — более 63 — превосходит общее количество всех убейдских захоронений, найденных в других местах на памятнике. По мнению С. А.Джасима и Дж. Отс, данные свидетельства могут быть связаны с вышеотмеченными наборами фишек и указывают на выполнение определенных культовых функций Строением А в Телль Абаде (Jasim, 1983, p. 173, 181; 1989, p. 80, fig. 1; Jasim, Oates, 1986, p. 355).

Очевидная принадлежность выделенной двойными стенами широкой площади рассмотренному строению, слияние с ним производственного района, отсутствие в заполнении остатков домашней жизнедеятельности; но в то же время наличие упорядоченных свидетельств формального учета, объектов престижа, нахождение под полами здания множества детских захоронений, символическая защита оградой, характерное для культовых строений Древней Месопотамии оформление регулярно расположенными пилястрами внешних стен этого наиболее крупного и центрального из раскопанных в Телль Абада сооружений указывает на большую вероятность его функционирования в качестве общественно важной постройки на поселении, которой, судя по всему, придавалось значение сакрального центра.

Следует отметить результаты многолетней работы профессора Ближневосточных исследований Техасского университета в Остине Дениз Шмандт-Бессера. Исследовательница аргументированно приходит к выводу, что подобные предметы различной формы и небольших размеров издавна использовались на Ближнем Востоке для учета объектов отдельных категорий (зерна, тканей, голов скота и пр.) (Schmandt-Besserat, 1992; см. также: Jasim, Oates, 1986; Березкин, 2000). В настоящее время большинство ученых поддерживают эту точку зрения. До появления письменности развитая система абстрактного счета, судя по всему, отсутствовала, а представление о количестве предметов было неотделимо от них самих или конкретных символов, их замещающих.

[1] Два других навершия булав обнаружены в Строении В, располагавшемся рядом со Строением А, отличающимся продуманно четкой структурой из общего поселенческого контекста. В своем заполнении оно продемонстрировало как артефакты бытовой домашней деятельности, так и довольно редкие предметы престижа **(рис. 97).** *На наш взгляд,* этот дом мог принадлежать семье лидера общинников или же каким-то иным способом был семантически связан с главным сооружением на рассматриваемом поселении — Строением А.

КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ УБЕЙДСКОГО ПЕРИОДА В ПРОСТРАНСТВЕННО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ

Прогрессивное значение убейдской культуры в качестве предцивилизации несомненно. Однако при этом она не может рассматриваться как изолированное явление в регионе. Еще в середине XX в. классик ближневосточной археологии В. Олбрайт сопоставлял ее и позднехалафскую традицию с известными палестинскими памятниками гхассульской культуры (Albright, 1960, p. 66). Н. Я. Мерперт полагает, что «можно говорить о син-стадиальности гхассульской культуры с отмеченными месопотамскими. Для этой стадии характерен поразительный всплеск художественного начала, эстетизма, можно сказать, одухотворенности творчества древних мастеров» (Мерперт, 1998, с. 101).

Цепь гхассульских поселений выявлена в традиционной долине Иордана. Наличие крупных центральных и системы подчиненных им меньших по размеру поселений внутри определенной округи отмечается как характерная черта социальной структуры заселения Палестины того периода. Можно говорить о сложности социальной организации гхассульского общества, выделении племенных вождей, возникновении иерархии поселений и в то же время об объединении их в определенные внутренне сплоченные группы. Фактическая синхронность, непосредственное соприкосновение ареалов распространения гхассульской, позднехалафской и убейдской культур предполагает широкое взаимодействие и взаимовлияние их в V – начале IV тысячелетия до н. э.

Так же, как и для Убейда, выдающимися памятниками гхассульского круга являются сооружения культового назначения. Среди них выделяют как сосуществовавшие с крупными поселениями святилища и храмы (например, в Телейлат-Гхассул), так и изолированные обрядовые сооружения, не связанные с поселками (Храм Эн Геди, комплекс Нахал Хардоф и др.). Вызывало недоумение зачастую почти полное отсутствие там каких-либо предметов культа или находок вообще. В связи с этим особый интерес представляет открытие в труднодоступных пещерах Иудейских гор кладов костяных, каменных и медных изделий гхассульского времени (пещеры Нахал-Мишмар, Нахал Квана). Среди сотен медных изделий, наряду с многочисленными орудиями и предметами вооружения (булавами, долотами, топорами и пр.), они включали церемониальные объекты, поражающие сложностью и высоким уровнем их изготовления. Предполагается (и не без основания), что эти драгоценности принадлежали храмам и были скрыты в пещерах при угрозе вражеского вторжения (Мерперт, 1998, с. 95, 97). Комплекс подобный гхассульским святилищам был обнаружен, кроме того, при раскопках позднеэнеолитических слоев Библа.

Архаичные храмовые сооружения Палестины уже долгое время привлекают к себе пристальное внимание исследователей (Mallon et al., 1938; Koeppel, 1940; Wright, 1971; Kenyon, 1979; Mazar, 1990;

Мерперт, 1998; 2000 и др.). Для гхассульской традиции культового строительства отмечается бóльшая вариативность в выборе типов строений, их оформлении и специфике функционирования (подробнее см.: Антонова, 1990, с. 184–189) по сравнению с относительным единообразием «протохрамов» Убейда.

Действительно имеющиеся на сегодняшний день материалы убейдского времени свидетельствуют о том, что в конце данного периода архитектура, как и другие категории материальной культуры, достигла определенной степени стандартизации на всей территории Месопотамии. Показательны в этом отношении результаты сравнительного анализа Храма 2 Урука и Храмов XI–VI Эреду, проведенного С. Кабба по особой методике с привлечением материалов из других убейдских поселений. В частности, С. Кабба установил широкое использование в строительстве Убейда устойчивых пропорциональных отношений (хорошо известных и современным архитекторам), применение стандартных геометрических сеток при планировании, распространение общей единицы измерения — «убейдского локтя», равного 72 см. Последнее изобретение в Месопотамии несколько опередило появление подобных единиц измерения в Египте[1]. Вместе вышеназванные показатели отражают высокий уровень математических и геометрических знаний, хранителями которых в период Убейд, очевидно, являлись, как и в более позднюю письменную эпоху, представители жречества. Именно с этапа Убейд, по мнению С. Каббы, можно с уверенностью говорить о развитии архитектуры в Месопотамии, а не просто об осуществлении строительства (Kubba, 1990).

Различные варианты «трехчастного» типа планирования использовались убейдцами и при возведении жилищ на некоторых поселениях, и при сооружении построек неординарных, выдающихся. О том, что последние из названных были зданиями общественными, а не являлись, как высказывалось ранее предположение (Aurenche, 1982, p. 253–257), резиденцией лидеров, говорит общий характер имеющихся данных, указывающий на поддержание «видимой эгалитарности», и установление «примитивной демократии» в убейдском, а также урукском обществе на переходном этапе от поздней первобытности к раннеклассовым государственным образованиям.

Наилучшим образом сохранились неординарные постройки позднеубейдского времени Эреду, которые своими морфологическими и топографическими характеристиками сопоставимы с синхронными им выдающимися зданиями Урука и Тепе Гавры. Четкая разработанность планировки, аналогичной планировке более поздних шумерских храмов, наличие элементов не только конструктивного, но и символического характера, существование подиумов, напоминающих позднейшие

---

[1] Использование стандартной меры — «королевского локтя» (52,3–52,5 см) — в Древнем Египте фиксируется начиная с эпохи первых династий (Badawy, 1965, p. 21).

алтари, следы совершения обрядовых действий, наконец, расположение последовательности таких, сильно отличавшихся от обычных, зданий в Эреду и Уруке на одном том же месте с периода Убейд 3–4 вплоть до шумерских времен — все это послужило основанием для интерпретации их первыми исследователями в качестве сакральных сооружений. Тем не менее в настоящее время вопрос о предназначении данных строений в качестве культовых продолжает оставаться дискуссионным (Aurenche, 1981; 1982; Roaf, 1984; Forest, 1987; Антонова, 1998, с. 46–54; 1998а, с. 6–7 и др.).

Например, Ж-Д. Форест полагает, что убейдское общество было слишком слабо структурировано для того, чтобы храмы могли существовать (Forest, 1987). Тогда как Дж. Отс, Дж. Мелларт и многие другие исследователи неоднократно отмечали, что обширные поселения убейдской эпохи (до 11 га площади), торговля на далекие расстояния с регионом Персидского залива, Сирией и Ираном, использование ирригационной системы сигнализируют о растущей потребности и даже наличии централизованной власти (Мелларт, 1982, с. 121–124; Oates, 1983; Mellaart, 1994, 436–437).

Е. В. Антонова, рассматривая разные категории материальных свидетельств, доказывает существование уже в это время элитарных семей и считает неправомерным отрицать относительную структурную сложность убейдского общества, памятники искусства которого отвечают признакам искусства предклассового времени (Антонова, 1991, с. 6; 1998а, с. 9).

Весьма выразительной группой источников для освящения поставленной проблемы служат печати позднеубейдского периода с изображением «вождя-жреца» и обрядовых сцен, которые происходят из северных районов Месопотамии, где традиция изготовления печатей-штампов известна с эпохи докерамического неолита. Появление печатей с антропоморфными рисунками фиксируется уже по материалам памятников самаррской культуры **(рис. 76, 100)**, но в значительном количестве такие объекты были впервые получены из позднеубейдских и урукских слоев Тепе Гавры **(рис. 101–103)**. Здесь антропоморфные изображения включают как одну, так и несколько фигур.

В слое XIII Тепе Гавры найдены печати с изображением человека с козлиной головой или козлиными рогами, в позе танца или обращения к высшим силам (с поднятыми вверх согнутыми в локтях руками), в сопровождении козлов **(рис. 101.2, 6, 8)**. На одной из печатей изображены три персонажа, лишенные выраженных зооморфных черт и движущиеся влево, держась за руки **(рис. 101.7)**. Данный мотив, известный по керамике халафской и самарской культур, возможно, передает момент обрядовой пляски. Для большинства же печатей этого слоя характерны геометрические узоры, а также изображения животных — козлов, реже оленей.

В следующем, более позднем - XII уровне найдены печати и их оттиски с изображением окруженного змеями коленопреклоненного

персонажа, «бегущего» человека и двух человек, стоящих по сторонам большого сосуда, опустив в него нечто вроде палок (Антонова, 1991, с. 4–5; 1998, с. 56–57). Интересно, что последний сюжет так же, как и персонаж с козлиными рогами, известен по халафской керамике — рисунку на обрядовой чаше из могилы G2 Телль Арпачии **(рис. 72, 103.3)**.

Весьма содержательны образцы XI слоя, на которых антропоморфные персонажи изображаются исключительно как действующие лица различных сцен. На трех печатях они в брачном соединении **(рис. 103.1.2.6)**, в окружении различных зооморфных фигур и / или других объектов, как будто являясь центром мироздания. В одном варианте показано, что брачное соединение происходит на небольшом возвышении прямоугольной формы **(рис. 103.1)**.

Еще на одной печати XI уровня изображены идущие, согнутые, как бы с грузом за спиной люди **(рис. 103.4)**, на двух других — стоящий и два идущих персонажа. Среди изображений на печатях этого слоя преобладают не геометрические, а фигуративные мотивы. По замечанию Е. В. Антоновой, посвятившей несколько подробных работ анализу рассматриваемой категории объектов, ряд изображений позволяет сделать заключение, что персонажи показаны в обрядовых ситуациях. Помимо тех, в которых представлены уже упоминавшиеся брачные сцены, исследовательница отмечает еще две печати из слоев XII–XI-А как, несомненно, воспроизводящие моменты обрядовых действий. На одной из них показан человек, склонившийся над чем-то вроде «рогатого» алтаря. Здесь также помещены условные фигуры, вероятно, обозначающие приношения. На другой печати — танцующий у алтаря (?) человек с ногой животного в руке (Антонова, 1991, с. 5; 1998, с. 57).

Повторяющиеся изображения алтаря и приношений, сцена совершения «священного брака» на прямоугольном подиуме, а также некоторые другие представленные печатями Тепе Гавры свидетельства проведения обрядовых действ, предполагают существование в убейдскую эпоху общественных сооружений, специально предназначавшихся для отправления культа. Имеются серьезные основания считать, что такими зданиями являлись выдающиеся строения определенного вида Эреду, Урука, Тепе Гавры, возможно, Телль Абада. Симптоматично, что сами печати, как и сложных форм фишки, которые служили для учета объектов различных категорий (ряд исследователей их непосредственно связывает с происхождением шумерской письменности), в значительном количестве происходят именно из предполагаемых храмов Тепе Гавры. Обнаруженные на территории Телль Абада наборы подобных фишек зафиксированы также исключительно в границах выдающегося по многим показателям Строения А. Все эти факты соответствуют представлению о том, что сакральные сооружения Месопотамии с дописьменных времен функционировали в качестве важных хозяйственных центров на поселениях.

Судя по комплексу убейдских археологических материалов, шумерский миф о назначении людей служить богам был актуален для

жителей Двуречья задолго до его письменной фиксации в конце III – начале II тысячелетия до н. э. Очевидно, он вырос из религиозных представлений поры разложения первобытного общества и сложения государства, когда обязанности людей по отношению к их богам, благодаря благосклонности которых они получают урожаи, имеют детей, избавляются от болезней, были осознаны в полной мере, что, в конечном счете, способствовало утверждению храмовой административной системы. Как отмечает Е. В. Антонова, появление в убейдскую эпоху печатей-штампов, с изображением рогатого персонажа, совершающего обрядовые действия, свидетельствует о наличии в убейдских поселениях лиц с особыми сакрально-управленческими функциями. Звероподобный облик персонажа как печатей на севере, так и мелкой пластики на юге ареала распространения убейдской культуры — следствие того, что в обществах, еще не порвавших с первобытной эгалитарностью, носитель власти выступал только как обладающий явными внешними признаками своих отношений с нечеловеческим, иным миром, как сакральный предводитель (Антонова, 1983, с. 94; 1998, с. 63; 1998а, с. 9). Выше отмечалось, что впервые для территории Месопотамии появление данного персонажа фиксируется рисунком на обрядовой керамике халафского времени.

Изображения же самих богов появляются на печатях Месопотамии относительно поздно, систематически лишь на позднем этапе раннединастического периода, а в основном уже в аккадское время, что соответствует и ситуации с находками скульптур, в человеческом облике представлявших божественных покровителей общины в храмовых постройках «исторического» Двуречья. Одна из причин отсутствия подобных изображений богов в архаических культурах, полагают исследователи, в том, что первоначально они не имели визуально антропоморфного облика, будучи сращены с явлениями, которые впоследствии стали олицетворять. Их присутствие в храме передавалось посредством различных знаков и действий (Дьяконов, 1990, с. 70; Антонова, 1991, с. 15; Якобсен, 1995, с. 15–19 и др.). Однако в настоящее время нам доступны материалы архитектурно оформленных святилищ эпохи докерамического неолита, дающие убедительную информацию о нахождении в этих постройках крупномасштабных скульптур и украшенных рельефами стел, в ряде случаев имевших антропоморфный облик и, весьма вероятно, служивших изображениями божеств. Как представляется, в период керамического неолита — энеолита под воздействием отмечавшихся трансформаций материальной и духовной жизни ранних земледельцев данная религиозная традиция художественного оформления стел и пилястр в виде антропоморфных существ или нанесения на них зооморфных символов на долгое время была утрачена и возродилась лишь в «историческую» эпоху развития Месопотамии. В то же время, как выясняется, именно с эпохи Убейд в Месопотамии прочно закрепляется известный еще с ранненеолитического времени обычай символического украшения храмовых, а позже и го-

родских стен пилястрами для ритуальной защиты святилищ и населения города. Эта традиция обязательного установления стел, маркирующих священное пространство, в сооружениях культового назначения продолжается и в шумерское время, что подтверждают самые ранние из известных на сегодня строительных записей-гимнов в честь возведения храма так называемые тексты Гудеа. В них сообщается, что завершалось грандиозное строительство установлением шести стел в различных частях храма. Причем стелы имели охранительное значение, а символика их была связана с древнейшими (не активными уже к тому времени) богами и героями (Емельянов, 2003, с. 82–83)[1]. И еще одна весьма важная деталь: схематическое изображение храма

---

[1] Пользуясь случаем, мы выражаем свою признательность Владимиру Владимировичу Емельянову за любезно предоставленную им возможность полностью ознакомиться с содержанием этого текста, а также за подробные разъяснения относительно тонкостей перевода.

Речь идет о следующем отрывке из Цилиндра А Гудеа (XXIII 8– XXIV 7):

[625]*A23.8*na kisal mah-a <im>-mi-ru$_2$-a-na
Стелу, в большом дворе установленную,
[626]*A23.9*na-ru$_2$-a lugal kisal si
Стела “Царь, двор наполняющий,
[627]*A23.10*Gu$_3$-de$_2$-a en ^{d}Nin-gir$_2$-su-ke$_4$
владыка Нингирсу, Гудеа
[628]*A23.11*Gir$_2$-nun-ta mu-zu
в Гирнуне узнал”
[629]*A23.12*na-ba mu-še$_3$ im-ma-sa4
стелу эту именем назвал.
[630]*A23.13*na Ka$_2$-sur-ra bi$_2$-ru$_2$-a
Стелу, в (воротах) Касура установленную,
[631]*A23.14*lugal a-ma-ru dEn-lil$_2$-la$_2$
“Царь, потоп Энлиля,
[632]*A23.15*gaba šu gar nu-tuku
соперника не имеющий,
[633]*A23.16*Gu3-de2-a en ^{d}Nin-gir$_2$-su-ke$_4$
владыка Нингирсу, на Гудеа
[634]*A23.17*igi zid mu-ši-bar
благосклонный взгляд бросил”
[635]*A23.18*na-ba mu-še$_3$ im-ma-sa$_4$
стелу эту именем назвал.
[636]*A23.19*na igi ud ed$_2$-a-<ka> bi$_2$-ru$_2$-a
Стелу, лицом к восходу (Солнца) установленную,
[637]*A23.20*lugal ud gu$_3$ di ^{d}En-lil$_2$-la$_2$
“Царь, ревущий шторм Энлиля,
[638]*A23.21*en gaba-ri nu-tuku
соперника не имеющий,
[639]*A23.22*Gu$_3$-de$_2$-a en ^{d}Nin-gir$_2$-su-ke$_4$
владыка Нингирсу Гудеа
[640]*A23.23*šag$_4$ kug-ge bi$_2$-pad$_3$
Святым сердцем избрал”
[641]*A23.24*na-ba mu-še$_3$ im-ma-sa$_4$
Стелу эту именем назвал.

на священных рельефах и рисунках шумерскими мастерами передавалось через изображение двух украшенных стел / столбов, перед которыми часто можно увидеть бога или богиню (см., например, рисунок на знаменитой алебастровой вазе из Урука, начало III тыс. до н. э.). Такое упрощенное изображение храмовой постройки в виде двух изначальных священных столбов соответствует известному закону семантики обозначения целого его главной частью. Конечно, символически украшенные стелы эпохи докерамического неолита, возводимые в общественных постройках культового характера на поселениях Северной Месопотамии, по своему значению сильно отличались от стел и пилястр, присутствовавших гораздо позднее в убейдских и шумерских храмах. Последние сохранялись традицией уже как обязательные охранительные элементы храмового убранства на основе определенных сакральных знаний, накопленных опытом многих предшествовавших поколений.

Стоит отметить, что, несмотря на использование «трехчастного» типа планирования одновременно при сооружении жилых домов и храмов на поселениях убейдского времени, отличия между этими видами строений весьма существенны. Конструктивные детали культовых зда-

---

[642]*A23.25*na igi Šu-ga-lam-ma-ka bi$_2$-ru$_2$-a
Стелу, установленную перед Шугаламом,
[643]*A23.26*lugal mu-ni-še$_3$ kur tuk$_2$-tuk$_2$-e
"Царь, при имени которого горы дрожат,
[644]*A23.27*Gu$_3$-de$_2$-a en ^{d}Nin-gir$_2$-su-ke$_4$
владыка Нингирсу
[645]*A23.28*gu-za-ni mu-gi
сделал трон Гудеа прочным"
[646]*A23.29*na-ba mu-še$_3$ im-ma-sa$_4$
стелу эту именем назвал.
[647]*A23.30*na igi E$_2$-uru$_{18}$-ga-ka bi$_2$-ru$_2$-a
Стелу, перед Эуругой установленную,
[648]*A24.1*Gu$_3$-de$_2$-a en ^{d}Nin-gir$_2$-su-ke$_4$
"Владыка Нингирсу Гудеа
[649]*A24.2*nam dug$_3$ mu-ni-tar
благую судьбу определил"
[650]*A24.3*na-ba mu-še$_3$ im-ma-sa$_4$
Стелу эту именем назвал.
[651]*A24.4*na a-ga ^{d}Ba-u$_2$-ka bi$_2$-ru$_2$-a
Стелу, в покоях (?) Бау установленную,
[652]*A24.5*E$_2$-ninnu igi an-na-ke$_4$ zu
"Взор Ана Энинну знает,
[653]*A24.6d*Ba-u$_2$ zi šag$_4$ gal$_2$ Gu$_3$-de$_2$-a
Бау – источник жизни Гудеа"
[654]*A24.7*na-ba mu-še$_3$ im-ma-sa$_4$
Стелу эту именем назвал.

Все памятники, поставленные Гудеа в различных частях храма, названы по-шумерски na «камень» (— ru$_2$-a «посвященный»), один раз na-ru$_2$-a «стела». Безусловно, речь здесь идет о вертикальном столбе — посвятительном памятнике, имеющем для царя охранительное значение.

ний хорошо продуманны и включают в себя символическое украшение стен регулярно чередующимися выступами и нишами; как правило, специальные возвышения, устройства и/или места для жертвоприношений, находящиеся на центральной оси зала; иногда ниши и/или примыкающие к стенам глиняные скамьи. Общий план таких сооружений симметричен. Центральное помещение занимает заметно большее пространство от общей площади постройки, чем в жилых домах. Присутствуют следы регулярных жертвоприношений, коллективных трапез. Безусловно, важным моментом представляется особая трудоемкая подготовка участков перед строительством культовых зданий. В Эреду и Уруке фиксируются первые свидетельства сложения традиции возведения храмов более позднего времени на месте своих предшественников, руины которых заключались в специально построенную платформу. Материалы XIII слоя Тепе Гавры выразительно показывают, что перед сооружением «акрополя» вся территория, впоследствии им занятая, была тщательно нивелирована. О. Оранж подчеркивает, что такие здания являлись «изолированными» по отношению к остальным постройкам на поселениях. Это достигалось разными способами: или вокруг неординарных сооружений сохранялось свободное пространство, как это зафиксировано в Тепе Гавре и Телль Абада, или дифференциация отражалась более высоким уровнем их расположения, что было достигнуто путем сооружения платформ в Эреду и Уруке (Aurenche, 1982, p. 253). Вместе с тем использование общего типа «трехчастного» планирования и для жилых домов, и для храмовых зданий в убейдский и следующий за ним период развития Месопотамии соответствует известному значению храмов как «домов божеств», сохранявшемуся на протяжении всей истории Древнего Двуречья. Нет сомнений в том, что первый устойчивый тип храмового строения в предшумерской цивилизации сложился при взаимодействии с домашней архитектурой.

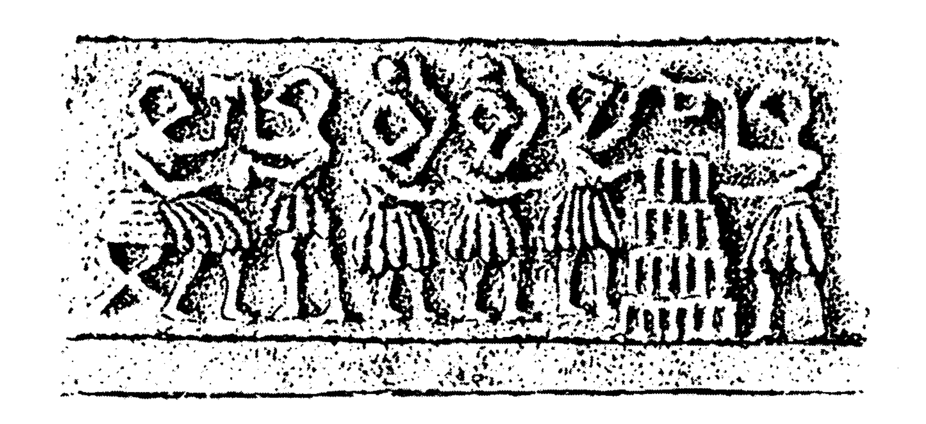
Прямая преемственность между убейдской и урукской культурами выразительно фиксируется строительными остатками соответствующих памятников Двуречья. Урукская архитектурная традиция непосредственно проистекает из сложившихся в Убейде принципов и приемов возведения зданий жилого и особого назначения, общего расположения построек на поселении. «Трехчастный» тип планирования сохраняется господствующим в урукскую эпоху. Архитектура храмов, несомненно, продолжает и развивает традиции Убейда. Об этом свидетельствуют как раскопки прежних лет в Уруке, Эреду, Укаире, Телль Браке, так и относительно недавние широкомасштабные исследования сирийских памятников Джабель Аруды и Хабубы Кабиры. Судя по материальным источникам, внешнее противопоставление между обычными домами и храмово-административными зданиями в урукских поселениях заметно усиливается. Храмы и находящиеся с ними рядом вспомогательные постройки начинают образовывать целые, очевидно, заранее спланированные ансамбли. И прецедент подобной организации уже известен для позднеубейдской эпохи. Таким комплексом

являлся «акрополь» XIII уровня Тепе Гавры. Данные, полученные при раскопках крупных южномесопотамских колоний позднеурукского времени в районе среднего течения Евфрата — Джабель Аруды и Хабубы Кабиры, свидетельствуют о применении схожих планировочных решений, осуществлявшихся в тех случаях, когда была возможность строить на широких площадях.

Так, Хабуба Кабира простирается на расстоянии более 1 км вдоль берегов Евфрата, общая площадь занимаемая им — 18 га. На всем протяжении поселок был укреплен с запада — со стороны суши — крепостной стеной с двумя монументальными воротами. Его храмово-административный центр доминирует над хорошо спланированным городом, который был построен в соответствии с предварительным планом. Жилые кварталы, состоящие из «трехчастных» домов различных размеров, располагались вдоль улиц и улочек, направленных параллельно или перпендикулярно линии крепостной стены. Отмеченный храмово-административный центр, представлявший собой целый комплекс величественных монументальных строений, размещался в южном районе изолированно, почему археологи и приняли его сначала за самостоятельное поселение. По своим архитектурным характеристикам некоторые из сооружений «акрополя» Хабубы Кабиры явно соответствуют «трехчастным» позднеубейдским и урукским культовым строениям. На основании обнаруженных там свидетельств заполнения, внутреннего устройства и оформления помещений в настоящее время исследователи интерпретируют эти здания в качестве храмов (Finet, 1975; Strommenger, 1980; Aurenche, 1982; Vallet, 1997).

В 10 км вверх по течению Евфрата раскапывалось во многих отношениях похожее на Хабубу Кабиру поселение Джабель Аруда. План исследованной части этого памятника показывает тот же принцип отделения особого района свободным пространством от жилых кварталов города и даже ограждение его стенами. «Акрополь» Джабель Аруды включал массивные и весьма компактные по занимаемой площади «трехчастные» храмы южно-месопотамского типа, стены которых сохранили следы украшения пилястрами (Van Driel, Van Driel-Murray, 1983; Mellaart, 1994, p. 439).

В целом на основании имеющихся на сегодняшний день материалов можно констатировать, что определенный тип храмового строительства формировался в течение длительного периода на поселениях убейдского времени. Впоследствии он был воспринят и усовершенствован жителями урукских городов. Фиксация археологическим путем остатков функционирования определенного вида храмовых построек в удаленных на сотни километров друг от друга убейдских, а позже и урукских поселениях свидетельствует о распространении единой традиции храмового строительства в эту эпоху на всей территории Месопотамии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, доступные на сегодняшний день археологические свидетельства дают основания полагать, что ранние этапы формирования традиции строительства специальных культовых зданий на поселениях Двуречья следует относить к дописьменному периоду. Соответственно храм как особый исторический феномен не возникает в собственно Шумере, где он впервые фиксируется письменными источниками. В своем происхождении храм, очевидно, явился результатом эволюции и достижений всей сложноорганизованной системы обществ раннеземледельческих культур региона.

Последовательно нами были рассмотрены определенного типа неординарные сооружения культур дописьменного периода и раннеземледельческих этапов развития месопотамского общества. Комплексные данные многих из этих строений свидетельствуют об особом сакральном их выделении на поселениях. Часть зданий с большой долей уверенности можно интерпретировать как специально культовые. Проведенная систематизация материалов дает возможность не только выявить характерные черты существования таких построек в рамках отдельных культур и периодов, что было сделано в соответствующих главах исследования, но и увидеть особенности формирования традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху в целом.

Имеются все основания предполагать, что истоки длительного пути развития архитектурного оформления культа древних от «алтаря под открытым небом» до величественных храмовых комплексов с вековыми традициями непосредственно связаны с глобальными процессами «неолитической революции», которая по праву считается исходным пунктом на пути к появлению цивилизации вообще. Такие факторы «неолитической революции», как освоение земледелия, скотоводства, расширение орудийного репертуара, оседлость, появление домостро-

ительства и протодеревень, усложнение социальной организации, новые открытия в познании природы и, наконец, изменения в духовной жизни древнего человека, явились предпосылками для создания первых общественных культовых зданий, позже — храмов.

Именно для начальной стадии неолита — периода PPNA — одним из признаков изменений в сознании человека, фиксируемых по материальным свидетельствам, является изменение его отношения к жилым помещениям. Символическое оформление парами глиняных колонн центральной части помещений «жилищ-святилищ» в Гермез Дере и Немрик IX, как и обнаруженные в данных сооружениях захоронения, служат доказательством культового восприятия дома в ту эпоху, очевидно, в качестве центра «большой» семьи, родового святилища, места, непосредственно связанного с родителями (прародителями) людей там проживавших. Претерпевая значительные изменения, традиция функционирования домашних святилищ была продолжена в Месопотамии через века и тысячелетия. О существовании домашних культовых помещений свидетельствуют древнейшие письменные источники Двуречья, в том числе относящиеся к началу второго тысячелетия до н.э. — известны из Ура. В таких помещениях отправляли обряды в честь предков и семейных богов-покровителей (ИДВ, 1983, с. 149; Антонова, 1990, с. 212, 225).

Постепенно с установлением преобладания территориального принципа социальной организации над кровнородственным представления о сакральном центре мироздания переносятся из родовых домов-святилищ на общественные сооружения религиозного назначения — «жилища божеств», в места обитания сверхъестественных покровителей общин и территорий ими освоенных.

Как известно, архитектурные свидетельства служат одними из важнейших источников при исследовании изменений, происходивших во внутренней структуре общины. В частности, возведение монументальных сооружений считается общепризнанным критерием существования неких древнейших механизмов организации и контроля. Первыми общественными сооружениями эпохи раннего неолита явились окружные стены поселков, террасы, площади и постройки культового назначения. Функционирование последних из названных конструкций на поселениях докерамического неолита у отдельных исследователей до настоящего времени вызывает сомнение. Принимая в какой-то степени первую часть вывода Е. С. Бондаренко о том, что «для неолитического периода невозможно определить различия между общественными и культовыми постройками», поскольку в ту эпоху все общественно важные сооружения на поселении так или иначе наделялись сакральным значением и были магически защищены; мы никак не можем согласиться со второй: «... в это время еще не происходит оформление культовой сферы или фиксации этого оформления» (Бондаренко, 2000, с. 9). Материалы, представленные в первой главе настоящей работы, опровергают данное заключение.

Прецедент символического украшения черепом зубра неординарного здания слоя 1 Халлан Чеми (эпоха PPNA) свидетельствует о том, что подобные сооружения функционировали, по крайней мере, на некоторых долговременных поселениях с самого начала их появления в Верхнем Двуречье. Данная практика продолжила свое развитие в последующий период, что было подтверждено серией блестящих открытий на памятниках переходного PPNA / PPNB этапа и собственно периода PPNB. Раскопки Жерф эль Ахмара, Чейеню Тепеси, Невали Чори и Гебекли Тепе предоставили свидетельства существования в ту эпоху особых мест и специальных культовых сооружений с достаточно сложной и продуманной системой оформления. Рассмотренные в первой главе материалы показывают, что уже на данном этапе развития верхнемесопотамского общества, к началу периода докерамического неолита В, религиозная архитектура не только выделилась как особая область строительной деятельности, но и достигла определенной степени стандартизации в обширном регионе Южного Тавра. Вместе с тем анализ имеющихся источников показал, что в ранненеолитический период на территории Верхней Месопотамии и сопредельных с ней районов функционировали различные виды сакральных мест и строений, многие из которых непосредственно соприкасались с хозяйственной и домашней сферой деятельности человеческих коллективов их создававших.

Последовательные открытия общественных зданий религиозного назначения, сооруженных с учетом определенных архитектурных традиций на поселениях Северной Месопотамии ранненеолитического времени, подтверждают гипотезу о том, что возведение величественных храмовых комплексов в городах-государствах Шумера и Аккада имеет глубокую предысторию в дописьменных культурах Ближнего Востока и в частности Двуречья. Четкое выделение сакральных участков из поселенческого контекста, преемственность в выборе места и плана конструкции культовых строений, включение элементов предыдущих зданий в последующие, специфичное оформление их внутреннего пространства: наличие скульптур и рельефов, стел (или колонн), ниш, «подиумов», «алтарей», т. е. все то, что так выразительно представлено в материалах названных памятников периода докерамического неолита, всецело присутствует и в культовой архитектуре древнейших городов «письменной» Месопотамии, появившейся несколькими тысячелетиями позже.

Определенный спад духовного и заметные изменения материального уровней развития при переходе северомесопотамских сообществ от времени PPN к эпохе керамического неолита, совпавший с массовым распространением раннеземледельческих поселений из области Плодородного Полумесяца в центральные районы Двуречья, несомненно, повлиял и на особенности эволюции культового строительства в регионе. Судя по имеющимся материалам, наступил даже некоторый перерыв в практике возведения специальных культовых сооружений на раннеземледельческих поселениях Северного Двуречья. Вместе с тем

источники фиксируют, что уже в VI–V тысячелетии до н. э. происходило постепенное складывание базового комплекса основных характеристик функционирования более поздних храмовых организаций шумерского времени. Свидетельства поздненеолитических и энеолитических памятников Двуречья, рассмотренные во второй и третьей главах настоящей работы, указывают на участие многих культурных компонентов как юга, так и севера в формировании данного комплекса.

В северных и центральных областях довольно четко с древнейших эпох прослеживается традиция совмещения общественно значимых хозяйственных центров (хранилищ, производственных районов, обменно-торговых пунктов) с сакрально выделенными участками и строениями на поселениях. Следы совершения жертвенных закладов, экстраординарных захоронений, других ритуальных действий, как и особенности расположения, маркируют такие бифункциональные районы и постройки дописьменного времени. Позднее на территории всей Месопотамии эта традиция имела продолжение в убейдский, урукский и раннединастический периоды.

Ведущая роль в утверждении общего типа архаичных храмовых сооружений Месопотамии принадлежит культуре Убейд. В предшумерскую эпоху она распространилась с юга на всю территорию Двуречья. Убейдская экспансия на север имела, главным образом, мирный характер. Культурная ассимиляция центральных, а потом северных областей сопровождалась адаптацией убейдского комплекса к местным — самаррской и халафской — традициям. Данный процесс зафиксирован, в частности, своеобразием конструкции и особенностями функционирования строений культового назначения Верхней Месопотамии.

И. М. Дьяконов выделил четыре основных строительных принципа, которые сложились к концу убейдского времени на территории Двуречья и стали традиционными для почти всей позднейшей культовой архитектуры Месопотамии:

1) постройка святилища на одном месте (т. е. все более поздние перестройки включают в себя все предшествующие, и здание, таким образом, никогда не переносится);

2) высокая искусственная платформа, на которой стоит центральный храм и к которой ведут лестницы или пандусы;

3) трехчастная планировка храма с центральным помещением, представляющим собой открытый сверху внутренний дворик (или зал), вокруг которого группируются боковые пристройки;

4) членение наружных стен храма, а также платформы (или платформ) контрфорсами или пилястрами, выступающими на равном расстоянии друг от друга и образующими правильное чередование ниш и выступов (ИДВ, 1983, с. 150–151).

Можно отметить, что строительство культовых сооружений на местах своих предшественников практиковалось и практикуется довольно широко. При этом не случайным представляется то, что обычай возводить храмы на платформе возникает именно в Южной Месо-

потамии (на родине Убейда), в так называемом районе «глиняных цивилизаций». В этом бедном ресурсами регионе, где почти отсутствовала древесина и совершенно не было строительного камня, глина и тростник на протяжении тысячелетий служили основным материалом для строительства. Возведенные из этих материалов, даже тщательно сделанные постройки, которые старательно поддерживались в хорошем состоянии, по прошествии нескольких десятилетий все равно приходилось полностью заменять. И если камень или дерево можно вторично использовать для строительства или каких-либо других бытовых нужд, то побывавшие в употреблении глина и тростник для таких целей уже не подходят. Современные арабы в случае заинтересованности участком остатки пришедшего в негодность глиняного сооружения сравнивают с поверхностью, в противном случае оставляют эту работу дождям и ветру. Возводившиеся каждый раз на месте расположения своих глиняных предшественников культовые здания Убейда так или иначе должны были оказываться помещенными на искусственную возвышенность. И при каждом последующем возобновлении площадка, на которой возводилась постройка, располагалась выше прежней, так что, в конце концов, образовалась терраса. До сих пор не удается окончательно установить, как утверждалась традиция сооружения платформы в дальнейшем — в результате целенаправленных действий или как непредвиденный результат перестроек на старом месте, поверх утрамбованных обломков предыдущего здания. Как бы то ни было, констатирует Э. Кленгель-Бранд, к концу IV тысячелетия до н. э. терраса стала признанной архитектурной формой и сознательно сооружалась при каждой очередной перестройке (Кленгель-Бранд, 1991, с. 34). Дальнейшее превращение храма на платформе в зиккурат в значительной мере следует связывать, как с данной архитектурной традицией, из которой и возникло стремление строить высокие храмы, подчеркивая тем самым древность и исконность происхождения общины, так и с желанием приблизить святилище к небесному обиталищу бога (ИДВ, 1983, с. 150–151). Свидетельства, полученные археологами в таких памятниках как Абу Шахрайн и Варка, наглядно иллюстрируют этот процесс.

Знаменитые раскопки в Эреду на юге Двуречья, в очаге распространения убейдской культуры, предоставили возможность проследить основные этапы становления убейдской религиозной архитектурной традиции от начальных периодов ее развития вплоть до шумерских времен. Белым пятном археологического исследования отмечен перерыв XIV–XII уровней в последовательности выявления остатков архаичных храмов, которые были обнаружены в шурфе под зиккуратом эпохи III Династии Ура. Данный перерыв отделяет свидетельства более ранних однокомнатных сооружений от остатков последующих культовых строений «трехчастного» плана позднеубейдского и урукского времени. В результате проведенного в третьей главе настоящей работы анализа по ряду наиболее устойчивых характеристик была подтверждена преемственность между этими сооружениями от древней-

ших к последующим. Не исключено, на наш взгляд, что «трехчастный», включая Т-образный, тип планирования зданий позднеубейдского времени, который, по крайней мере, в центральном районе Месопотамии использовался и для жилых строений, был заимствован убейдцами, как и некоторые другие технические достижения в строительстве у носителей самаррской культуры.

Сравнительный анализ архитектурных свидетельств позднеубейдского времени Эреду, Урука, Тепе Гавры и памятников Хаминского района позволил определить основные характеристики неординарных общественных сооружений, которые по многим признакам явно отличались от остальных строений на поселениях, что подчеркивалось и особым местом их расположения. О том, что эти постройки были культовыми по своему характеру, наиболее выразительно свидетельствует:

– нахождение в их пределах следов совершения многоразовых жертвоприношений, самые важные из которых проводились, как правило, в центральных символически оформленных помещениях или в специальных конструкциях, располагавшихся на территории святилищ;

– археологически зафиксированная в Эреду и Уруке преемственность в выборе места для возведения культовых строений на протяжении длительного времени, возникновение на определенном этапе традиции включения остатков предшествовавших построек в особые платформы их преемников, позднейшие из которых интерпретируются уже при помощи письменных источников как несомненные храмы;

– наконец, тот факт, что выявленный тип неординарных сооружений убейдского времени, а также принципы расположения подобных построек на поселениях были восприняты и усовершенствованы в последующие, в том числе письменные, ериоды истории Месопотамии для возведения храмовых зданий в ранних городских центрах, на что указывают материалы Эреду, Урука, Укаира, Тепе Гавры, Хабубы Кабиры, Джабель Аруды и некоторых других памятников.

Все перечисленные данные подтверждают предположение о культовом назначении рассмотренных в третьей главе определенного типа неординарных убейдских строений, которые, судя по всему, функционировали в качестве древнейших храмов на названных поселениях Двуречья.

Весьма показателен длительный путь, по которому шел поиск оптимальной модели месопотамского храма на протяжении всего рассмотренного периода: от углубленных в землю общественных святилищ докерамической эпохи, связь которых с жилищами архаичного вида несомненна до так называемых высоких храмов позднеубейдского времени, возводившихся на специальной платформе. Именно на базе последних сформировалась надолго утвердившаяся впоследствии модель храмовой постройки «исторического» Двуречья — зиккурат, символически отражавшая в виде ступенчатой башни образ мировой горы, соединяющей Небо и Землю.

Подводя общий итог исследованию, отметим, что формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в до-

письменную эпоху было процессом сложным и длительным, не однолинейным по своей направленности и явилось результатом развития целого ряда раннеземледельческих сообществ региона. Можно выделить два крупных этапа на этом пути: период докерамического неолита (Северная Месопотамия) и эпоху утверждения первых полностью сложившихся земледельческих культур специфически равнинного типа, занимавших уже значительные сплошные постоянно расширяющиеся территории на севере, в центральных и южных областях Двуречья. Завершился данный процесс, когда долгое время существовавшие уже в раннеземледельческих культурах предпосылки появления специальных культовых сооружений на протогородской стадии месопотамской истории слились в единый архитектурно оформленный комплекс. Сопоставимые свидетельства оформления такого комплекса зафиксированы раскопками как на юге, так и на севере Двуречья. Именно с этого времени храмовые организации утверждаются как крупные религиозные и административно-хозяйственные центры на древнейших месопотамских поселениях городского типа.

SUMMARY

From the very beginning temples in Mesopotamia played the key role in the community's economic, political and religious life. This fact explains great attention given to studying different aspects of temple organization in ancient Mesopotamia. Thus, studies of earliest religious architecture including the buildings of prehistoric, Late Uruk and Early Dynastic periods are considered most important in archeology of Mesopotamia. Nevertheless, studying special ritual buildings located in the earliest farming villages of Mesopotamia is not as widely spread as the research into cult architecture of later periods, Uruk and Early Dynastic. Absence of written sources of information alongside with vague criteria for determining material signs of the prehistoric sacral construction make the process of defining some archaeological evidence as sacral for the community very difficult. The identification of the remains of sacral buildings is based on different details. As a rule, archaic cult buildings differed from dwelling houses in size, sometimes in building material, location, special decoration and interior, and traces of ritual actions performed. It was common practice to construct such buildings in the same place for a very long period of time, which can be proved by archeological evidence.

The theoretical basis of my research is represented by archeological reports and publications on excavations in the earliest farming settlements of Mesopotamia (the end of IX – the first half of IV millennium BC). This period can be characterized as one of the stages in the history of the ancient Mesopotamian society development, from the earliest farming villages up to the first city-states. There were 24 sites chosen for thorough analysis, taking into consideration time and space limits. All the sites are proved to be ritual ones. The informational value of archeological evidence is not always the same due to some concrete methods of finding and registering the evidence used by archeologists in excavations, the length of period of field studies and also to the quality of works and publications.

The key point in the research is a system approach towards interpreting the data as archeological evidence of the indivisible system of Mesopotamian and the whole Near East region earliest farming communities. Within the system there was a complicated and complex interaction between different population groups, and thus there appeared certain conditions and prerequisites for the ancient Mesopotamian society

to move on to a new stage of social development, the stage when temple construction was one of its characteristic features.

I consider it wise to use not only material evidences proving the existence of cult constructions in the course of the research, but also some extra data about the sites, especially about their architecture and settlement structure. With the absence of written sources, only the whole complex of material evidences can offer reliable information to determine the function of the settlements' non-ordinary constructions.

I am aware of the fact that the materials at our disposal are not sufficient. There are still quite a number of information gaps discovered in the course of the research. Yet a wide range of evidence and, which is even more important, familiarizing with the latest discoveries enables us to give an overview of the way cult construction traditions were forming on the territory of ancient Mesopotamia.

I have every reason to believe that a long way of ancient cult architecture development from open-air altars to grand temple buildings with century-old traditions is directly linked to global processes of the Neolithic Revolution, which is rightfully considered to be the cradle of civilization. The following factors of the Neolithic Revolution appeared to be the prerequisites for making the first cult buildings and, later on, temples: farming, cattle breeding, more tools and implements, settled way of life, house building, social organization development, environmental discoveries and finally changes in the ancient man's spiritual life.

According to material evidence one of characteristic features of Neolith (PPNA period) is a change in people's attitude towards home. Symbolic decoration of the central part of houses with pairs of columns in Qermes Dere and Nemrik IX, as well as burial places found in the buildings prove that people saw home as the centre of a big family, ancestral shrine, and a place closely linked to parents, ancestors who had lived there before (Watkins, 1992). The tradition of a shrine house in Mesopotamia, although undergoing some grand changes, lasted through centuries and millenniums. Various rituals and ceremonies in honour of ancestors and family patron deities were performed in shrine houses.

As time passed the territorial principle of social organization prevailed over the family one, and people started to see the sacral centre of the universe not in shrine houses, but in specially designed religious buildings — «houses of deities», places where communities' supernatural patrons lived.

It is common knowledge that archeological evidence serve as main source for studying inner changes in communities. Thus, monumental buildings construction is considered to be a generally recognized criterion of some ancient organization and control mechanisms existence. The first public buildings of the Neolith period were village fences, terraces, squares and cult buildings. The precedent of decorating the 1st level of Hallan Çemi (PPNA period) with an aurochs' skull proves that such buildings functioned in at least some settlements since they had appeared in Upper Mesopotamia. The practice continued during the next period which can be

proved by a series of striking discoveries made at the sites of PPNA/PPNB period of transition and PPNB period. Excavations in Jerf el Ahmar, Çayönü Tepesi, Nevali Çori and Göbekli Tepe offered evidence proving that in those times there existed special cult places and buildings carefully and thoughtfully designed and decorated. Analysis of materials presented in the Chapter I shows that by the beginning of Aceramic Neolithic B period religious architecture was not only a separate field of construction, but already had some set standards in the Southern Taurus region. On the other hand, the analysis of the sources available has shown that during the early Neolithic period in Upper Mesopotamia and some nearby regions there existed and functioned different kinds of sacral places and buildings, a number of which were closely connected with everyday household activities of people who created them.

Excavations of public religious buildings constructed in keeping with certain architectural traditions in early Neolithic settlements in Northern Mesopotamia confirm the hypothesis that the origin of grand temple complexes in the city-states of Sumer and Akkad is in the Middle East prehistoric cultures, Mesopotamia in particular. A special area for sacral places in a settlement and a certain plan of construction used for a long time, elements of previous buildings used in new ones, special interior with sculptures and relieves, columns, niches, "podiums" and "altars", — all these can be seen at the sites of the Aceramic Neolithic Period, as well as in the cult architecture of a few millenniums later Mesopotamia.

A certain decline in spiritual life and some changes in living standards during the transition period of Northern Mesopotamian communities from PPN to the epoch of Pottery Neolith alongside with mass spreading of earliest farming settlements from the Fertile Crescent to the central parts of Mesopotamia undoubtedly influenced the cult construction evolution process. According to the evidence people of Northern Mesopotamian earliest farming settlements even stopped constructing special cult buildings for a while. At the same time, in VI–V millenniums BC there was a gradual development of basic characteristic features of Sumer period temple complexes functioning. Evidence of Late Neolithic and Chalcolithic sites in Mesopotamia analyzed in Chapters II and III show that quite a number of cultural components of both the North and the South took part in forming the complex.

Since ancient times in northern and central parts there had been a tendency of combining important economic centers like storehouses, industrial areas, exchange and trade points with sacral places and buildings in settlements Hallan Çemi, Umm Dabaghiyah, Tell es-Sawwan, Tell Arpachiyah, Yarim Tepe I, II, III, Tell Sabi Abyad, Tell Abada, Tepe Gawra, etc. These bifunctional places and buildings of prehistoric time are marked by traces of sacrifices, extraordinary burials and other rituals, specific decorations and location. Later on the tradition spread around Mesopotamia.

The Ubaid culture was the leading one in archaic temple construction in Mesopotamia. During the Pre-Sumer period it came from the south and

spread around the whole territory of Mesopotamia. The Ubaid expansion was rather peaceful. There was cultural assimilation of the central and, later, the northern regions and, at the same time, the adaptation of the Ubaid culture to local Samarran and Halaf traditions. Specific design of cult buildings and some peculiarities of their functioning in Upper Mesopotamia prove this idea.

The best-preserved are constructions of the late Ubaid Eridu period. Their morphological and topographic characteristics can be compared to those of outstanding buildings of the same period, Uruk and Tepe Gawra. The first researchers interpreted such buildings different from usual ones in Eridu and Uruk as sacral due to elaborate design similar to that of Sumer temples, presence of both structural and symbolic elements, late altar looking podiums, traces of rituals performed and finally location of in one and the same place for a long time (from the Ubaid 3–4 period till Sumer times). Nevertheless, nowadays the question of using the buildings as sacral ones is still under discussion (Aurenche, 1981; 1982; Roaf, 1984; Forest, 1987; Антонова, 1998, с. 46–54; 1998а, с. 6–7, etc.).

It has to be mentioned that although the planning of both dwelling houses and temples in the Ubaid period settlements was tripartite, there are quite a few important differences between them. Structural elements of cult buildings are carefully and thoughtfully designed, with symbolic decoration of the walls with pilasters and recesses. As a rule, there is a special dais or some other place used for making sacrifices located in the center of the hall, sometimes there are niches and/or clay benches standing next to walls. The general plan of such buildings is symmetrical. The central room is much larger compared to the rest of the building than in dwelling houses. There are traces of regular sacrifices and collective meals. It is very important to mention how hard it was to prepare the cult buildings construction surface. In Eridu and Uruk there were first evidences found of the tradition of later temples being built in the same place as the previous ones, the ruins covered in a special platform. Materials of the XIII level of Tepe Gawra vividly show that before the construction of «acropolis» all the site was carefully leveled. Such buildings were isolated from the rest in a settlement. They either had some free space around them, like in Tepe Gawra and Tell Abada, or were just constructed at a higher level than dwelling houses, like platforms in Eridu and Uruk. The analysis of materials at our disposal shows that in egalitarian society with primitive democratic traditions in the Ubaid and Uruk cultures during the transition period from late primitive to early state society these buildings were public, they were not used as leaders' residences as it was previously considered (Aurenche, 1982, p. 253–257). At the same time the so-called tripartite planning for both cult buildings and dwelling houses during the Ubaid and later periods of development in Mesopotamia proves the idea that cult buildings were considered to be «deities' homes» in the course of history of ancient Mesopotamia. It is quite probable that the Pre-Sumer civilization temple construction type developed in coordination with dwelling houses architecture.

Using one and the same place for cult buildings construction was and still is a common practice. It is not surprising that the tradition of constructing temples on a platform originated in Southern Mesopotamia, the Ubaid's motherland, in the region of the so-called «clay civilizations». There was lack of wood in the region and there were no building stones, so for millenniums people used clay and reed for construction purposes. Clay and reed huts, even made properly and taken good care of, had to be replaced in a few decades. Stones or wood can be used for rebuilding, whereas clay or reed cannot. Nowadays Arabs ruin worn-out clay constructions in case they are interested in the site, or, if they are not interested, they just leave the job to wind and rain. Ubaid cult buildings constructed every time on the territory of their clay predecessors had to be put up on some artificial height. Every time a platform on which temples were constructed was higher and higher, so in the end there appeared terraces. We still cannot tell for sure how this tradition was established, whether it was done on purpose, or just as a result of constructing buildings in one and the same place. Anyway, E. Klengel-Brandt notes that by the end of IV millennium BC a terrace became a recognized architectural form and was built every time in the process of constructing temples (Кленгель-Брандт, 1991, с. 34). The subsequent transformation of the temple on a platform into the zikkurat was largely due to this architectural tradition that acted as a motive for constructing high temples to emphasize the ancient origin of the community and to make a shrine closer to heavenly home of God. Archeological evidence from Tell Abu Shahrein and Warka, vividly illustrate this process.

Excavations of Eridu in Southern Mesopotamia, the cradle of the Ubaid culture, enabled archeologists to determine the main stages of the Ubaid archeological tradition development from the very beginning up to Sumer time. A break of XIV–XII levels of discovering the archaic temples remains found in a shaft under the zikkurat of the Third Dynasty of Ur epoch is considered to be an archeological gap. The break separates the evidence of earlier single-room constructions from remains of tripartite cult buildings of late Ubaid and Uruk periods. The analysis of some characteristic features of the buildings of earlier and later periods presented in Chapter III shows that there was a certain succession between them. I might very well suppose that a tripartite plan of buildings of the late Ubaid period, including T-shaped planning, used in at least Central Mesopotamia in both cult and dwelling constructions, was adopted by the Ubaid people from the Samarran culture.

A comparative analysis of the archeological evidence of the late Ubaid period of Eridu, Uruk, Tepe Gawra and the Hamrin Basin sites has enabled us to define the basic characteristics of non-ordinary public buildings different from other constructions in a settlement and located in a special place. The following evidence proves that the buildings under discussion were cult:

— traces of regular sacrifices, the most important of which were made either in symbolically decorated central rooms or in special constructions on the territory of the temple;

— succession in the choice of place for constructing cult buildings in

Eridu and Uruk; the tradition of using the remains of previous temples for building platforms of the new ones, the latest of which, according to written evidence, prove to have been used as temples;

— the defined type of non-ordinary constructions of the Ubaid period and the principles of their location in settlements were adopted and improved during the later periods in the history of temple construction in the first city centers of Mesopotamia, which is proved by the evidence from Eridu, Uruk, Tell Uqair, Tepe Gawra, Habuba Kebira, Jebel Aruda and other sites.

The data listed above confirm the supposition that all the Ubaid non-ordinary constructions analyzed in Chapter III are cult. They were to all appearances used as ancient temples in Mesopotamian settlements mentioned.

The way of searching for the optimal model of Mesopotamian temple is really significant and rather long. It lasted through the whole period under analysis, from aceramic public shrines built in the ground to high temples of the late Ubaid period constructed on special platforms. It was on the basis of the latter ones that the historic Mesopotamian temple construction model – zikkurat – developed. It looked like a tall stepped tower symbolizing the World's mountain that joined Heaven and the Earth.

To summarize, I would like to mention that formation of the cult construction tradition in prehistoric Mesopotamia was a long and complicated process, and not single-lined. It was the result of a number of earliest farming communities' development. There were two stages in the process, the Aceramic Neolith period (Northern Mesopotamia) and the period of the first developed farming cultures of a specific flat country type settling over huge territories in northern, central and southern parts of Mesopotamia. The process finished at the so-called proto-city stage of Mesopotamian history when prerequisites for constructing special cult buildings developed by earliest farming cultures resulted in a united architectural complex. The comparable evidence of the complex formation was found both in Southern and Northern Mesopotamia. Since then temples had become large religious, administrative and economic centers in ancient Mesopotamian urban settlements.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алекшин, 1983 — *Алекшин В.А.* Некоторые закономерности развития общественного строя древнеземледельческих обществ (по данным погребальных обрядов) // АСАБВ. С. 5–9.

Амиров, 1994 — *Амиров Ш.Н.* Морфология керамики халафской культуры Северной Месопотамии (по материалам поселения Ярым-Тепе II). Автореф. канд. дис. М., 1994.

Амиров, 1999 — *Амиров Ш.Н.* Рец. на кн.: Tell Sabi Abyad the Late Neolithic Settlement. Report on the Excavations of the University of Amsterdam (1988) and National Museum of Antiquities Leiden (1991–1993) in Syria. Vol. I–II / Ed. by Peter M.M.G. Akkermans. Nederlands Historisch–Archaeologisch Instituut te Istanbul. 1996. 566p // РА. 1999. № 2. С. 233–237.

Амиров, 2000 — *Амиров Ш.Н.* Топография археологических памятников хабурских степей Северной Месопотамии V–II тыс. до н. э. // ВДИ. 2000. № 2. С. 30–46.

Амирханов, 1997 — *Амирханов Х.А.* Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры. М.: Научный мир, 1997.

Антонова, 1974 — *Антонова Е.В.* Антропоморфные статуэтки халафской культуры // СА. 1974. № 2. С. 14–26.

Антонова, 1977 — *Антонова Е.В.* Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Н., 1977.

Антонова, 1979 — *Антонова Е.В.* О характере религиозных представлений неолитических обитателей Анатолии // Культура и искусство народов Средней Азии в древности. М.: Н., 1979. С. 12–35.

Антонова, 1980 — *Антонова Е.В.* К реконструкции мировосприятия неолитических обитателей Анатолии (на материалах Чатал Хююка) // Конференция. Идеологические представления древнейших обществ. Тезисы докладов. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1980. С. 49–53.

Антонова, 1981 — *Антонова Е.В.* О некоторых закономерностях развития искусства древнего Двуречья // НАА. 1981. № 6. С. 62–71.

Антонова, 1983 — *Антонова Е.В.* Представления обитателей Двуречья о назначении людей и глиптика конца VI – первой половины III тыс. до н. э. // ВДИ. 1983. № 4. С. 88–96.

Антонова, 1984 — *Антонова Е.В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М.: Н., 1984.

Антонова, 1990 — *Антонова Е.В.* Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.: Н., 1990.

Антонова, 1991 — *Антонова Е.В.* Антропоморфный персонаж на печатях Ирана и Месопотамии // ВДИ. 1991. № 2. С. 3–17.

Антонова, 1998 — *Антонова Е.В.* Месопотамия на пути к первым государствам. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998.

Антонова, 1998а — *Антонова Е.В.* Признаки высокого социального статуса в Месопотамии V–IV тыс. до н. э. // ВДИ. 1998. №3. С. 3–15.

Антонова, Литвинский, 1998 — *Антонова Е.В., Литвинский Б.А.* К вопросу об истоках древней культуры Переднего Востока (раскопки Невали Чори) // ВДИ. 1998. № 1. С. 36–47.

Ардзинба, 1982 — *Ардзинба В.Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.: Н., 1982.

Афанасьева, 1968 — *Афанасьева В.К.* Искусство Двуречья 5–2 тысячелетий до н. э. // Памятники мирового искусства. Искусство Древнего Востока. М.: Искусство, 1968. –С. 37–59.

Афанасьева, 1976 — *Афанасьева В.К.* Искусство Древнего Ближнего Востока // Малая история искусств. Искусство Древнего Востока. М.: Искусство, 1976. С. 29–154.

Афанасьева, 1979 — *Афанасьева В.К.* Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М.: Наука, 1979.

Бадер, 1983 — *Бадер Н.О.* Истоки хассунской культуры и становление земледелия на равнине Синджара // АСАБВ. С. 18–23.

Бадер, 1989 — *Бадер Н.О.* Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Н., 1989.

Березкин, 2000 — *Березкин Ю.Е.* Рец. на кн.: Schmandt-Besserat, Denise. Before Writing. Forward by William W. Hallo. Vol. 1. From Counting to Cuneform. 269 p. Vol. 2. A Catalogue of Near East Tokens. 416 p. 1992. Austin: University of Texas Press // АВ. 2000. № 7. С. 334–338.

Бондаренко, 2000 — *Бондаренко Е.С.* Эволюция социальных отношений на Ближнем Востоке в IX–VI тыс. до н. э. (на примере восточносредиземноморского и анатолийского регионов). Автореф. канд. дис. М., 2000.

Брейдвуд, Чембел, 1984 — *Брейдвуд Р., Чембел Х.* У истоков производящего общества в Юго-Восточной Анатолии // Наука и человечество. М.: Знание, 1984. С. 67–77.

Вавилов, 1987 — *Вавилов Н.И.* Происхождение и география культурных растений. Л.: Н., 1987.

Васильев, 1993 — *Васильев Л.С.* История Востока: В 2 т. Т. 1. М.: Высш. шк., 1993.

Вейнберг, 1986 — *Вейнберг И.П.* Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М.: Н., 1986.

Гуляев, 1999 — *Гуляев В.И.* В стране первых цивилизаций. М.: ИА РАН, 1999.

Дьяконов, 1959 — *Дьяконов И.М.* Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М.: Издательство восточной литературы, 1959.

Дьяконов, 1990 — Архаические мифы Востока и Запада. М.: Н., 1990.

Емельянов, 1999 — *Емельянов В.В.* Ниппурский календарь и ранняя история Зодиака. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999.

Емельянов, 2003 — *Емельянов В.В.* Ритуал в Древней Месопотамии. СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское востоковедение», 2003.

Зубов, 1997 — *Зубов А.Б.* История религий. Книга первая. М.: Планета детей, 1997.

ИДВ, 1983 — *ИДВ.* Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия // Под ред. Дьяконова И.М. М.: Н., 1983.

Кленгель-Бранд, 1991 — *Кленгель-Бранд Э.* Вавилонская башня. М.: Н., 1991.

Кононенко, 2002 — *Кононенко Е.И.* Миксаморфные существа в шумерской глиптике: опыт семиотического исследования // ВДИ. 2002. № 2. С. 114–120.

Корниенко, 2001 — *Корниенко Т.В.* К вопросу о культовых постройках халафской культуры // РА. 2001. № 3. С. 5–17.

Корниенко, 2002 — *Корниенко Т.В.* «Храмы» Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита // ВДИ. 2002. № 2. С. 92–114.

Корниенко, 2002а — *Корниенко Т.В.* К интерпретации поселенческой структуры Телль эс-Саввана // Проблемы археологии Евразии: К 80-летию Н.Я. Мерперта: Сб. статей. М., 2002. С. 304–313.

Корниенко, 2004 — *Корниенко Т.В.* Символическое оформление построек раннего докерамического неолита на территории Северной Месопотамии // ВДИ. 2004. № 2. С. 125–147.

Коробкова, 1994 — *Коробкова Г.Ф.* Орудия труда и начало земледелия на Ближнем Востоке // АВ. 1994. №3. С. 166–179.

Кушнарева, Чубинишвили, 1970 — *Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н.* Древние культуры Южного Кавказа (V–III тыс. до н.э.). Л.: Н., 1970.

Кэмпбелл, 2002 — *Кэмпбелл Дж.* Мифический образ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.

Ламберг-Карловски, Саблов, 1992 — *Ламберг-Карловски К., Саблов Дж.* Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М.: Н., 1992.

Ллойд, 1984 — *Ллойд С.* Археология Месопотамии. М.: Н., 1984.

Лосев, 1957 — *Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957.

Маркарьян, 2000 — *Маркарьян С.Б.* Институт императора как фактор устойчивости государственной системы в Японии // Япония 2000:

консерватизм и традиционализм. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 20–38.

Медникова, 2004 — *Медникова М.Б.* Трепанации в древнем мире и культ головы. М.: Алетейа, 2004.

Мелларт, 1982 — *Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.: Н., 1982.

Мелетинский, 1995 — *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, Школа «Языки русской культуры», 1995.

Мерперт, 1978 — *Мерперт Н.Я.* Миграции в эпоху неолита и энеолита // СА. 1978. №3. С. 9–28.

Мерперт, 1982 — *Мерперт Н.Я.* «Неолитическая революция» и ее памятники // Мелларт, 1982. С. 3–11.

Мерперт, 1982а — *Мерперт Н.Я.* К вопросу об архаическом этапе хассунской культуры // АСНС. С. 11–27.

Мерперт, 1998 — *Мерперт Н.Я.* Энеолит Палестины // Мир Библии. М., 1998. № 6. С. 94–101.

Мерперт, 2000 — *Мерперт Н.Я.* Очерки археологии библейских стран. М.: Библейско-Богословский институт св. апостола Андрея, 2000.

Мерперт, Гуляев, 1992 — *Мерперт Н.Я., Гуляев В.И.* Послесловие // Ламберг-Карловски, Саблов, 1992. С. 318–353.

Мерперт, Мунчаев, 1982 — *Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М.* Погребальный обряд племен халафской культуры (Месопотамия) // АСНС С. 28–49.

Мунчаев, 1997 — *Мунчаев Р.М.* Ярымтепе II: к изучению архитектуры Северной Месопотамии V тысячелетия до нашей эры // РА. 1997. № 3. С. 5–19.

Мунчаев, Мерперт, 1981 — *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.: Н., 1981.

Мунчаев, Мерперт, 1997 — *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.* Древнейший культовый центр в долине Хабура (Северо-Восточная Сирия) // РА. 1997. № 2. С. 5–28.

Мунчаев и др., 2001 — *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н.* Телль Хазна I: итоги новейших исследований (1997–2000 гг.) // РА. 2001. № 4. С. 92–113.

Мунчаев и др., 2004 — *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н.* Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-восточной Сирии. М.: Палеограф, 2004.

Никулина, 1996 — *Никулина Н.М.* Храм как эпицентр духовной жизни города. Типология древнего храма и его значение в формировании городского ансамбля в III–I тыс. до н.э. // ГИССД. С. 103–111.

Оппенхейм, 1980 — *Оппенхейм А.Л.* Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М.: Н., 1980.

Пропп, 1986 — *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.

Русанова, Тимощук, 1993 — *Русанова И.П., Тимощук Б.А.* Язычес-

кие святилища древних славян. М.: Научно-исследовательский археологический центр «АРХЭ», 1993.

Сарианиди, 1962 — *Сарианиди В.И.* Культовые здания поселения Анаукской культуры // СА. 1962. № 1. С. 44–56.

Сайко, 1996 — *Сайко Э.В.* Древнейший город. Природа и генезис (Ближний Восток. IV–II тыс. до н. э.). М.: Н., 1996.

Фрезер, 1986 — *Фрезер Д.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1986.

Чайлд, 1952 — *Чайлд В.Г.* У истоков европейской цивилизации. М.: Изд. иностр. лит., 1952.

Чайлд, 1956 — *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.: Изд. иностр. лит., 1956.

Шнирельман, 1979 — *Шнирельман В.А.* Доместикация животных и религия // Исследования по общей этнографии. М., 1979.

Шнирельман, 1989 — *Шнирельман В.А.* Основные очаги древнейшего производящего хозяйства в свете достижений современной науки // ВДИ. 1989. № 1. С. 99–111.

Шнирельман, 1989а — *Шнирельман В.А.* Возникновение производящего хозяйства. М.: Н., 1989.

Шутова, 2000 — *Шутова Н.И.* Дохристианские культовые памятники в удмурдской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Автореф. докт. дис. Ижевск: Типография УдГУ, 2000.

Элиаде, 2000 — *Элиаде М.* Избранные сочинения. Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское. М.: Ладомир, 2000.

Якобсен, 1995 — *Якобсен Т.* Сокровища тьмы: История месопотамской религии. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.

Abu al-Soof, 1968 — *Abu al-Soof B.* Tell es-Sawwan. Excavations of the Fourth Season (Spring, 1967) // Sumer. 1968. Vol. 24. P. 3–16.

Abu al-Soof, 1971 — *Abu al-Soof B.* Tell es-Sawwan. Fifth Season's Excavations (Winter 1967–1968) // Sumer. 1971. Vol. 27. P. 3–7.

Akkermans, 1990 — *Akkermans P.M.M.G.* Villages in the Steppe. Amsterdam, 1990.

Akkermans, Duistermaat, 1997 — *Akkermans P.M.M.G., Duistermaat K.* Of Storage and Nomads. The Sealings from Late Neolithic Sabi Abyad, Syria // Paléorient. 1997. Vol. 22/2. P. 17–32.

Akkermans, Le Miere, 1992 — *Akkermans P.M.M.G., Le Meire M.* The 1988 Excavations at Tell Sabi Abyad, a Later Neolithic Village in Northern Syria // AJA. 1992. Vol. 96/1. P. 1–22.

Akkermans, Verhoeven, 1995 — *Akkermans P.M.M.G., Verhoeven M.* An Image of Complexity: The Burnt Village at Late Neolithic Sabi Abyad, Syria // AJA. 1995. Vol. 99/1. P. 5–32.

Albraight, 1960 — *Albraight W.F.* Archeology of Palestine. L., 1960.

Al-A'dami, 1968 — *Al-A'dami K.A.* Excavations at Tell es-Sawwan (second season) / / Sumer. 1968. Vol. 24. P. 57–94.

Aurenche, 1980 — *Aurenche O.* Un exemple de l'architecture domestique au VIIIe millénaire: la maison XLVII de Mureybet / / Le Moyen Euphrate, zone de contacts et d'échanges. Actes du colloque de Strasbourg, mars 1977. Leiden, 1980. P. 35–54.

Aurenche, 1981 — *Aurenche O.* La maison orientale: l'architecture du Proche Orient ancien des origines au milieu du 4e millénaire. Tomes 1–3. P., 1981.

Aurenche, 1981a — *Aurenche O.* L'architecture Mésopotamienne du 7e au 4e millénaires / / Paléorient. 1981. Vol. 7/2. P. 43–55.

Aurenche, 1982 — *Aurenche O.* A l'origine du temple et du palais dans les civilisations de la Mésopotamie ancienne / / Ktema: Civilisations de l'Orient, de Gréce et de Rome Antiques. Strasbourg, 1982. № 7. P. 236–259.

Aurenche, Calley, 1988 — *Aurenche O., Calley S.* L'architecture de l'Anatolie du Sud-Est au Néolithique Acéramique / / Anatolica. 1988. № 15. P. 1–21.

Aurenche, Kozlowski, 1999 — *Aurenche O., Kozlowski S.K.* La naissance du néolithique au Proche Orient ou le Paradis Perdu. P., 1999.

Badawy, 1965 — *Badawy A.* Ancient Egyptian Architectural Design – A Stady of the Harmonic System. Berkeley and Los Angeles, 1965.

Balkan-Atli, 1994 — *Balkan-Atli N.* La Neolithisation de l'Anatolie. P., 1994.

Balkan-Atli et al., 1999 — *Balkan-Atli N., Binder D., Cauvin M.C.* Obsidian: Sources, Workshops and Trade in Central Anatolia / / NT. P. 133–146.

Bar-Yosef, 1985 — *Bar-Yosef O.* A Cave in the Desert: Nahal Hemar. – Jerusalem, 1985.

Bar-Yosef, 1989 — *Bar-Yosef O.* The PPNA in the Levant – An Overview / / Paléorient. 1989. Vol. 15/1. P. 57–63.

Bar-Yosef, 1991 — *Bar-Yosef O.* Nahal Hemar Cave / / AJA. 1991. Vol. 93/5. P. 495.

Başgelen, 1999 — *Başgelen N.* Foreword / / NT. P. 8.

Bicakci, 1995 — *Bicakci E.* Çayönü House Models and Reconstruction Attempt for the Cell-Plan Building / / RPSPHC. P. 101–125.

Bikai, Egan, 1997 — Bikai P.M., Egan V. Archaeology in Jordan / / AJA. 1997. Vol. 101/3. P. 493–535.

Bischoff, 2002 — *Bischoff D.* Symbolic worlds of Central and Southeast Anatolia in the Neolithic / / The Neolithic.., 2002. P. 237–251.

Blackham, 1996 — *Blackham M.* Further Investigations as to the Relationship of Samarrian and Ubaid Ceramic Assemblages / / Iraq. 1996. Vol. LVIII. P. 1–15.

Bonogofsky, 2003 — *Bonogofsky M.* Neolithic Plastered Skulls and Railroading Epistemologies / / Bulletin of the American Schools of Oriental Research. 2003. № 331. P. 1–10.

Braidwood, 1983 — The Hilly Flanks and Beyond: Essays on the

Prehistory of South Western Asia. Pres. to R.J. Braidwood / Ed. by Young T.C. et al. Chicago, 1983.

Braidwood, 1986 — *Braidwood R.J.* The Origin and Growth of a Research Focus – Agricultural Beginnings / / Expeditions. Philadelphia. 1986. Vol. 28. № 2. P. 2–7.

Braidwood, Howe, 1960 — *Braidwood R.J., Howe B.* Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan / / SAOC. 1960. Vol. 31. P. 176–182.

Breniquet, 1987 — *Breniquet C.* Nouvelle Hypothése sur la Disparition de la Culture de Halaf / / Préhistoire de la Mésopotamie. P., 1987. P. 231–241.

Breniquet, 1989 — *Breniquet C.* Les origines de la culture d'Obeid en Mésopotamie du Nord / / Heinrickson E.F., Tuesen J., eds. Upon this Foundation: The Ubaid Reconsidered. Copenhagen, 1989. P. 325–338.

Breniquet, 1991 — *Breniquet C.* Tell Es-Sawwan — réalités et problémes / / Iraq. 1991. Vol. LIII. P. 75–90.

Breniquet, 1992 — *Breniquet C.* A propos du vase halafien de la tombe G2 de Tell Arpachiyah / / Iraq. 1992. Vol. LIV. P. 69–78.

Brochier, 1993 — *Brochier J.* Çayönü Tepesi. Domestication, rythmes et envionnement au PPNB / / Paléorient. 1993. Vol. 19/1. P. 39–49.

Broman-Morales, 1990 — *Broman-Morales V.* Figurines and Other Clay Objects from Sarab and Çayönü / / Oriental Institute. Communications 25. Chicago, 1990. P. 57–88.

Byrd, 1994 — *Byrd B.F.* Public and Private, Domestic and Corporate: The Emergence of the Southwest Asian Village / / American Antiquity. W., 1994. P.639–666.

Çambel, 1985 — *Çambel H.* Çayönü, 1984 / / AS. 1985. Vol. 35. P. 186–188.

Çambel, 1986 — Çambel H. Çayönü, 1985 / / AS. 1986. Vol. 36. P. 187–188.

Caneva et al., 1998 — *Caneva I., Lemorini C., Zampetti D.* Chipped Stones at Aceramic Çayönü: Technology, Activities, Traditions, Innovations / / Light on Top of the Black Hill. İstanbul, 1998. P. 199–206.

Carneiro, 1974 — *Carneiro R.L.* Reappraisal of the Roles of Technology and Organization in the Origin of Civilization / / American Antiquity. Utah, 1974. Vol. 39/2. P. 179–186.

Cauvin, 1977 — *Cauvin J.* Les fouilles de Mureybet (1971–1974) et leur signification pour les origines de la sedentarisation au Proche-Orient / / Annual American School Oriental Research. 1977. Vol. 44. P. 19–48.

Cauvin, 1978 — *Cauvin J.* Les Premiers Villages de Syrie-Palestine du IX-eme au VII millenaire av. J.C. Lion, 1978.

Cauvin, 1987 — *Cauvin J.* L'apparition des premieres divinities / / La Recherche. Vol. 18. № 194. P. 1472–1480.

Cauvin, 1988 — *Cauvin J.* La Néolithisation de la Turquie du Sud-Est dans son contexte proche-orientale / / Anatolica. 1988. № 15. P. 69–80.

Cauvin, 1994 — *Cauvin J.* Naissance des divinités. Naissance de l'agriculture. La Révolution des symbols au Néolithique. P., 1994.

Cauvin, 1999 — *Cauvin J.* Le moyen Euphrate Syrien et les premiéres sociétés agro-pastorales // AAAS. 1999. Vol. XLIII. P. 51–57.
Cauvin, Aurenche, 1981 — *Cauvin J., Aurenche O.* Cafer Hoyouk, 1980 // AS. 1981. Vol. 31. P. 183–184.
Childe, 1925 — *Childe V.G.* The Dawn of European Civilization (6th edition: 1958). N.Y., 1925.
Childe, 1928 — *Childe V.G.* New Light on the Most Ancient Near East. 4th edition. N.Y., 1928.
Childe, 1950 — *Childe V.G.* The Urban Revolution // Town Planning Review. Liverpool, 1950. Vol. 21. №1.
Childe, 1951 — *Childe V.G.* Men Makes Himself. N.Y., 1951.
Copeland, 1979 — *Copeland L.* Observations on the Balirh Valley, Syria during the 7th to 4th Millenia B.C. // Paléorient. 1979. Vol. 5. P. 251–275.
Copeland, Hours, 1987 — *Copeland L., Hours F.* L'expansion Halafienne, une Interprétation de la Répartition des Sites // Préhistoire de la Mésopotamie. P., 1987. P. 209–220.
Danisman, 1972 — *Danisman G.* The Architectural Development of Settlement in Anatolia // MSU. P. 505–511.
Davidson, 1977 — *Davidson T.E.* Regional Variation within the Halaf Ceramic Tradition. Edinburg, 1977.
Davidson, McKerrell, 1976 — *Davidson T.E., McKerrell H.* Pottery Analisis and Halaf Period Trade in Khabur Headwaters Region // Iraq. 1976. XXXVIII. P. 45–56.
Davidson, McKerrell, 1980 — *Davidson T.E., McKerrell H.* The Neutron Activation Analysis of Halaf and Ubaid Pottery from Tell Arpachiyah and Tepe Gawra // Iraq. 1980. Vol. XLII. P. 155–167.
Delougaz, 1940 — *Delougaz P.P.* The Temple Oval at Khafaje // OIP LIII, 1940.
Dixon, Renfrew, 1976 — *Dixon J., Renfrew C.* Obsidian in Western Asia: a Review // Problems in Economic and Social Archaeology. L., 1976.
Egami, 1959 — *Egami N.* Telul eth – Thalathat. Vol. 1. The Excavations of Tell II 1956-1957 (University of Tokyo). Tokyo, 1959.
Egan, Bikai, 1998 — *Egan V., Bikai P.M.* Archaeology in Jordan // AJA. 1998. Vol. 102/3. P. 571–606.
El-Wailly, 1967 — *El-Wailly F.* Foreword // Sumer. 1967. Vol. 23. P. a-j.
El-Wailly, Abu es-Soof, 1965 — *El-Wailly F., Abu es-Soof B.* The Excavations at Tell Es-Sawwan First Preliminary Report (1964) // Sumer. 1965. Vol. 21. P. 17–32.
Esin, 1979 — *Esin U.* İlk Üretimciliğe Geçiş Evresinde Anadolu ve Güneydoğy Avrupa, Doğal Çevre Sorunu I. İstanbul, 1979.
Esin, 1999 — *Esin U.* Introduction - The Neolithic in Turkey: A General Review // NT. P. 13–23.
Falkenstein, 1974 — *Falkenstein A.* The Sumerian Temple City. Los Angeles, 1974.
Finet, 1975 — *Finet A.* Les temples sumériens de tell Kannas // Syria. 1975. №52. P. 157–174.

Flannery, 1972 — *Flannery K.V.* The Origins of the Village as a Settlement Type in Mesoamerica and the Near East: A Comparative Study // MSU. P. 23–53.

Forest, 1985 — *Forest J.D.* Tell El'Oueili. Preliminary Report on the Fourth Season (1983). Stratigraphy and Architecture // Sumer. 1985. Vol. 44. P. 55–66.

Forest, 1987 — *Forest J.D.* La grande architecture obeidienne: sa forme et sa fonction // Prehistoire de la Mésopotamie. P., 1987. P. 385–423.

Forest, 1996 — *Forest J.D.* Le PPNB de Çayönü et de Nevali Çori: pour une approche archéo-ethnologigue de la néolithisation du Proche-Orient // Anatolia Antiqua. 1996. Vol. 4. P. 1–31.

Forest, 1999 — *Forest J.D.* Les premiers temples de Mésopotamie (4e et 3e millénaires). BAR Int. Series 765, 1999.

Forest-Foucault, 1980 — *Forest-Foucault Ch.* Rapport sur les fouilles de Kheit Qasim III— Hamrin // Paléorient. 1980. Vol. 6. P. 221–224.

Gates, 1996 — *Gates M.H.* Archaeology in Turkey // AJA. 1996. Vol. 100/2. P. 277–335.

Gates, 1997 — *Gates M.H.* Archaeology in Turkey // AJA. 1997. Vol. 101/2. P. 241–305.

Gibson, 1972 — *Gibson Mc.G.* The City and Area of Kish. Miami, 1972.

Goring-Morris, 1993 — *Goring-Morris A.N.* From Foraging to Herding in the Negev and Sinai: The Early to Late Neolithic Transition // Paléorient. 1993. Vol. 19/1. P. 65–89.

Haas, 1976 — *Haas J.* The evolution of the Prehistoric State. N.Y., 1976.

Hauptmann, 1993 — *Hauptmann H.* Ein Kultgebäude in Nevali Çori // Between the rivers and over the mountains. Roma, 1993. P. 37–69.

Hauptmann, 1999 — *Hauptmann H.* The Urfa Region // NT. P. 65–86.

Hauptmann, 2002 — *Hauptmann H.* Upper Mesopotamia in its regional context during the Early Neolithic// The Neolithic.., 2002. P. 263–271.

Heinrich, 1957 — *Heinrich E.* Bauwerke in der altsumerischen Bildkunst. Berlin, 1957.

Heinrich, 1982 — *Heinrich E.* Die Tempel und Heiligtümer im alten Mesopotamien: Typologie, Morphologie und Geschichte. Teil. I–II. Berlin, 1982.

Herzfeld, 1930 — *Herzfeld E.* Die vorgesschichtlichen Töpferein von Samarra. Forschungen zur islamischen Kunst II. Die Ausgrabungen von Samarra 5. Berlin, 1930.

Hijara, 1978 — *Hijara I.* Tree New Graves at Arpachiyah // WA. 1978. Vol. 10/2. P. 125–128.

Hijara, 1997 — *Hijara I.* The Halaf Period in Northern Mesopotamia. L., 1997.

Hijara et al., 1980 — *Hijara I.* and others. Arpachiyah 1976 // Iraq. 1980. Vol. XLII. P. 131–154.

Hodder, 1990 — *Hodder I.* The domestication of Europe: Structure and Contingency in Neolithic Societies. Oxford, 1990.

Hodder, 1995 — *Hodder I.* Excavations at Catal Hüyük / / AARRCT. 1995. Vol. 1. P. 3–5.
Hodder, 1996 — *Hodder I.* Catal Hüyük / / AARRCT. 1996. Vol. 2. P. 6–7.
Hodder, 1997 — *Hodder I.* Catal Hüyük / / AARRCT. 1997. Vol. 3. P. 4–5.
Hodder, 1998 — *Hodder I.* Catal Hüyük, Turkey: a summary of some recent results / / Documenta Praehistorica. Vol. 25. Ljubljani, 1998. P. 71–77.
Hodder, 1999 — *Hodder I.* Renewed Work at Catal Hüyük / / NT. P. 157–164.
Ippolitoni-Strika, 1990 — *Ippolitoni-Strika F.* A Bowl from Arpachiyah and the Tradition of Portable Shrines / / Mesopotamia. Torino, 1990. Vol. 25. P. 147–174.
Jasim, 1979 — *Jasim S.A.* Tell Abada / / Sumer. 1979. Vol. 35. P. 525–529.
Jasim, 1981 — *Jasim S.A.* Excavation at Tell Abada, Iraq / / Paléorient. 1981. Vol. 7. P. 101–104.
Jasim, 1983 — *Jasim S.A.* Excavations at Tell Abada: a Preliminary Report / / Iraq. 1983. Vol. XLV. P. 165–186.
Jasim, 1983a — Jasim S.A. Notes on the Excavation at Tell Rashid, Iraq / / Paléorient. 1983. Vol. 9. P. 99–103.
Jasim, 1989 — *Jasim S.A.* Structure and Function in an 'Ubaid Village / / Upon this Foundation. — The 'Ubaid reconsidered. Preceedings from the 'Ubaid symposium Elsinore. May 30-th – June 1-st 1988. Copenhagen, 1989. P. 78–90.
Jasim, Oates, 1986 — *Jasim S.A., Oates J.* Early tokens and tablets in Mesopotamia: new information from Tell Abada and Tell Brak / / WA. 1986. Vol. 17. № 3. P. 348–362.
Kenyon, 1956 — *Kenyon K.M.* Jericho and its setting in Near East History / / Antiquity. L.-Gloucester, 1956. Vol.30/120. P. 184–195.
Kenyon, 1957 — *Kenyon K.M.* Digging up Jericho. L., 1957.
Kenyon, 1979 — *Kenyon K.M.* Archaeology in the Holy Land. L., 1979.
Kirkbride, 1966 — *Kirkbride D.* Five Seasons at the Pre-Pottery Neolithic Village of Beida in Jordan / / PEQ. 1966. Vol. 98. P. 8–72.
Kirkbride, 1967 — *Kirkbride D.* Beida 1965: An Interim Report / / PEQ. 1967. Vol. 99. P. 5–13.
Kirkbride, 1973 — *Kirkbride D.* Umm Dabaghiyah 1972: a Second Preliminary Report / / Iraq. 1973. Vol. XXXV. P. 1–7.
Kirkbride, 1975 — *Kirkbride D.* Umm Dabaghiyah 1974: a Fourth Preliminary Report / / Iraq. 1975. Vol. XXXVII, pt. 1. P. 3–10.
Koeppel, 1940 — *Koeppel R.* Teleilat Ghassul. Vol. 2. Roma, 1940.
Kozlowski, 1990 — *Kozlowski S.K.* (Ed.). Nemric 9: Pre-Pottery Neolithic Site in Iraq. (General Report-Seasons 1985–1986). Warsaw, 1990.
Kozlowski, 1992 — *Kozlowski S.K.* (Ed.). Nemrik 9: Pre-Pottery Neolithic Site in Iraq. Vol. 2: House No.1 / 1A / 1B. Warsaw, 1992.

Kozlowski, 1994 — *Kozlowski S.K.* Chipped Neolithic Industries at the Eastern Wind of the Fertile Crescent / / NSIFC. P. 143–171.

Kozlowski, Kempisty, 1990 — *Kozlowski S.K., Kempisty A.* Architecture of the Pre-Pottery Neolithic Settlement in Nemrik, Iraq / / WA. 1990. Vol. 21. P. 348–362.

Kubba, 1990 — *Kubba S.* The Ubaid Period: Evidence of Architectural Planning and the Use of a Standard Unit of Measurement – the «Ubaid Cubit» in Mesopotamia / / Paléorient. 1990. Vol. 16/1. P. 45–55.

Lamb, 1956 — *Lamb W.* Some Early Anatolian Shrines / / AS. 1956. P. 87–94.

Lebeau, 1985 — *Lebeau M.* A First Report on pre-Eridy Pottery from Tell El'Oueilli / / Sumer. 1985. Vol. 44. P. 88–108.

LeBlanc, Watson, 1973 — *LeBlanc S.A., Watson P.J.* A Comparative Statistical Analysis of Painted Pottery from Seven Halafian Sites / / Paléorient. 1973. Vol. 1. P. 117–133.

Le Mort et al., 2001 — *Le Mort F., Erim-Özdoğan A., Özbek M., Yilmaz Y.* Feu et archéoanthropologie au Proche-Orient (épipaléolithique et néolithique). Le lien avec les pratiques funéraires. Données nouvelles de Çayönü (Turquie) // Paléorient. 2001. Vol. 26/2. P. 37–50.

Lenzen, 1941 — *Lenzen H.J.* Die Entwicklung der Zikurrat von ihren Anfängen bis zur Zeit der III Dynastie. Leipzig, 1941.

Lenzen, 1955 — *Lenzen H.J.* Mesopotamische Tempelanlagen von der Frühzeit bis zum zweiten Jahrtausend / / ZAVA. 1955. № 51. P. 1–36.

Lichardus et al., 1985 — *Lichardus J., Lichardus-Itten M., Bailloud G., Cauvin J.* La Protohistoire de L'Europe. Le Néolithique et le Chalkolithique. P., 1985.

LNFC, 2000 — Life in Neolithic Farming Communities. Social Organization, Identity, and Differentiation / Ed. by I. Kuijt. N.Y., 2000.

Lloyd, Safar, 1945 — *Lloyd S., Safar F.* Tell Hassuna / / JNES. 1945. Vol. 4. P. 255–289.

Loon van, 1968 — *Loon van M.* The Oriental Institute Excavations at Mureibit, Syria : Preliminary Report on the 1965 Campaign / / JNES. 1968. Vol. 27/4. P. 265–290.

Makkay, 1983 — *Makkay J.* The Origins of the «Temple-Economy» as Seen in the Light of Prehistoric Evidence / / Iraq. 1983. Vol. XLV. P. 1–6.

Mallon et al., 1938 — *Mallon A., Koeppel R., Neuville R.* Teleilat Ghassul. Vol. 2. Roma, 1940.

Mallowan, 1946 — *Mallowan M.E.L.* Excavations in the Balikh Valley, 1938 / / Iraq. 1946. Vol. VIII. P. 111–159.

Mallowan, Rose, 1935 — *Mallowan M.E.L., Rose J.C.* Prehistoric Assyria, the Excavations at Tell Arpachiyah, 1933 / / Iraq. 1935. Vol. II. Part. I. P. 1–178.

Maisels, 1993 — *Maisels C.K.* The Near East. Archaeology in the Cradle of Civilization. L., 1993.

Margueron, 1989 — *Margueron, J.-Cl.* Architecture et Sosiété á l'époque d'Obeid // Upon this Foundation. The 'Ubaid reconsidered.

Proceedings from the 'Ubaid symposium Elsinore. May 30-th – June 1-st 1988. Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 1989. P. 43–78.

Matsumoto, 1981 — *Matsumoto K.* Tells Songor B and C // Al-Rafidān. *1981. Vol. 2. P. 182–193.*

Mazar, 1990 — *Mazar A.* Archaeology of the Land of the Bible, 10 000-586 B.C.E. Cambridge, 1990.

Mellaart, 1965 — *Mellaart J.* The Earliest Civilizations of the Near East. L., 1965.

Mellaart, 1967 — *Mellaart J.* Catal Huyuk. A Neolithic Town in Anatolia. L.-N.Y., 1967.

Mellaart, 1975 — *Mellaart J.* The Neolithic in the Near East. L., 1975.

Mellaart, 1994 — *Mellaart J.* Western Asia During the Neolithic and Chalcolithic (about 12,000–5,000 years ago) // Histiry of Humanity. Volume I: Prehistory and the Beginnings of Civilization. L.-N.Y., 1994. P. 425–440.

Mellink, 1989 — *Mellink M.J.* Archaeology in Anatolia // AJA. 1989. Vol. 93/1. P. 105–133.

Mellink, 1990 — *Mellink M.J.* Archaeology in Anatolia // AJA. 1990. Vol. 94/1. P.125–151.

Mellink, 1992 — *Mellink M.J.* Archaeology in Anatolia // AJA. 1992. Vol. 96/1. P.119–150.

Mellink, 1993 — *Mellink M.J.* Archaeology in Anatolia // AJA. 1993. Vol. 97/1. P. 105–133.

Merpert, Munchaev, 1973 — *Merpert N.Ya., Munchaev R.M.* Early Agricultural Settlements in the Sinjar Plain, Northern Iraq // Iraq. 1973. P. 93–113.

Merpert, Munchaev, 1987 — *Merpert N.Ya., Munchaev R.M.* The Earliest Levels at Yarim Tepe I and Yarim Tepe II in Northern Iraq // Iraq. 1987. Vol. XLIX. P. 1–36.

Merpert, Munchaev, 1999 — *Merpert N.Y., Munchaev R.M.* Origin and Development of Most Ancient Agricultural Cultures of North-East Syria // AAAS. 1999. Vol. XLIII. P. 23–46.

Merpert et al, 1981 — *Merpert N., Munchaev R., Bader N.* Investigations of Soviet Expedition in Northern Iraq // Sumer. 1981. Vol. 37. P. 22–54.

Molist, 1999 — *Molist M.* Le Néolithique du IXème et VIIIème millénaire BP du Nord de la Syrie: Apports du site de Tell Halula (vallée de L'Euphrate, Syrie) // AAAS. 1999. Vol. XLIII. P. 71–82.

Negabhan, 1979 — *Negabhan E.O.* The Painted Building at Zaghe // Paléorient. 1979. Vol. 5. P. 239–250.

Nissen, 1993 — *Nissen H.J.* The PPNC, the Sheep and the «Hiatus Palestinien» // Paléorient. – 1993. Vol. 19/1. P.177–183.

NT, 1999 — Neolithic in Turkey / Ed. by M.Özdoğan. İstanbul, 1999.

Oates, 1960 — *Oates J.* Ur and Eridu, the Prehistory // Iraq. 1960. Vol. XXII. P. 32–50.

Oates, 1966 — *Oates J.* The Baked Clay Figurines from Tell es-Sawwan // Iraq. 1966. Vol. XXVIII. P. 146–153.

Oates, 1969 — *Oates J.* Choga Mami, 1967-1968: a Preliminary Report / / Iraq. 1969. Vol. XXXI. P. 115–152.

Oates, 1973 — *Oates J.* The Background and Development of Early Farming Communities in Mesopotamia and Zagros / / Prehistoric Sosiety. L., 1973. Vol. 39. P. 147–181.

Oates, 1978 — *Oates J.* Religion and Ritual in Sixth-millennium B.C. Mesopotamia / / WA. 1978. Vol. 10. № 2. P. 117–124.

Oates, 1983 — *Oates J.* Ubaid Mesopotamia Reconsidered / / Braidwood, 1983. P. 251–272.

Oates D., 1987 — *Oates D.* Different Traditions in Mesopotamian Temple Architecture in the Forth Millenium B.C. / / Prehistoire de la Mesopotamie. P., 1987. P. 299–383.

Oates D. and J., 1976 — *Oates D., Oates J.* The Rise of Civilization. Oxford, 1976.

Özbeck, 1988 — *Özbeck M.* Culte des cranes humains a Çayönü / / Anatolica. 1988. № 15. P. 127–138.

Özbeck, 1992 — *Özbeck M.* The Human Remains at Çayönü / / AJA. 1992. Vol. 96/2. P. 374.

Özdoğan A., 1995 — *Özdoğan A.* Life at Çayönü During the Pre-Pottery Neolithic Period (according to the artifactual assemblage) / / RPSPHC. P. 79–100.

Özdoğan A., 1999 — *Özdoğan A.* Çayönü / / NT. P. 35–64

Özdoğan M., 1995 — *Özdoğan M.* Neolithic in Turkey. The Status of Research / / RPSPHC. P. 41–59.

Özdoğan M., 1999 — *Özdoğan M.* Preface / / NT. P. 9–12.

Özdoğan M., 1999a — *Özdoğan M.* Concluding Remarks / / NT. P. 225–236.

Özdoğan, Özdoğan, 1990 — *Özdoğan M., Özdoğan A.* Çayönü. A Conspectus of Resent Work / / Paléorient. 1990. Vol. 15/1. P. 65–74.

Parrot, 1953 — *Parrot A.* Archéologie Mésopotamienne. Technique et problemes. P., 1953.

Parrot, 1956 — *Parrot A.* Mission Archeologique de Mari. Vol. I. Le Temple d'Ishtar. P., 1956.

Perkins, 1949 — *Perkins A.* The Comparative Archaeology of Early Mesopotamia. Chicago, 1949.

Peterman, 1994 — *Peterman G.L.* Archaeology in Jordan / / AJA. 1994. Vol. 98/3. P. 521–559.

Redman, 1983 — *Redman C.L.* Regulatory and Change in the Architecture of an Early Village / / Braidwood, 1983. P. 189–206.

Reed, 1992 — *Reed C.A.* Introduction to Çayönü / / AJA. 1992. Vol. 96/2. P. 373.

Renfrew et al., 1966 — Renfrew C., Dixon J.E., Cann J.R. Obsidian and Early Cultural Contact in the Near East / / The Prehistoric Society. L., 1966. Vol. 32. P. 30–72.

Roaf, 1984 — *Roaf M.* 'Ubaid houses and temples / / Sumer. 1984. Vol. 43. P. 80–90.

Roaf, 1984a — *Roaf M.* The Stratigraphy and Architecture of Tell Madhhur // Sumer. 1984. Vol. XLIII. P. 110–126.

Rollefson, Kuhler-Rollefson, 1993 — *Rollefson G.O., Köhler-Rollefson I.* PPNC Adaptations in the First Half of the 6th Millennium B.C. // Paléorient. 1993. Vol. 19/1. P. 33–42.

Rosenberg, 1994 — *Rosenberg M.* Some Further Observations Concerning Material Culture // Anatolica. 1994. Vol. 20. P. 121–140.

Rosenberg, 1999 — *Rosenberg M.* Hallan Çemi // NT. P. 25–33.

Rosenberg et al., 1998 — *Rosenberg M., Nesbitt R., Redding R.W., Peasnall B.L.* Hallan Çemi, Pig Husbandry, and Post-Pleistocene Adaptatons along the Taurus-Zagros Arc (Turkey) // Paléorient. 1998. Vol. 24/1. P. 25–41.

Rosenberg, Redding, 2000 — *Rosenberg M., Redding R.W.* Hallan Çemi and Early Village Organization in Eastern Anatolia // LNFC. P. 39–61.

Safar, 1950 — *Safar F.* Eridu: A Preliminary Report on the Third Season's Excavations // Sumer. 1950. Vol. 6. P. 27–39.

Safar et al., 1981 — *Safar F., Ali Mustafa M., Lloyd S.* Eridu. Baghdad, 1981.

Schirmer, 1983 — *Schirmer W.* Drei Bauten des Çayönü Tepesi // Beitrage zur Altertumskunde Kleinasiens. Mainz, 1983. S. 463–476.

Schirmer, 1990 — *Schirmer W.* Some aspects of building at the «aceramic-neolithic» settlement of Çayönü Tepesi // WA. 1990. Vol. 21. № 3. P. 363–387.

Schmandt-Besserat, 1992 — *Schmandt-Besserat D.* Before Writing. Forward by William W. Hallo. Vol. 1–2. Austin, 1992.

Schmidt, 1972 — *Schmidt J.* Steingebaude // Vorlaufige Bericht uber die von dem Deutschen Archaologischen Institut und der Deutschen Orient-Gesellschaft aus Mitteln der Deutschen Forschungsgemeinschaft unternommenen Ausgrabungen in Uruk-Warka 1968–1969. Berlin, 1972. Vol. 26/27. P. 18–29.

Schmidt, 1974 — *Schmidt J.* Zwei Tempel der Obçd-Zeit in Uruk // BM. 1974. Vol. 7. S. 173–187.

Schmidt, 1994 — *Schmidt K.* The Nevali Çori Industry. Status of Research // NSIFC. P. 239–251.

Schmidt, 1998 — *Schmidt K.* Frühneolithische Tempel Ein Forschungsbericht zum präkeramischen Neolithikum Obermesopotamiens // MDOG 130, 1998. S. 17–49.

Schmidt, 2001 — *Schmidt K.* Göbekli Tepe, Southeastern Turkey. A Preliminary Report on the 1995-1999 Excavations // Paléorient. 2001. Vol. 26/1. P. 45–54.

Schwartz, 1987 — *Schwartz G.M.* The Ninevite V Period ahd the Development of Complex Society in Northen Mesopotamia // Paléorient. 1987. Vol. 13/2. P. 93–100.

Shane, Kucuk, 1998 — *Shane O.C., Kucuk M.* The World's First City // Archeology. N.Y., 1998. Vol. 51/2. P. 43–47.

Sievertsen, 1998 — *Sievertsen U.* Untersuchungen zur Pfeiler-Nischen-Architektur in Mesopotamien und Syrien von ihren Anfängen im 6. Jahrtausend bis zum Ende der frühdynastischen Zeit: Form, Funktion und Kontext. Teil. I–II. BAR Int. Series 743, 1998.

Singh, 1974 — *Singh P.* Neolithic Cultures of Western Asia. L., 1974.

Speiser, 1935 — *Speiser E.A.* Excavations at Tepe Gawra. Vol. I. Philadelphia, 1935.

Stordeur, 1998 — *Stordeur D.* Avec la participation de J.Margueron. Espace naturel, espace construit a Jerf el Ahmar sur l'Euphrate / / Espace naturel, espace habité en Syrie du Nord (10e-2e millénaires av. J.-C.). Colloque de Quebec, mai 1997. Quebec, 1998. P. 93–108.

Stordeur, 1999 — *Stordeur D.* Organisation de l'espace construit et organisation sociale dans le Néolithique de Jerf el Ahmar (Syrie, Xe-IXe millénaire av. J.-C.) / / Habitat et Sosiété, XIXe Recontres Internationales d'Archéologie et d'Histoire d'Antibes. Antibes: APDCA, 1999. P. 131–149.

Stordeur et al., 2001 — *Stordeur D., Brenet M., Der Aprahamian G. et J.-C. Roux.* Les bâtiments communautaires de Jerf el Ahmar et Mureybet horizon PPNA (Syria) / / Paléorient. 2001. Vol. 26/1. P. 29–44.

Strommenger, 1980 — *Strommenger E.* Habuba Kabira, ein Stadt vor 5000 Jahren. Mainz am Rhein, 1980.

The Neolithic.., 2002 — The Neolithic of Central Anatolia. Internal developments and external relations during the 9th-6th millennia cal. B.C. / Ed. by F. Gerard and L. Thissen. İstanbul, 2002.

Tobler, 1950 — *Tobler A.J.* Excavations at Tepe Gawra. Vol. II. Philadelphia, 1950.

Tunca, 1984 — *Tunca Ö.* L'architecture religieuse protodynastique en Mésopotamie. Vol. I–II. Leuven, 1984.

Vallet, 1997 — *Vallet R.* Habuba Kebira ou la naissance de l'urbanisme / / Paléorient. 1997. Vol. 22/2. P. 45–76.

Van Buren, 1952 — *Van Buren E.D.* Places of Sacrifice («Opferstatten») / / Iraq. 1952. Vol. XIV. P. 76–92.

Van Driel, Van Driel-Murray, 1983 — *Van Driel G., Van Driel-Murray C.* Jebel Aruda 1982. A preliminary Report / / Akkadica. 1983. № 33. P. 1–26.

Vries, Bikai, 1993 — *Vries B., Bikai P.* Archaeology in Jordan / / AJA. 1993. Vol. 97/3. P. 462–463.

Wahida, 1967 — *Wahida G.* The Excavations of the Third Season at Tell as-Sawwan, 1966 / / Sumer. 1967. Vol. 23. P. 167–176.

Watkins, 1990 — *Watkins T.* The Origins of House and Home? / / WA. 1990. Vol. 21. P. 336–347.

Watkins, 1992 — *Watkins T.* The Beginning of the Neolithic: Searching for Meaning in Material Culture Change / / Paléorient. 1992. Vol. 18/1. P. 63–76.

Watson, 1983 — *Watson P.J.* The Halafian Culture: a Review and Synthesis / / Braidwood, 1983. P. 231–249.

Wickede, 1990 — *Wickede A.* Prähistorische Stempelglyptik in Vorderasien. — München, 1990.

Wickede, 1991 — *Wickede A.* Chalcolithic Sealings From Arpachiyah in the Collection of the Institute of Archaeology, London // University College. Institute of Archaeology. L., 1991. Bulletin № 28. P. 153–189.

Wood, 1992 — *Wood A.P.* The Detection, Removal, Storage, and Species Identification of Prehistoric Blood Residues from Заущпь // AJA. 1992. Vol. 96/2. P. 374.

Wright, 1971 — *Wright G. R.H.* Pre-Israelite Temples in the Land of Canaan // PEQ. 1971. Vol. 103. P. 17–32.

Wright, 1978 — *Wright G.* Social Differentiation in the Early Natufian // Social Archeology. Beyond Subsistence and Dating. N.Y.-L., 1978. P. 201–223.

Yakar, 1991 — *Yakar J.* Prehistoric Anatolia. The Neolithic Transformation and The Early Chalcolithic Period. Tel Aviv, 1991.

Yakar, 1994 — *Yakar J.* Prehistoric Anatolia. The Neolithic Transformation and The Early Chalcolithic Period. Supplement № 1. Tel Aviv, 1994.

Yasin, 1970 — *Yasin W.* Excavation at Tell es-Sawwan, 1969, report on the sixth season's excavations // Sumer. 1970. Vol. 26. P. 3–12.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ — Археологические вести. Санкт-Петербург.

АСАБВ — Археология Средней Азии и Ближнего Востока. Тезисы докладов II советско-американского симпозиума. Ташкент, 1983.

АСНС — Археология Старого и Нового Света. Москва, 1982.

ВДИ — Вестник древней истории. Москва.

ГИССД — Город и искусство: субъекты социокультурного диалога. М.: Н., 1996.

ИДВ — История древнего Востока.

НАА — Народы Азии и Африки. – Москва.

ПИПКВ — Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М.: Н.,1991.

РА — Российская археология. Москва.

Святилища — Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г. СПб: Изд-во СПбГУ, 2000.

Anatolica — Anatolica. Leiden.

AAAS — Les Annales Archéologiques Arabes Syriennes. –Damascus.

Akkadica — Akkadica. — Brüssel (Musees Royaux d'Art et d'Histoire).

AARRCT — Anatolian Archaeology. Reports on Research Conducted in Turkey. Ankara.

AJA — American Journal of Archaeology. Princeton.

Al-Rāfidān — Al-Rāfidān. Journal of Western Asiatic Studies. Tokyo.

AS — Anatolian Studies. London.

BAR — British Archaeological Reports. Oxford.

BM — Baghdader Mitteilungen. Berlin.

CNRS — Centre National De La Recherche Scientifique. Paris.

Iraq — Iraq. London.

JNES — Journal of Near East Studies. Chicago.

LNFC — Life in Neolithic Farming Communities. Social Organization, Identity, and Differentiation / Ed. by I. Kuijt. N.Y., 2000.

MDOG — Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft. Berlin.

MSU — Man, Settlement and Urbanism. London, 1972.

NT — Neolithic in Turkey. İstanbul, 1999.

NSIFC — Neolithic Stone Industries of the Fertile Crescent. Proceedings of the First Workshop on PPN Chipped Lithic Industries. Berlin, 1993. Berlin, 1994.

OIP — Oriental Institute Publications. Chicago.

Paléorient — Paléorient. Paris.

PEQ — Palestine Exploration Quarterly. London.

RA — Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale. Paris.

RPSPHC — Readings in Prehistory Studies Presented to Halet Çambel. İstanbul, 1995.

SAOC — Studies in Ancient Oriental Civilizations. Chicago.

Sumer — Sumer. Baghdad.

Syria — Syria. Paris.

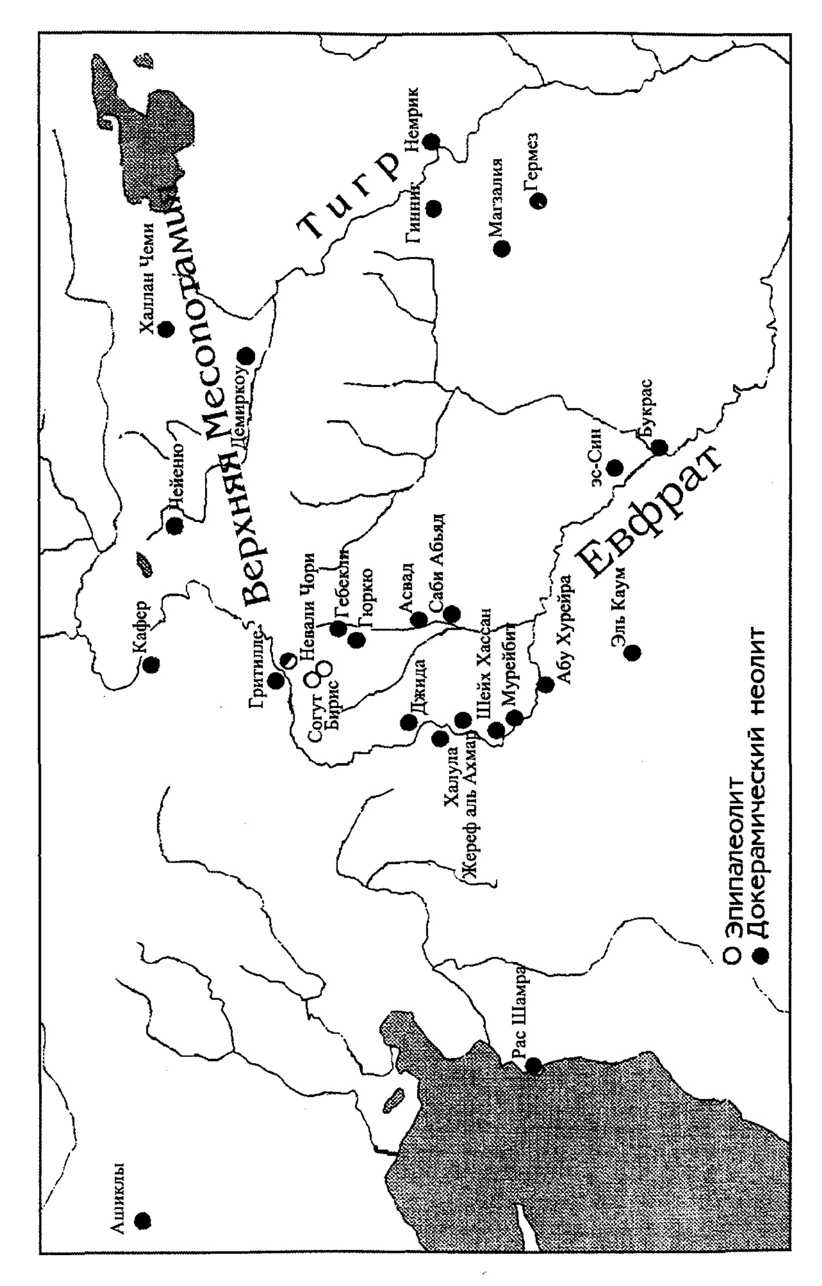
WA — World Archaeology. London.

ZAVA — Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie. Berlin.

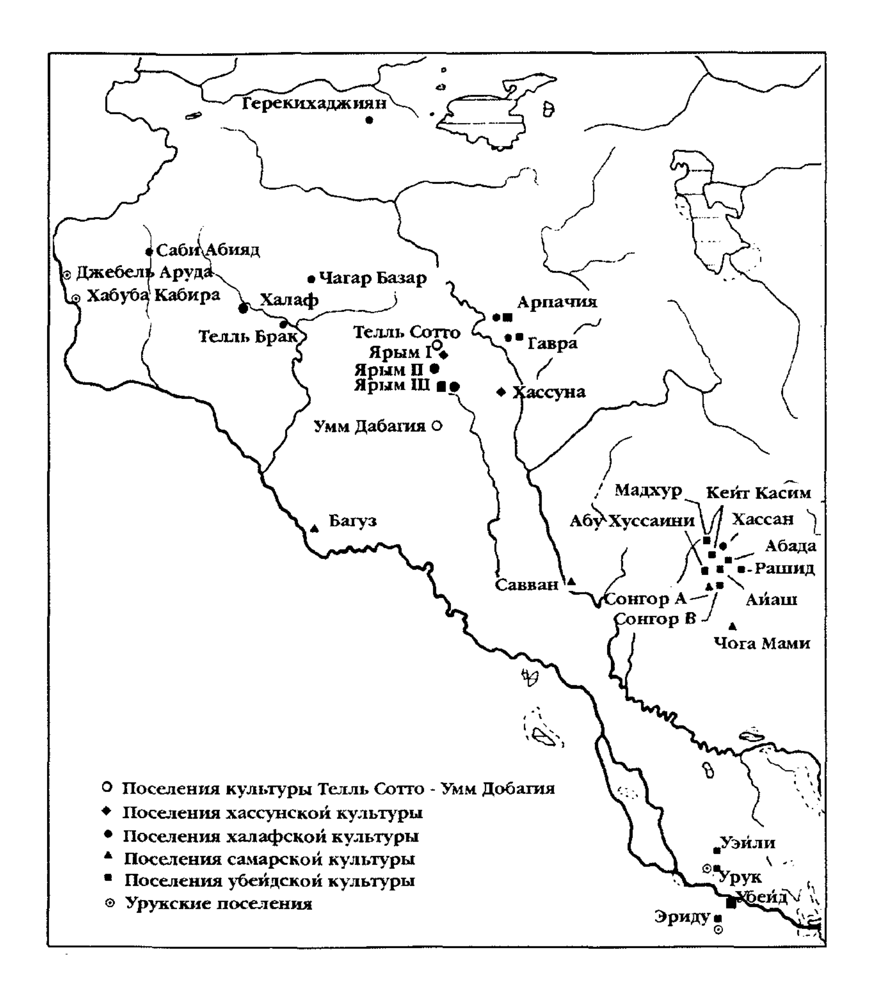
ОГЛАВЛЕНИЕ

CONTENTS

ПРИЛОЖЕНИЕ

Карта 1. Карта памятников Верхней Месопотамии эпипалеолитического и ранненеолитического времени.

Карта 2. Карта раннеземледельческих поселений и древнейших городов Месопотамии VI-IV тыс. до н.э.

И. Хаджара		М. Маллоуэн	Особенности вскрытых участков поселения
Фаза	Слой	Уровень	
4	I	TT6	Архитектура вновь прямоугольная. Комнаты длинные и узкие. Каменные "фундаменты" отсутствуют. Неординарная постройка – "Сгоревший дом".
3б	II III	TT7 TT8	Строятся большие толосы с прихожими (внешний диаметр - 10 метров, абсолютная длина здания - 19 метров), для их основания используются крупные булыжники. Вскрыты могилы G51 и G53.
3а	IV V	TT9 TT10	Исследованы остатки толосов простого плана более крупных размеров, чем в фазе 2. Впервые используется каменный "фундамент" при постройке крупноплановых сооружений. Могила G52.
2	VI VII VIII		Строятся толосы простого плана, без каменных оснований. Кроме того были вскрыты остатки прямоугольных сооружений. Могилы G1, G2, G3. По мнению И. Хаджары, в течение фазы 2 Арпачия начинает занимать особое положение ритуального центра в округе. Сакральный "район толосов" с этого времени окружен стеной и верхний слой его поверхности "состоит из чистой глины, принесенной издалека".
1	IX X XI		Присутствует прямоугольная архитектура. По мнению И. Хаджары, в этот период Арпачия представляла собой обычную деревню с теснящимися домами.

Таблица1. Телль Арпачия. Соотношение уровней халафского слоя по данным раскопок М. Маллована и И. Хаджары.

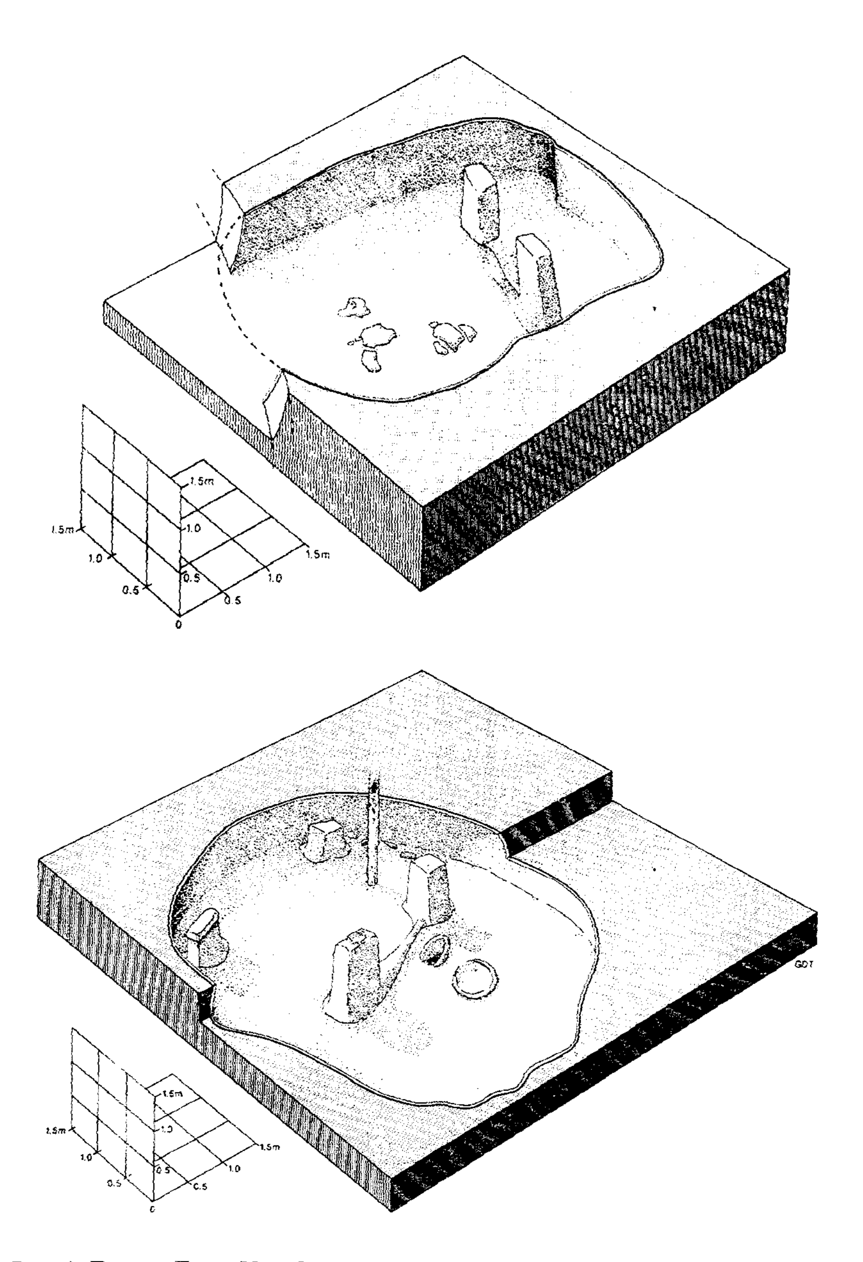

Рис. 1. Гермез Дере. Углубленные в землю «дома-святилища» с парами глиняных колонн – единственный вид строений, выявленный на этом памятнике (по: Watkins, 1992, fig. 2, 3).

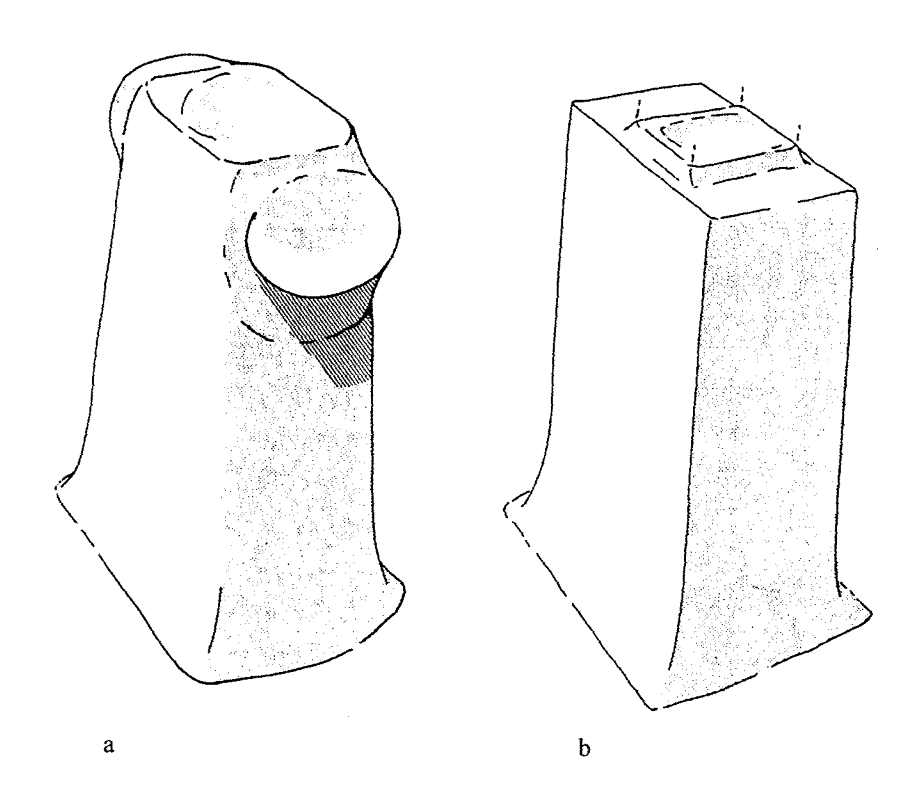

Рис. 2. Гермез Дере. Реконструкция первоначального (a) и финального (b) вида покрытых штукатуркой колонн из углубленной в землю постройки RAB (по: Watkins, 1990, fig. 4).

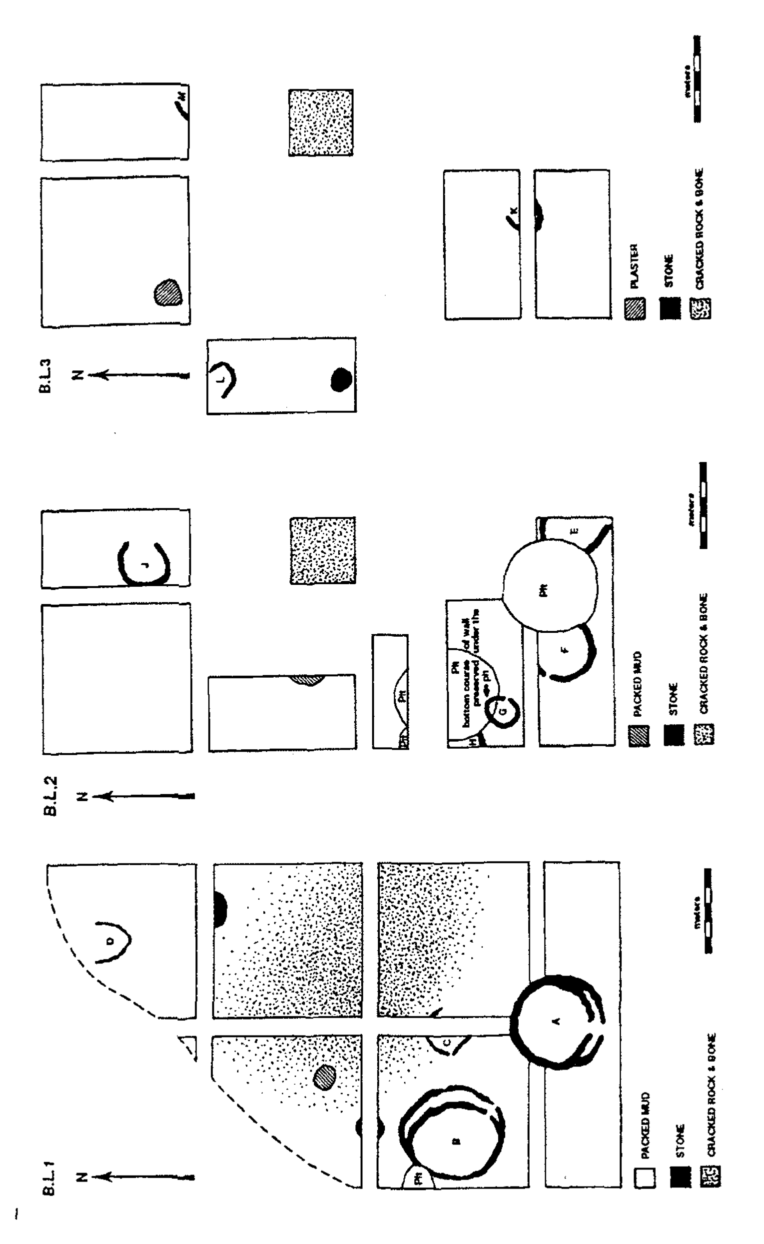

Рис. 3. Халлан Чеми. План раскопа. Уровни 1, 2, 3 (по: Rosenberg, 1999 // NT. Fig. 2).

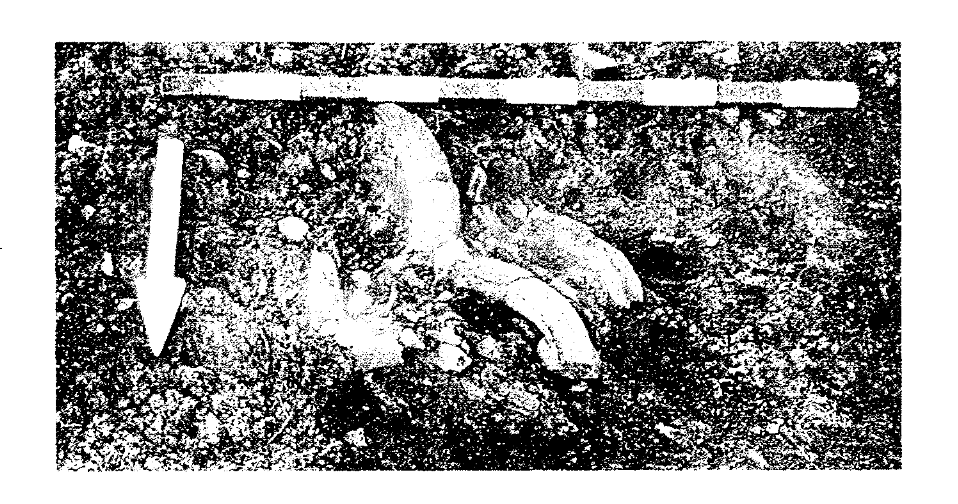

Рис. 4. Халлан Чеми. Центральная площадь. Три бараньих черепа, уложенных в ряд (по: Rosenberg, 1999 // NT. Fig. 16).

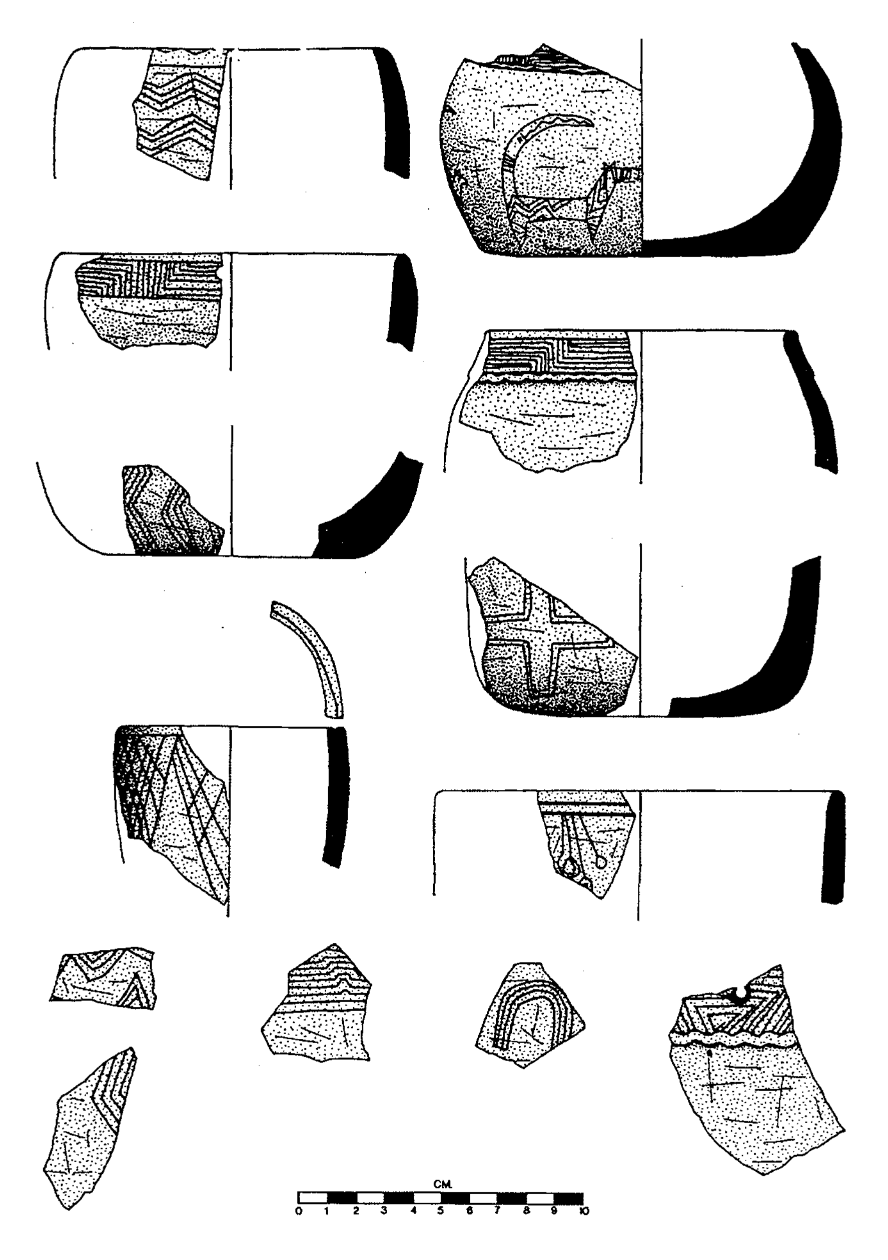

Рис. 5. Халлан Чеми. Каменные чаши с вырезанным рисунком (по: Rosenberg, 1999 // NT. Fig. 3).

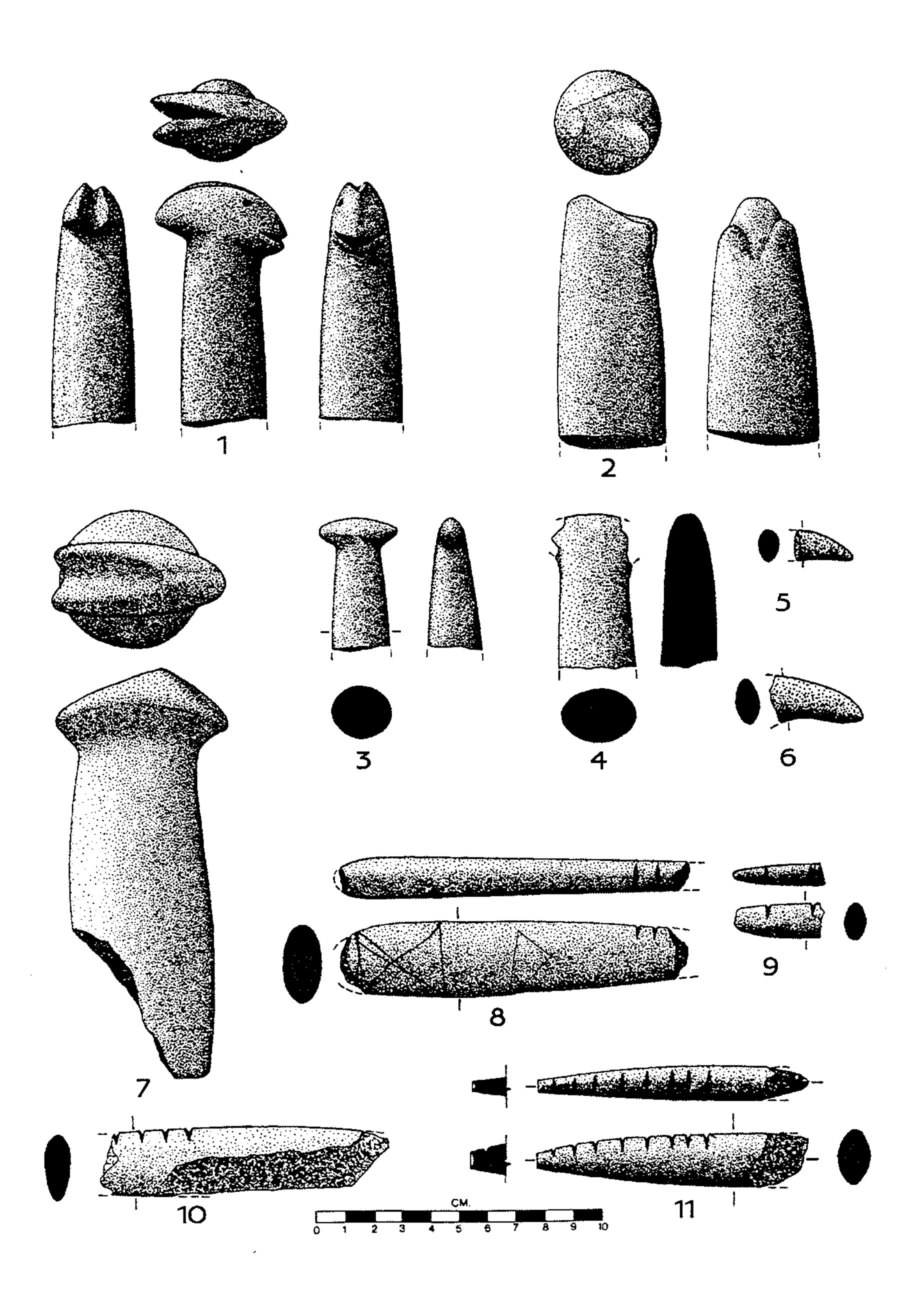

Рис. 6. Халлан Чеми. Скульптурные пестики; палочки с насечками (по: Rosenberg, 1999 // NT. Fig. 4).

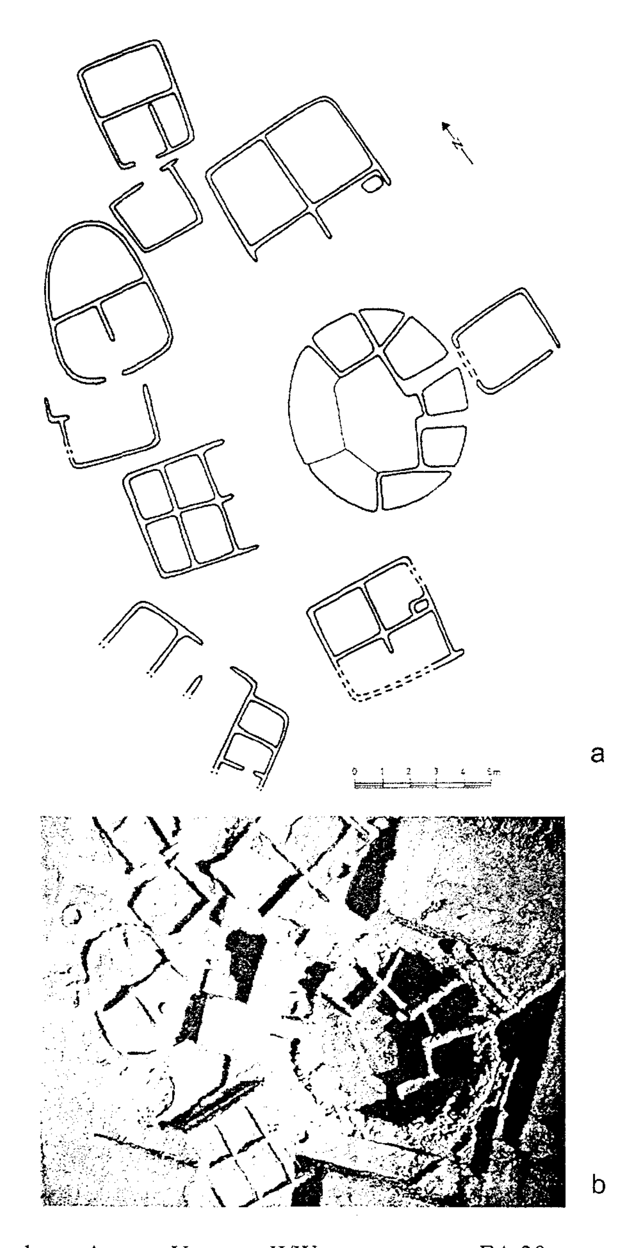

Рис. 7. Жерф эль Ахмар. Уровень II/W со строением EA 30:
а – план раскопа;
b – фотография с воздуха(по: Stordeur et al., 2001, fig. 12).

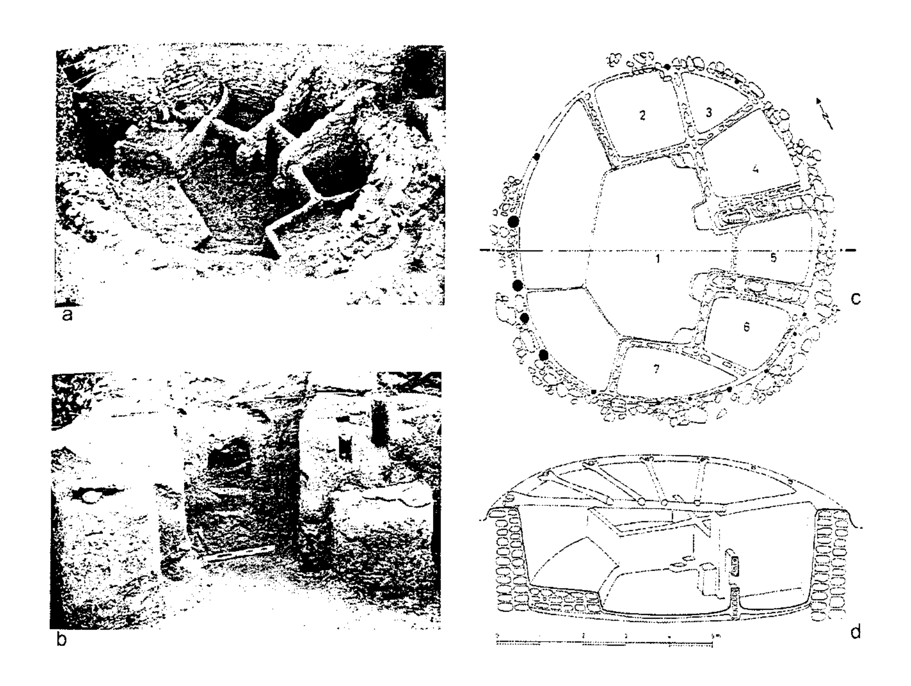

Рис. 8. Жерф эль Ахмар. ЕА 30:

a – фотография, общий вид сооружения;

b – фотография восточной части здания;

c – план постройки;

d – реконструкция здания в разрезе (по: Stordeur et al., 2001, fig. 4, 5).

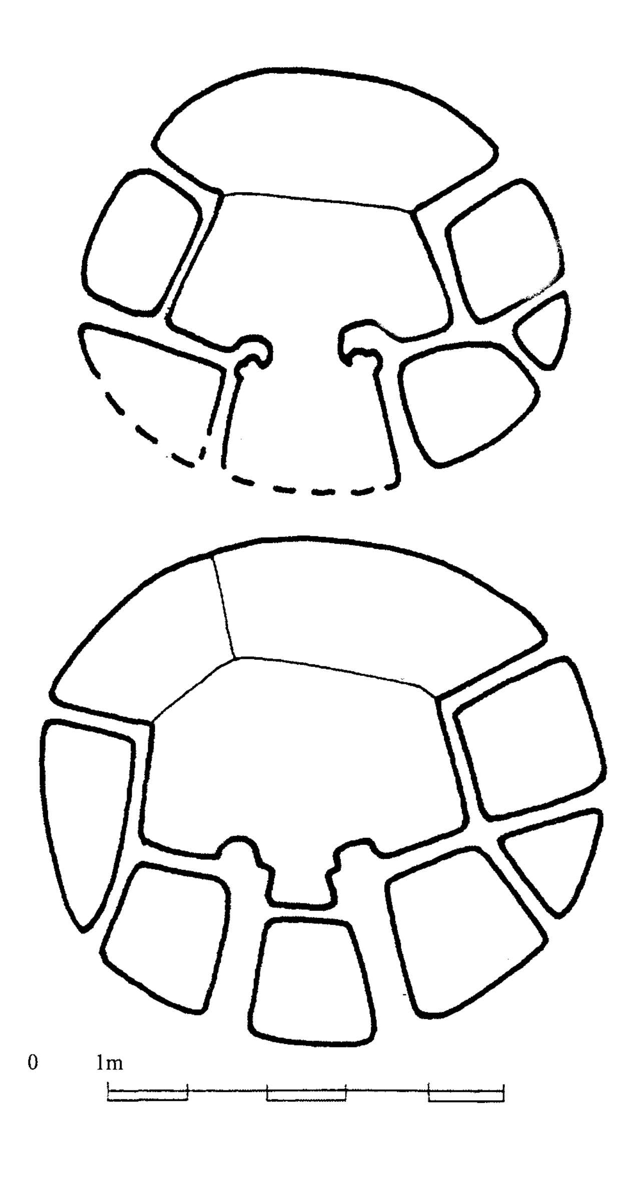

Рис. 9. Дом 47 из Мурейбита (вверху) и ЕА 30 из Жерф эль Ахмара (внизу). Сопоставление планов и размеров (по: Stordeur et al., 2001, fig. 7).

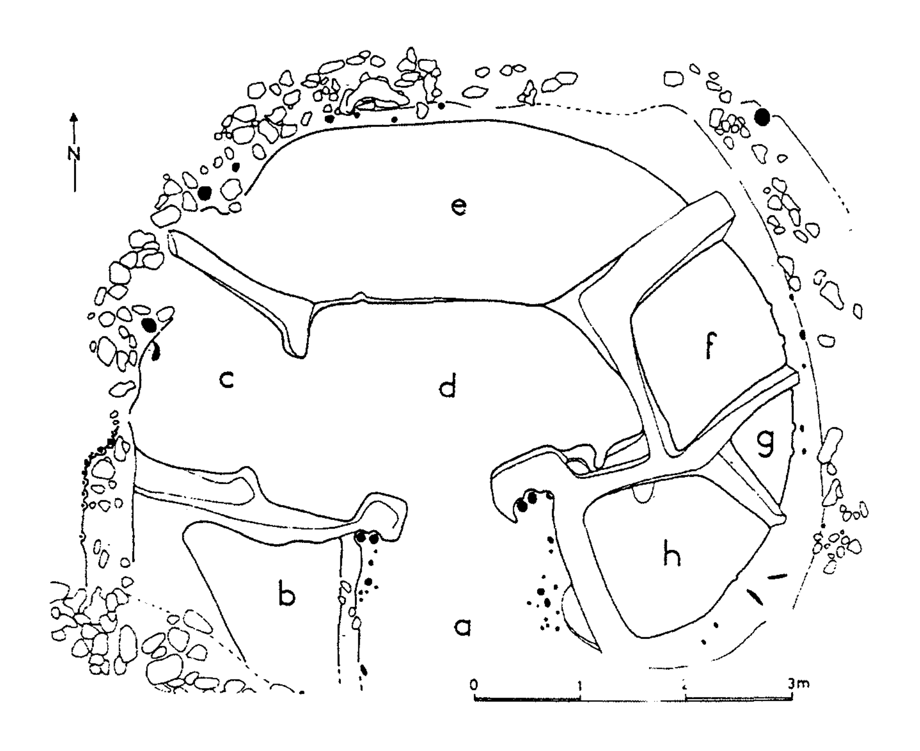

Рис. 10. Мурейбит. Дом 47 – план постройки
(по: Stordeur et al., 2001, fig. 2).

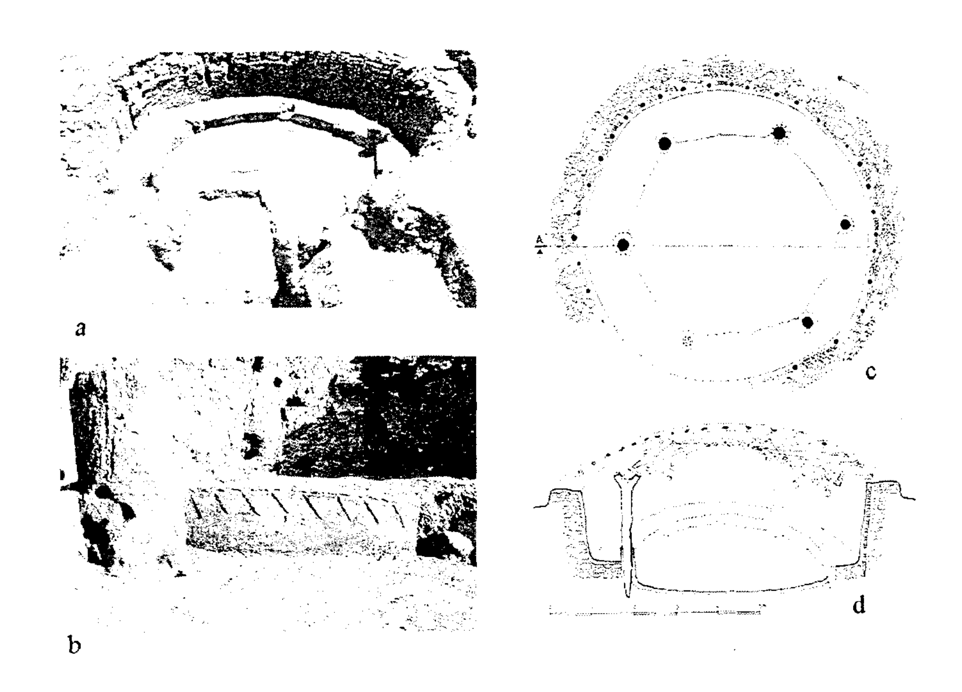

Рис. 11. Жерф эль Ахмар. EA 53:

a – фотография, общий вид сооружения;

b – фотография украшенной скамьи и одного из центральных столбов – элементов внутреннего оформления помещения;

c – план постройки;

d – реконструкция здания в разрезе (по: Stordeur et al., 2001, fig. 9).

Рис. 12. Жерф эль Ахмар. Скульптурные стелы из строения ЕА 100
(по: Stordeur et al., 2001, fig. 11).

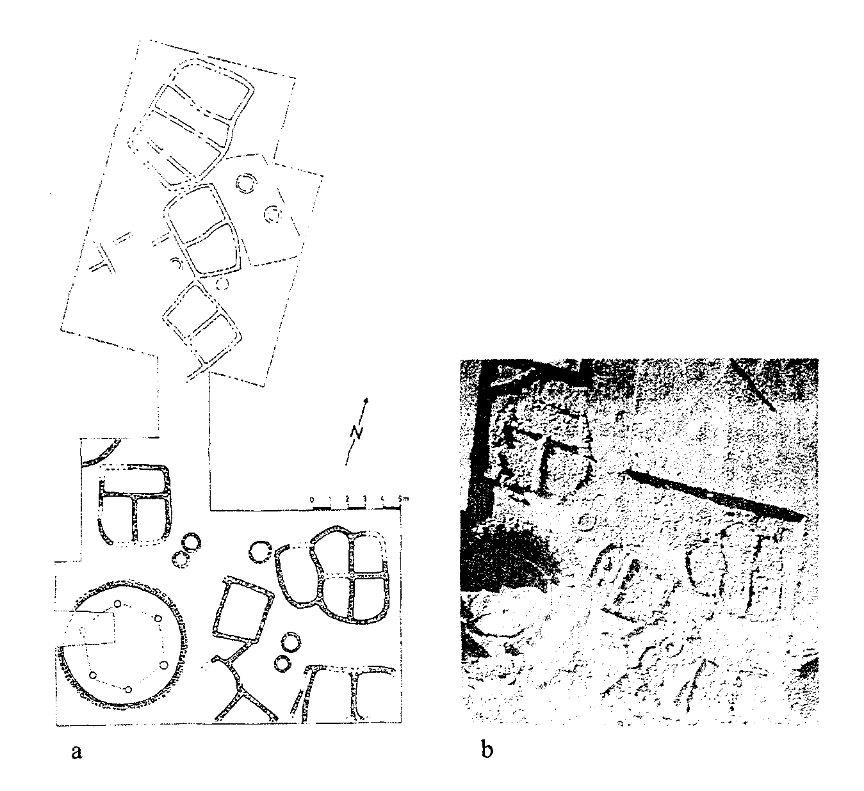

Рис. 13. Жерф эль Ахмар. Уровень I/E со строением EA 53:

a – план раскопа;

b – фотография с воздуха (по: Stordeur et al., 2001, fig. 13).

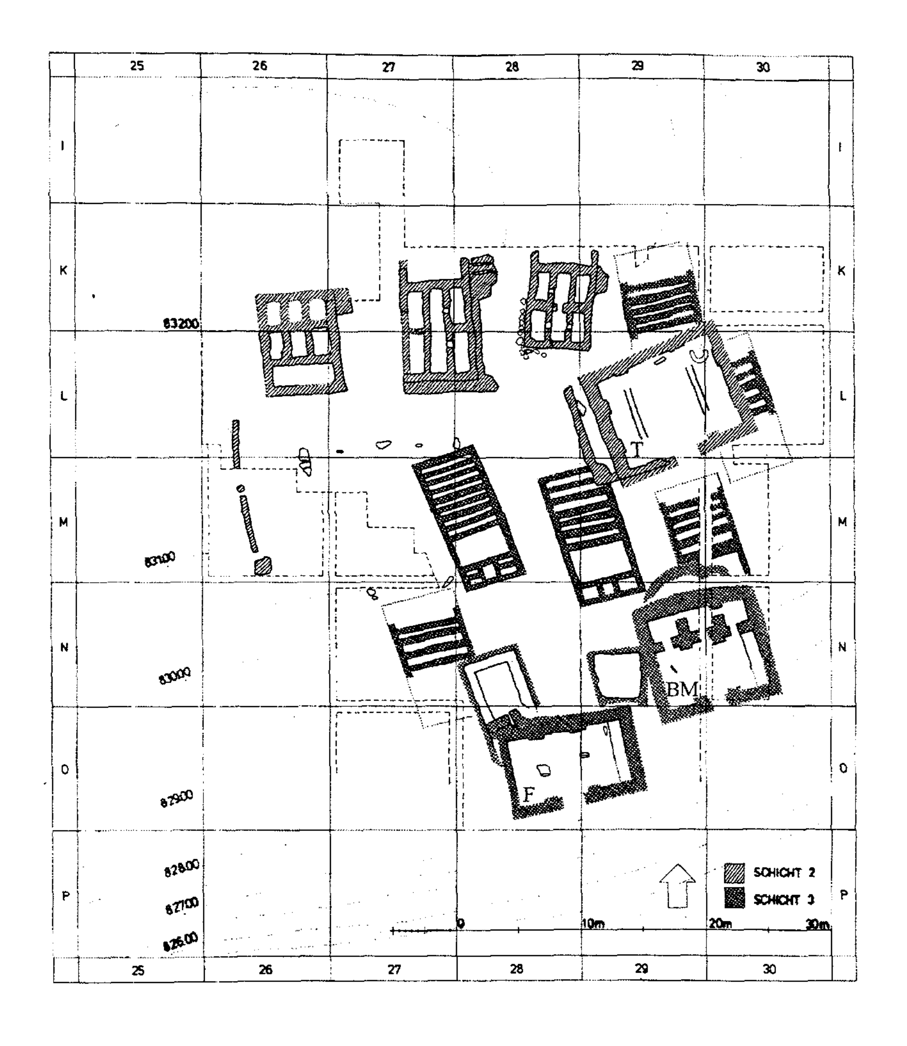

Рис. 14. Чейеню. Восточный район раскопок 1981 г. Постройки горизонта II и III, схематически закончены (по: Schirmer, 1983, abb. 1).

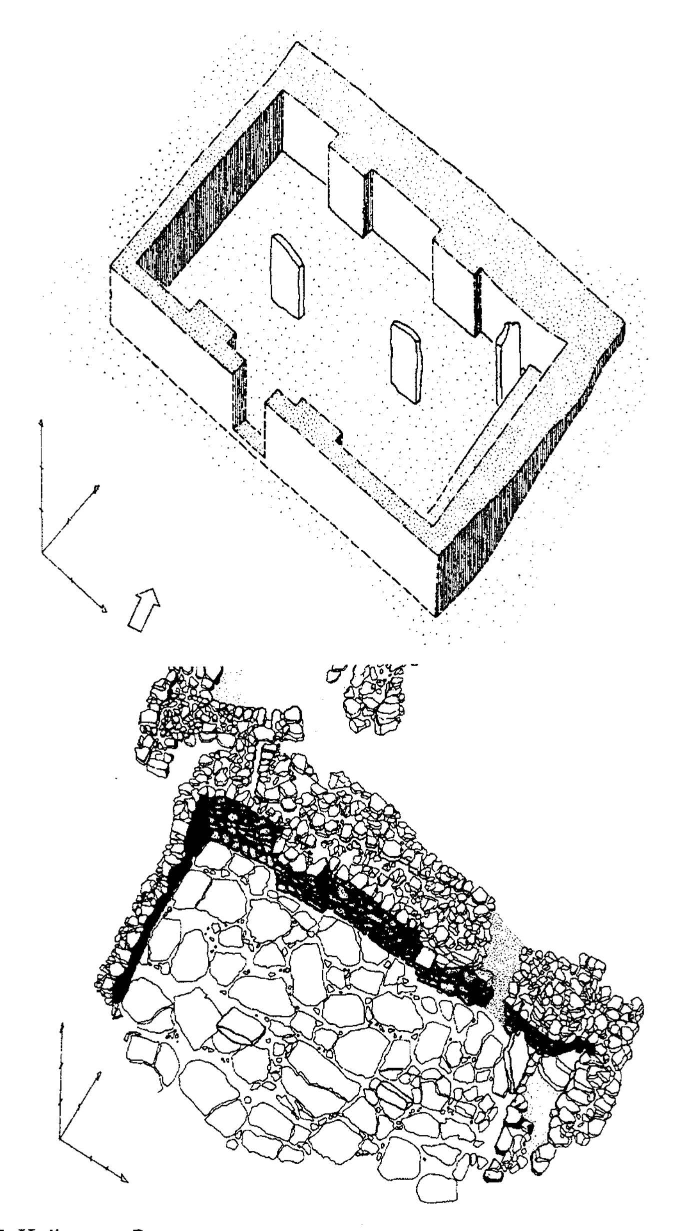

Рис. 15. Чейеню. «Здание с плитами»:

a - изометрическая частичная реконструкция строения;

b - изометрический план расположения камней постройки (по: Schirmer, 1983, abb. 9, 10).

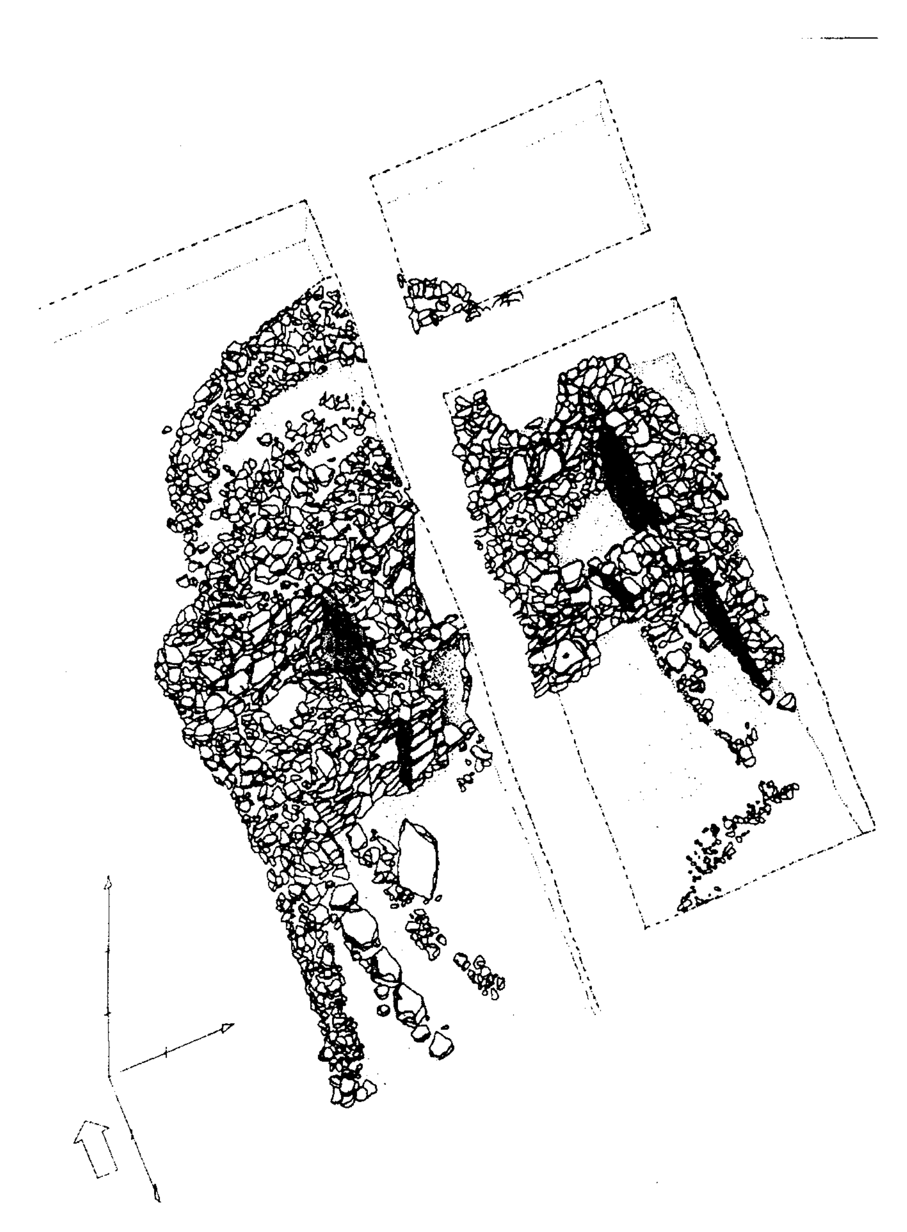

Рис. 16. Чейеню. «Дом Черепов». Изометрический план расположения камней постройки. Видна часть нижнего овального в плане сооружения (ВМ1). Планировка верхнего более позднего строения прямоугольная (ВМ2) (по: Schirmer, 1983, abb. 6).

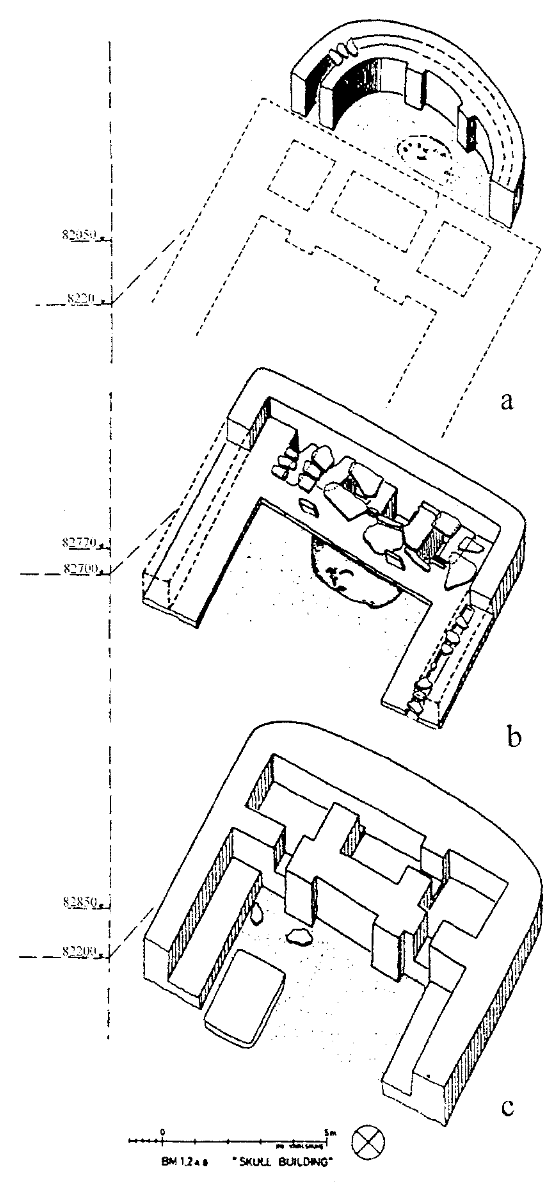

Рис. 17. Чейеню. «Дом Черепов», изометрическая частичная реконструкция:

а - раннего уровня, BM1;

b, c – позднейшие перестройки, BM2 (по: Schirmer, 1990, fig. 12).

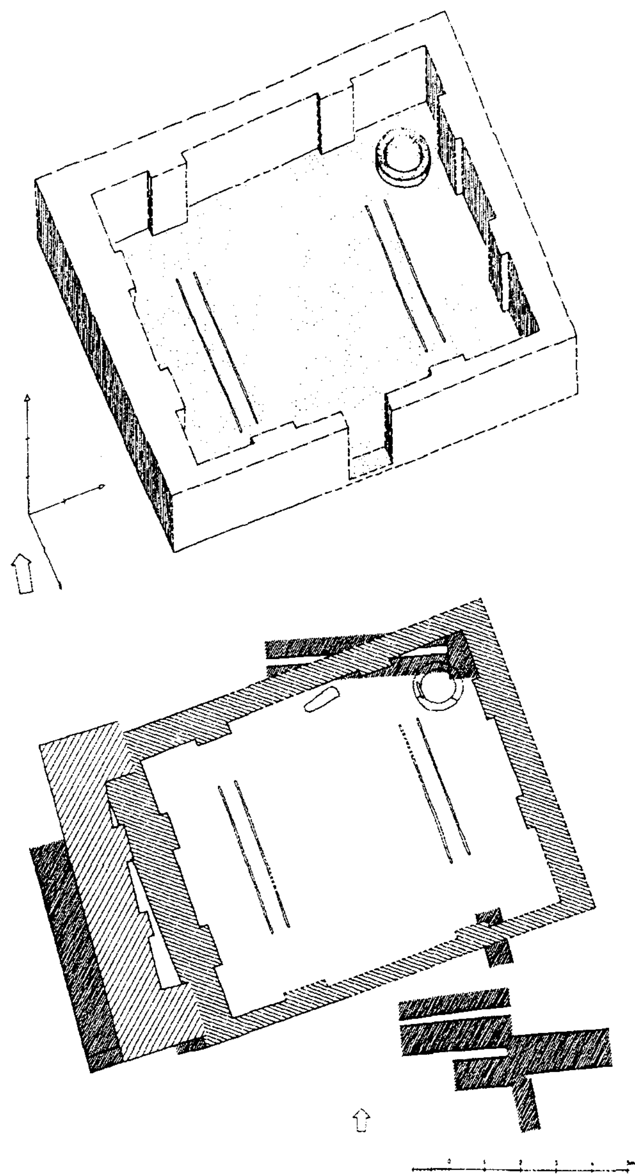

Рис. 18. Чейеню. «Здание с мозаичным полом»:

a - изометрическая частичная реконструкция;

b - план наиболее хорошо сохранившегося уровня с планами предшествующего (сильно заштрихован) и последующего (слабо заштрихован) строений (по: Schirmer, 1983, abb. 3, 4).

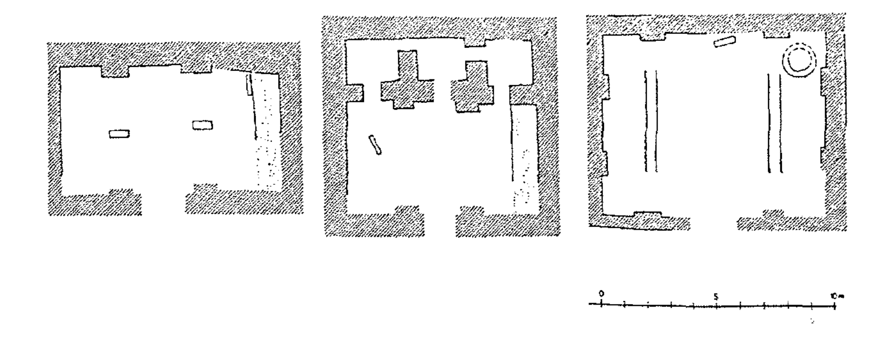
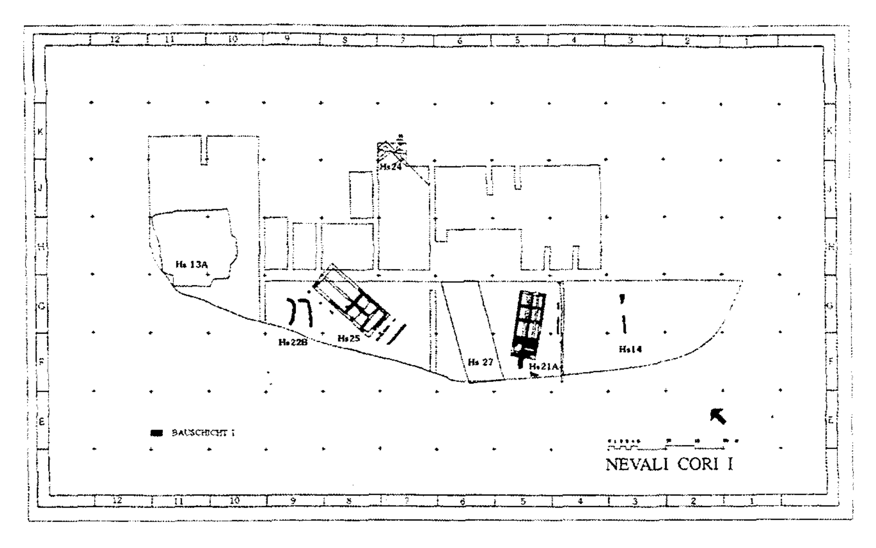
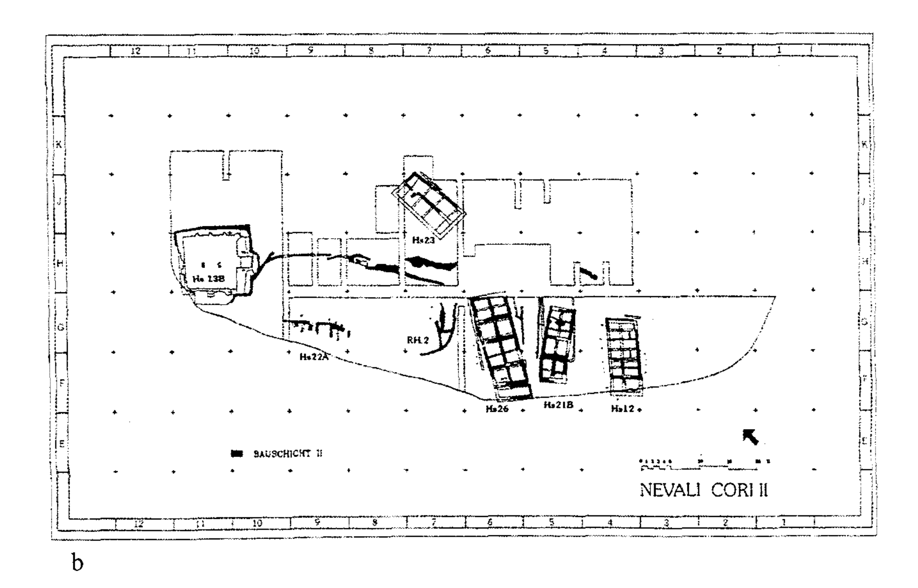

Рис. 19. Чейеню. План «Здания с плитами» (a). План «Дома черепов» (b). План «Здания с мозаичным полом» (c) (по: Schirmer, 1983, abb. 11).

a

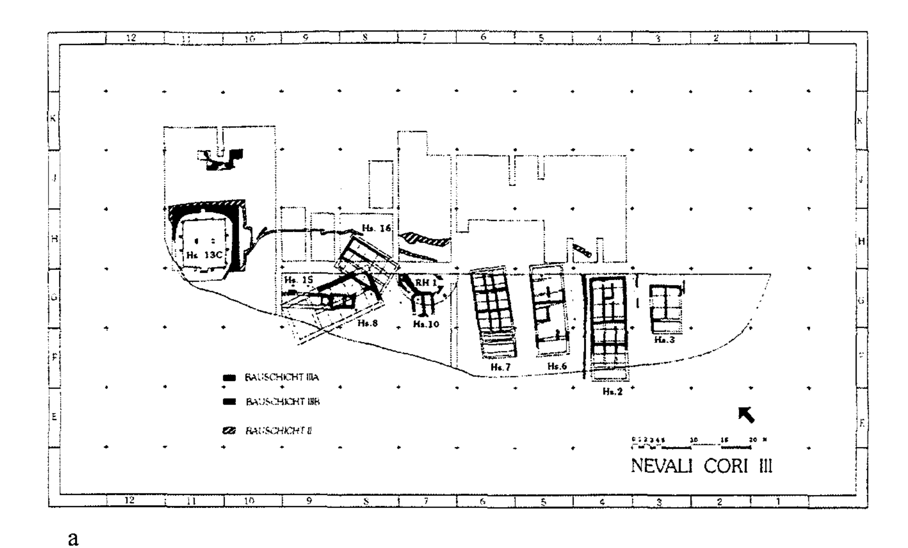

b

Рис. 20. Невали Чори. План поселения:

a - Уровень I;

b - Уровень II (по: Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 1-2).

a

b

Рис. 21. Невали Чори. План поселения:
a – Уровень III
b - Уровень IV (по: Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 3-4).

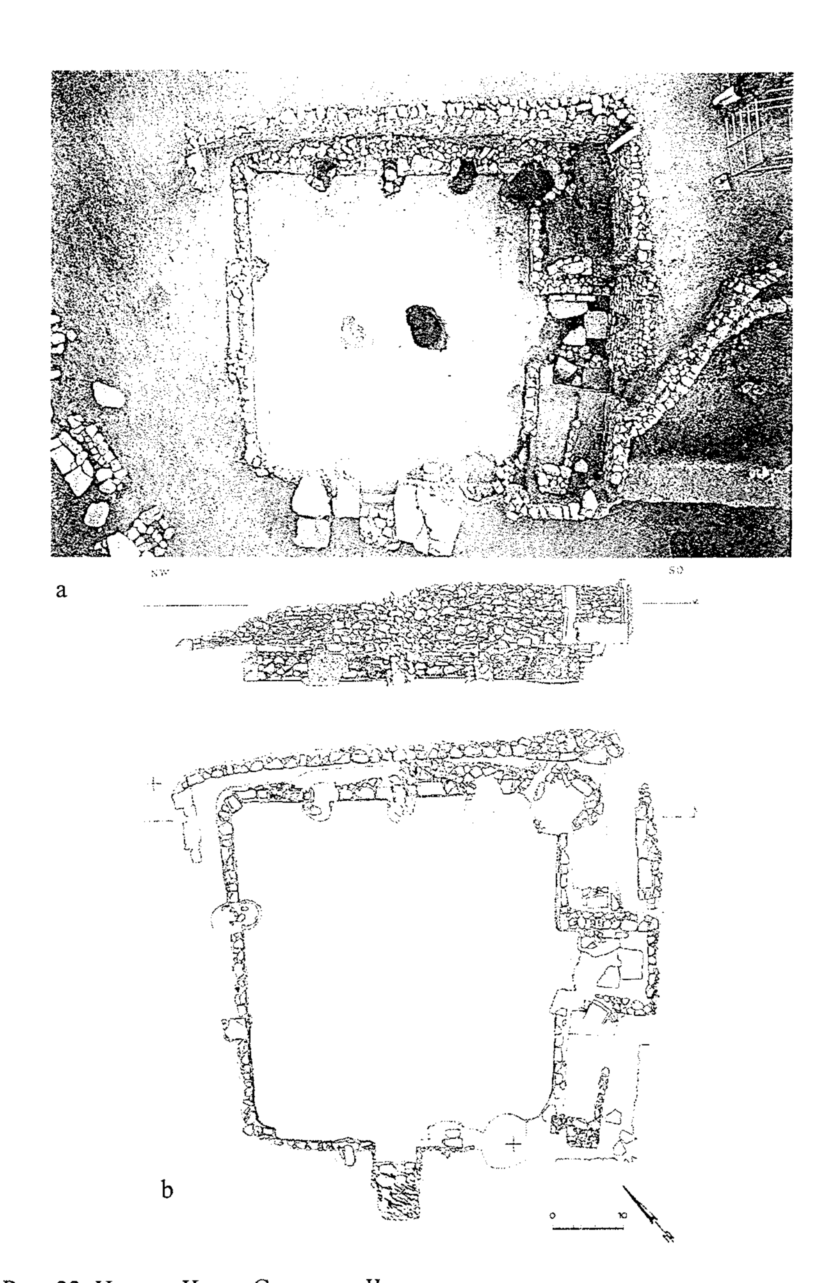

Рис. 22. Невали Чори. Строение II:
а - фотография сверху (по: Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 7);
b – план (по: Hauptmann, 1993, add 4).

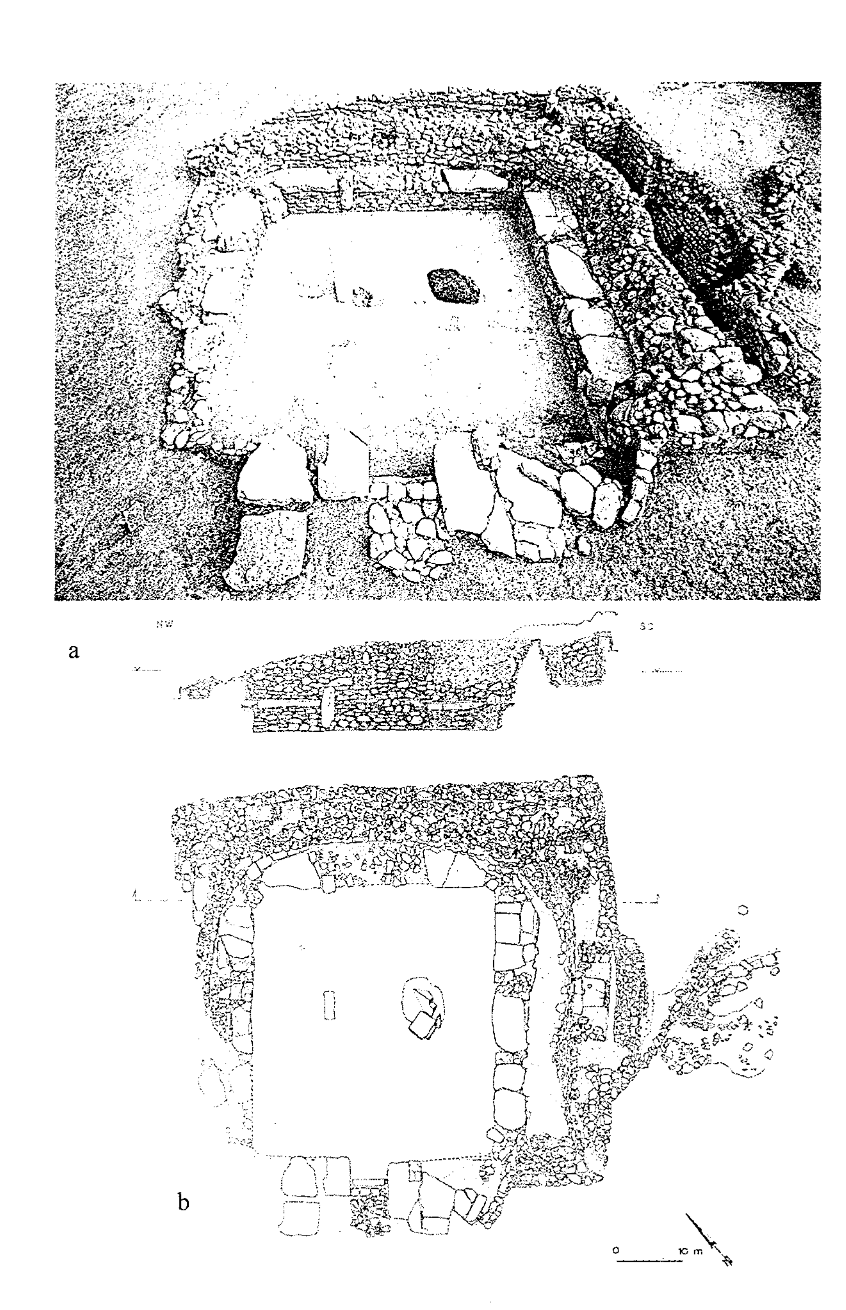

Рис. 23. Невали Чори. Строение III:
а – фотография сверху (по: Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 8);
b - план (по: Hauptmann, 1993, abb. 9).

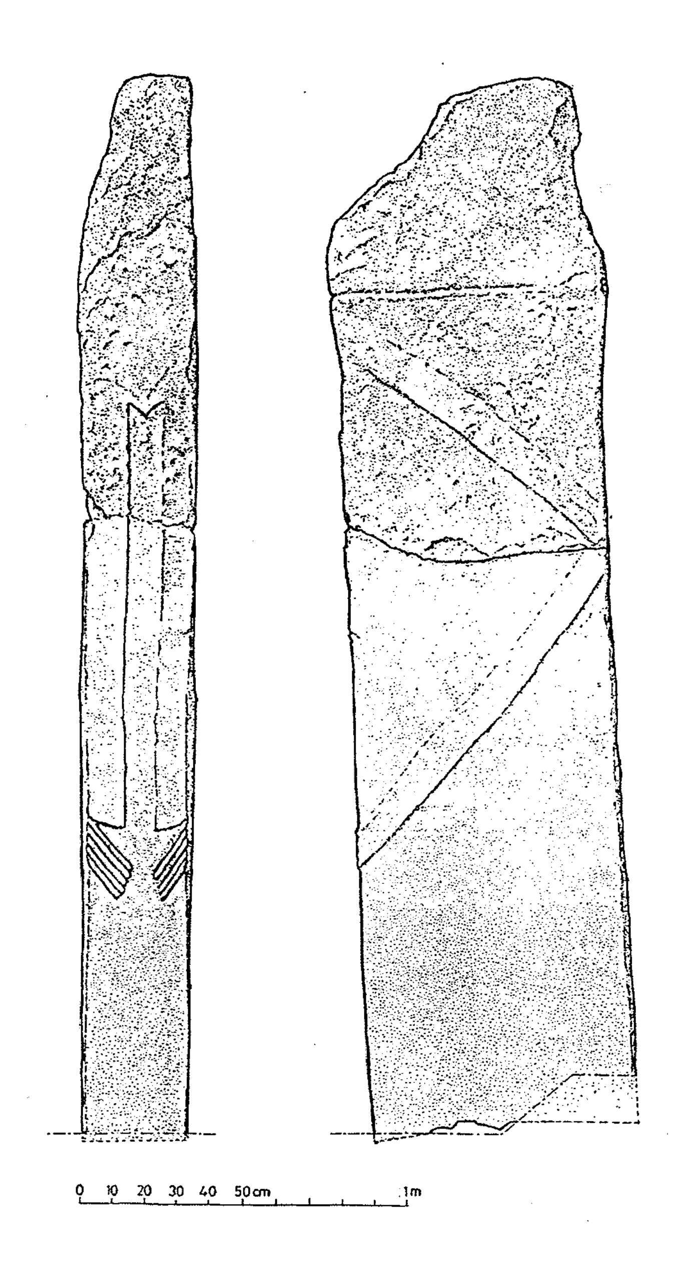

Рис. 24. Невали Чори. Строение III. Антропоморфная стела, высота – 2.35 м (по: Hauptmann H., 1993, abb. 16).

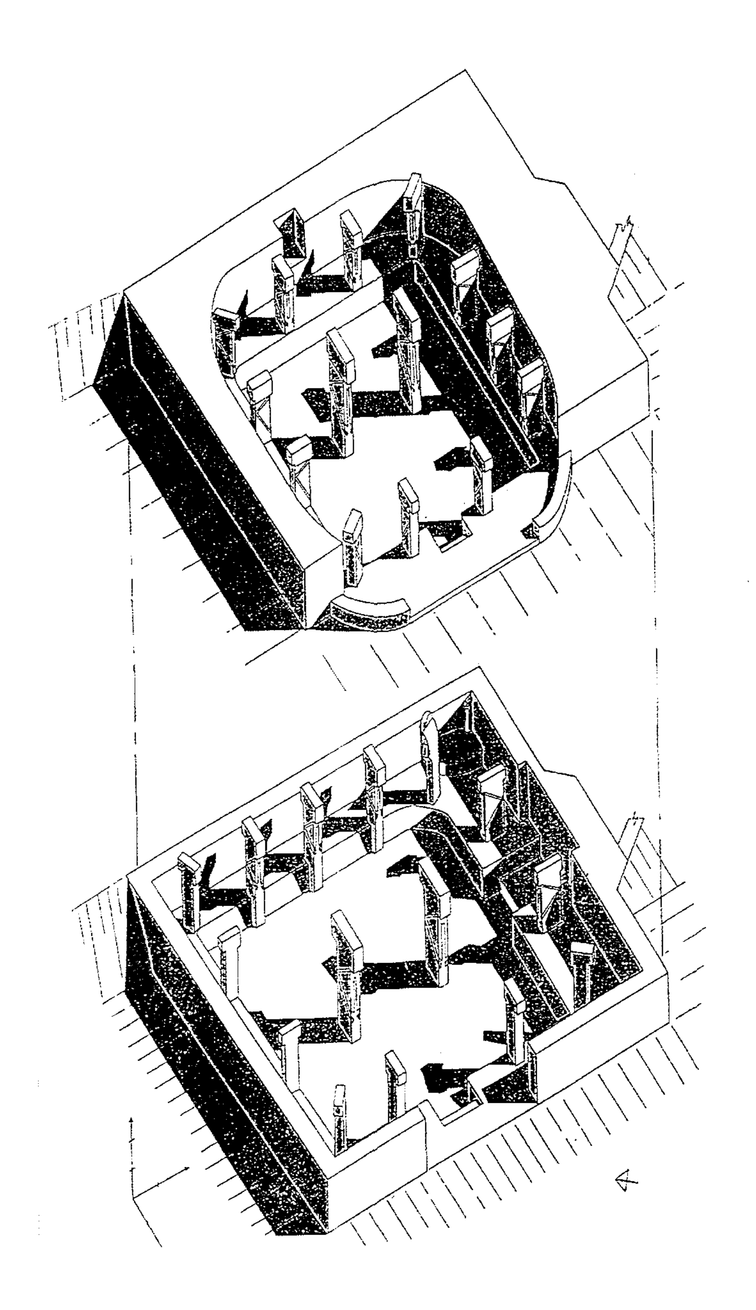

Рис. 25. Невали Чори. Аксонометрическая реконструкция Строения II и Строения III (по: Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 9).

Рис. 26. Невали Чори. Строение III. Фрагмент скульптуры, изображающий голову антропоморфного существа с косой на затылке, высота – 37см. Найден замурованным в основании ниши (по: Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 10).

Рис. 27. Невали Чори. Строение III. Фигурка птицечеловека, высота – 23 см (по: Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 12A-B).

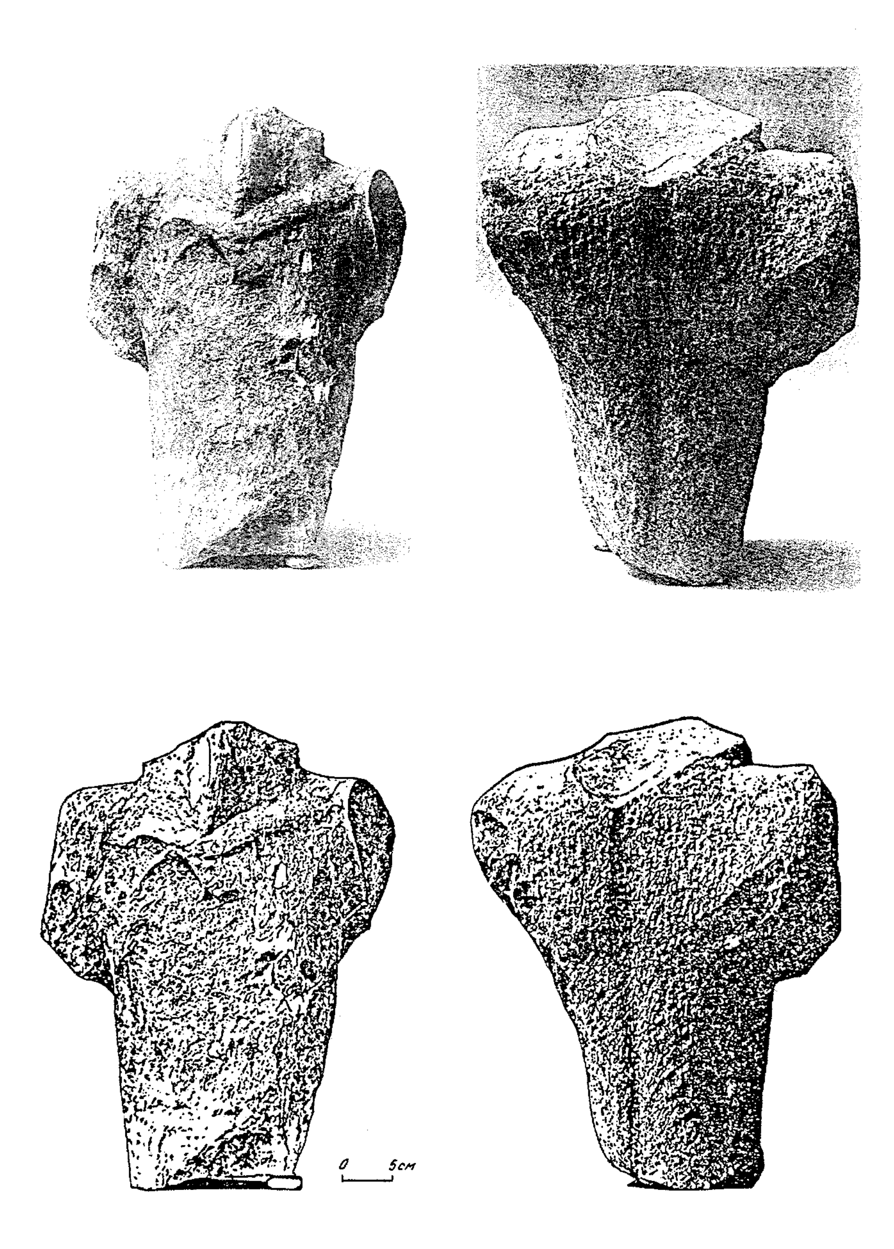

Рис. 28. Невали Чори. Строение III. Фрагмент скульптуры, изображающий человеческий торс, высота – 37 см. Найден на полу перед нишей (по: Hauptmann H., 1993, abb. 22a.b.; Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 11A-B).

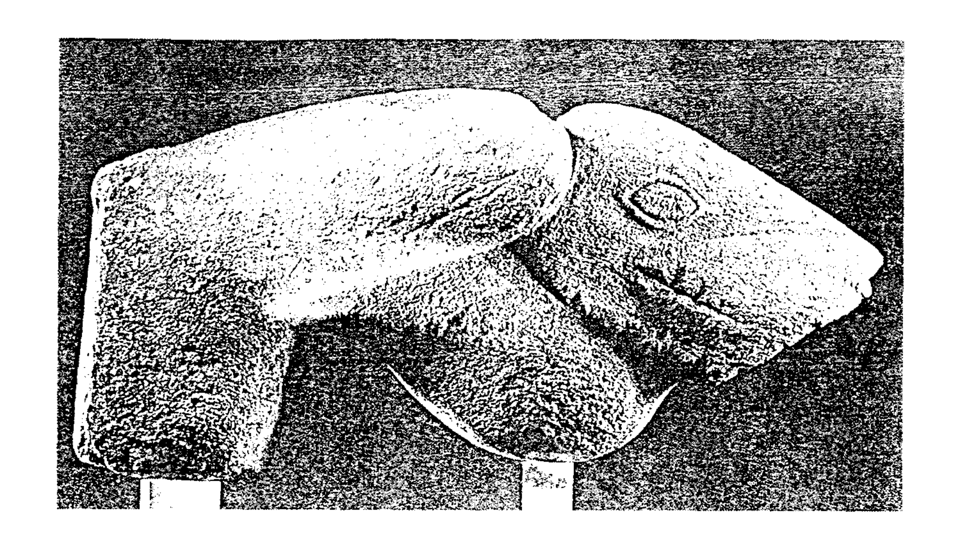

Рис. 29. Невали Чори. Строение II. Фрагмент скульптуры, изображающей летящую птицу, длина – 50 см (по: Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 15).

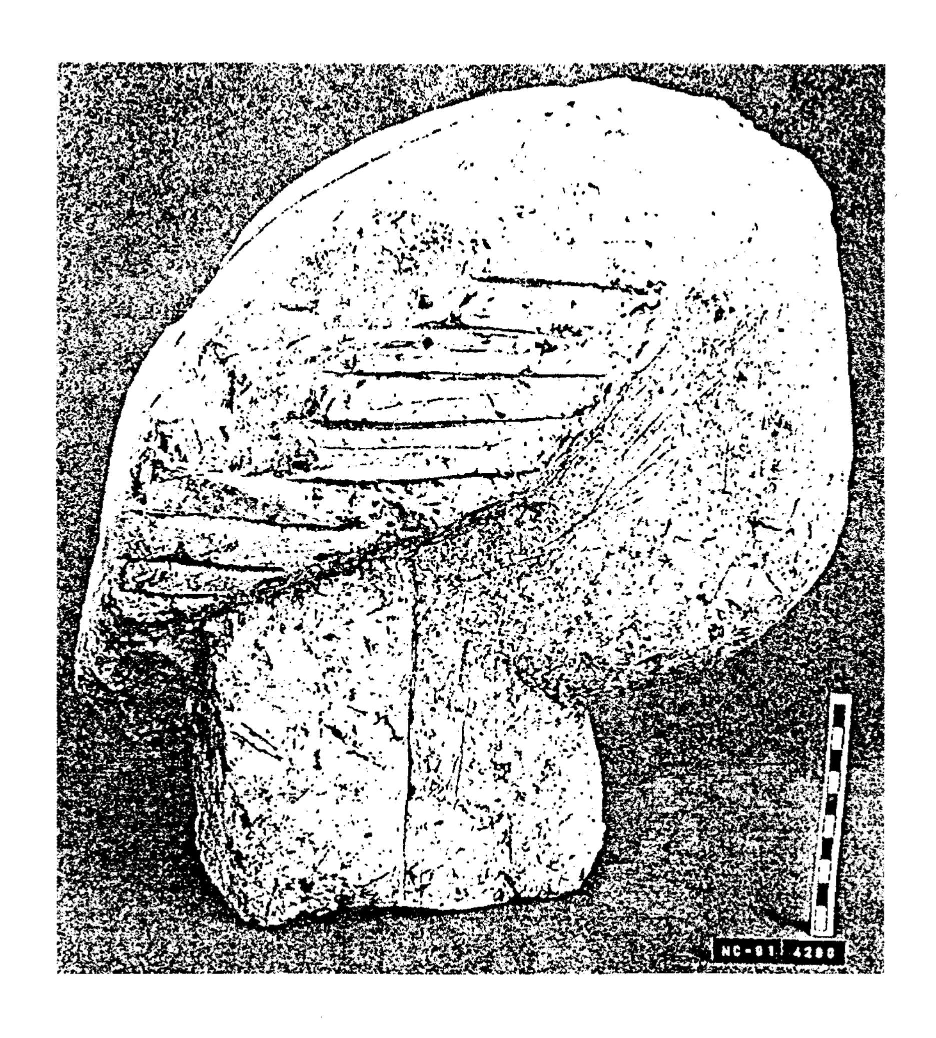

Рис. 30. Невали Чори. Фрагмент скульптуры, изображающей стоящую птицу, высота – 34 см (по: Hauptmann, 1993, abb. 24).

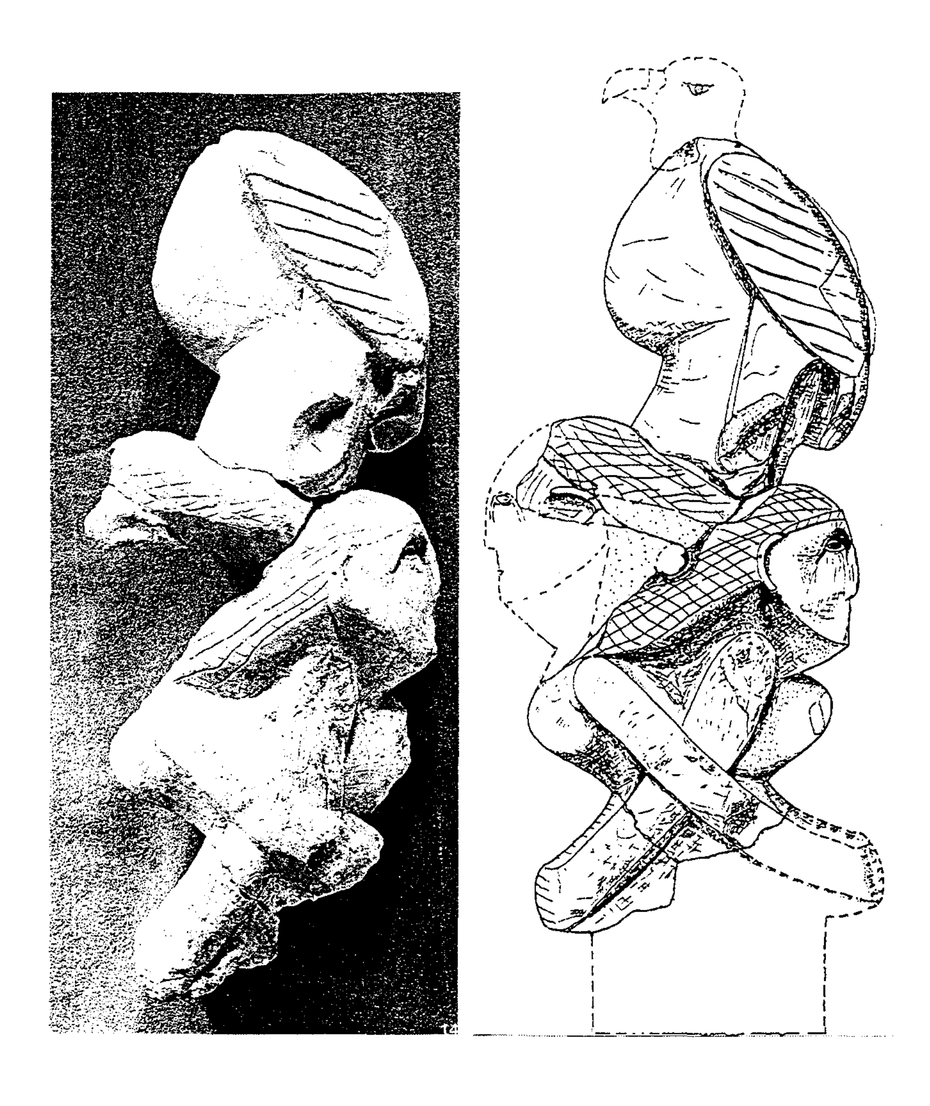

Рис. 31. Невали Чори. Скульптурная композиция, реконструированная из 4 фрагментов, высота – 1 м (по: Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 14A-B).

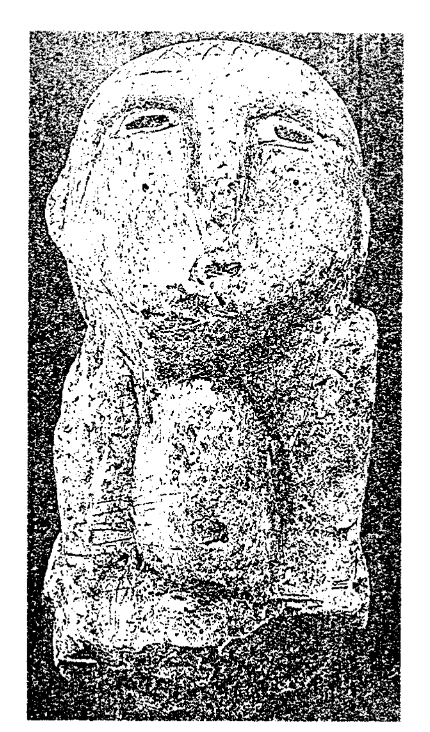

Рис. 32. Невали Чори. Скульптура птицечеловека, высота – 0.6 м (по: Hauptmann, 1993, abb.25a.b.).

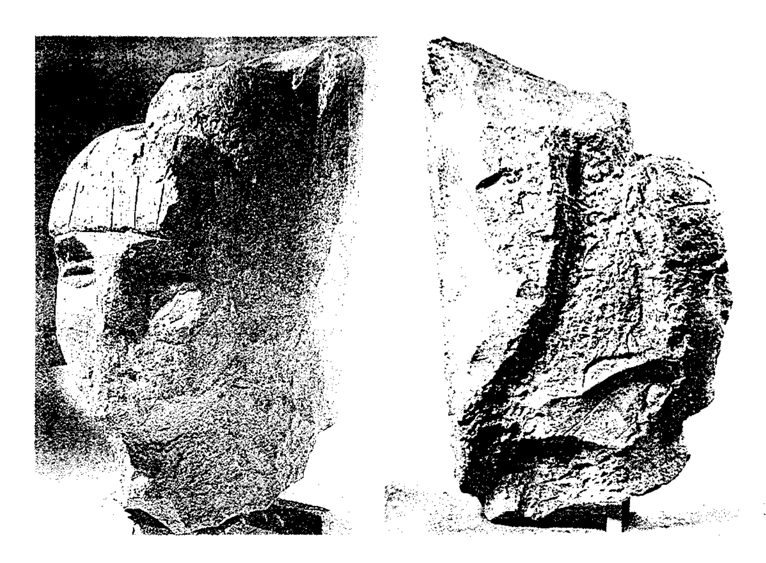
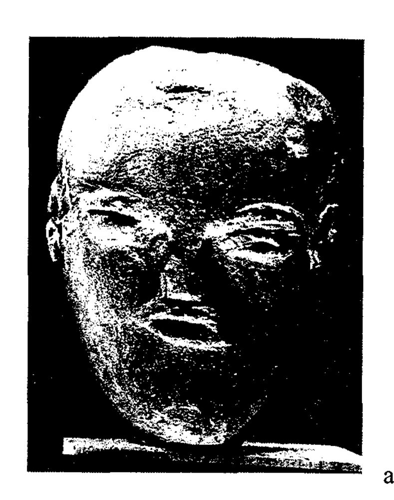

Рис. 33. Невали Чори. Фрагмент скульптуры женского (?) существа, высота – 29 см. Найден замурованным в стену постройки на жилой части поселения (по: Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 13A-B).

Рис. 34. Невали Чори. Фрагмент стенки каменного сосуда с рельефным изображением танцующих (?) фигур, высота – 0.135 м (по: Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 16).

a

b

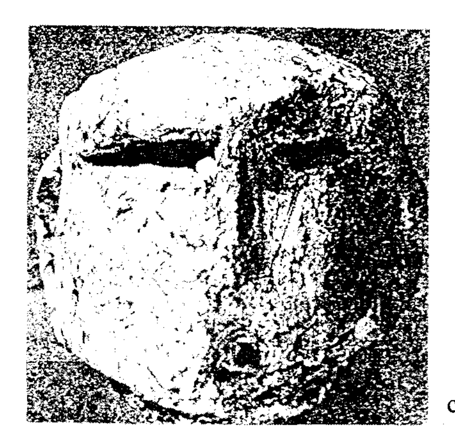

c

Рис. 35. Невали Чори. Миниатюрные скульптуры человеческих голов из «мастерской скульптора»:

a - высота 5.9 см;

b – высота 9 см;

c - высота 6 см (по: Mellink, 1992, fig.7-8; Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 18).

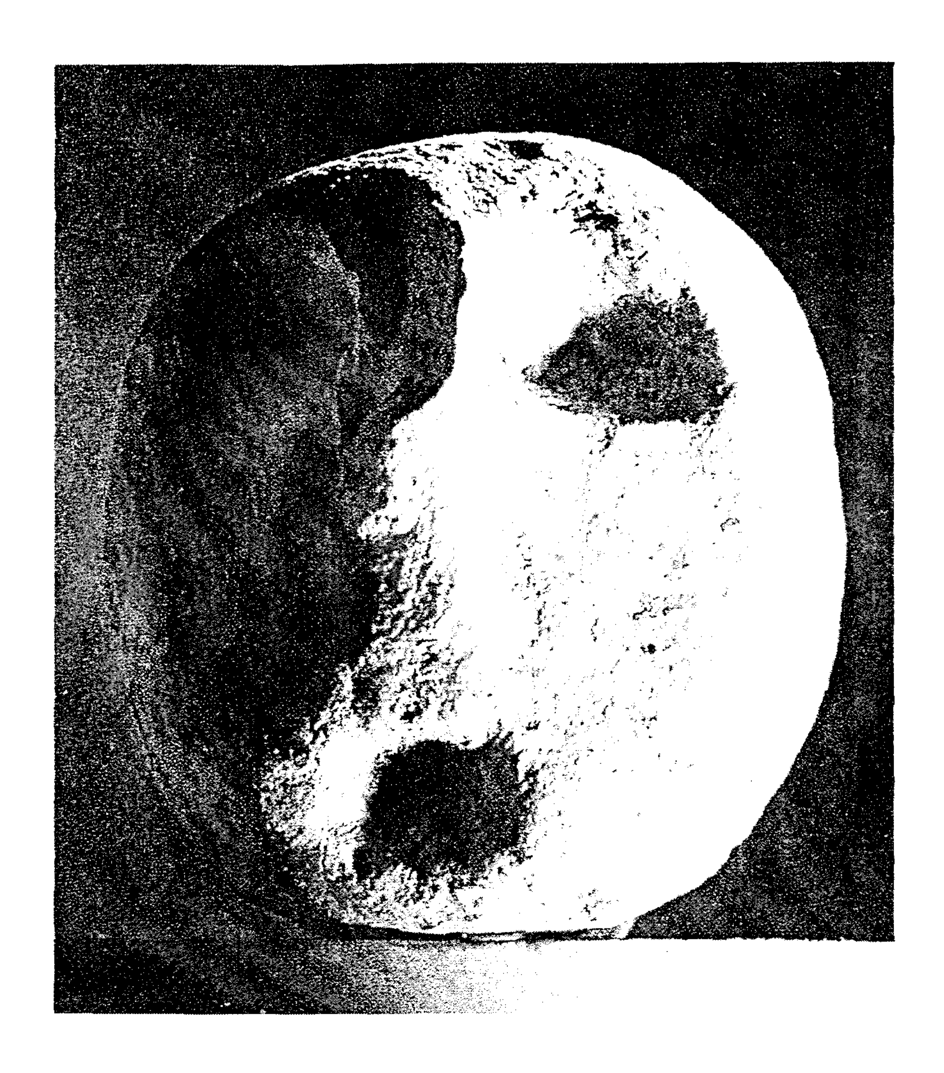

Рис. 36. Невали Чори. Миниатюрная скульптура – маска, изображающая человеческое лицо, высота – 4.4 см. Из «мастерской скульптора» (по: Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 19).

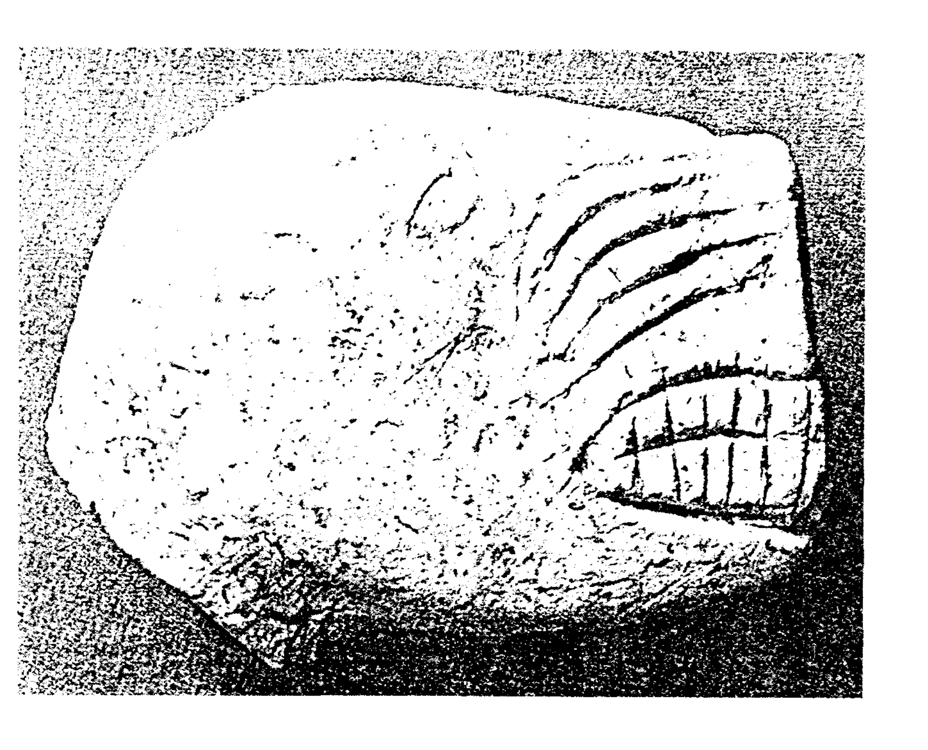

Рис. 37. Невали Чори. Фрагмент миниатюрной зооморфной скульптуры (высота - 4.4 см) из «мастерской скульптора» (по: Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 20).

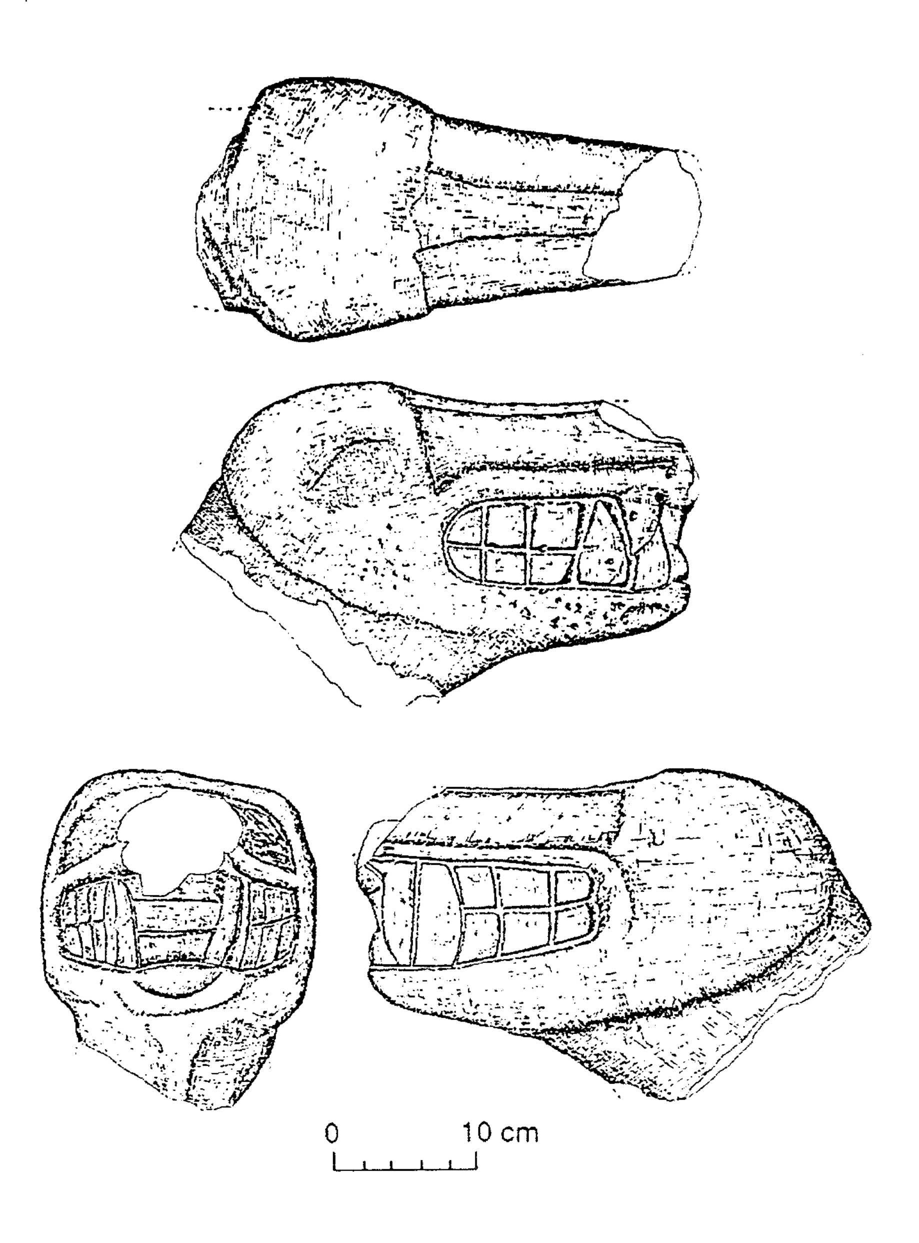

Рис. 38. Гебекли Тепе. Подъемный материал. Скульптурный фрагмент головы волкообразного существа (по: Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 31).

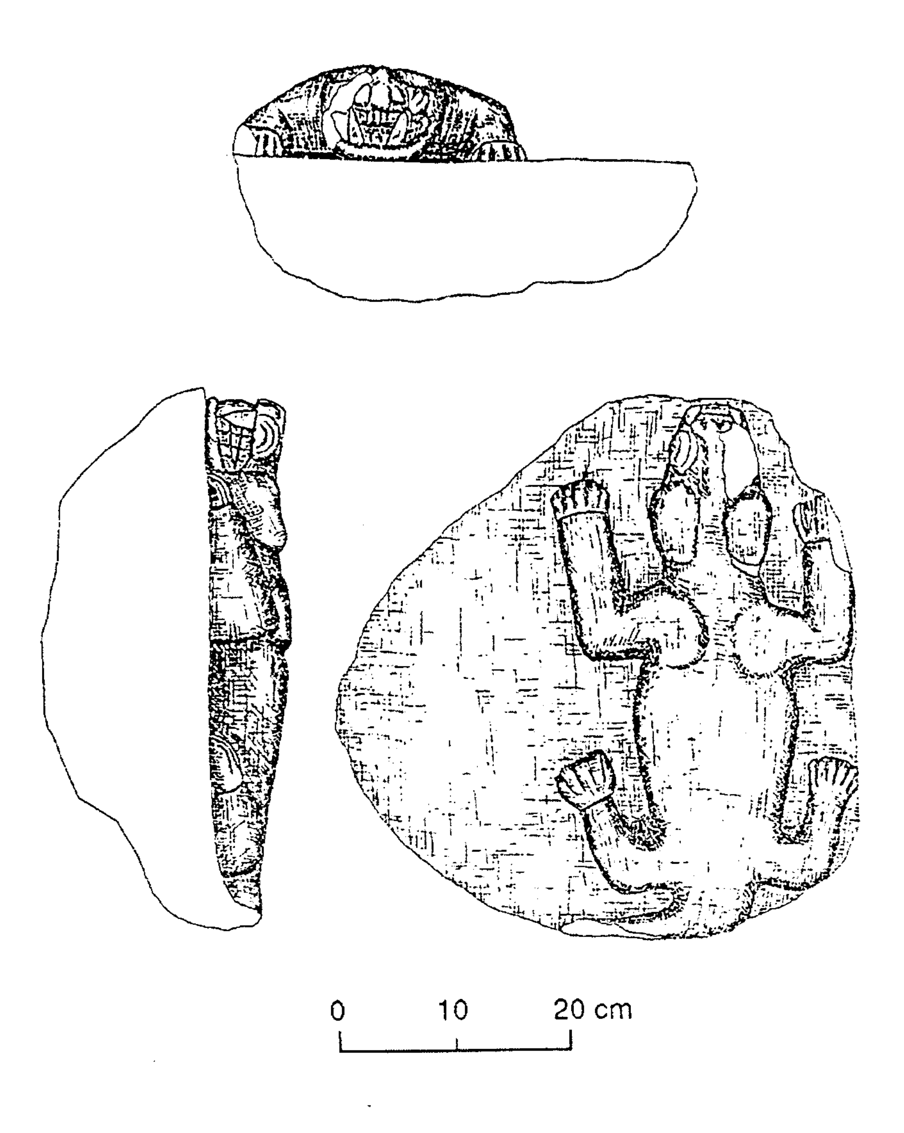

Рис. 39. Гебекли Тепе. Подъемный материал. Рельефное изображение рептилии на фрагменте каменной плиты (по: Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 29).

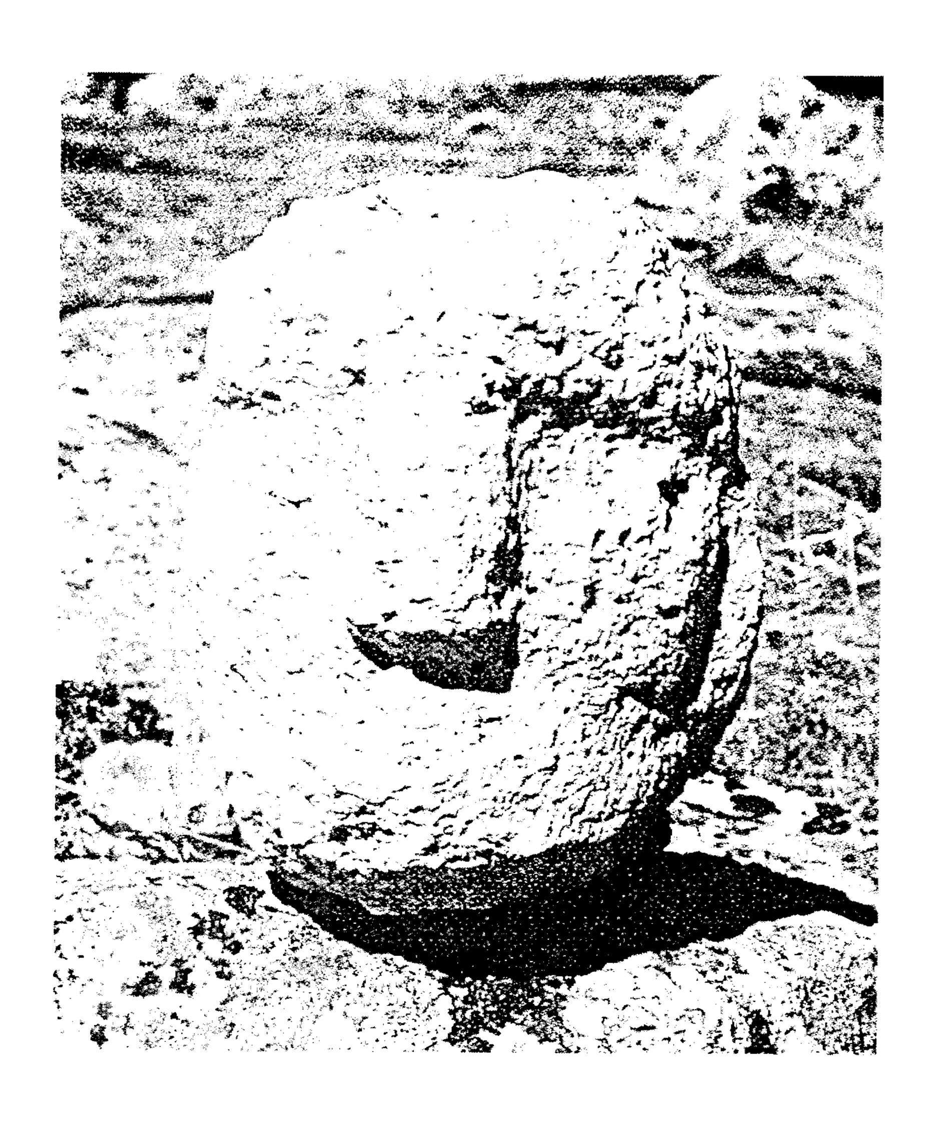

Рис. 40. Гебекли Тепе. Подъемный материал. Скульптурное изображение головы человека, высота – 23 см (по: Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 28).

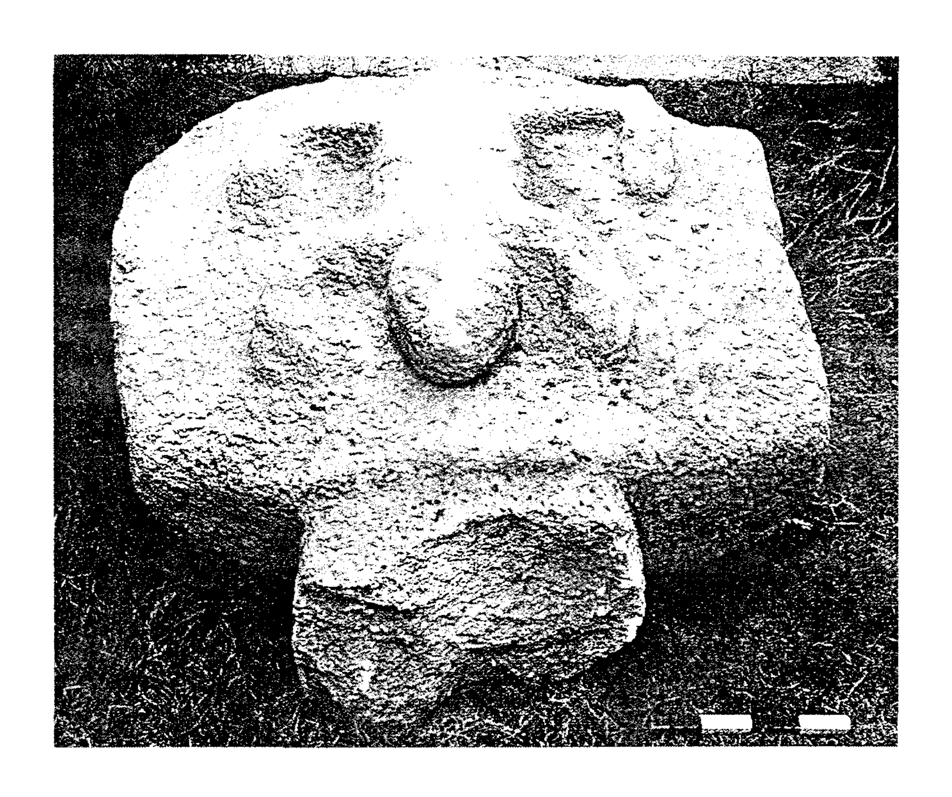

Рис. 41. Гебекли Тепе. Подъемный материал. Рельефное изображение рептилии на Т-образной стеле (по: Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 27).

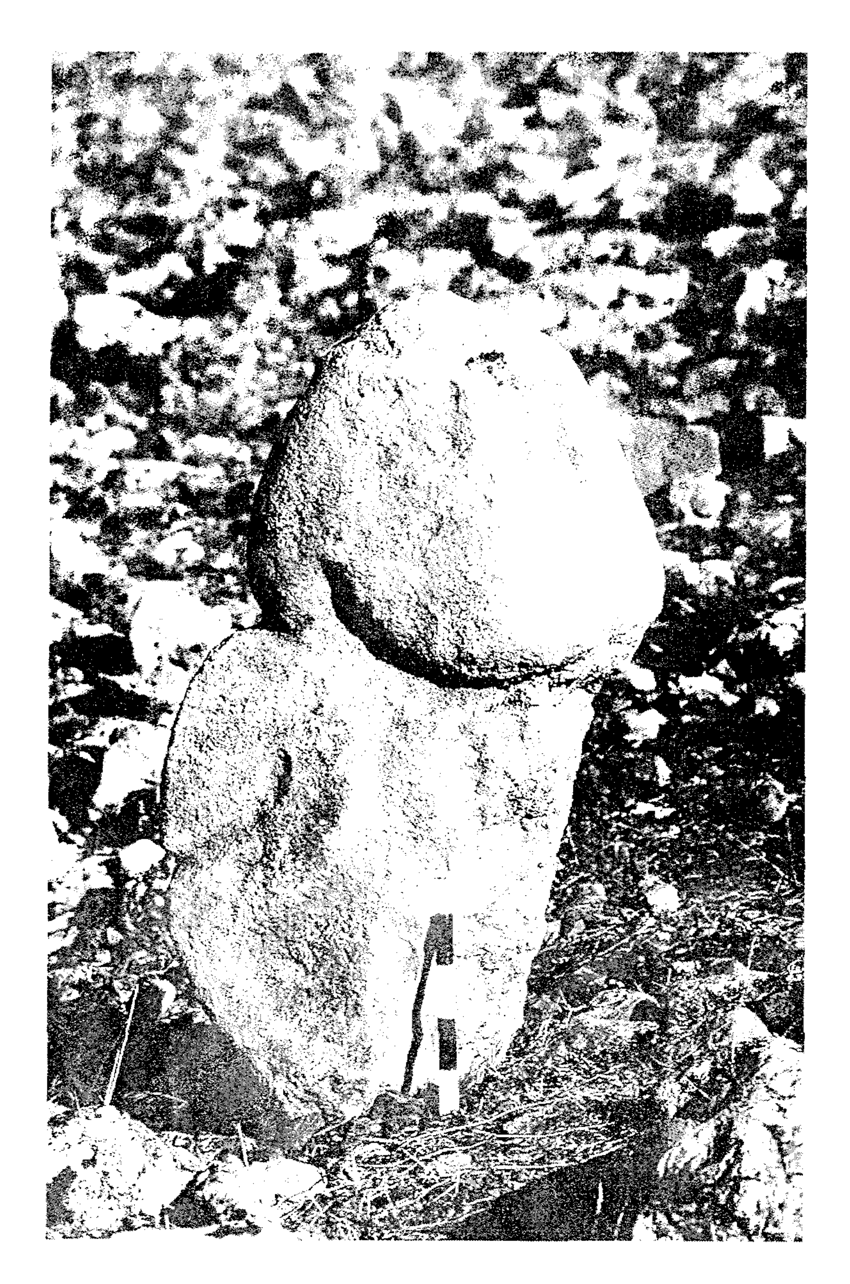

Рис. 42. Гебекли Тепе. Подъемный материал. Скульптурное изображение «птицечеловека», высота – 92 см (по: Schmidt, 1998, abb. 6).

Рис. 43. Гебекли Тепе. Подъемный материал. Скульптурная композиция: животное, сидящее на голове человека (по: Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 25).

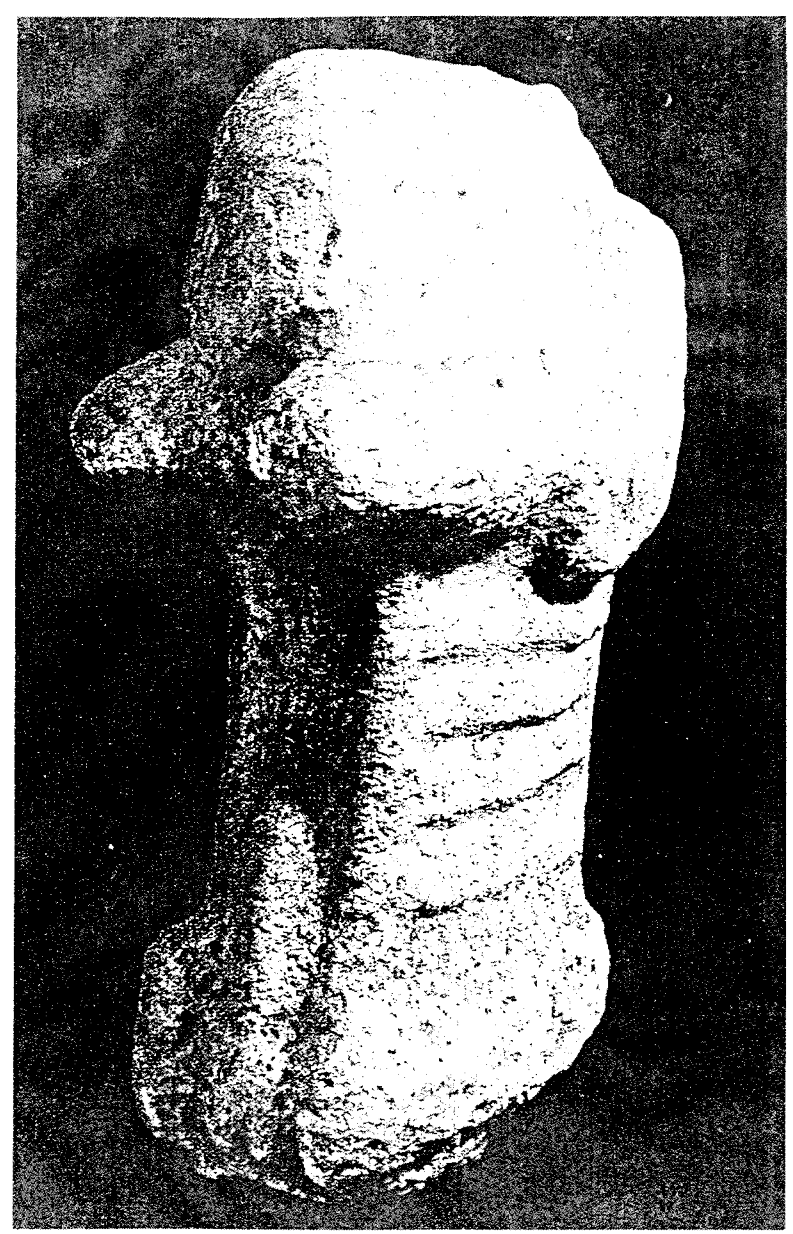

Рис. 44. Гебекли Тепе. Подъемный материал. Скульптурное изображение фаллоса с антропоморфными чертами (по: Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 26).

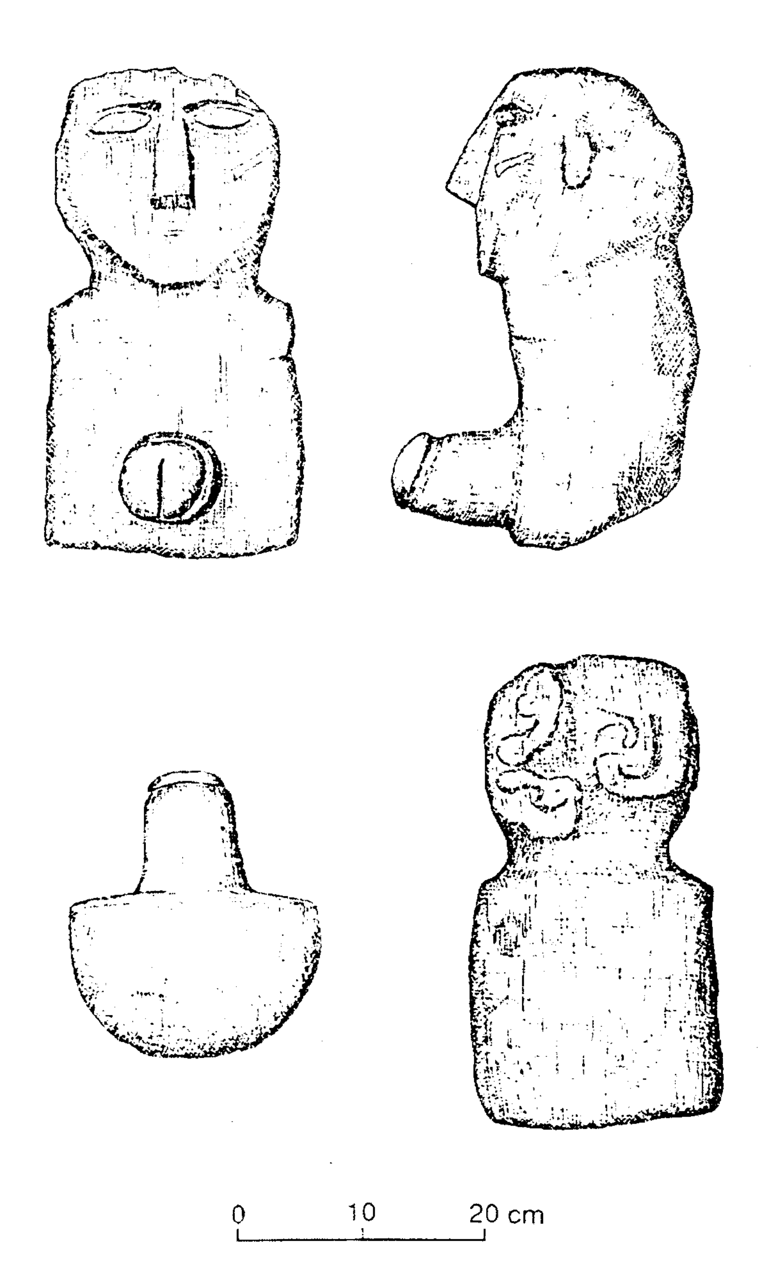

Рис. 45. Гебекли Тепе. Подъемный материал. Скульптурное изображение мужчины (по: Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 33).

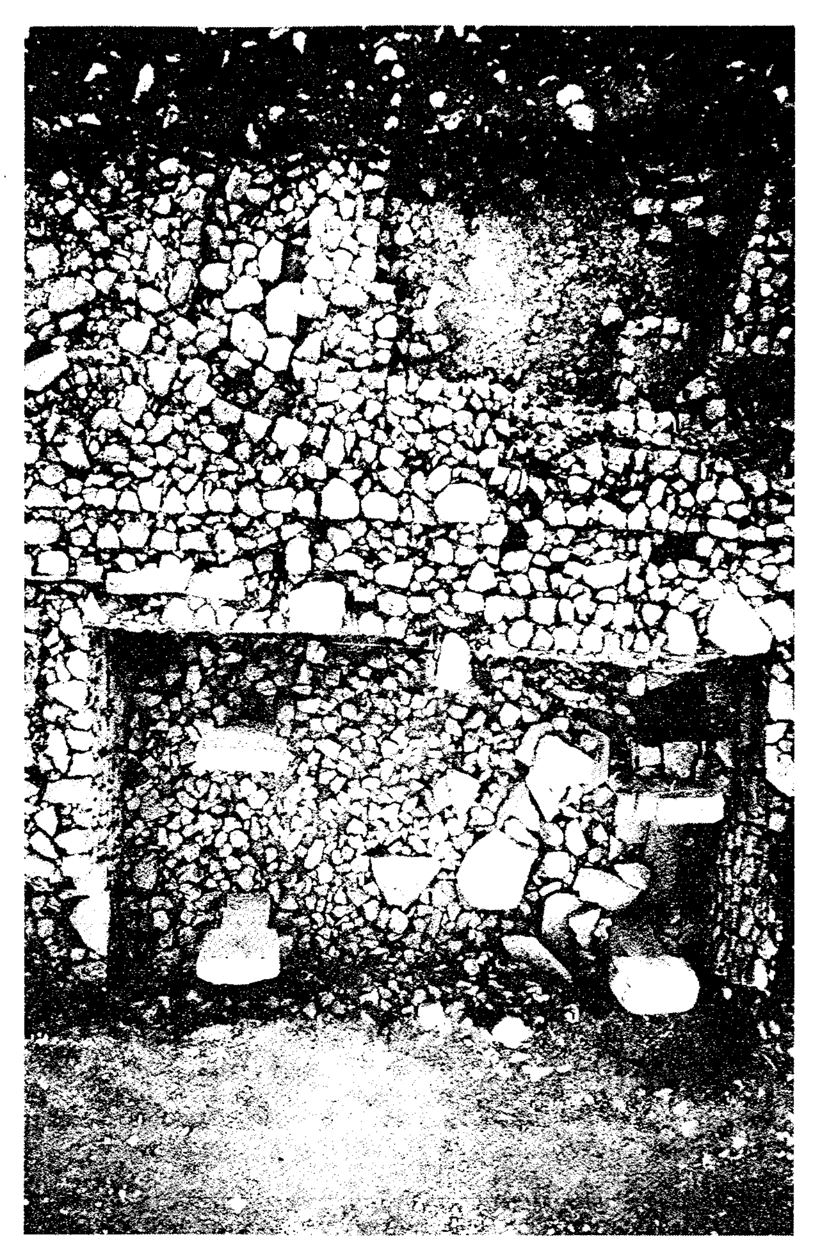

Рис. 46. Гебекли Тепе. Фотография «Здания со львами» в момент раскопок (по: Schmidt, 1998, abb. 8).

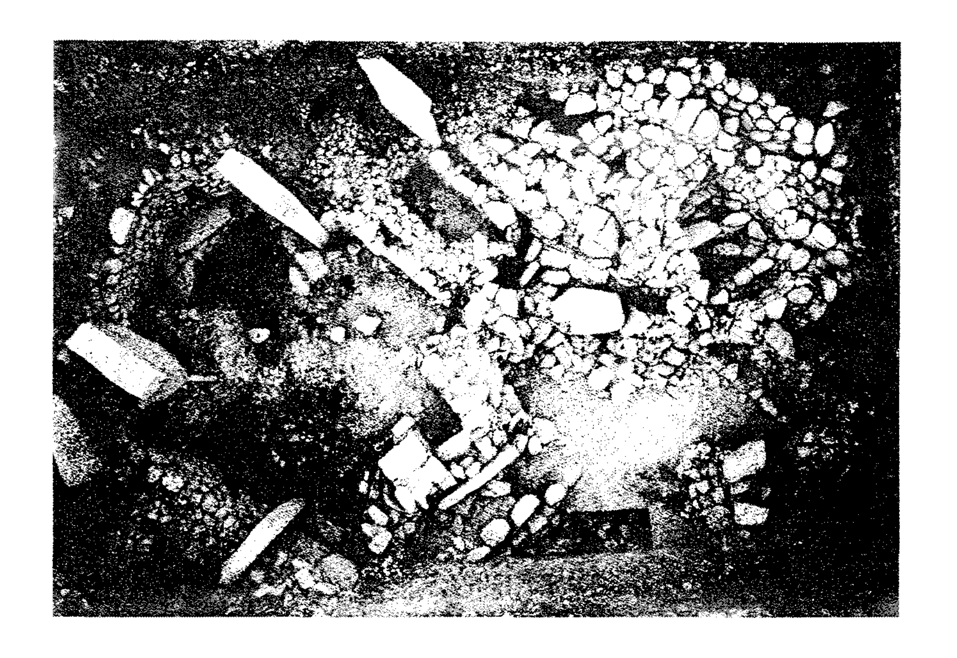

Рис. 47. Гебекли Тепе. Фотография «Здания со змеями» в момент раскопок (по: Schmidt, 1998, abb. 11).

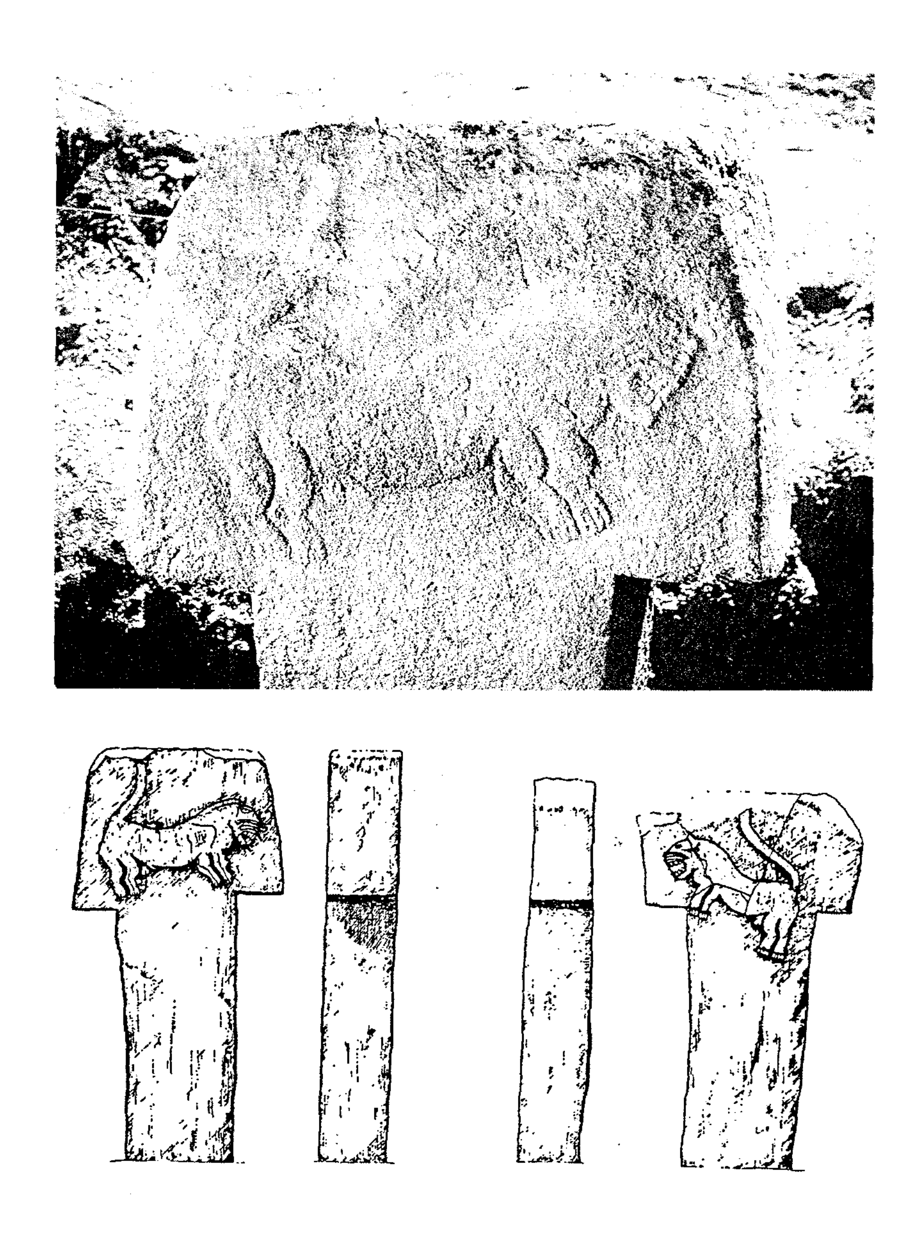

Рис. 48. Гебекли Тепе. «Здание со львами». Стелы с рельефным изображением львов (по: Schmidt, 1998, abb. 10; Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 24).

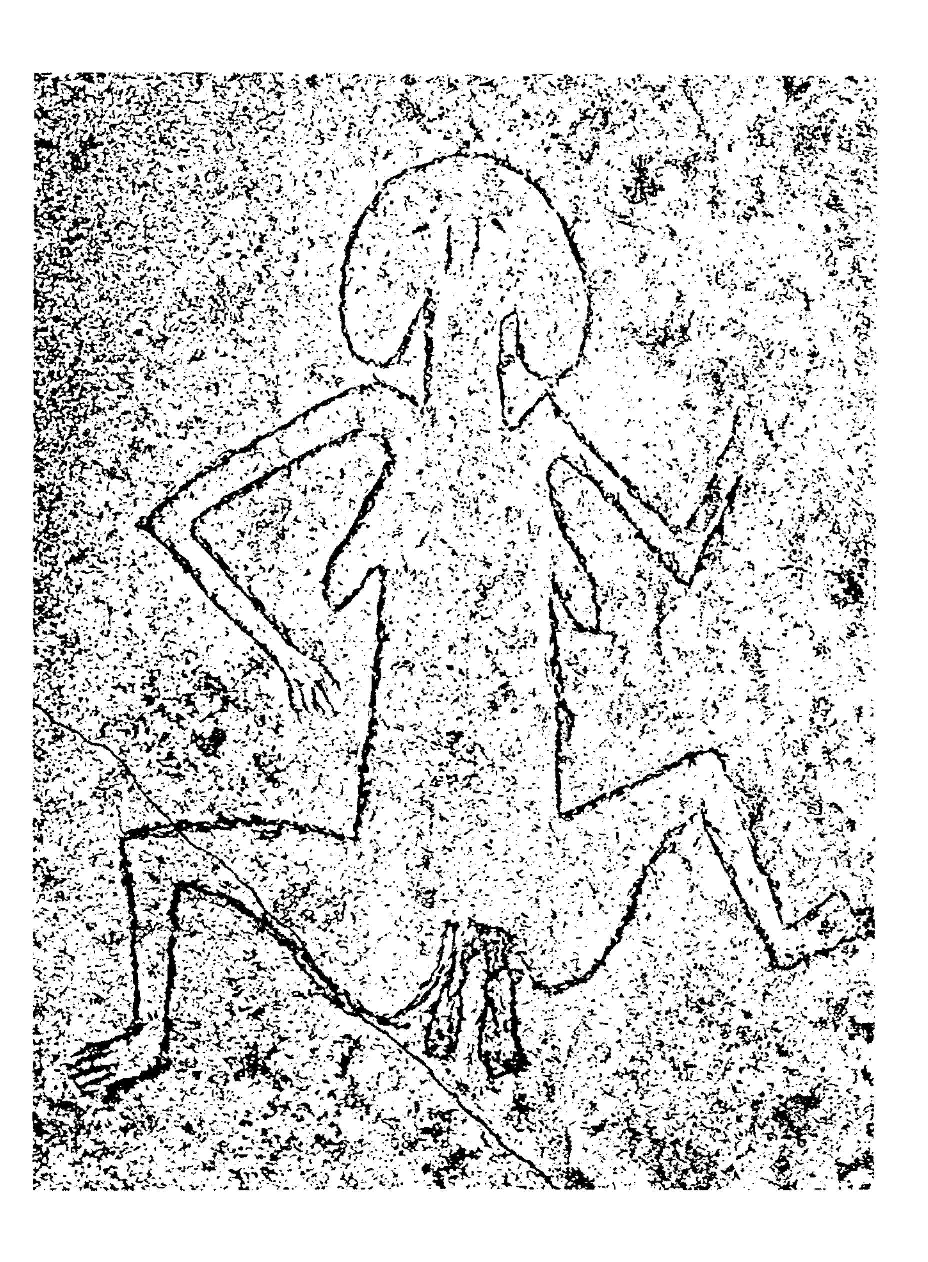

Рис. 49. Гебекли Тепе. «Здание со львами». Рисунок обнаженной женщины, вырезанный на каменной плите. Высота изображения - 28 см. (по: Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 35).

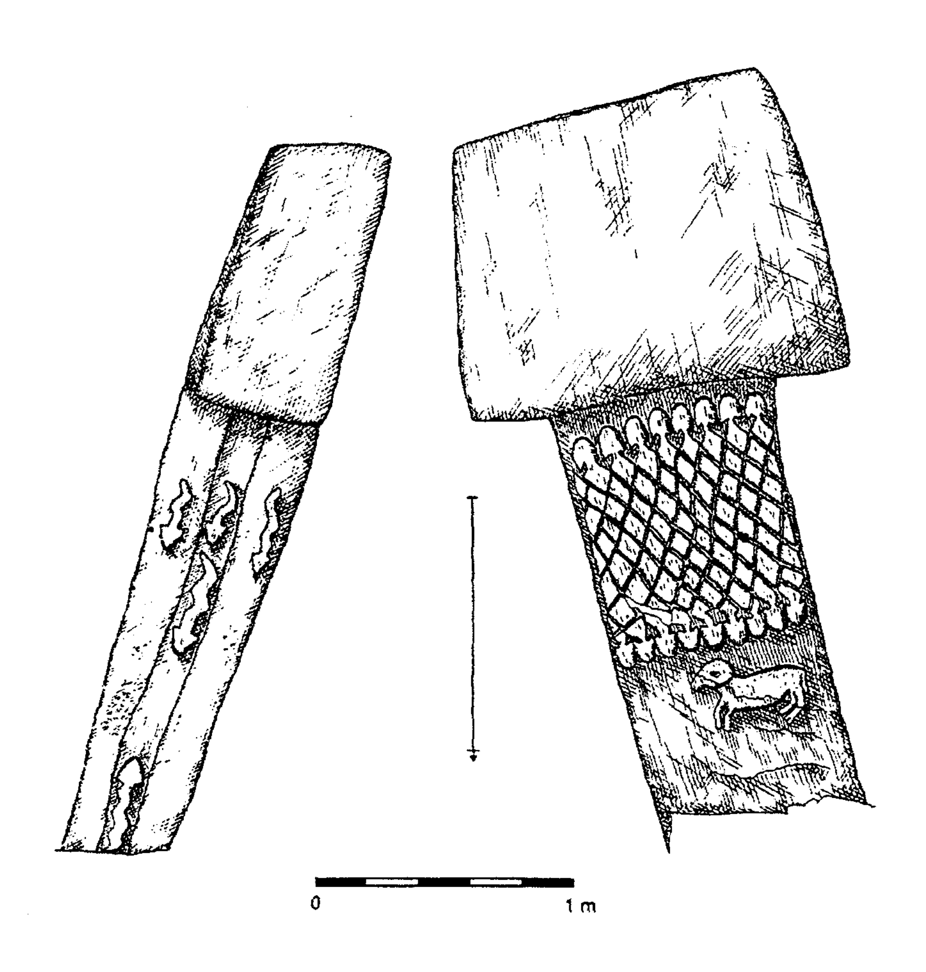

Рис. 50. Гебекли Тепе. «Здание со змеями». Столб I, высота – 3.15 м (по: Schmidt, 1998, abb. 13-14).

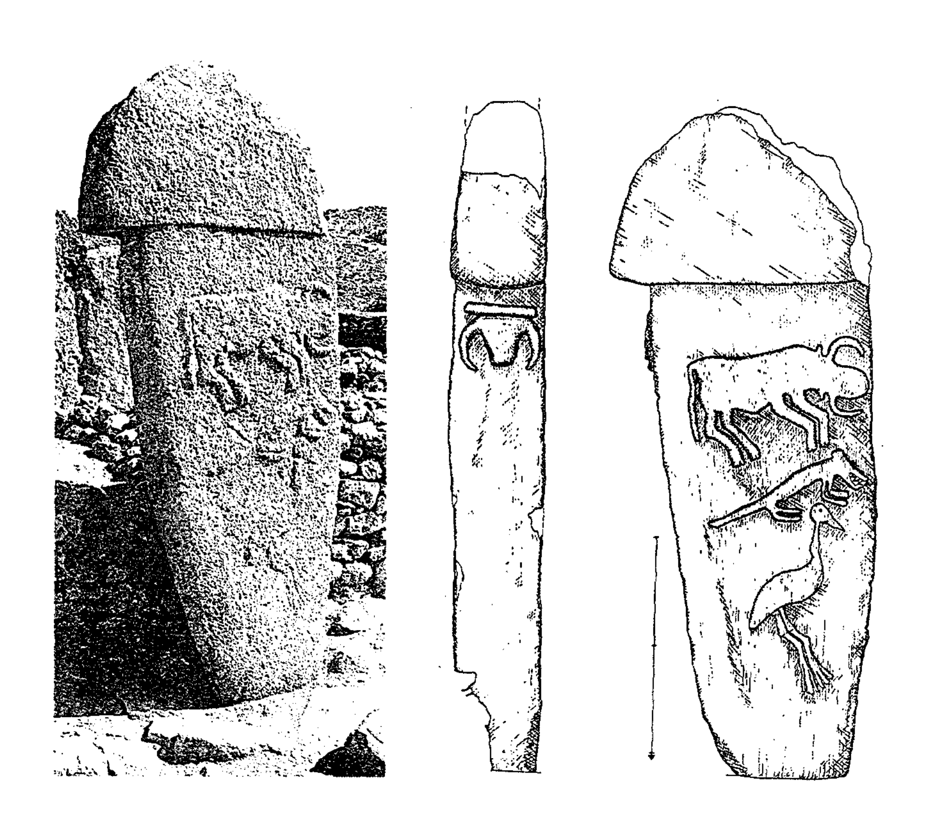

Рис. 51. Гебекли Тепе. «Здание со змеями». Столб II, высота – 3.15 м
(по: Schmidt, 1998, abb. 15-17).

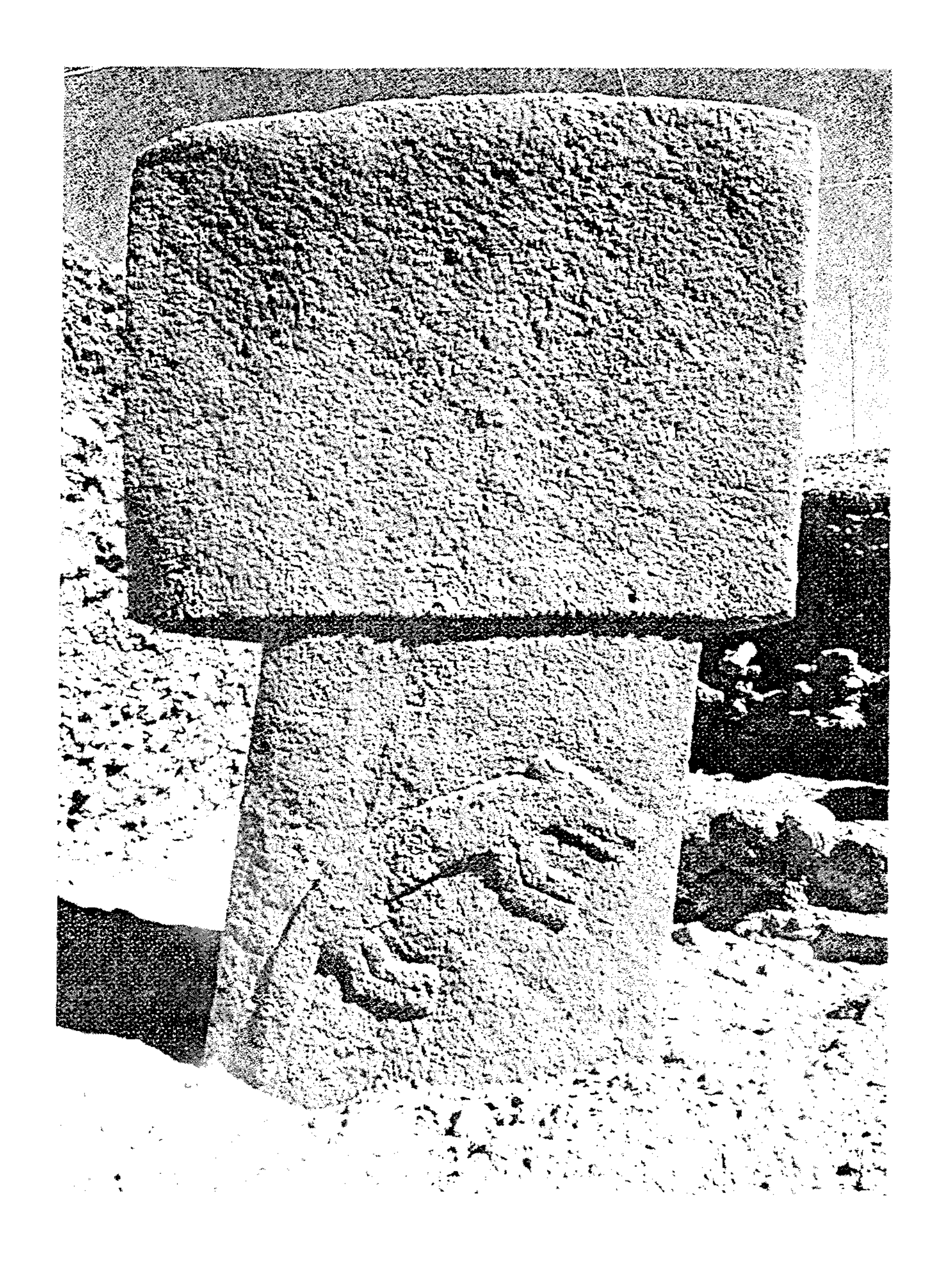

Рис. 52. Гебекли Тепе. «Здание со стелами». Столб III, на момент публикации до конца не раскопан (по: Hauptmann, 1999 // NT. Fig. 30).

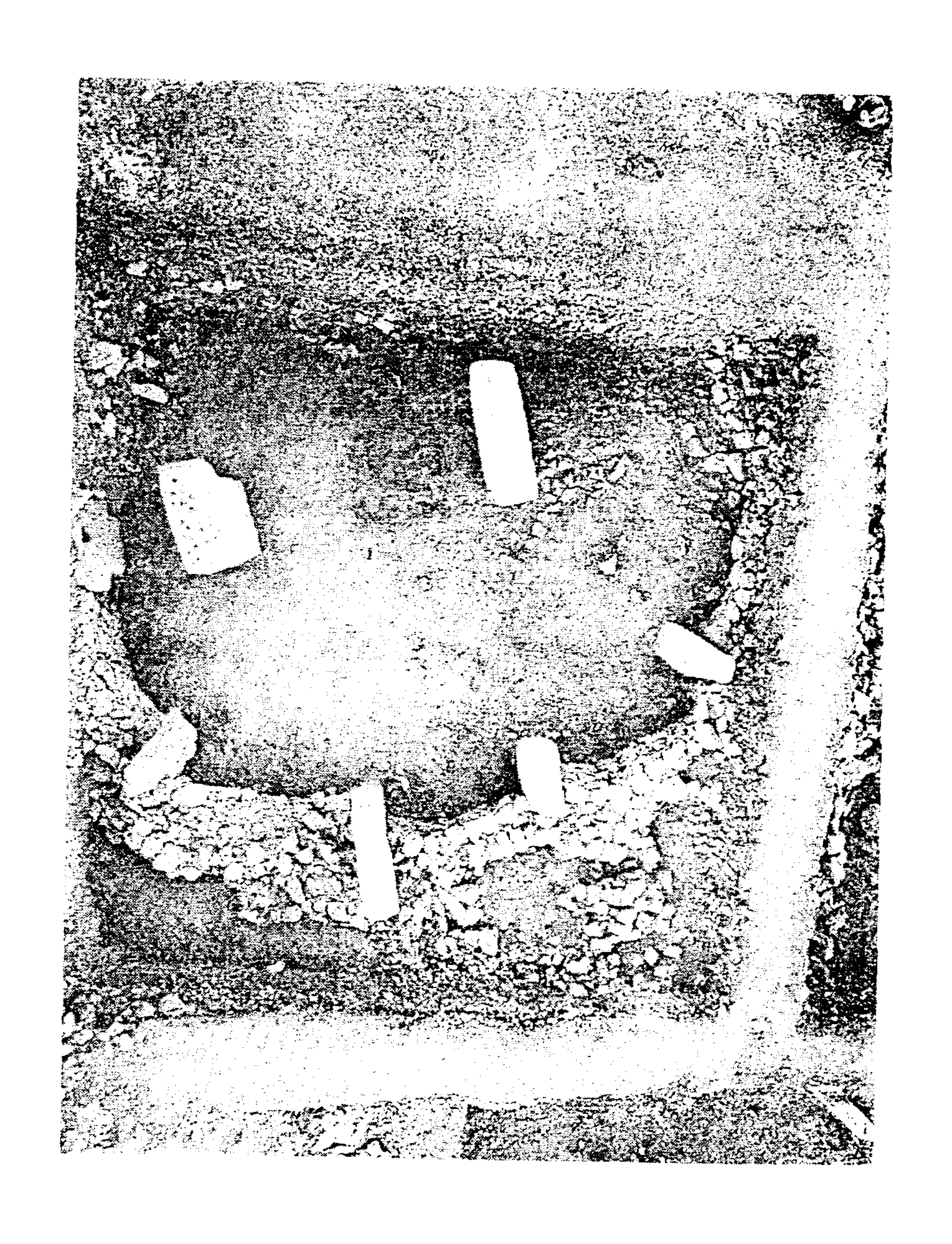

Рис. 53. Гебекли Тепе. Структура В. Фотография в момент раскопок (по: Schmidt, 2001, fig. 7).

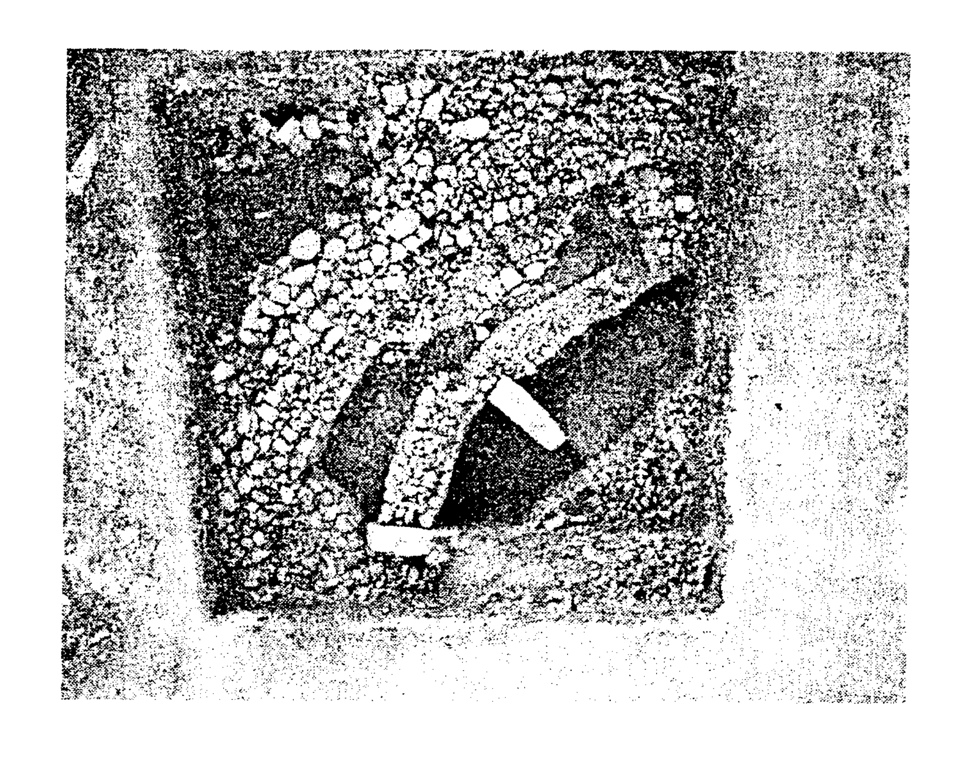
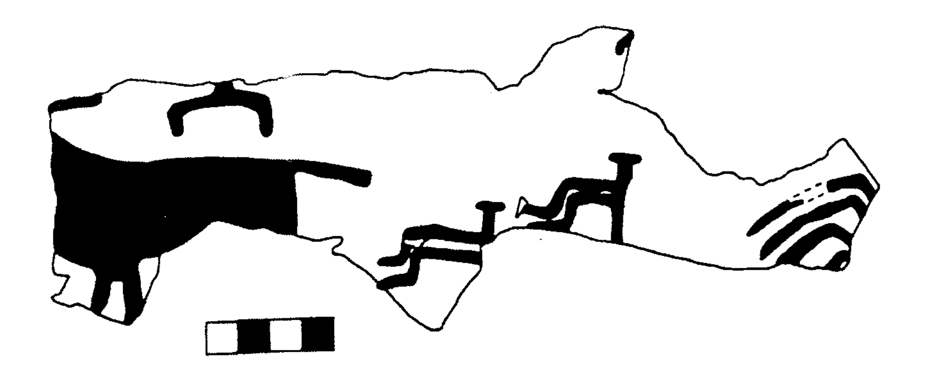

Рис. 54. Гебекли Тепе. Структура С. Фотография в момент раскопок (по: Schmidt, 2001, fig. 8).

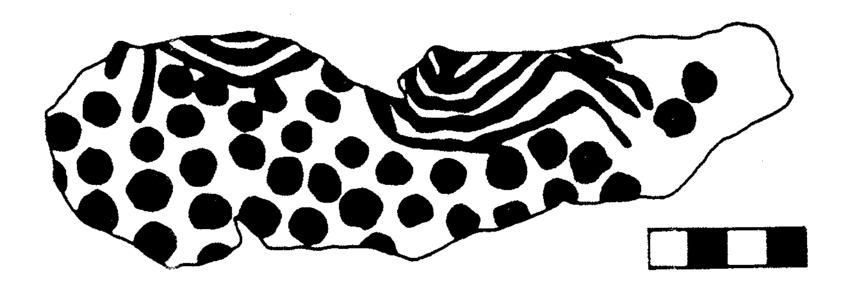

Рис. 55. Айн Гхасаль. Двухголовые бюсты из Тайника II (по: Egan, Bikai, fig. 10-11).

a

b

Рис. 56 a, b. Умм Дабагия. Настенные рисунки с изображениями онагров (по: Kirkbride, 1975, Pl. VII a, VIII a).

a

b

Рис. 57. Умм Дабагия. Настенные рисунки. «Жирные точки» и «ломаные линии» (по: Kirkbride, 1975, Pl. VII b, VIII b).

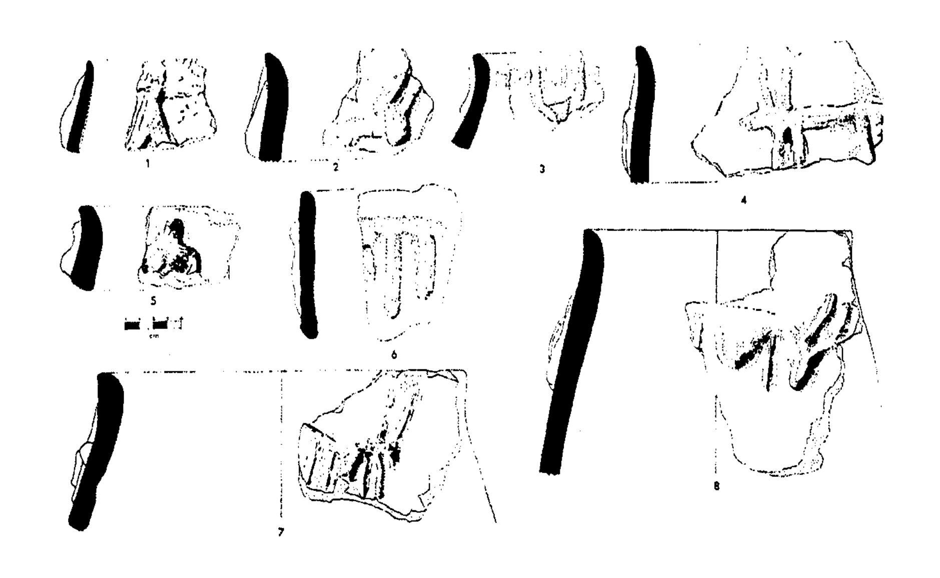

Рис. 58. Умм Дабагия. Рельефные налепы на фрагментах сосудов с изображением онагров (по: Kirkbride, 1973, Pl. III, IX).

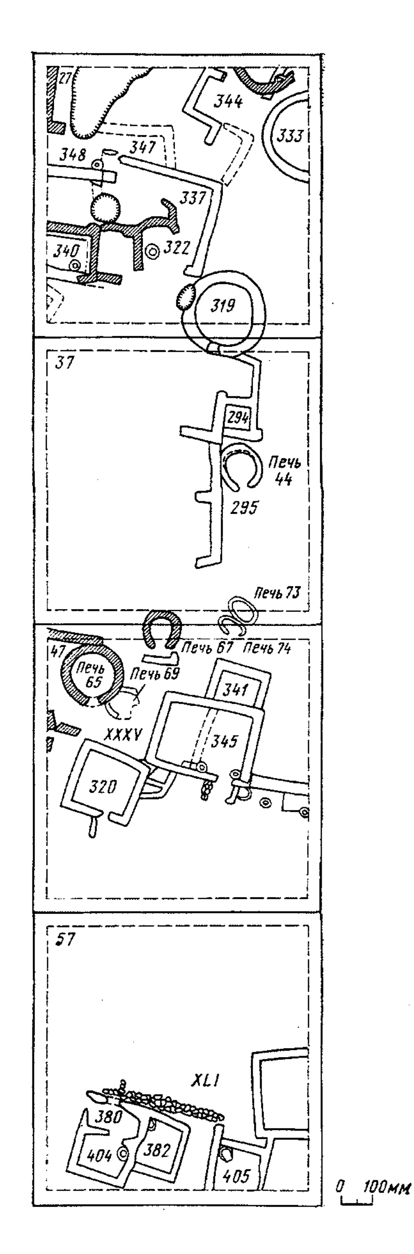

Рис. 59. Ярым Тепе I. План 12-го строительного горизонта (по: Мунчаев, Мерперт, 1981, рис. 5.II.).

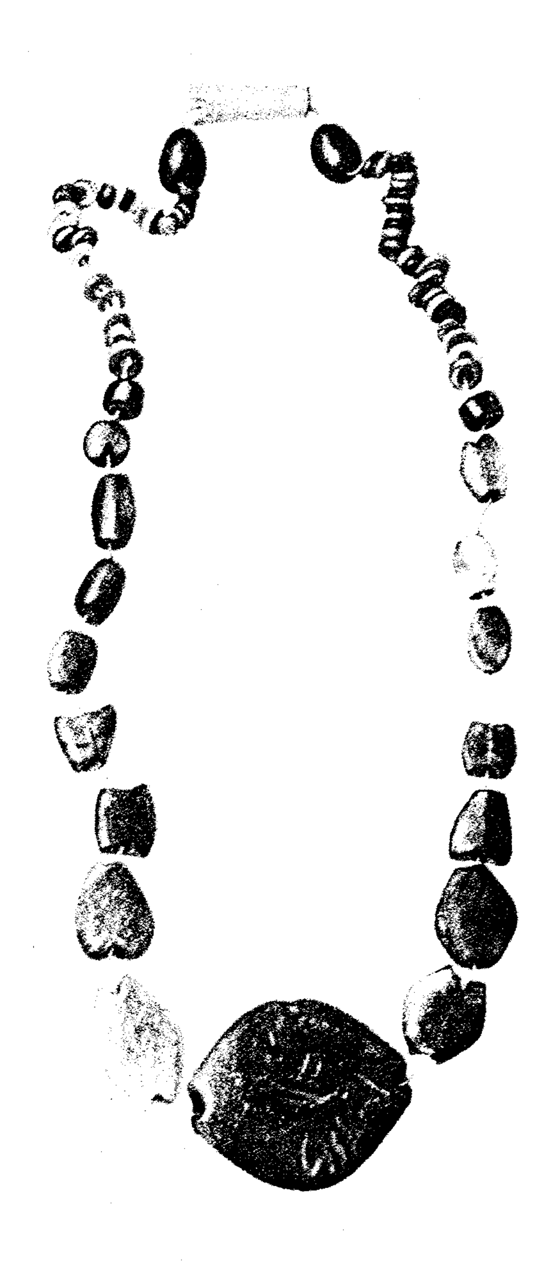

Рис. 60. Ярым Тепе I. 12-й строительный горизонт. Ожерелье из толоса 319 (по: Мунчасев, Мерперт, 1981, рис. 41).

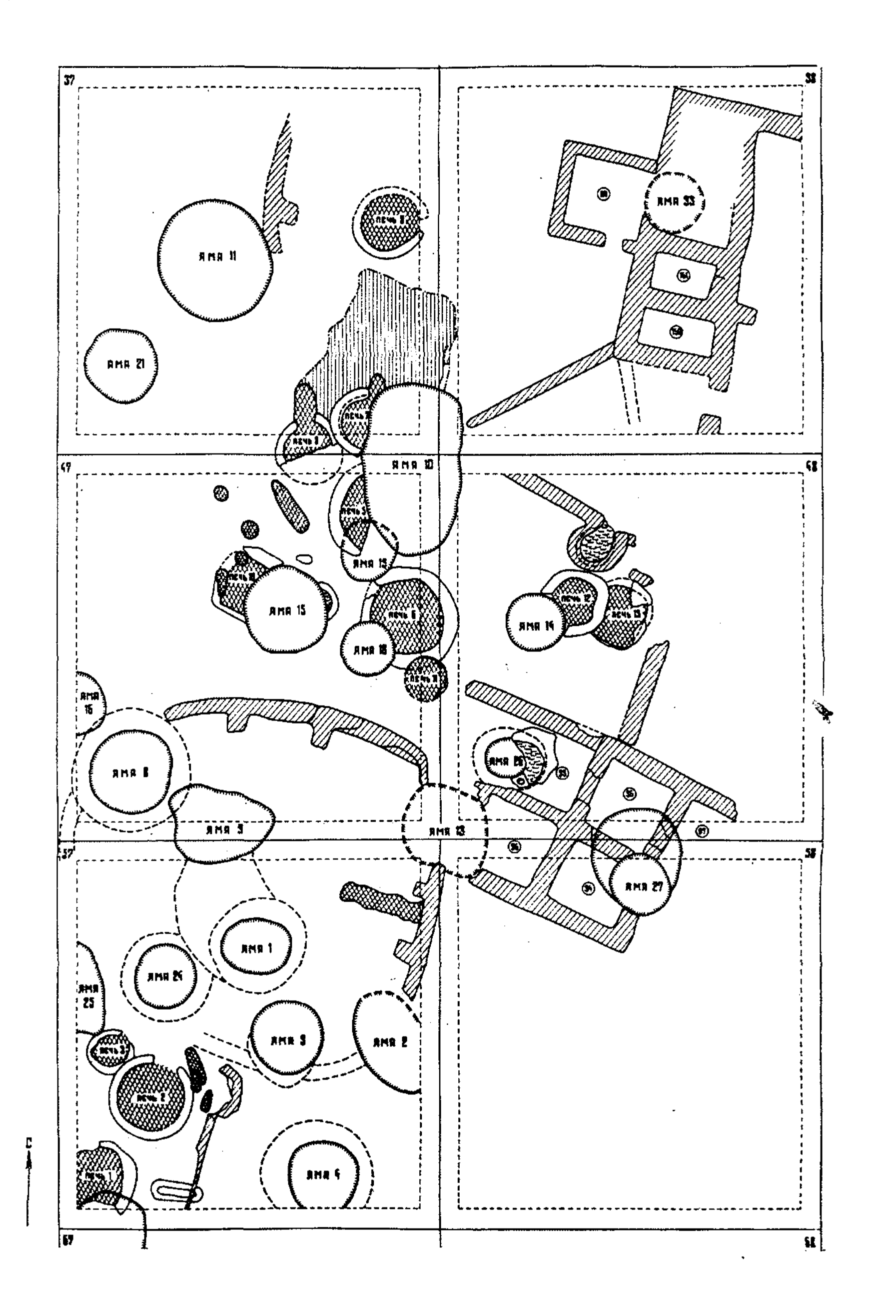

Рис. 61. Ярым Тепе I. План 4-го строительного горизонта (по: Munchaev, Merpert, 1973, Pl. XXXVI).

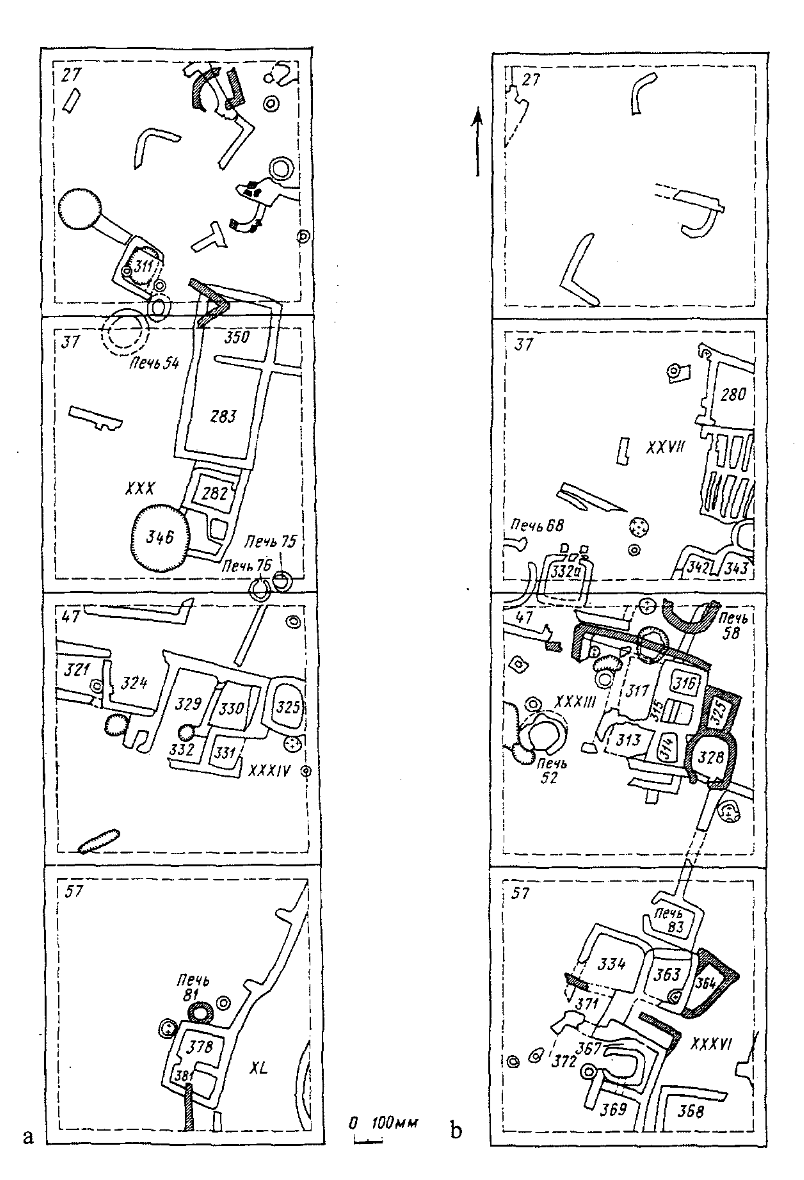

Рис. 62. Ярым Тепе I:

a - план 11-го строительного горизонта (по: Мунчаев, Мерперт, 1981, рис. 6.II.);

b - план 10-го строительного горизонта (по: Мунчаев, Мерперт, 1981, рис. 6.I.).

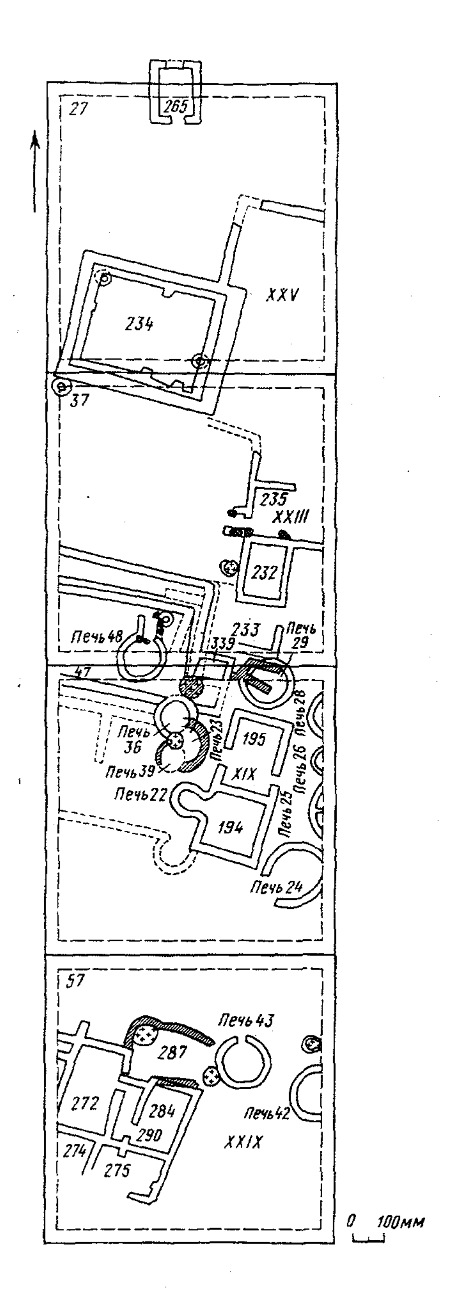

Рис. 63. Ярым Тепе I. План 8-го строительного горизонта (по: Мунчаев, Мерперт, 1981, рис. 7.II.).

Рис. 64. Расписные самаррские сосуды: мифические сцены (по: Антонова, 1990).

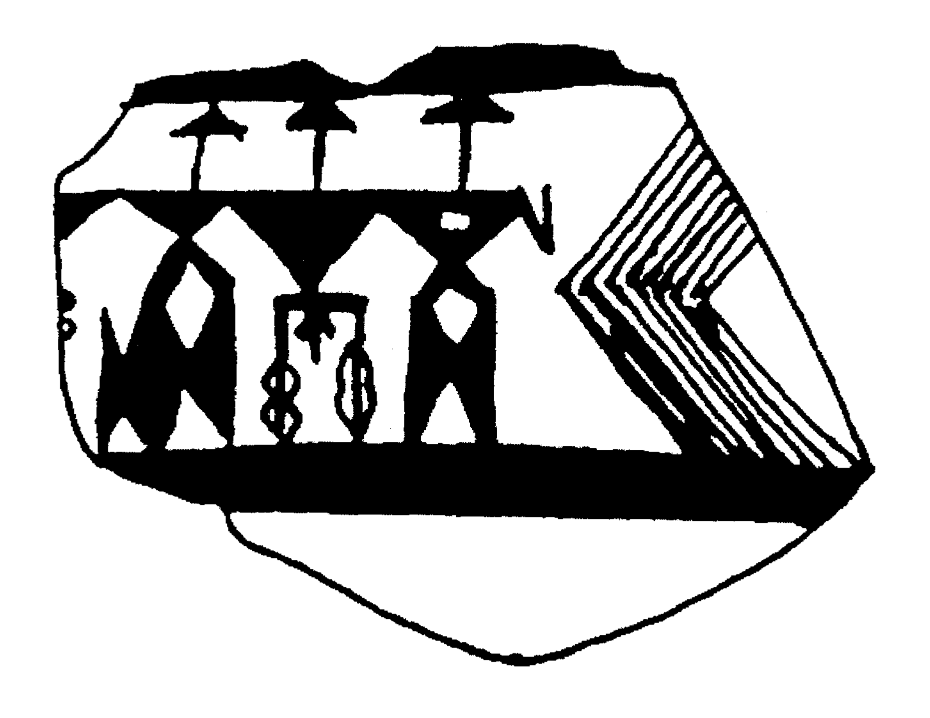

Рис. 65. Чога Мами. Фрагмент керамики, 8 х 6 см. Изображены «танцующие» (в помещении?) женские и мужские фигуры (по: Ippolitoni-Strika, 1990, fig. P).

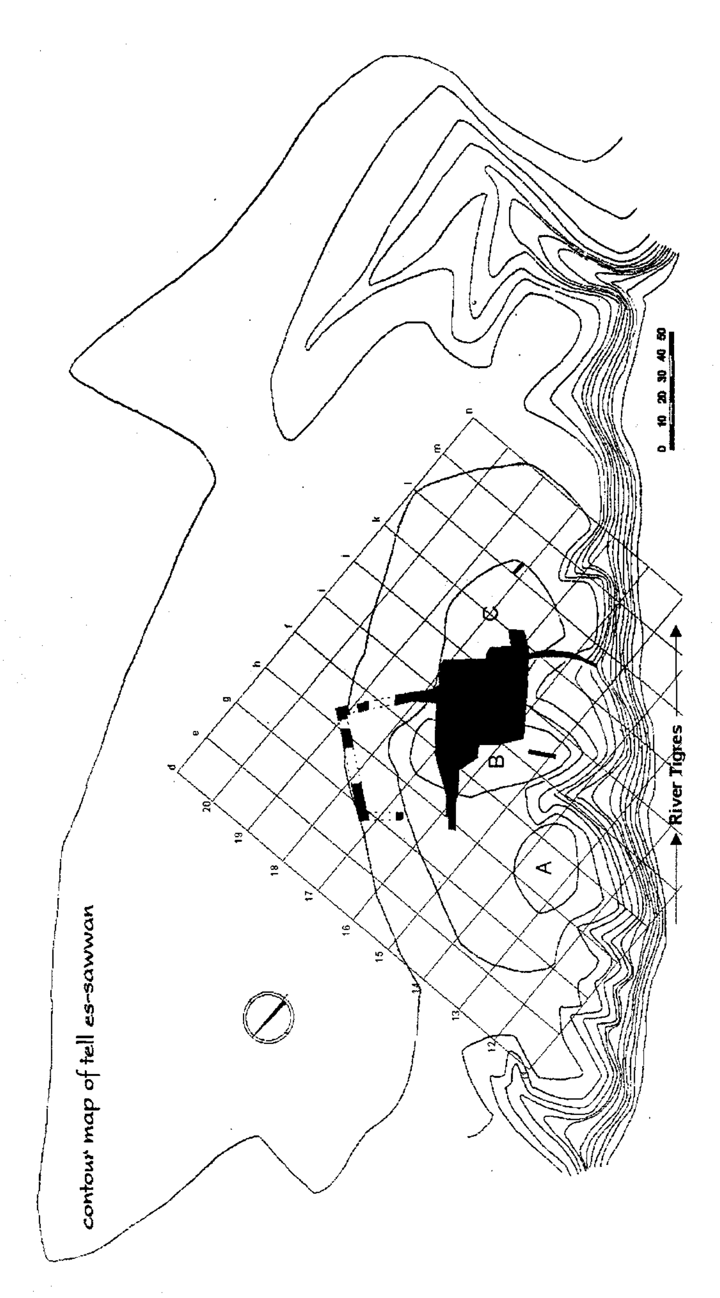

Рис. 66. Телль эс-Савван. Общий план раскопок. Весна, 1967 (по: Abu Al-Soof, 1968, pl.I).

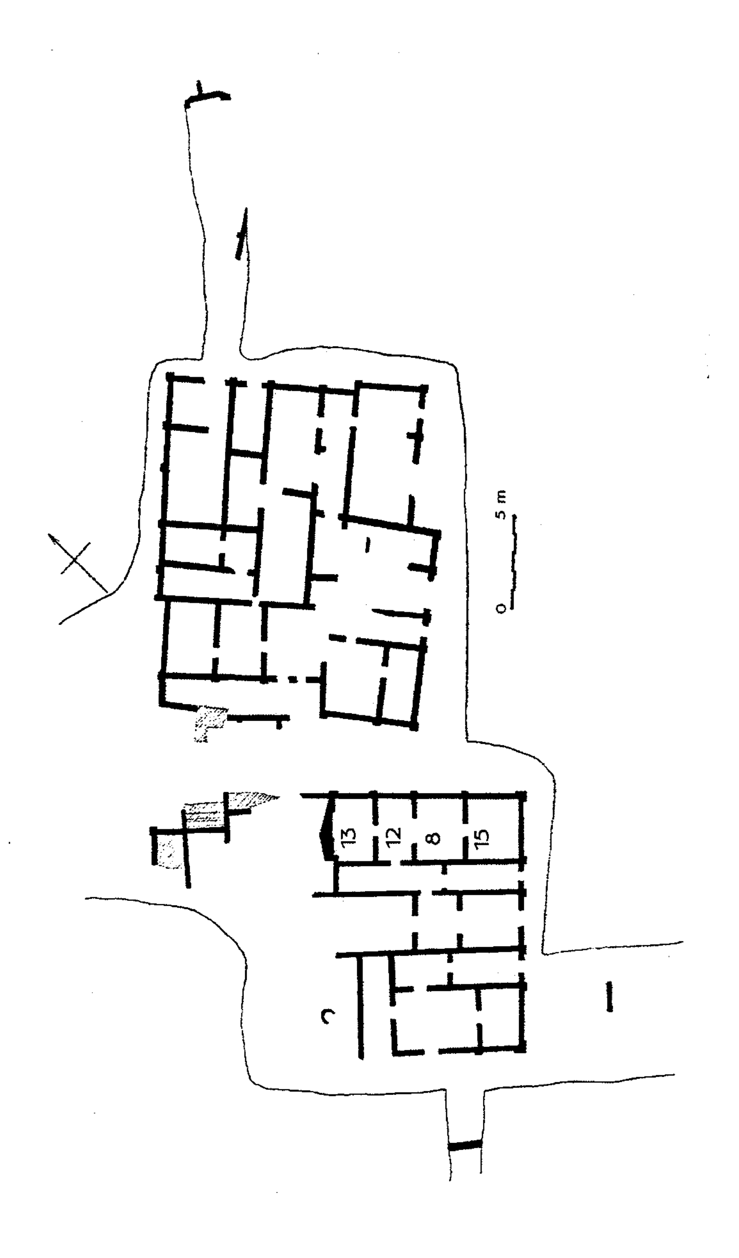

Рис. 67. Телль эс-Савван. Холм В. Уровень I. Здания I и II (по: El-Wailly, Abu es-Soof, 1965, fig. 24).

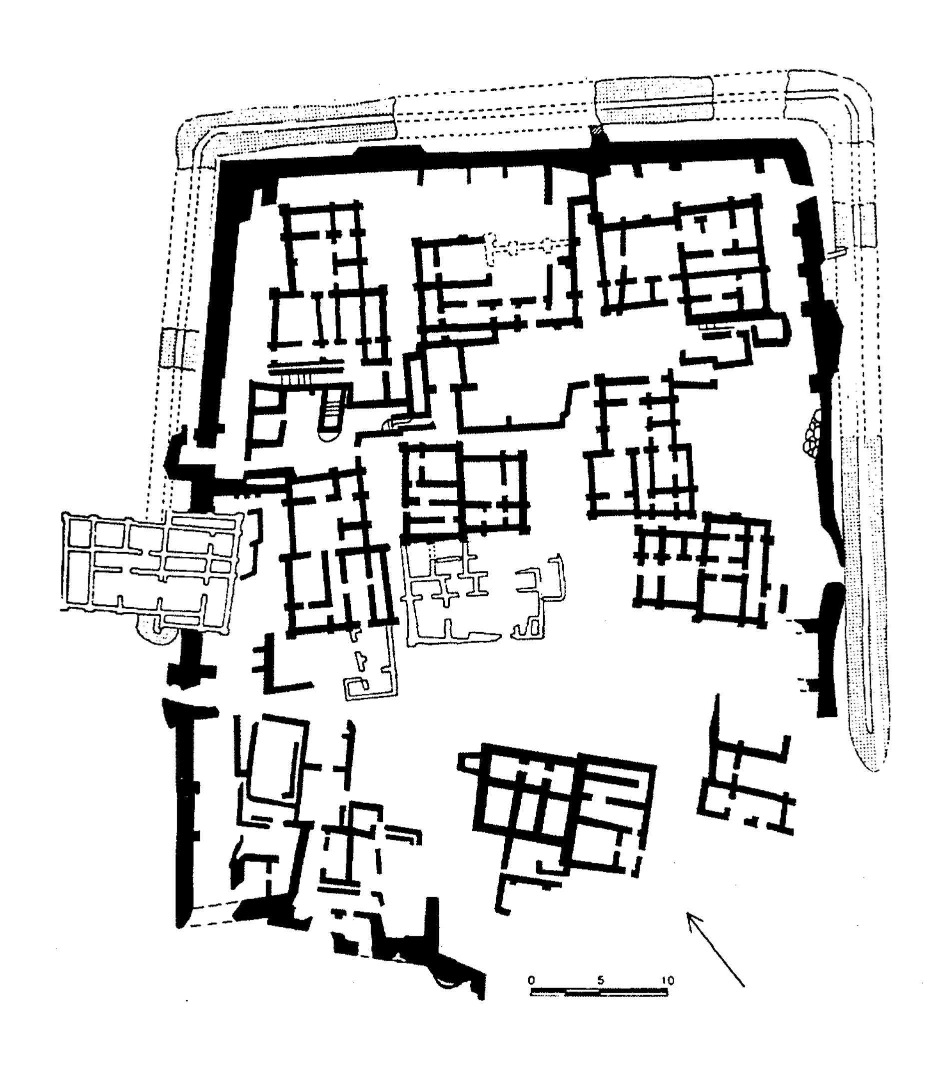

Рис. 68. Телль эс-Савван. Холм В. Уровень III. План раскопа (по: Oates, 1973, fig. 3; Ллойд, 1984, с.83).

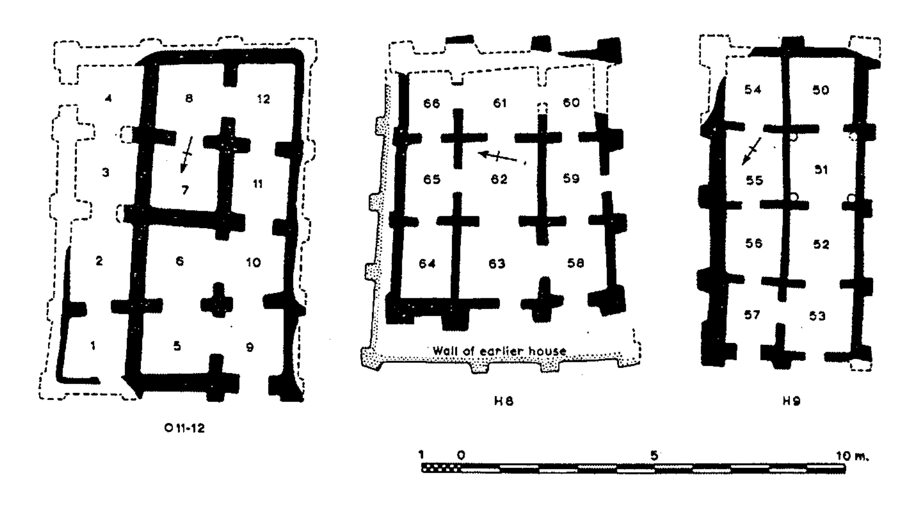

Рис. 69. Чога Мами. Планы самаррских построек (по: Oates, 1973, fig.4).

Рис. 70. Чога Мами. Уровень II. Постройка H9. Комната 51. Один из углов с вертикально установленным камнем и следами огня перед ним. (по: Oates, 1978, pl. 4b).

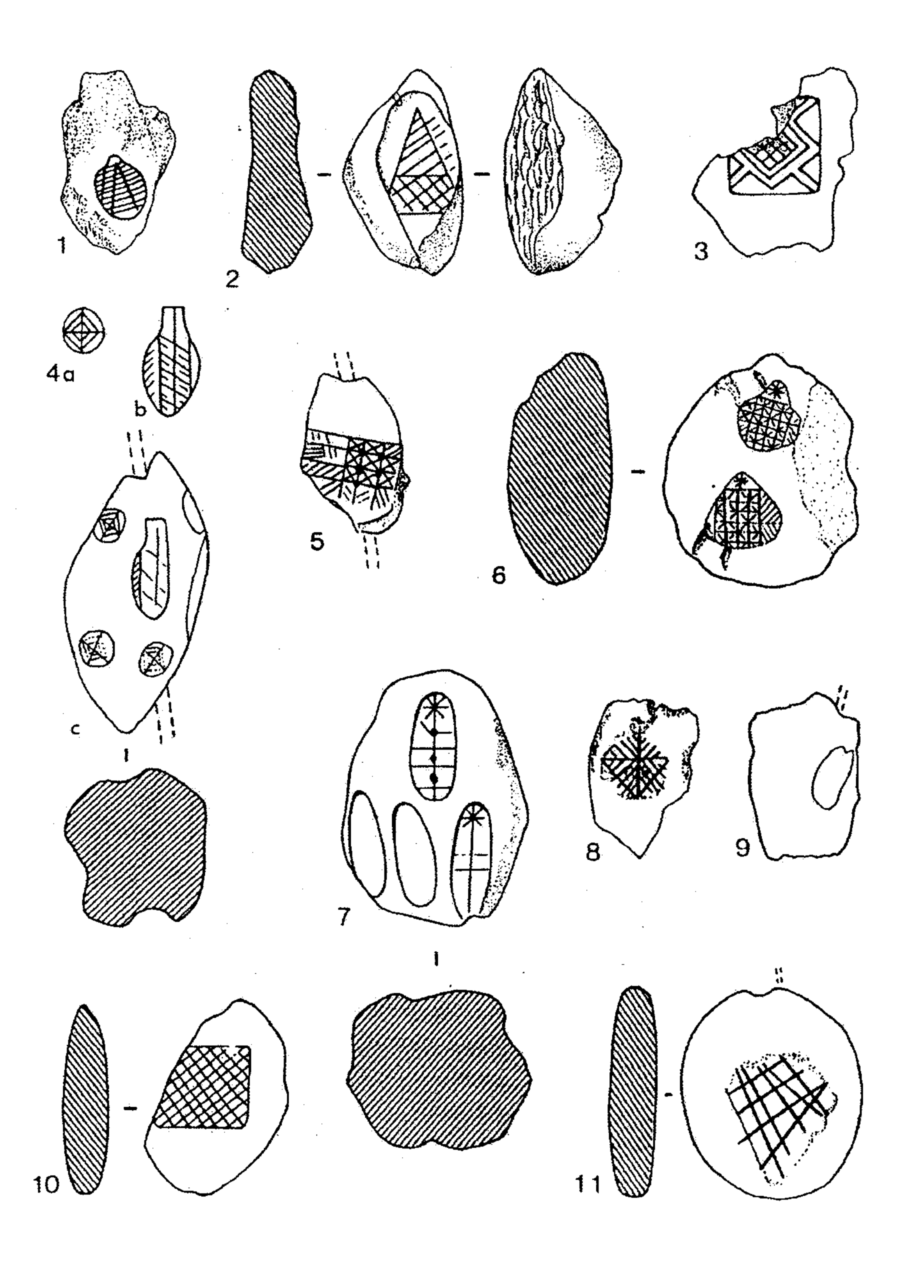

Рис. 71. Телль Арпачия. Образцы оттисков печатей из “Сгоревшего дома” (по: Wickede, 1991, fig. 2).

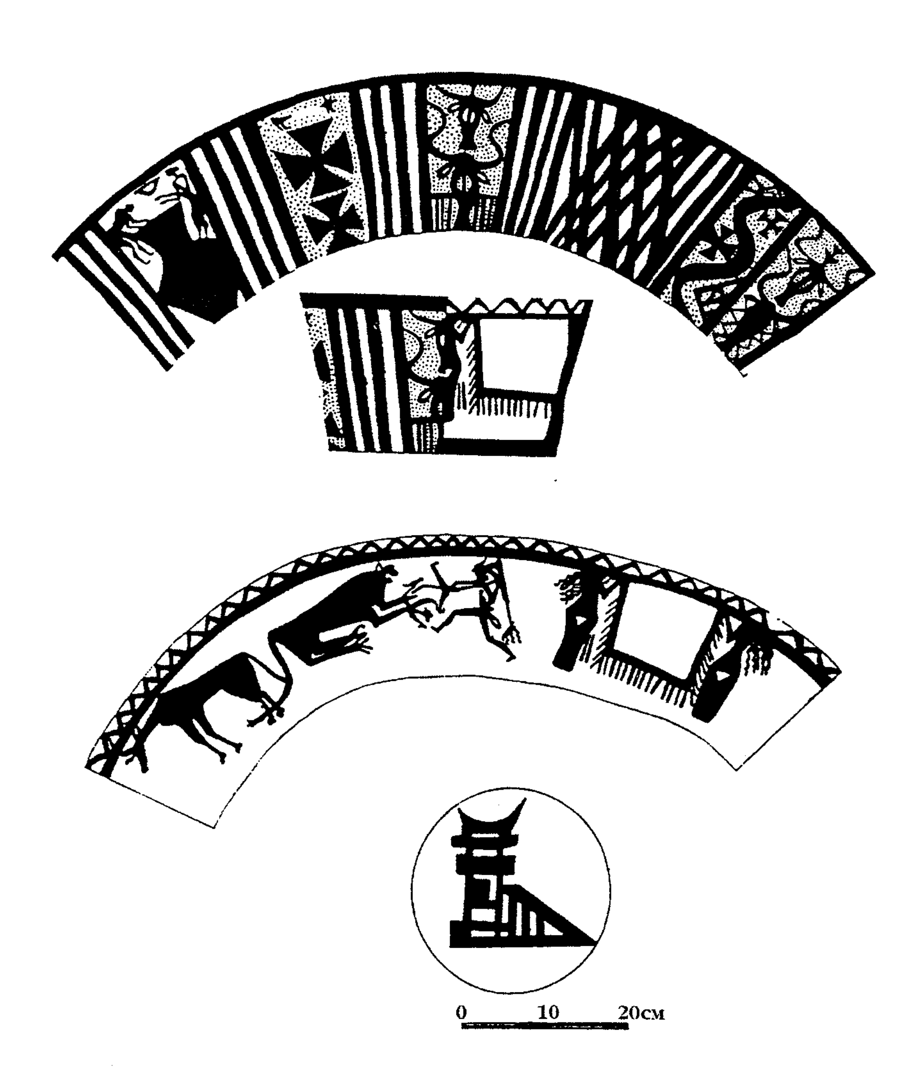

Рис. 72. Телль Арпачия. Обрядовая чаша из могилы G2 (по: Ippolitoni-Strika, 1990, fig. A).

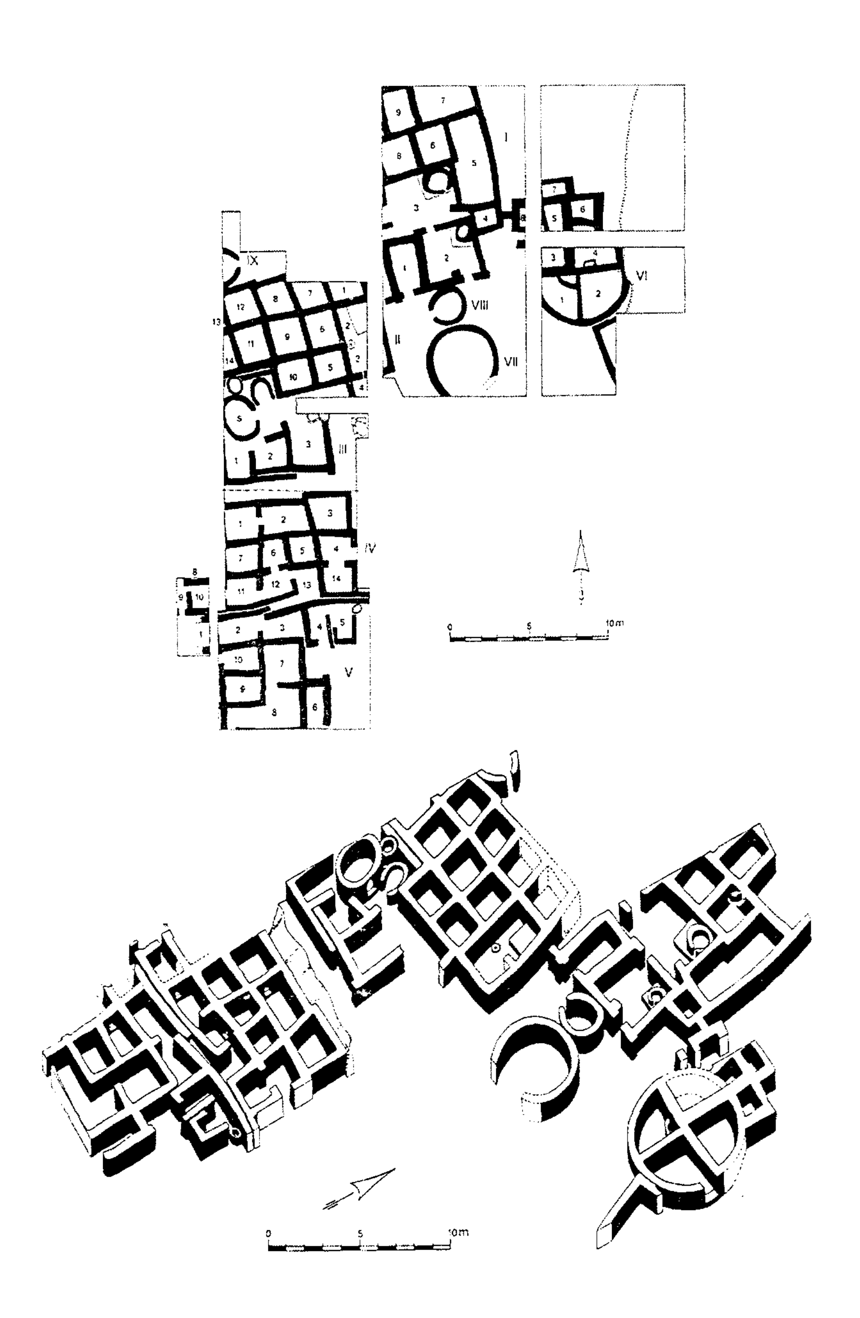

Рис. 73. Саби Абияд. Уровень 6: «Сгоревшая деревня». План раскопа (по: Akkermans, Verhoeven, 1995, fig. 3).

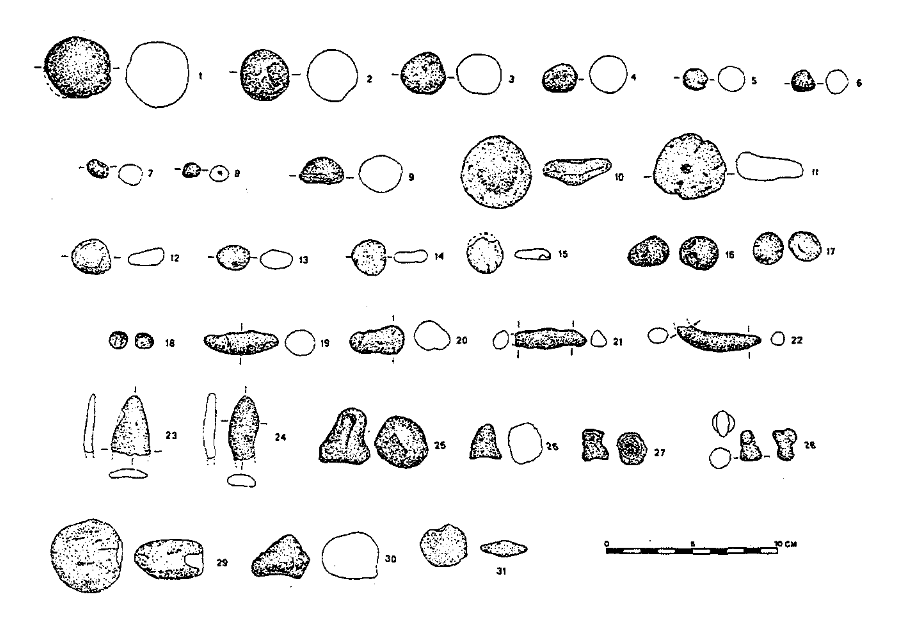

Рис. 74. Саби Абияд. Уровень 6. Необожженные глиняные фишки ("tokens") из здания II (комната 6: 1-4, 9, 11-25, 27-30; комната 7: 26), здания V (комната 6: 5; комната 7: 10, 31) и толоса VI (комната 2: 6, 8; комната 3: 7) (по: Akkermans, Verhoeven, 1995, fig. 14).

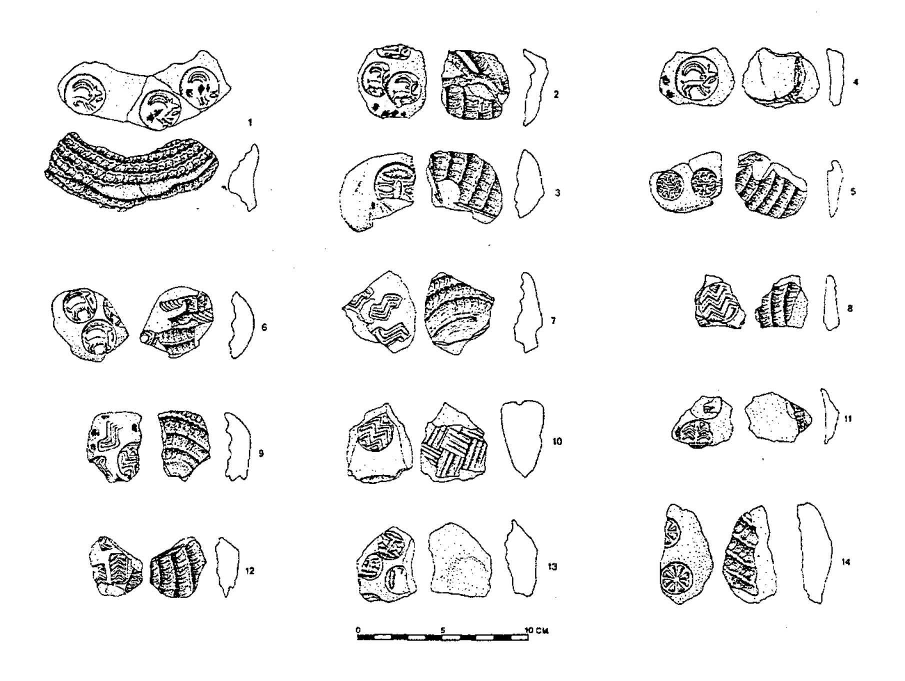

Рис. 75. Саби Абияд. Уровень 6. Отпечатки на глиняных объектах из комнаты 6 здания II (по: Akkermans, Verhoeven, 1995, fig. 11).

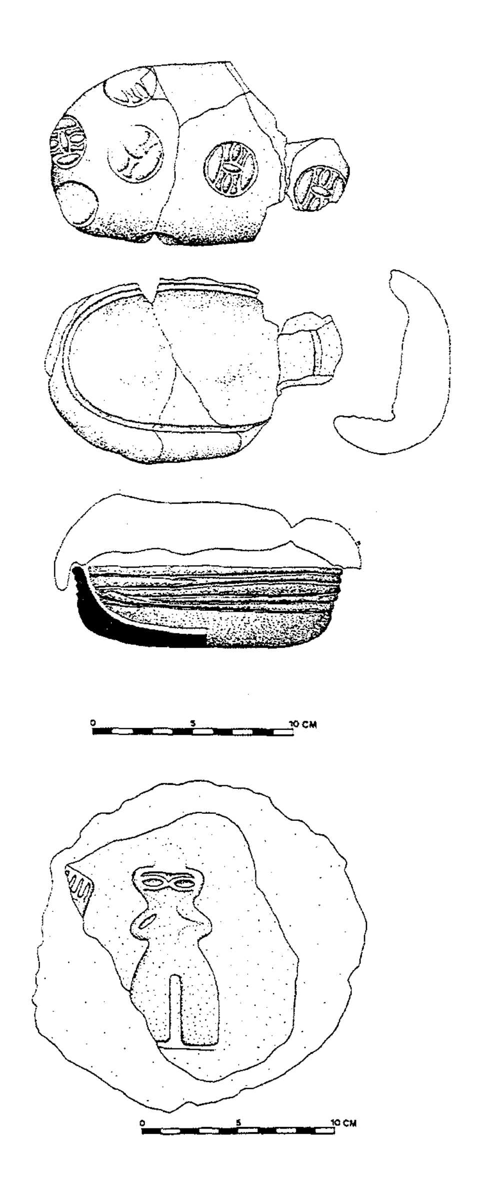

Рис. 76. Саби Абияд. Уровень 6. Здание II:

а – украшенная вырезанными полосами каменная чаша и ее глиняная крышка с отпечатками печатей;

b - отпечаток на глине с изображением антропоморфного существа (по: Akkermans, Verhoeven, 1995, fig. 12-13).

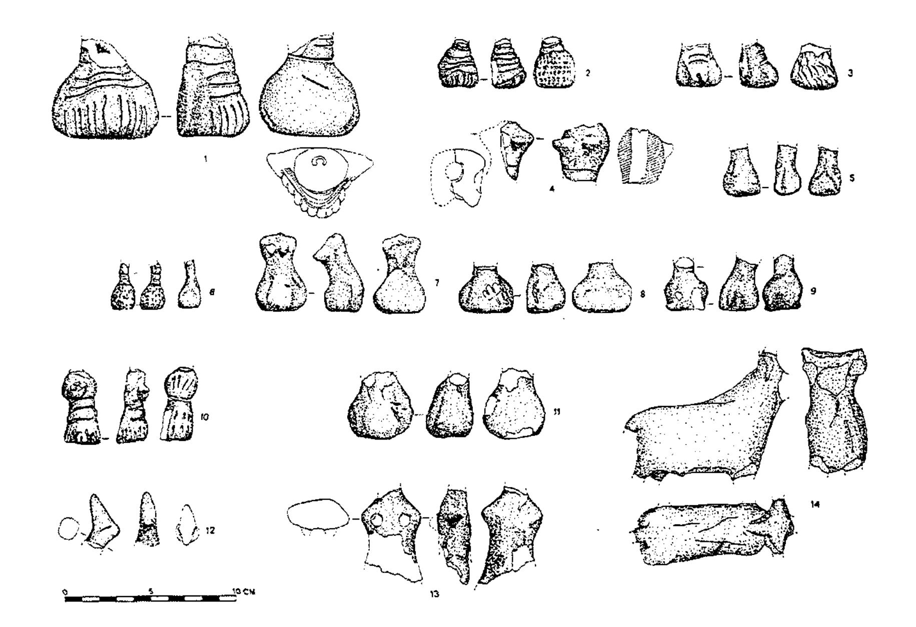

Рис. 77. Саби Абияд. Уровень 6. Фигурки женщин и животных из необожженной глины (здание II, комната 6: 2-3, 5-8, 11; здание V, комната 7: 1, 4, 9, 12-13; толос VI, комната 2: 10) (по: Akkermans, Verhoeven, 1995, fig. 15).

Рис. 78. Саби Абияд. Уровень 6. Здание V. Большие глиняные (культовые?) объекты (по: Akkermans, Verhoeven, 1995, fig. 7).

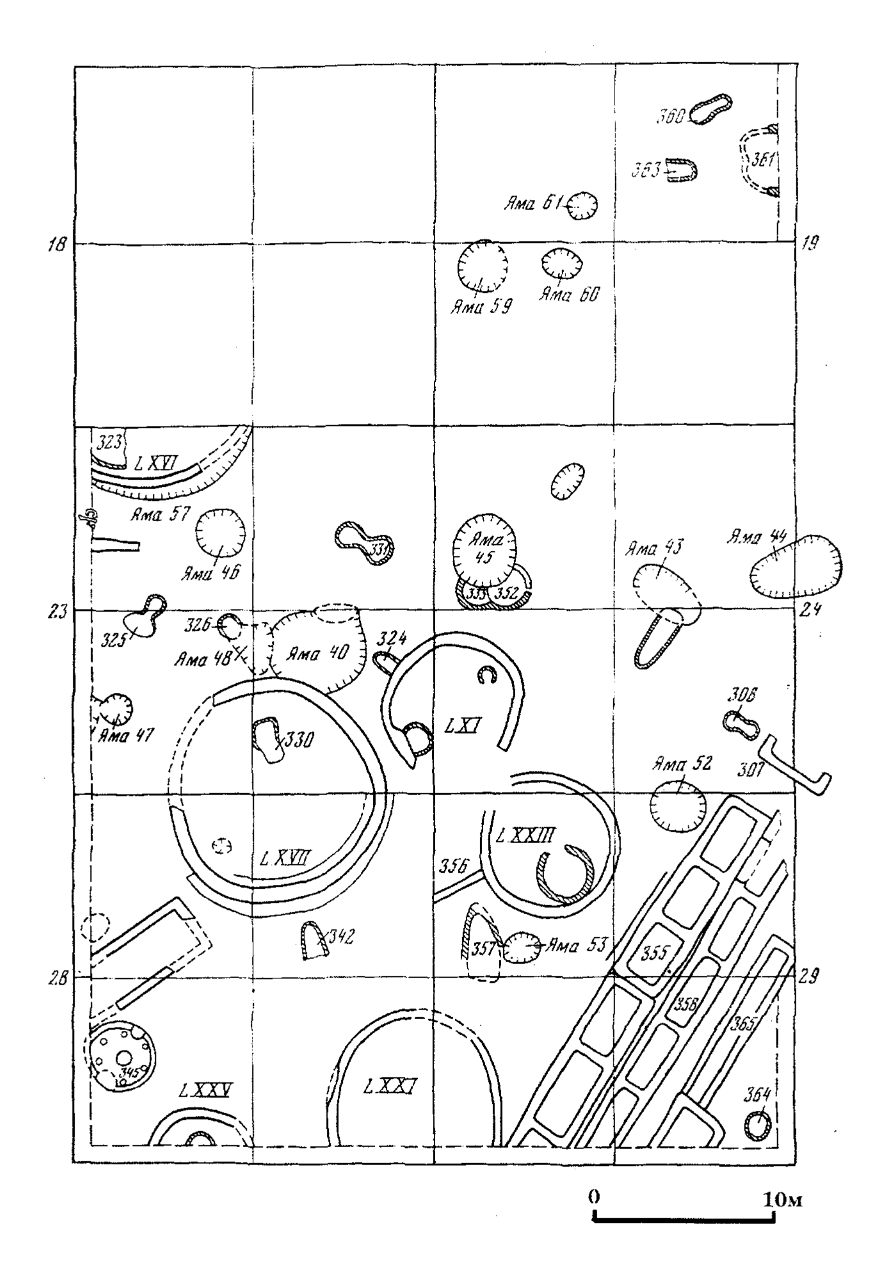

Рис. 79. Ярым Тепе II. План древнейшего 9-го строительного горизонта (по: Мунчаев, Мерперт, 1981, рис. 45).

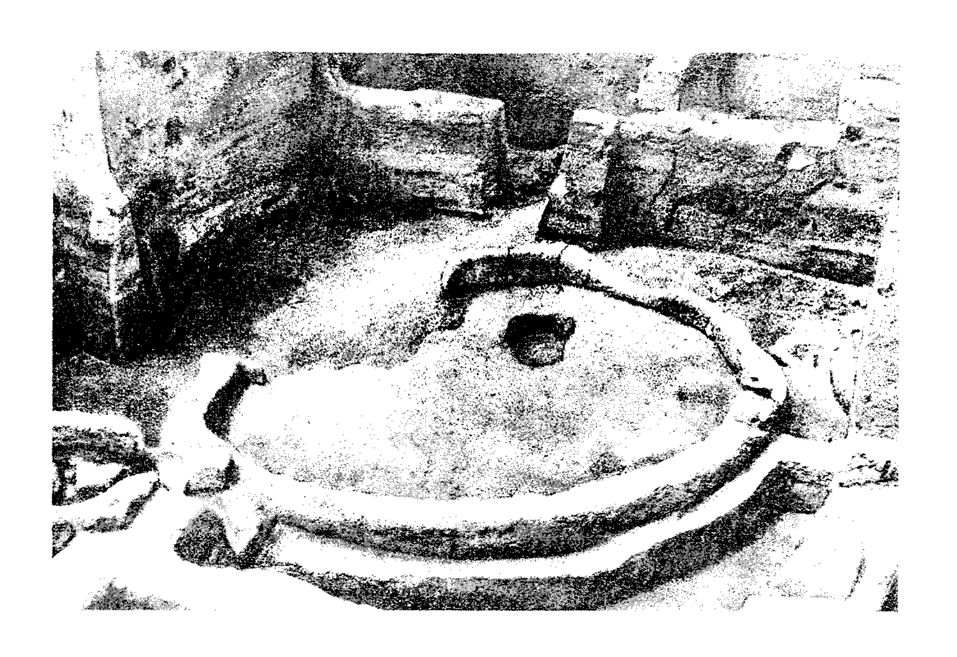

Рис. 80. Ярым Тепе II. 9-й строительный горизонт. Толос 67 (по: Munchaev, Merpert, 1987, pl. VI b).

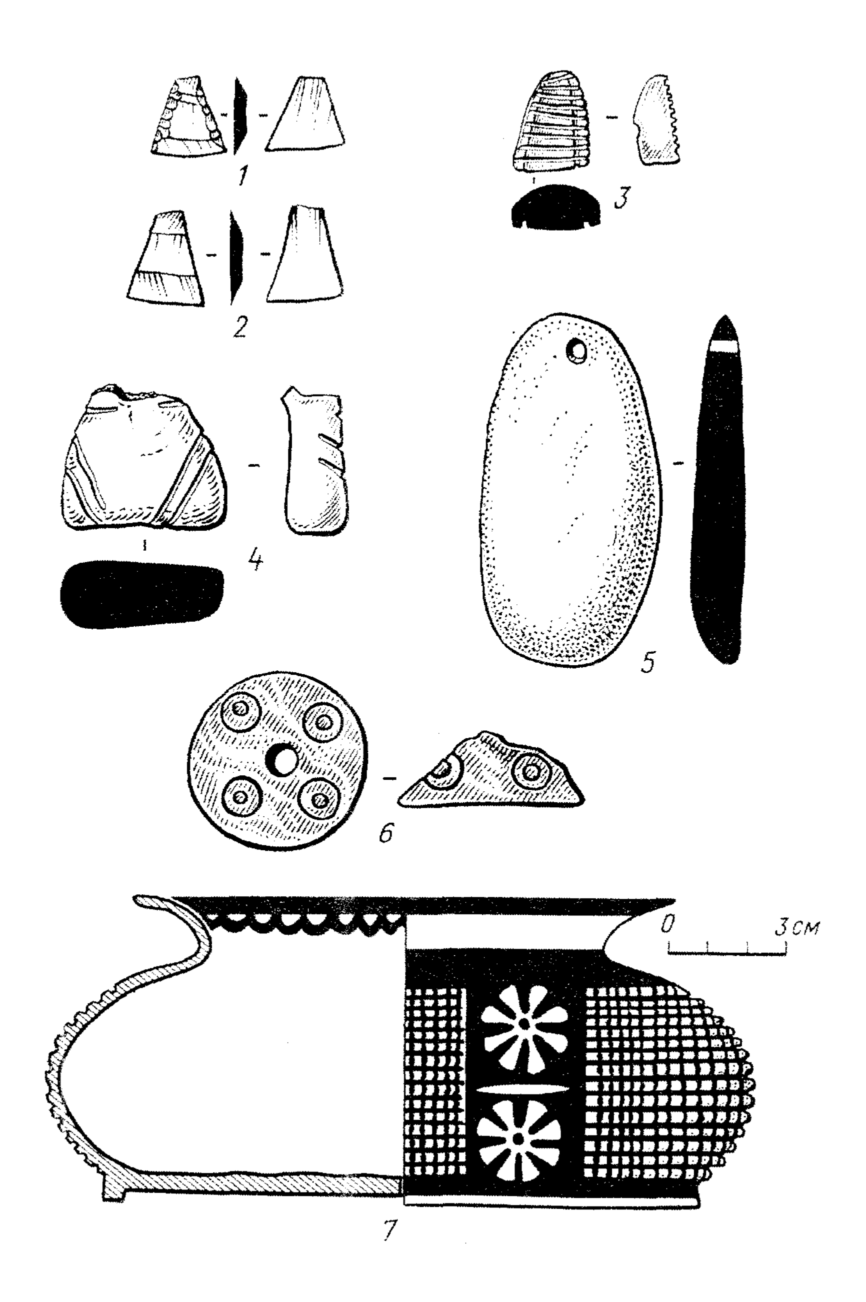

Рис. 81. Ярым Тепе II. Культовые объекты из платформы толоса 67 (по: Munchaev, Merpert, 1987, fig. 11).

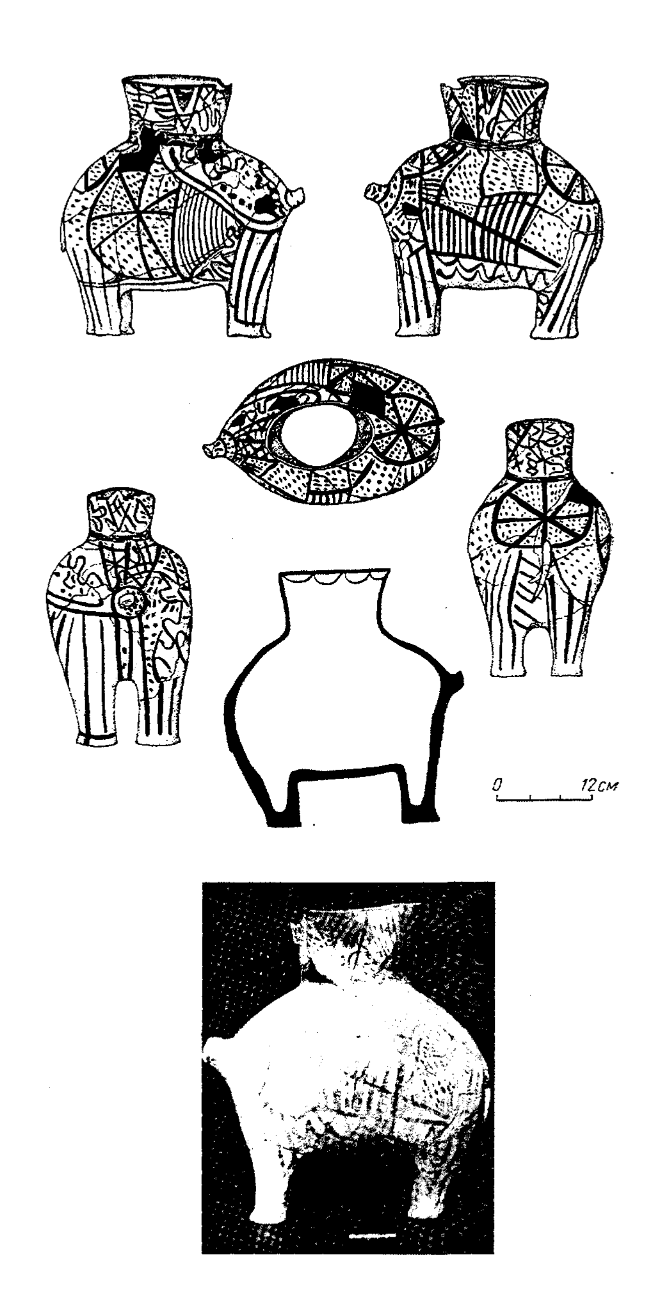

Рис. 82. Ярым Тепе II. Глиняный зооморфный сосуд (по: Мунчаев, Мерперт, 1981, рис. 99, Munchaev, Merpert, 1987, pl. VIII).

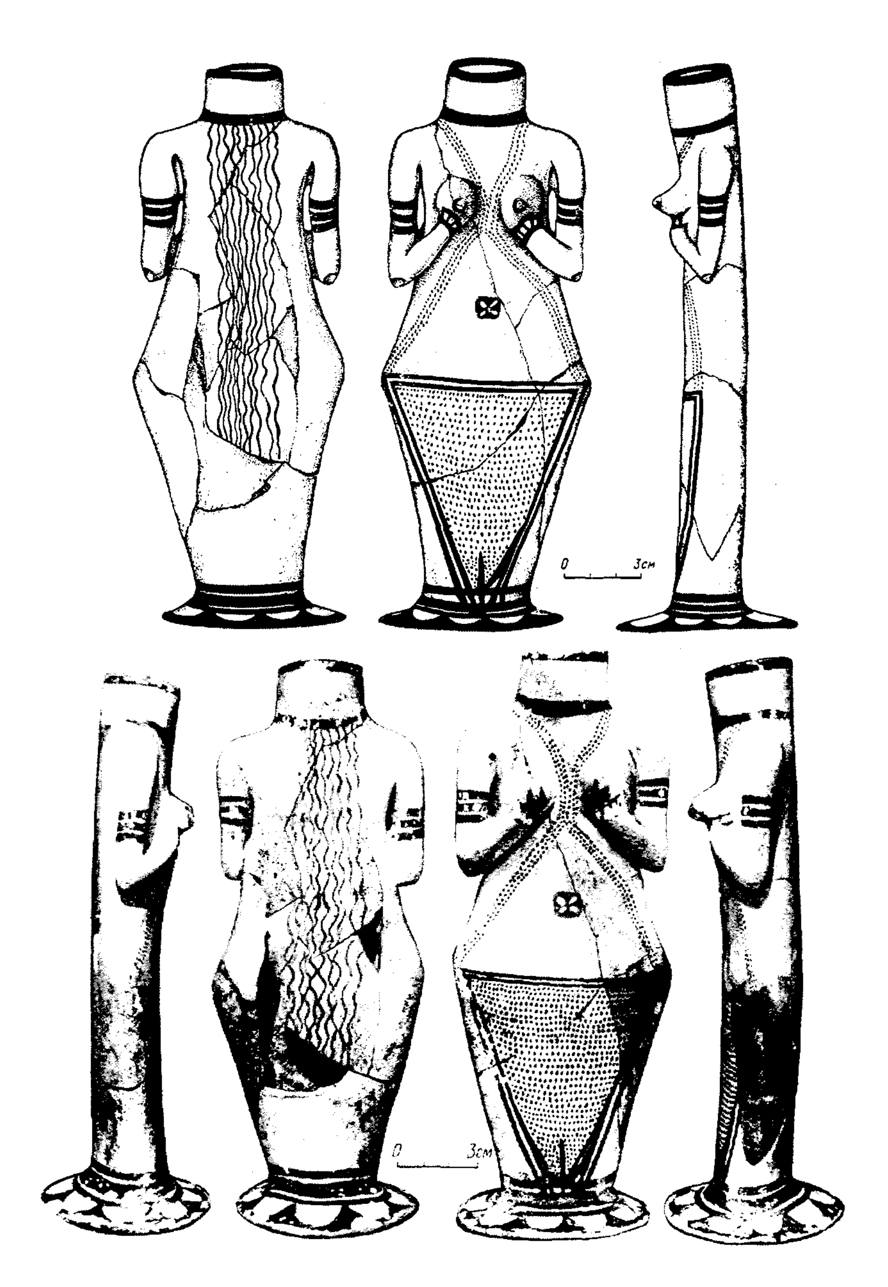

Рис. 83. Ярым Тепе II. Глиняный антропоморфный сосуд (по: Мунчаев, Мерперт, 1981, рис. 98, Munchaev, Merpert, 1987, pl. VII).

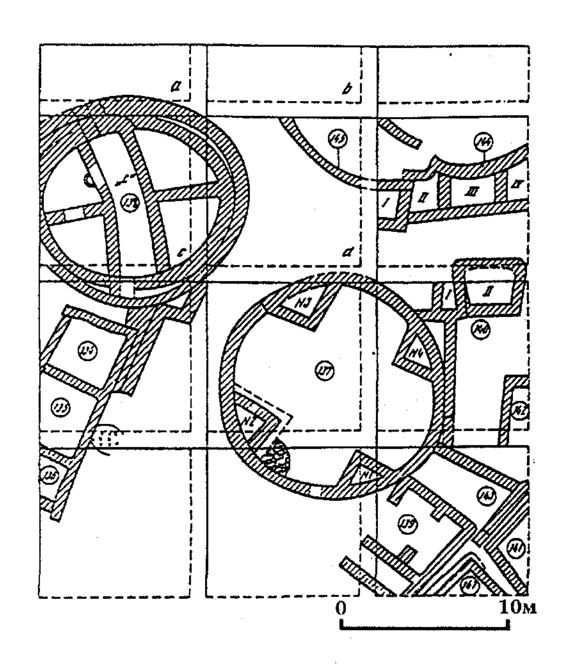

Рис. 84. Ярым Тепе III. План 3-го строительного горизонта хлафского слоя. Толосы 137 и 138 (по: Мунчаев, 1997, рис. 7).

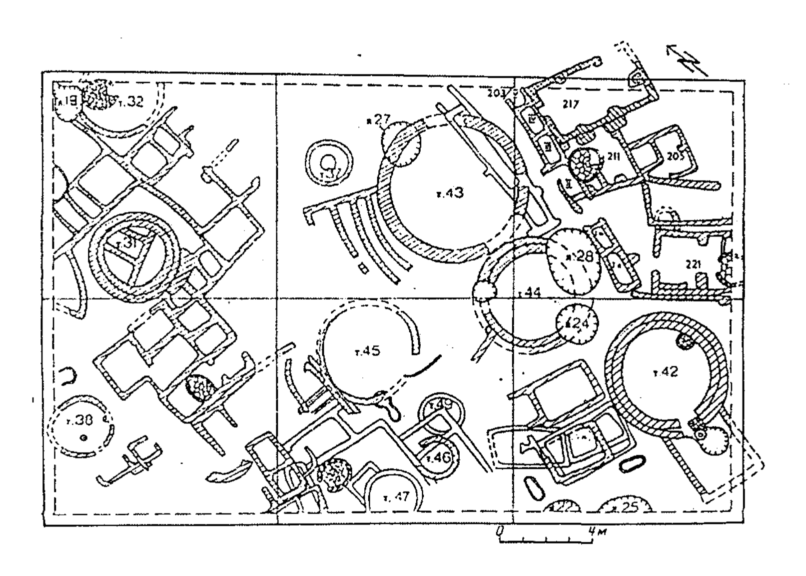

Рис. 85. Ярым Тепе II. План 6-го строительного горизонта (по: Мунчаев, 1997, рис. 5).

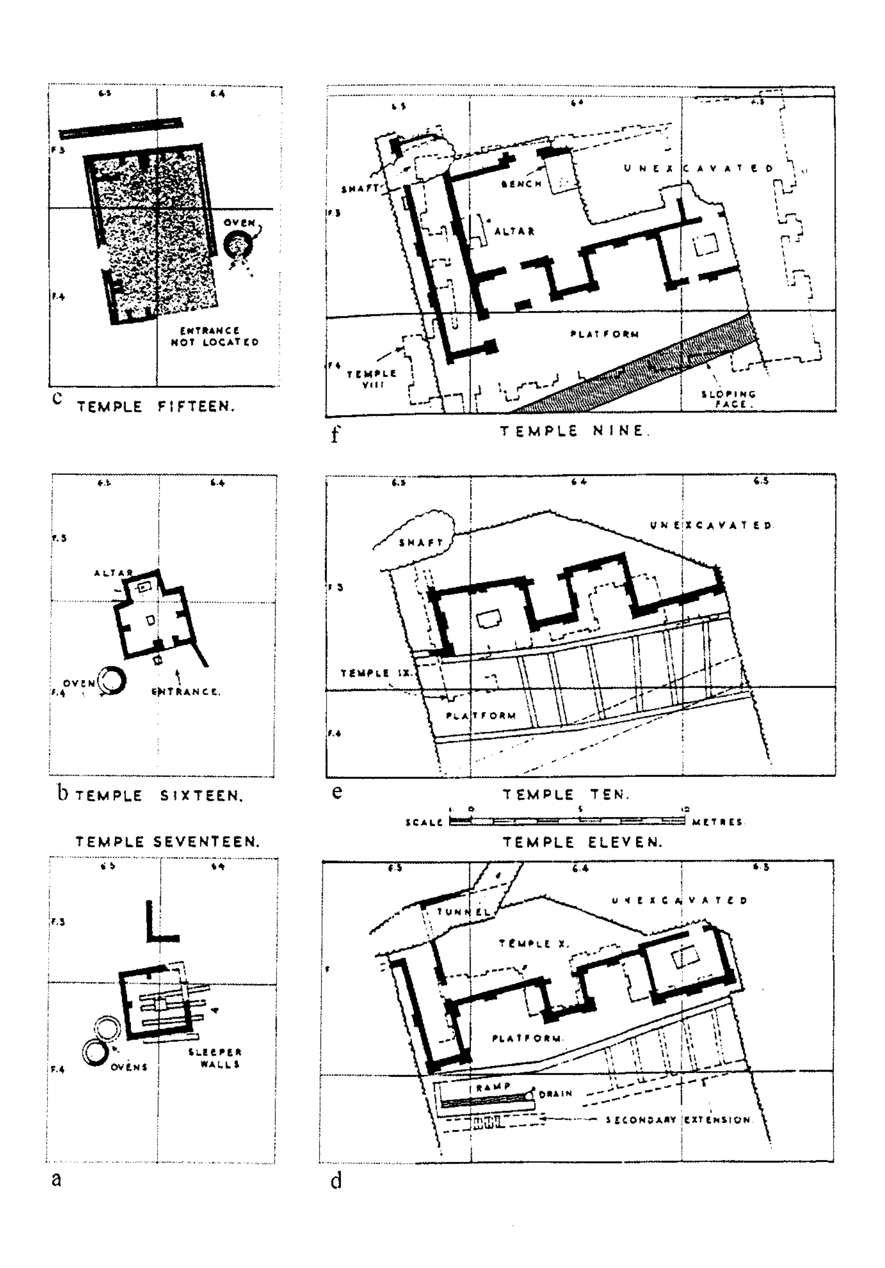
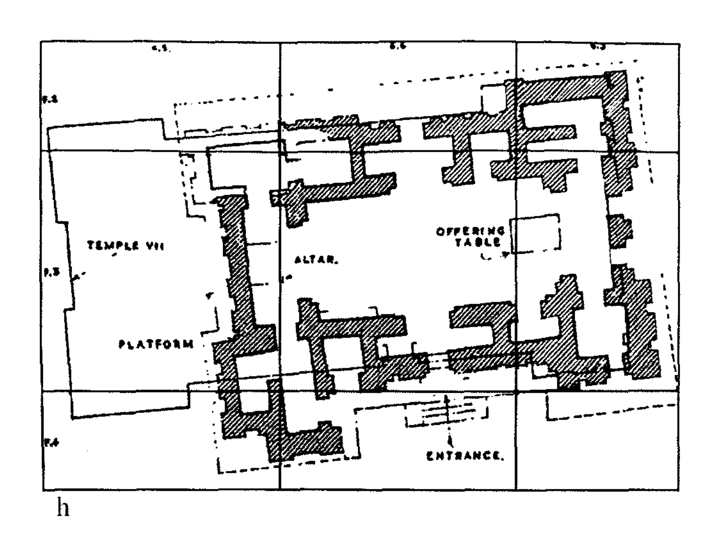
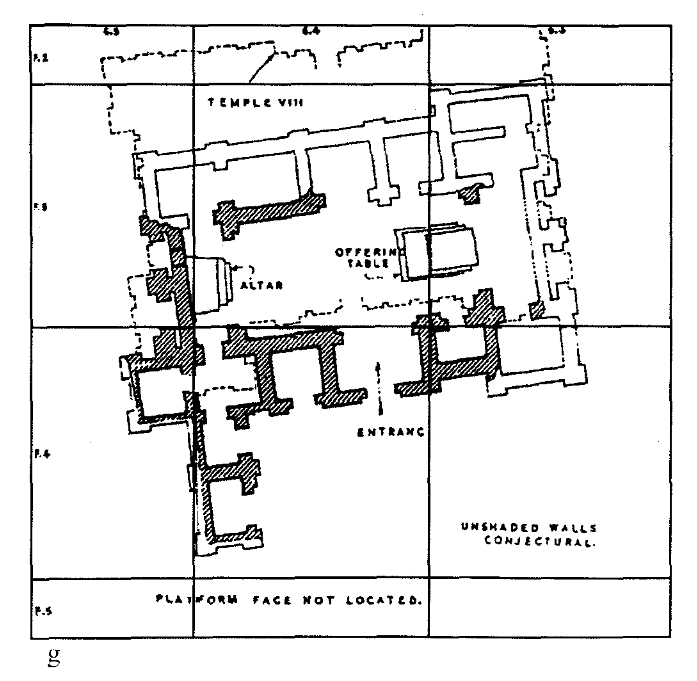

Рис. 86 a-f. Эриду. Планы Храмов XVII-IX (по: Safar et al, 1981, fig. 39).

h

g

Рис. 86 g-h. Эриду. Планы Храмов VIII-VII (по: Safar et al, 1981, fig. 39).

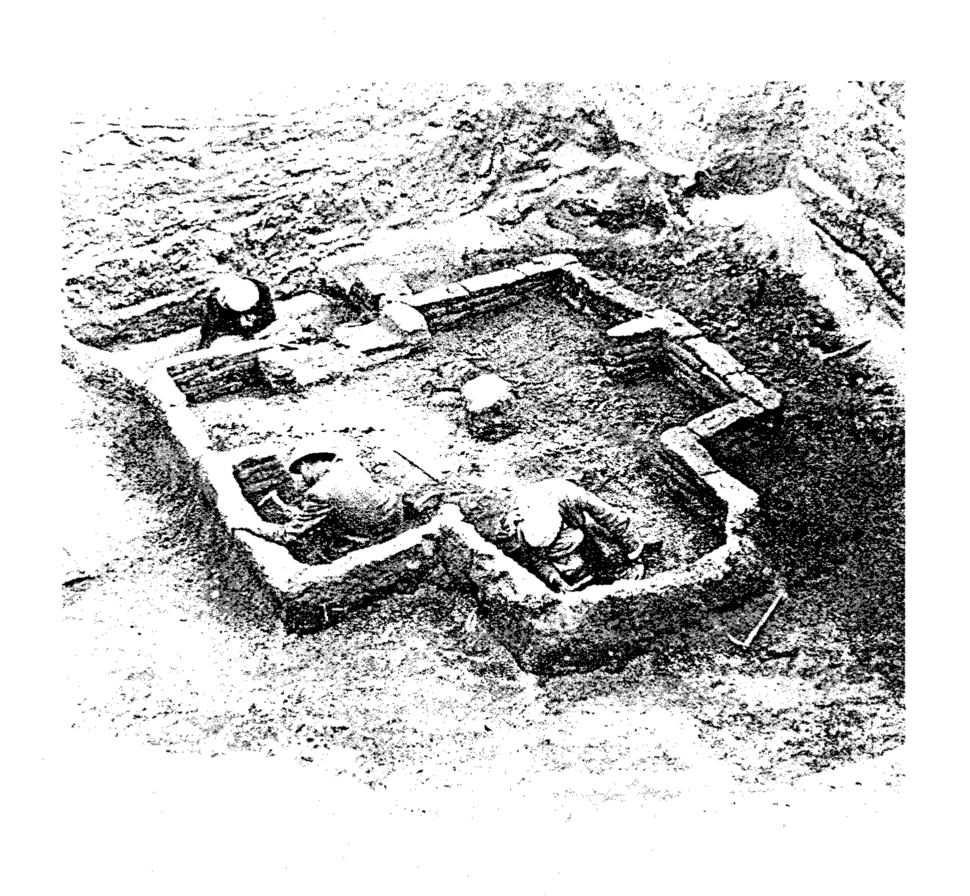

Рис. 87. Эриду. Момент раскопок Храма XVI (по: Safar et al, 1981, fig. 41).

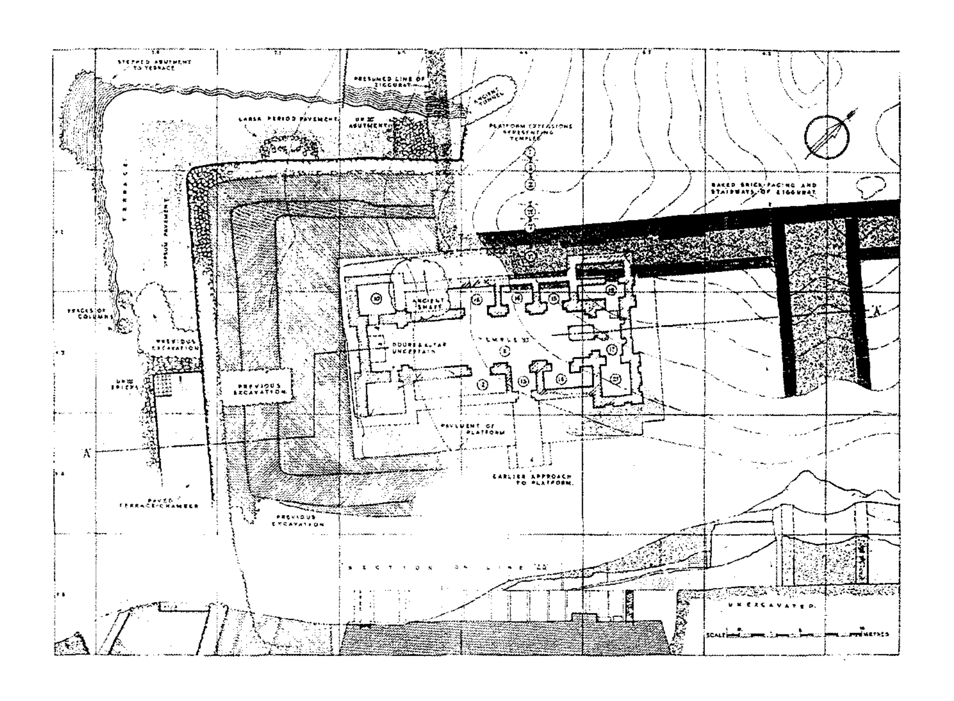

Рис. 88. Эриду. План Храма VI (по: Safar et al, 1981, fig. 10).

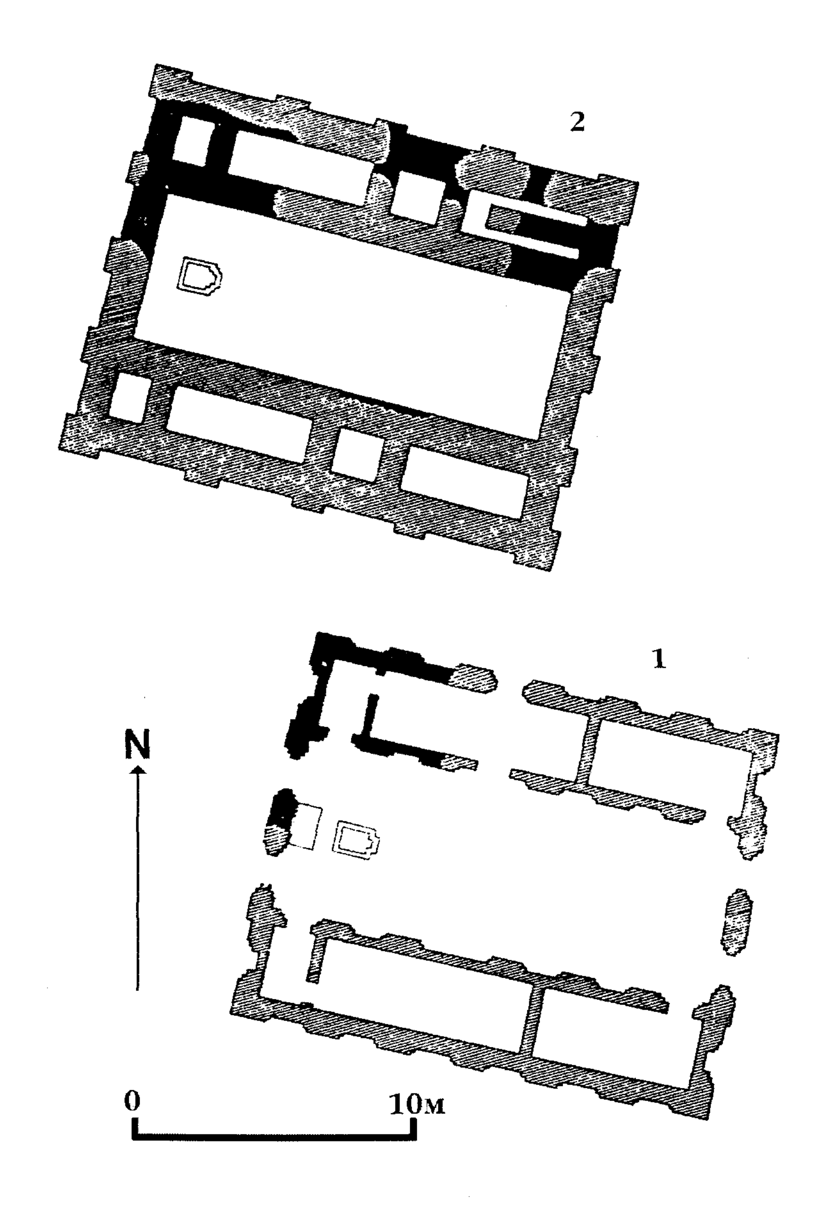

Рис. 89. Урук. Планы Храмов 1 и 2 (по: Roaf, 1984, fig. 3-4).

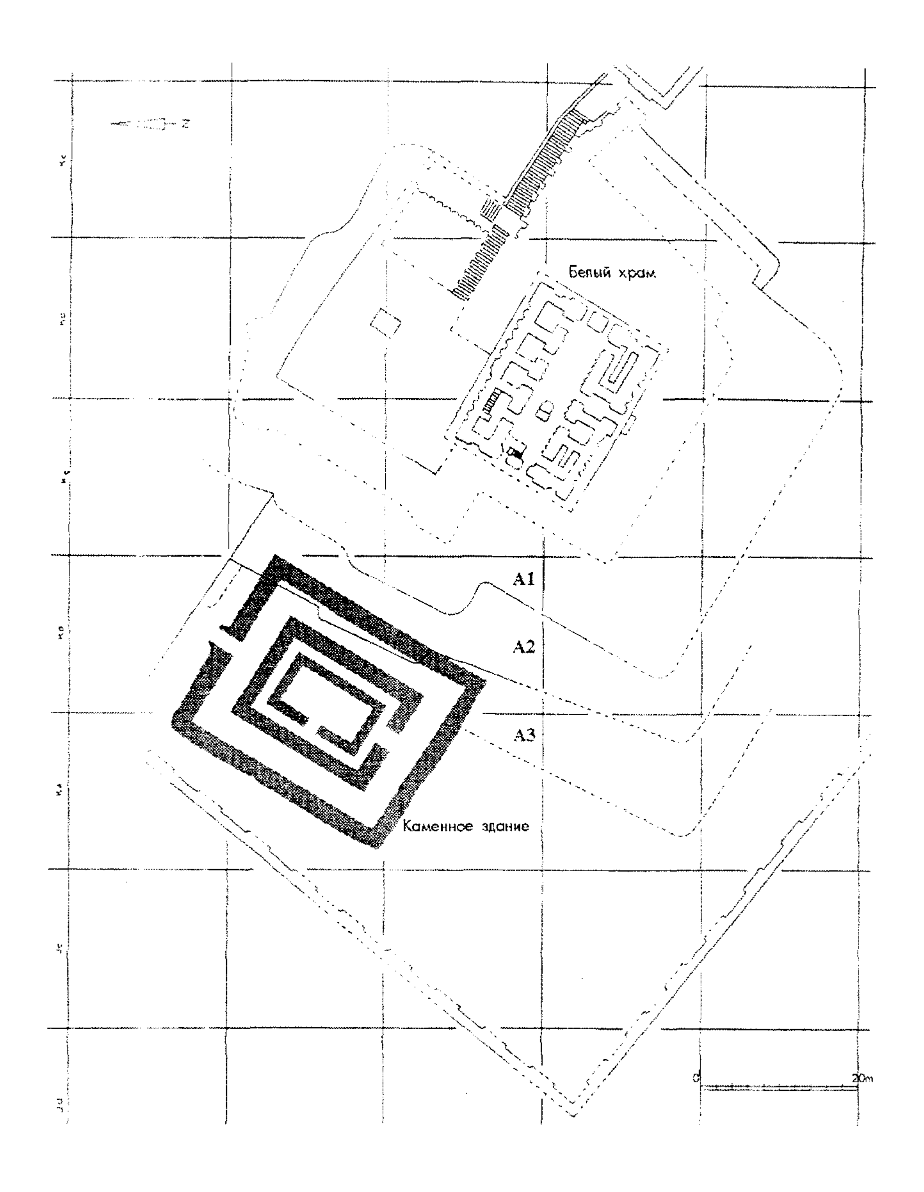

Рис. 90. Урук. План комплекса зиггурата Ану. Белый храм и Каменное здание (по: Forest, 1999, fig. 35).

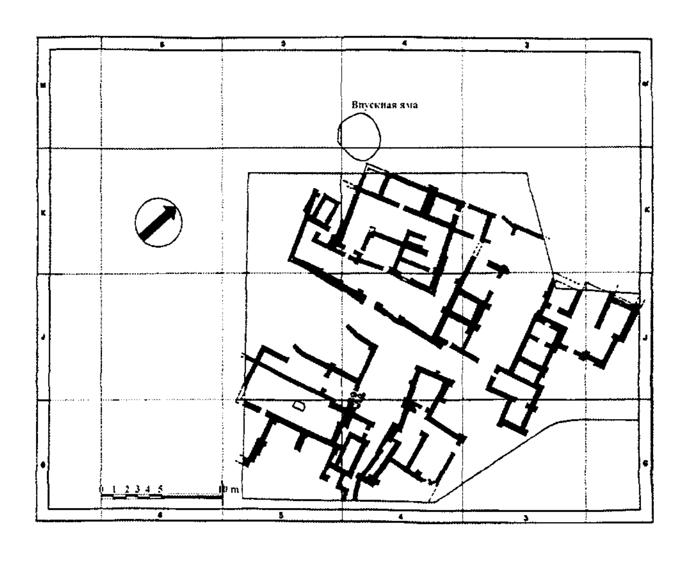

Рис. 91. Тепе Гавра. Уровень XIX (по: Tobler, 1950, pl. XX).

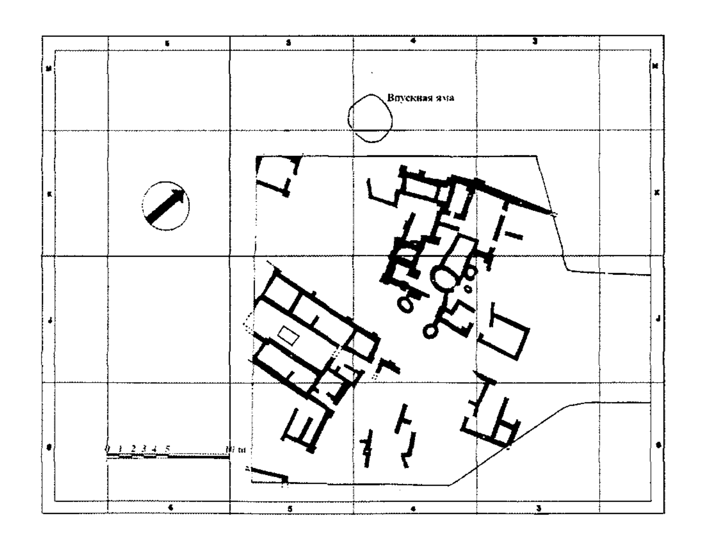

Рис. 92. Тепе Гавра. Уровень XVIII (по: Tobler, 1950, pl. XX).

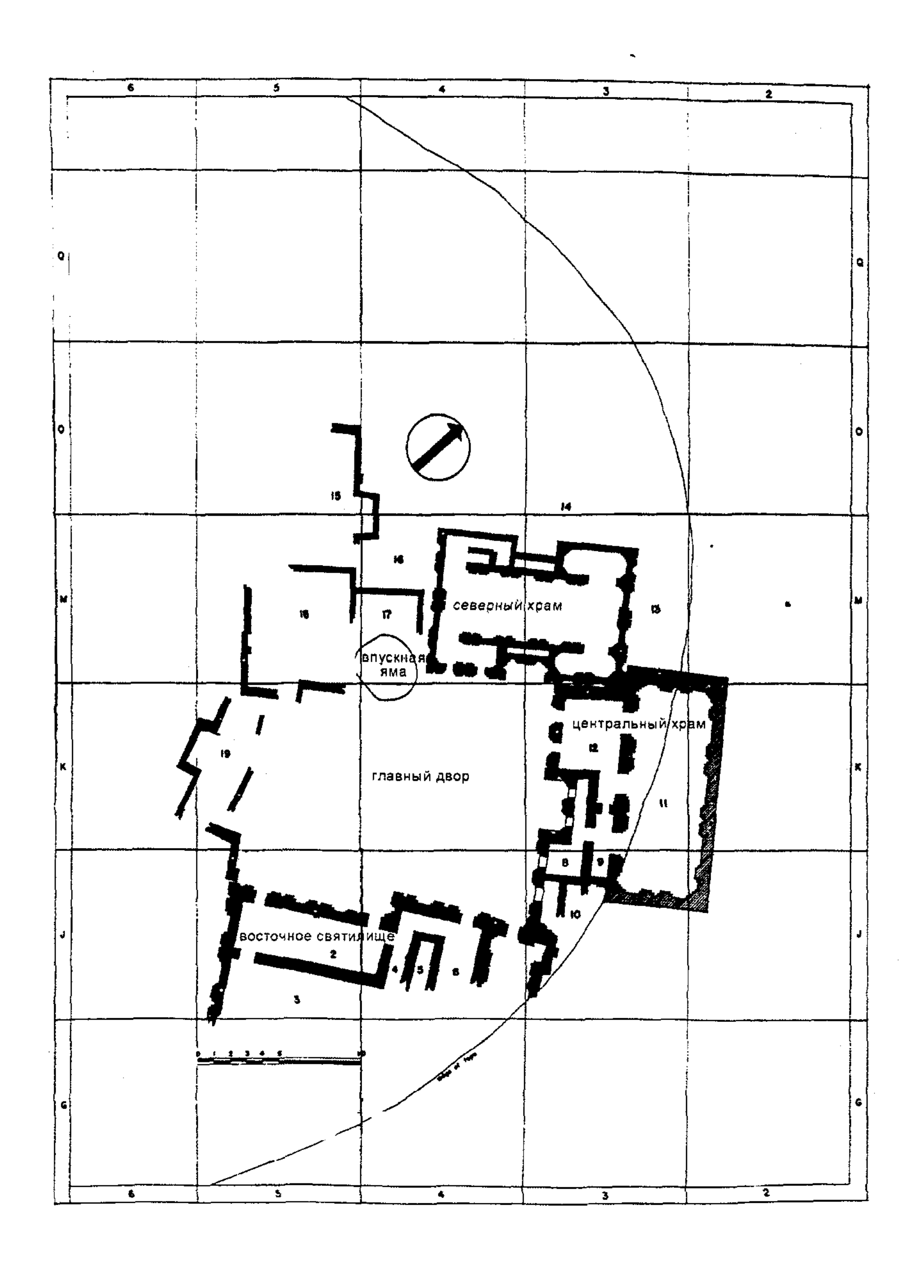

Рис. 93. Тепе Гавра. Уровень XIII (по: Tobler, 1950, pl. XI).

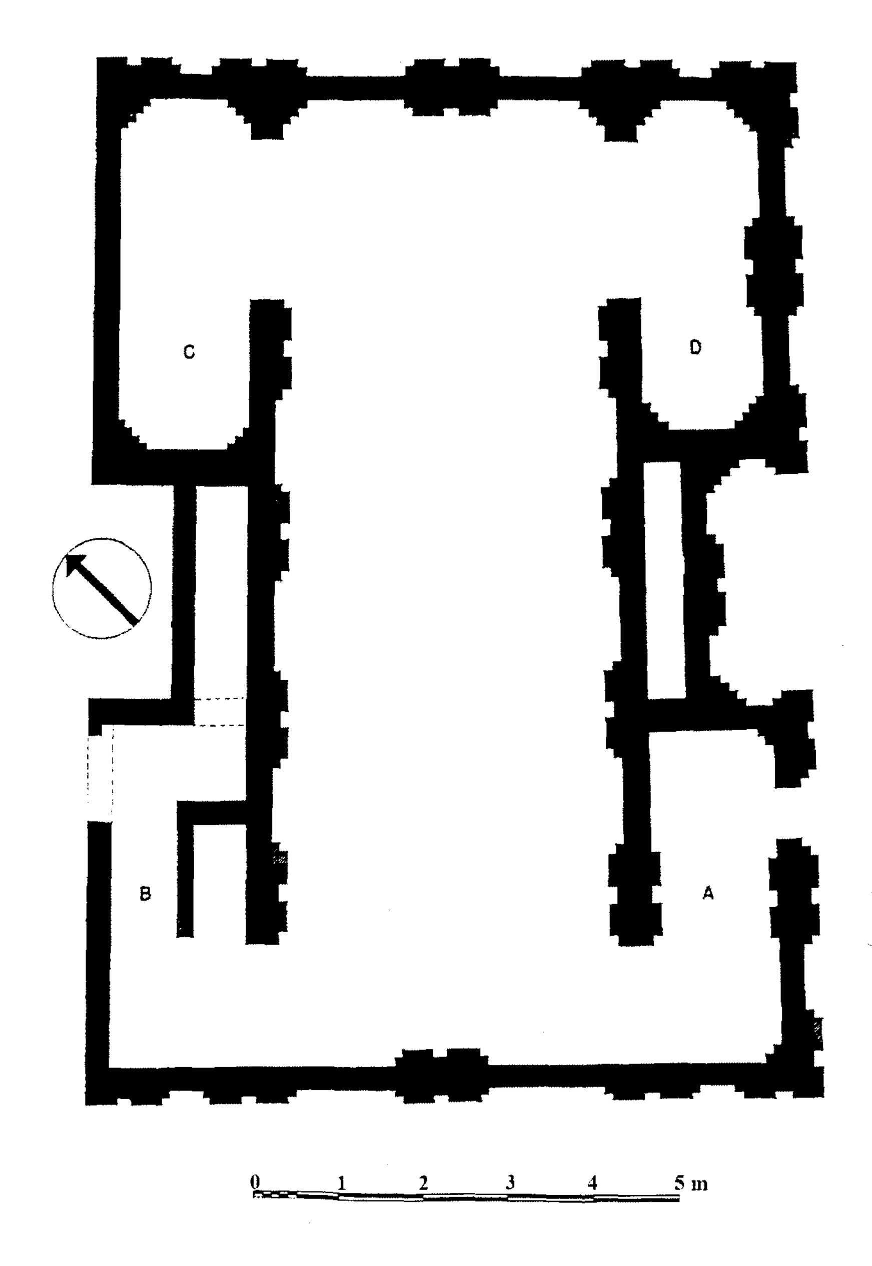

Рис. 94. Тепе Гавра. Уровень XIII. Северный Храм (по: Tobler, 1950, pl. XII).

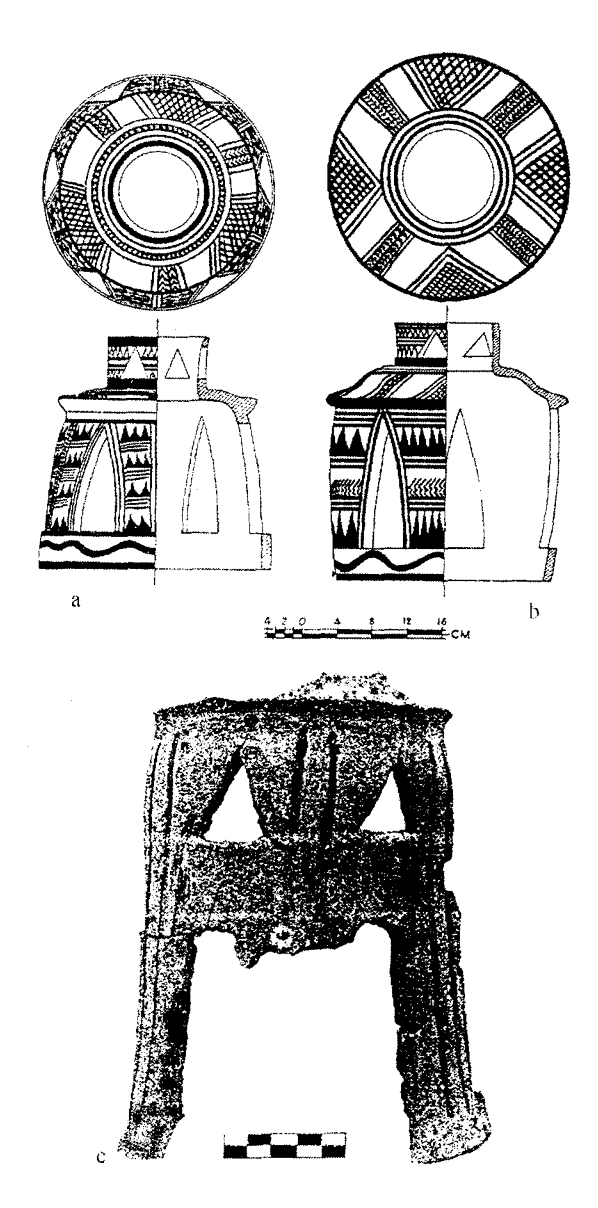

Рис. 95. Курильницы:

a, b – из Эриду: Храм VI, комната 19 (по: Safar et al, 1981, p. 159);
c - из Тепе Гавры: уровень XIII, Восточное святилище, комната №2 (по: Tobler, 1950, pl. XXVIIId).

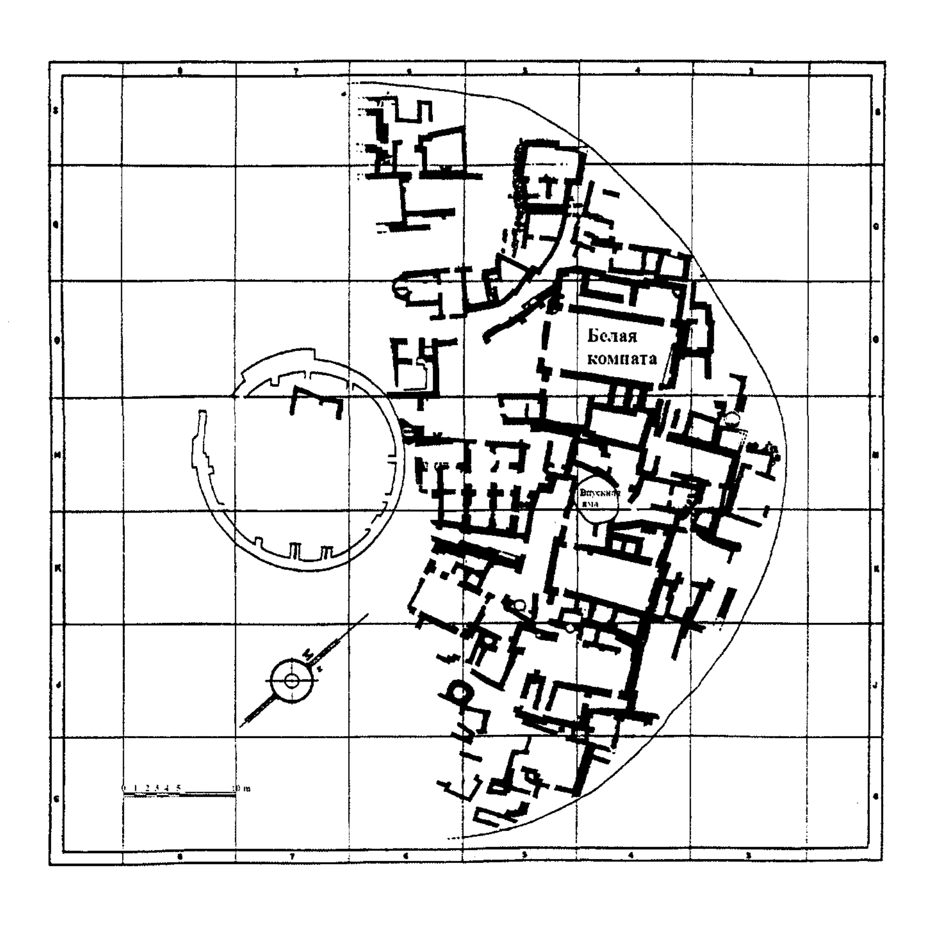
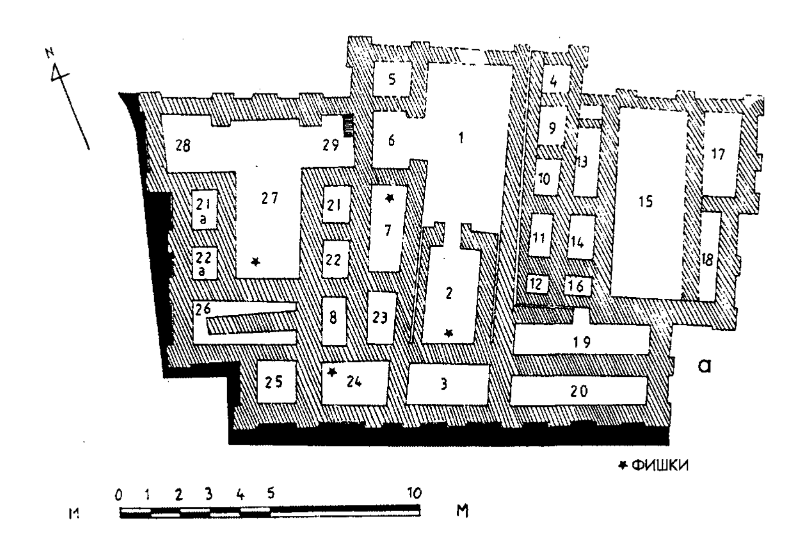

Рис. 96. Тепе Гавра. Уровень XII (по: Tobler, 1950, pl. VIII).

Рис. 97. Телль Абада. Уровень II. Общий план раскопанных построек с отметками мест обнаружения объектов различных категорий (по: Jasim, Oates, 1986, fig. 1).

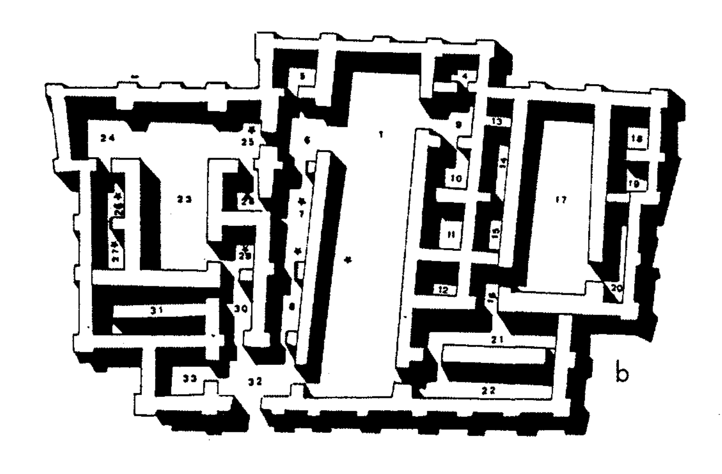

Рис. 98. Телль Абада. Строение А с указанием мест расположения наборов фишек:

а – уровень I;

b – уровень II (по: Jasim, Oates, 1986, fig. 2).

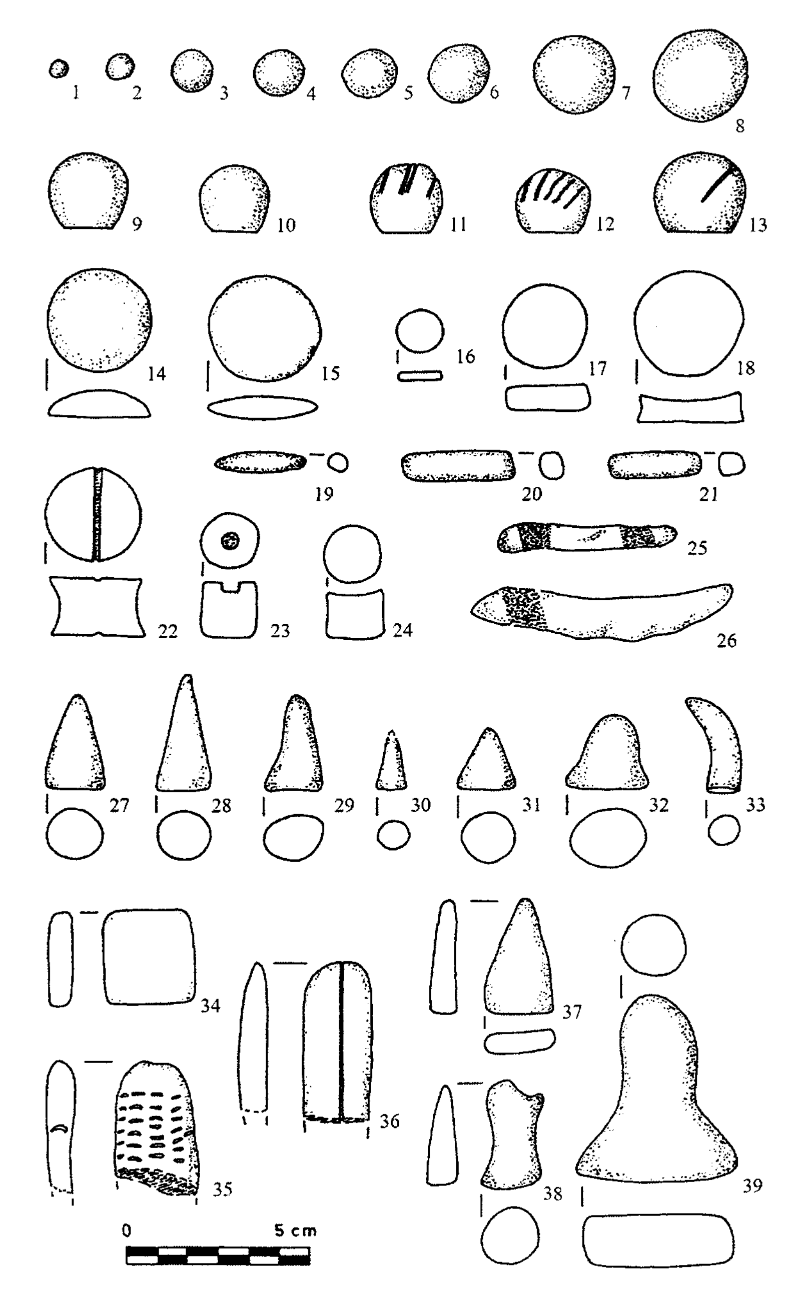

Рис. 99. Телль Абада. Фишки из Строения А (по: Jasim, Oates, 1986, fig. 3).

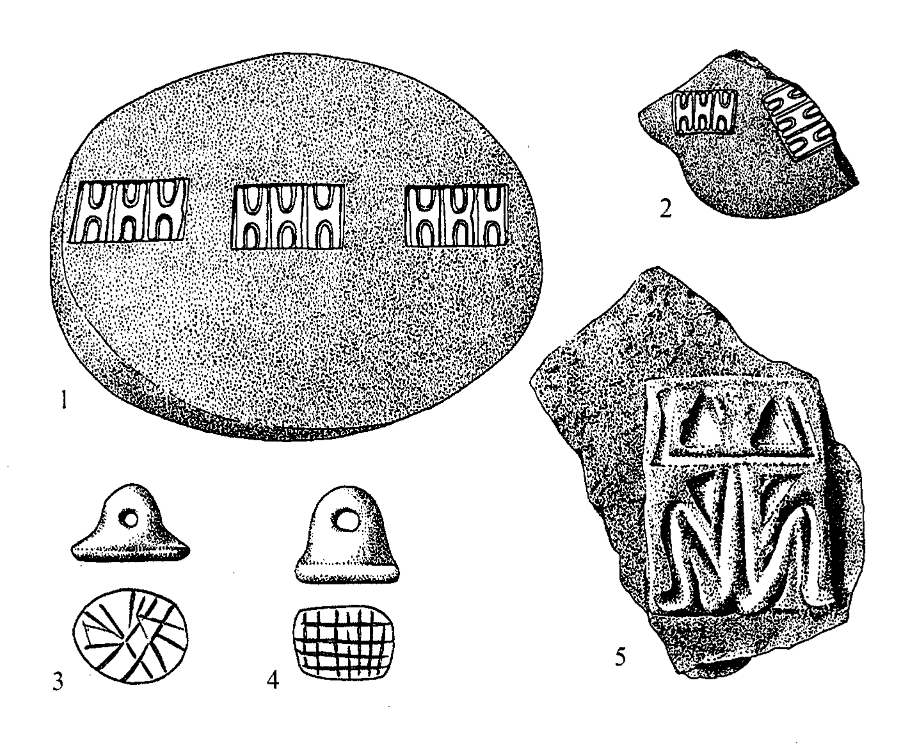

Рис. 100. Самаррские печати и отпечатки печатей из Телль эс-Саввана (по: Wickede, 1990, fig. 49-53).

Рис. 101. Тепе Гавра. Печати и отпечатки печатей из уровня XIII (по: Wickede, 1990, fig. 245-252).

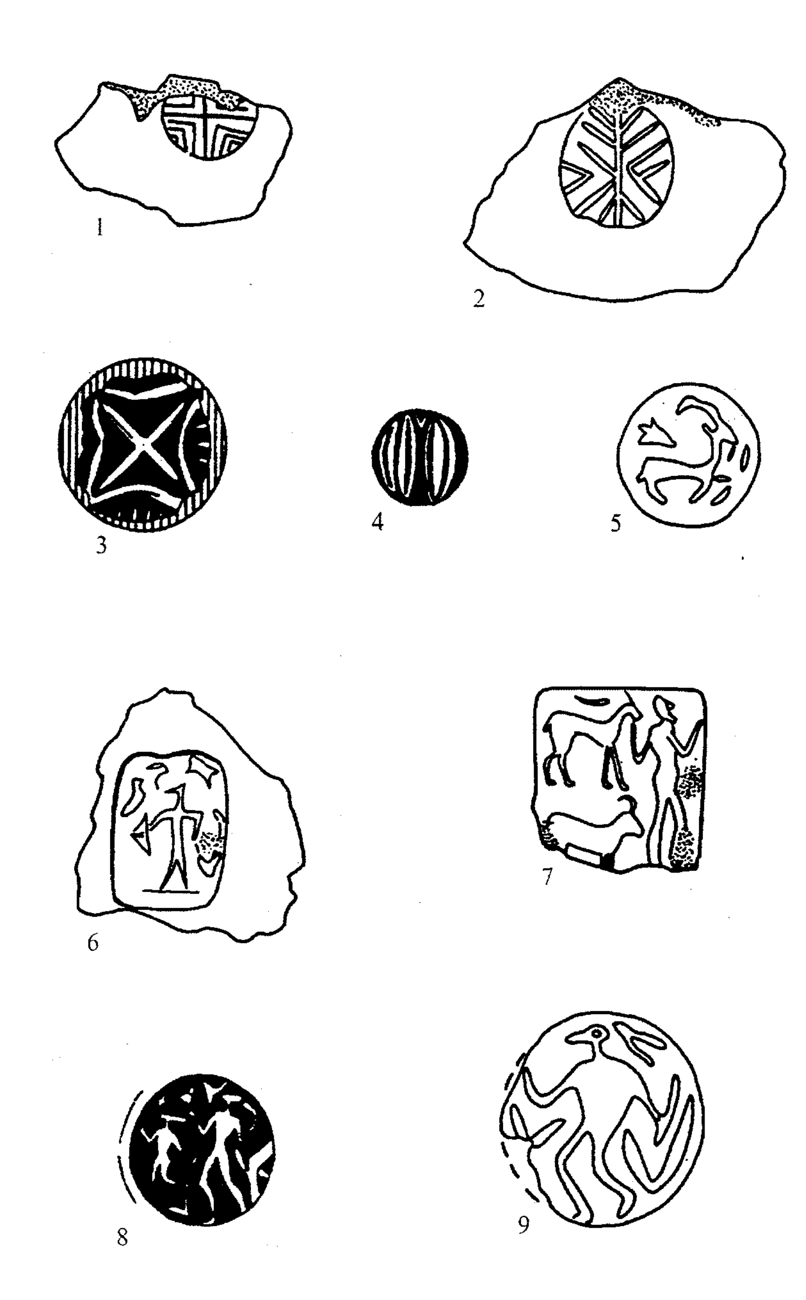

Рис. 102. Тепе Гавра. Печати и отпечатки печатей из уровня XII (?) (по: Wickede, 1990, fig. 262-270).

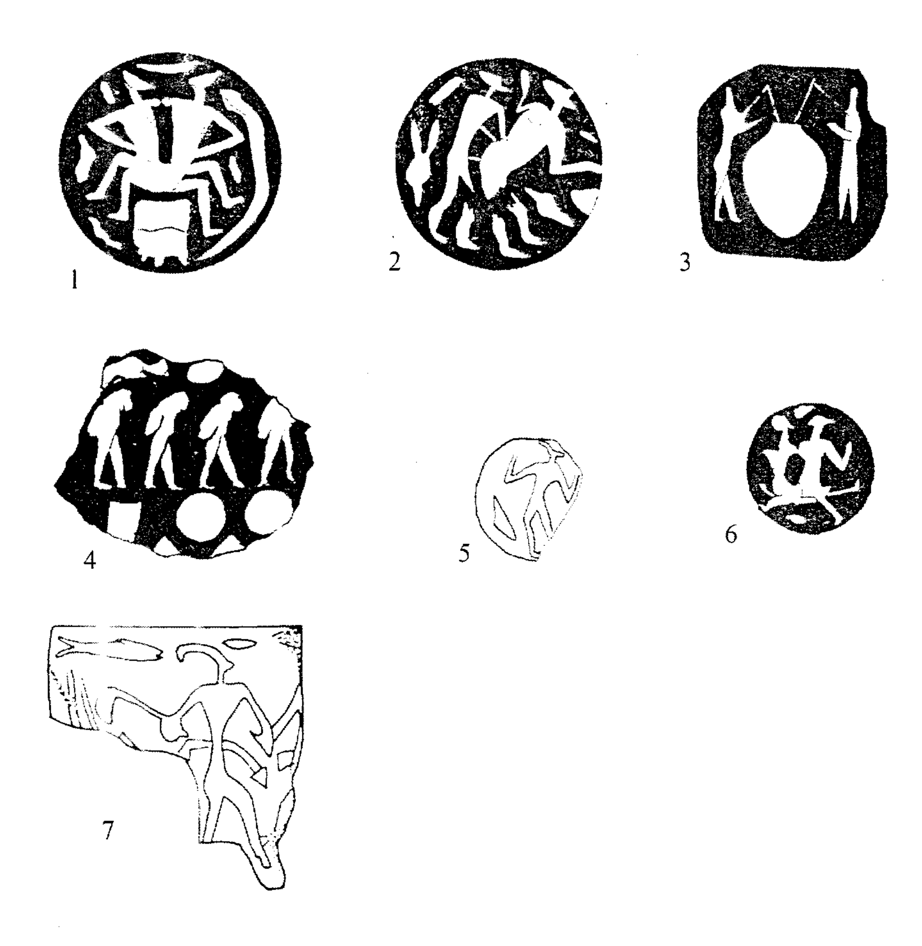

Рис. 103. Тепе Гавра. Отпечатки печатей из уровня XII-XI/X A (?)
(по: Wickede, 1990, fig. 297-304).

Татьяна Владимировна Корниенко

ПЕРВЫЕ ХРАМЫ МЕСОПОТАМИИ

Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки и обработка иллюстраций *И. Н. Граве*
Корректор *И. И. Ханукова*
Оригинал-макет *О. В. Голенская*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»
Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 336-45-32
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

а также книги издательства «Алетейя» в Москве
Вы можете приобрести в следующих магазинах:
Библио-Глобус, ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5.
Тел. (495) 921-58-03
Дом книги «Москва», ул. Тверская, д. 8, стр. 1.
Тел. (495) 629-66-43, 629-73-55
Издательство и магазин «Ад Маргинем». Тел. (495) 951-93-60
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Магазин «Гилея». Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер». Тел. (495) 229-88-21, 504-47-95
Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 25.04.2006. Формат 60×88 1/16.
Усл.-печ. л. 19,1. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 330.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
Издательства СПбГУ, 199061, СПб., Средний пр. В. О., д. 41.

Printed in Russia